

521/311
РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА
ВЪ НАБЛЮДЕНІЯХЪ И СУЖДЕНІЯХЪ ИНОСТРАНЦЕВЪ.

Выпускъ XXXI-й.

Куропаткинъ и его помощники.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

Поученія и выводы
изъ Русско-Японской войны.

Составилъ баронъ фонъ-Меттау, | Съ нѣмецкаго перевелъ
состоявшій во время войны | М. Грулевъ.
при русской арміи.

Часть 2-я.

Отъ Ляояна до Мукдена.

Изданъ В. Березовскимъ

КОМИССИОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ
С.-Петербургъ, Колокольная, 14.

1914.

Содержаніе.

Предисловіе	V
Отъ переводчика	VIII
ГЛАВА VIII. Ляоянь	1
ГЛАВА IX. Шахейское наступленіе	104
ГЛАВА X. Отъ Шахе до Мукдена	226
ГЛАВА XI. Отъ Мукдена до Сыпингая	351
Заключеніе	369

Источниками II-й части служили слѣдующіе русскіе источники:

Русско-Японская война. Трудъ воен.-ист. комиссіи русскаго генеральнаго штаба.

Куропаткинъ. Отчетъ. Ч. IV-я. Итоги войны.

Новицкій (полковникъ генеральнаго штаба). „Отъ Шахе къ Мукдену“ („Отъ наступленія къ оборонѣ“).

Грулевъ (генераль-маіоръ генеральнаго штаба). „Въ штабахъ и на поляхъ Дальняго Востока“. Часть 2-я.

Мартыновъ (командиръ 140-го пѣх. полка). „Воспоминанія командира полка о Русско-Японской войнѣ“.

Соболевъ. „Куропаткинская стратегія“ („Краткія замѣтки бывшаго командира 6-го Сиб. корпуса“).

Баженовъ (генераль-отъ-инфантеріи) „Сандепу—Мукденъ“.

Гриппенбергъ (команд. 2-й Манч. арміей). „Изнанка Сандепу“.

Дружининъ (полковникъ). „Операція у Бенсиху. Бой Шахе—Бенсиху“.

В. А. „Куропаткинъ“.

Свѣшниковъ (полковникъ). „Набѣгъ на Инкоу“.

Предисловіе.

„Итакъ, первое требованіе на войнѣ—
рѣшительность дѣйствій.“

*Германскій уставъ полевой
службы.*

Изложивъ въ I-й части критическую оцѣнку подготовки войны и первыхъ вступительныхъ боевъ, перехожу ко II-й части, заключающей въ себѣ оцѣнку рѣшительныхъ сраженій и тѣхъ причинъ, которыя привели къ пораженіямъ русской арміи. Настоящая часть начинается вступительными боями подъ Ляояномъ отъ 25-го августа и заключаетъ въ себѣ далѣе сраженіе подъ Ляояномъ, сраженіе на Шахе, набѣгъ русской конницы на Инкоу и наиболѣе поучительное сраженіе всей этой войны—подъ Сандену. Послѣдняя рѣшительная борьба подъ Мукденомъ и остальной періодъ до заключенія мира, подробное изслѣдованіе которыхъ должно было бы составить отдѣльный трудъ, изложены въ этой части лишь въ общихъ чертахъ. Это могло быть сдѣлано безъ вреда для настоящей работы, задача которой заключалась въ критическомъ изслѣдованіи причинъ пораженій арміи ген. Куропаткина и въ извлеченіи соотвѣствующихъ выводовъ и поученій, а причины эти остались неизмѣнными отъ начала до конца войны и сводятся главнымъ образомъ къ отсутствію готовности къ самопожертвованію и энергичной дѣятельности и отсутствію среди команднаго состава моральныхъ силъ, обусловливающихъ готовность взять на себя отвѣтственность во всѣхъ случаяхъ. Эти причины исключительно и вызвали всѣ пораженія русской арміи. Въ сраженіи подъ Мукденомъ всѣ эти причины слились вмѣстѣ, и поэтому представляется излишнимъ изслѣдовать эти причины отдѣльно.

Какъ въ отношеніи I-й части моего труда, такъ и при составленіи II-й части, источниками служили, рядомъ съ исторіей русскаго генеральнаго штаба, выдающіеся труды, составленные русскими участниками этой войны. Само собою разумѣется, что я оставался независимымъ отъ рѣшеній и взглядовъ этихъ писателей, такъ какъ эти взгляды вытекали къ сожалѣнію часто изъ оскорбленнаго самолюбія и другихъ мотивовъ личнаго характера, но если приложить нѣкоторую критическую поправку, то изъ этихъ повѣствованій, написанныхъ часто съ удивительной откровенностью, можно себѣ составить весьма яркую картину о характеристикѣ большей части русскихъ начальниковъ и о тѣхъ причинахъ, которыя повели къ пораженіямъ. Наиболѣе поучительными и дѣльными по своему критическому разбору являются труды полк. Новицкаго, которые относятся главнымъ образомъ къ періоду войны отъ сраженія на Шахе до сраженія подъ Мукденомъ. Здравыя сужденія, лишеныя личнаго пристрастія, находимъ также въ воспоминаніяхъ о войнѣ полковника Грулева.

Если въ настоящемъ трудѣ, какъ это и исполнѣ естественно, русская система веденія войны подверглась отрицательной критикѣ, я все же далекъ отъ мысли подчеркнуть этимъ наше превосходство. Уже въ предисловіи къ 1-й части я предостерегалъ отъ самообольщенія, которое послужило бы началомъ гибели. Не для того, чтобы унизить русскую армію, не для того, чтобы обидѣть ея начальниковъ, мы подвергаемъ ихъ дѣятельность критическому анализу, но для того, чтобы намъ самимъ учиться и вдуматься, какъ слѣдовало поступать инымъ образомъ, для того, чтобы провѣрить, стоимъ ли мы сами на вѣрномъ пути или же, быть можетъ, сами бы повторили тѣ же ошибки.

Въ заключительномъ словѣ этого труда я пытался извлечь всѣ уроки этой войны. У насъ нѣтъ никакого повода считать себя выше другихъ. Духъ націи, духъ арміи рѣшаютъ участь войны будущаго. Если мы воспитаніе этихъ свойствъ будемъ считать главной задачей мирнаго времени, то они же въ часъ испытанія поведутъ насъ къ побѣдѣ.

Авторь.

Отъ переводчика.

I-я часть книги барона ф. Теттау въ моемъ переводѣ на русскій языкъ встрѣтила весьма сочувственный откликъ критики и читателей. Настоящая II-я часть этой книги, переводъ которой предлагается вниманію русскихъ читателей, еще по нѣмецкому тексту вызвала въ печати оживленную полемику по вопросу о томъ, заключаетъ ли въ себѣ эта часть оскорбительные для нашей арміи отзывы, какъ это утверждаетъ одинъ изъ рецензентовъ.

Въ настоящую минуту русскій переводъ II-й части находится уже передъ глазами широкихъ круговъ русскихъ читателей, и они сами разберутся въ этомъ вопросѣ. Мнѣ же въ настоящемъ случаѣ хотѣлось бы лишь напомнить то, что мною сказано было въ предисловіи къ I-й части—что по моему крайнему разумѣнію книга эта, по выводамъ и заключеніямъ автора, весьма назидательна для нашей арміи, хотя, строго говоря, подполковникъ Теттау не говоритъ намъ ничего новаго, чего бы задолго до него русскіе военные писатели не повторяли на всѣ лады. Но важно услышать эти выводы отъ свидѣтеля посторонняго и объективнаго.

Во II-й части авторъ широко пользовался русскими источниками, и мнѣ по необходимости пришлось дѣлать сокращенія въ цитируемыхъ имъ текстахъ.

Всѣ даты, попрежнему, оставлены мною, какъ у автора, по новому стилю.

М. Трулевъ.

ГЛАВА VIII.

Ляоянь.

„Если вы собираетесь дать сраженіе, то соберите для этого всѣ свои силы, не пренебрегайте ни однимъ солдатомъ: одинъ батальонъ рѣшаетъ иногда участь сраженія“.

Наполеонъ: „О войнѣ“.

Какъ это было видно выше, послѣ безконечныхъ колебаній командующій русской арміей 23-го августа принялъ рѣшеніе не отступать дальше на Ляоянь, а дать сраженіе на позиціяхъ, занятыхъ у Аньшанчжана, Ляндянсая и Таампина (Анпинъ). Какъ извѣстно, позиціи эти были заняты войсками южной и восточной группы корпусовъ послѣ боевъ 31-го іюля. На этихъ позиціяхъ ген. Куропаткинъ надумалъ принять рѣшительное сраженіе. Больше того, въ своихъ указаніяхъ, данныхъ начальникамъ войскъ на этихъ позиціяхъ, командующій Манчжурской арміей требуетъ дать противнику не только рѣшительный отпоръ, но даже, если окажется возможнымъ, перейти въ наступленіе.

Было ли дѣйствительно такое намѣреніе со стороны ген. Куропаткина проявленіемъ его твердой воли порвать, наконецъ, съ его злосчастной отступательной стратегіей и перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, отъ которыхъ при данной обстановкѣ зависѣла участь всего похода, а также и самой арміи? Дѣйствительно, для побѣды при данной обстановкѣ имѣлись на-

лицо всё условія: являлась полная возможность исправить всё предыдущія ошибки, если бы только это рѣшеніе ген. Куропаткина исходило изъ его твердой воли и способно было вести его дѣйствительно къ отважнымъ дѣйствіямъ. Самъ командующій Манчжурской арміей признавалъ, что условія обстановки благоприятны для перехода въ наступленіе и что наступило время вырвать, наконецъ, инициативу изъ рукъ непріятеля и тѣмъ рѣшить участь войны въ пользу Россіи. Но чтобы дѣйствительно осуществить это свое рѣшеніе, послѣ безконечныхъ колебаній и нерѣшительности въ предшествовавшихъ дѣйствіяхъ, ген. Куропаткину и на этотъ разъ не хватило силы воли примириться съ мыслью о необходимости побѣдить или погибнуть съ честью въ случаѣ неудачи.

Всѣ заботы для обезпеченія успѣха въ предстоящемъ рѣшительномъ сраженіи направлены были не къ тому, чтобы добиться побѣды, но въ гораздо большей степени имѣли цѣлью парализовать вредныя послѣдствія въ случаѣ неудачи. Такимъ образомъ, всё его мѣропріятія и усилія направлены были *не впередъ*, для встрѣчи противника, *а назадъ* — для обезпеченія сообщеній съ Мукденомъ, и эти вотъ заботы о тылѣ парализовали всё его боевые порывы и были причиной пораженія у Ляояна.

Посмотримъ, въ какомъ видѣ представляется обстановка 23-го августа, т. е. въ тотъ день, когда ген. Куропаткинъ принялъ твердое рѣшеніе дать сраженіе на позиціяхъ у Аньшанчжана, Ляндянсая и Таампина. Послѣ боевъ 31-го іюля, вслѣдъ за которыми русскія войска вынуждены были отступить на упомянутыя выше позиціи, прошло 3 недѣли въ полномъ спокойствіи. Сильные дожди, выпадавшіе все это время, превратившіе ничтожные горные ручьи въ стремительные потоки, препятствовали японцамъ продолжать свое наступленіе къ Ляояну и использовать результаты побѣдъ, одержанныхъ ими въ предшествовавшихъ бояхъ.

Обстоятельство это дало возможность русскимъ войскамъ надлежащимъ образомъ возстановить всё свои силы, оправиться послѣ нанесенныхъ имъ поражений и безъ помѣхи со стороны противника занять укрѣпленныя позиціи у Аньшанчжана, Лян-

дансая и Таампина, надъ усиленіемъ которыхъ работали еще съ самаго начала войны. На этихъ позиціяхъ расположено было 5 корпусовъ, съ общимъ составомъ въ 115 батальоновъ, т. е. силы, равныя всѣмъ японскимъ войскамъ, находившимся въ то время на театрѣ войны. Кромѣ того, русскій командующій арміей имѣлъ еще въ своемъ распоряженіи резервъ силою около 76 батальоновъ¹⁾, тогда какъ японцы не могли рассчитывать ни на какія подкрѣпленія. За все это время японскія арміи подкрѣплены были только небольшими резервными командами, тогда какъ съ русской стороны по желѣзной дорогѣ безпрерывно подвозились войска изъ Европейской Россіи. Такъ, 23-го августа сосредоточился на театрѣ войны весь 5-й Сибирскій корпусъ, въ составѣ 32 батальоновъ, и въ то же время въ Харбинъ прибывали уже головные эшелоны 1-го армейскаго корпуса.

Въ общемъ, боевыя силы русской арміи къ 23-му августа составляли 191½ пѣхотныхъ батальоновъ, 149 эскадроновъ и сотенъ (не считая, кромѣ того, 42 охотничьихъ командъ) 671 орудіе (въ томъ числѣ 28 осадныхъ) и 6 саперныхъ батальоновъ; кромѣ того, имѣлись еще на этапной службѣ и въ гарнизонахъ 16 батальоновъ и 7 сотенъ. Противъ этихъ войскъ японцы могли противопоставить 115 батальоновъ, 33 эскадрона, 464 орудія и 8 піонерныхъ батальоновъ. Эти силы японцевъ были расположены на театрѣ войны въ двухъ группахъ: одна группа (1-я армія) между перевалами Япулинъ и Янзелинъ; вторая группа (4-я и 2-я арміи) по обѣ стороны желѣзной дороги, между Файшаномъ и Ньючваномъ. Такимъ образомъ, обѣ эти группы были раздѣлены обширнымъ пространствомъ въ 50 слишкомъ километровъ гористой мѣстности, почти лишенной дорогъ; такъ что о взаимной поддержкѣ между этими группами во время сраженія не могло быть и рѣчи.

Правда, также и съ русской стороны была довольно затруднительна взаимная поддержка между восточной группой (10-й армейскій и 3-й Сибирскій корпуса), расположенной между

¹⁾ 17-й арм. корпусъ, 5-й Сиб. корпусъ и по одному полку отъ 1-го и 4-го Сиб. корпусовъ и часть 1-й Спб. пѣх. дивизіи.

Тайдзыхе и Кофындзы съ одной стороны, и южной группой (2-й, 4-й и 1-й Сибирскіе корпуса), расположенной у Аньшанчжана съ другой стороны. Но этотъ разрывъ между двумя группами русскихъ войскъ не превышалъ и 20 километровъ, притомъ же ген. Куропаткинъ имѣлъ возможность парализовать этотъ разрывъ тѣмъ, что онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи сильный резервъ, который въ теченіе 1—2 дней могъ быть переброшенъ для поддержки любой изъ этихъ группъ.

Въ исторіи русскаго генеральнаго штаба признается, что, „въ случаѣ наступленія японцевъ, всѣ выгоды обстановки были на сторонѣ нашей арміи“, и поэтому можно было рассчитывать, что „японская армія разобьется вполнѣ объ упорство и стойкость нашихъ войскъ, расположенныхъ притомъ на укрѣпленной позиціи, усиленной многими искусственными препятствіями“. Но этого мало: можно утверждать даже, что если бы со стороны русской арміи, при данной обстановкѣ, предпринято было наступленіе съ достаточной энергіей и настойчивостью, то оно непременно привело бы къ побѣдѣ. Для этого достаточно было бы, если бы войска южной группы на своей позиціи, укрѣпившейся еще съ начала войны, оказали надлежащее сопротивление 2-й и 4-й японскимъ арміямъ. Это дало бы возможность ген. Куропаткину со 120-ю батальонами атаковать 1-ю японскую армію Куроки, насчитывавшую всего лишь 42 батальона, что неизбежно должно было бы привести къ уничтоженію этой арміи. Если же ген. Куропаткинъ не рѣшался предпринимать наступательныя дѣйствія въ гористыхъ мѣстахъ, въ виду отсутствія горной артиллеріи ¹⁾, несоответствія войсковыхъ обозовъ и проч., то онъ имѣлъ полную возможность съ двойными силами двинуться въ наступленіе противъ 2-й и 4-й японскихъ армій, расположенныхъ въ равнинной мѣстности къ западу отъ желѣзной дороги, противъ которыхъ командующій Манчжурской арміей могъ направить двойныя силы пѣхоты и болѣе чѣмъ въ 5 разъ болѣе многочисленную кон-

¹⁾ Въ числѣ 671 орудія Манчжурской арміи имѣлось всего лишь 27 горныхъ, тогда какъ у японцевъ въ числѣ 464 орудій имѣлось 180 горныхъ.

ницу, не считая конно-охотничьихъ командъ, которыя давали ему даже шестерное превосходство въ силахъ кавалеріи.

Какія же были причины тому, что, при всемъ томъ, ген. Куропаткинъ никакъ не рѣшался использовать свое значительное превосходство въ силахъ, не отваживаясь на какое бы то ни было энергичное рѣшеніе, и тѣмъ доставить своимъ войскамъ побѣду, которая подъ Ляояномъ прямо давалась въ руки? Главной причиной, какъ это было во все время въ первый періодъ войны, было преувеличеніе силъ противника, недостаточное довѣріе къ собственнымъ силамъ и вытекающее отсюда опасеніе за всякія возможныя послѣдствія въ случаѣ принятія какого-нибудь смѣлаго рѣшенія, а также постоянныя чрезмѣрныя заботы о флангахъ, тылѣ и т. п.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ на имя своего начальника штаба Бертье Наполеонъ указываетъ: „не найдется такого военнаго человѣка, который, воюя съ непріателемъ гъ теченіе хотя бы только шести мѣсяцевъ, не могъ бы уяснить себѣ, что не слѣдуетъ довѣряться всякимъ донесеніямъ, въ особенности такимъ, въ которыхъ силы противника представляются въ преувеличенномъ видѣ“. Ген. Куропаткинъ воевалъ съ японцами въ теченіе уже свыше шести мѣсяцевъ и тѣмъ не менѣе никакъ не могъ удержаться отъ того, чтобы не давать вѣры всякимъ донесеніямъ подобнаго рода. Дѣло въ томъ, что развѣдывательное отдѣленіе штаба ген. Куропаткина пользовалось недостоверными сообщеніями разныхъ агентовъ и китайскихъ шпионовъ и въ своихъ „сводкахъ“ силы японцевъ представляло все въ преувеличенномъ видѣ¹⁾. Самъ ген. Куропаткинъ оцѣнивалъ силы японцевъ въ 160 — 180 батальоновъ, свыше 500 орудій и около 50 эскадроновъ, при чемъ онъ полагалъ, что перевѣсъ на русской сторонѣ въ числѣ батальоновъ уравнивался болѣе сильнымъ составомъ японскихъ батальоновъ. Но если даже принять во вниманіе эту преувели-

¹⁾ Согласно свѣдѣніямъ развѣд. отд. отъ 23-го августа, силы японцевъ опредѣлялись въ 206 батальоновъ, 55 эскадроновъ и 576 орудій. Въ долину Сидая, гдѣ расположена была только японская застава, насчитали три дивизіи. Вообще эти „сводки“ играли большую роль, особенно въ концѣ войны.

ченную оцѣнку силъ противника, не соответствующую дѣйствительности, то все же ген. Куропаткинъ располагалъ болѣе превосходными силами, благодаря ихъ сосредоточенному положенію и безспорному тройному и четверному превосходству въ численности кавалеріи, а также благодаря значительному перевѣсу въ числѣ орудій.

Было бы понятно, если бы ген. Куропаткинъ, при своей преувеличенной оцѣнкѣ силъ непріятеля, остался при своемъ первоначальномъ намѣреніи принять рѣшительное сраженіе у Ляояна, а не на занятыхъ имъ теперь позиціяхъ, для того, чтобы выждать сперва прибытіе 1-го армейскаго корпуса и тѣмъ обезпечить себѣ безспорное превосходство въ силахъ. Но если же онъ рѣшилъ отказаться отъ этого намѣренія, предпочитая принять рѣшительное сраженіе на занятыхъ позиціяхъ, что вполнѣ соответствовало данной обстановкѣ, то его ближайшей обязанностью было стянуть сюда все свои силы, безъ всякихъ опасеній и думъ о пораженіи. Побѣда тогда была бы обезпечена.

Наполеонъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Мнѣ обыкновенно приписываютъ больше военныхъ талантовъ, чѣмъ моимъ противникамъ, тѣмъ не менѣе, наканунѣ каждаго сраженія съ моими противниками, которымъ я привыкъ наносить пораженія, я все же постоянно сомнѣваюсь, достаточно ли у меня имѣется войскъ, и не пренебрегаю поэтому никакими малыми силами, которыя я могу притянуть“. Ген. Куропаткинъ относился съ пренебреженіемъ къ этому основному принципу военного искусства, точно также какъ и ко многимъ другимъ важнымъ требованіямъ военного дѣла, которыя въ свое время ему указаны были Скобелевымъ и признаны также самимъ Куропаткинымъ, а именно: передъ рѣшительнымъ сраженіемъ отнюдь не задаваться излишними заботами о сообщеніяхъ и флангахъ, потому что „въ случаѣ побѣды никто въ тылу не посмѣетъ шевельнуться“...

Командующій Манчжурской арміей питалъ все постоянныя опасенія, что японцы могутъ частью 1-й арміи переправиться черезъ Тайдыхе со стороны Сихояна на правый берегъ этой рѣки и двинуться въ тылъ Манчжурской арміи,

на Ляоянь или даже далѣе на Мукденъ. Мы видѣли уже выше, при обзорѣ событій перваго періода войны, что русскіе военачальники постоянно опасались не только подлинныхъ обходовъ или охватовъ, но даже одной возможности такихъ маневровъ со стороны противника: они постоянно видѣли въ этомъ опасность, главнымъ образомъ, для самихъ себя, но не для противника, упуская изъ виду, что непріятель при разброскѣ силъ во время такихъ обходовъ самъ подвергается опасности еще большей. Если бы со стороны японцевъ дѣйствительно былъ предпринятъ такой обходъ черезъ Тайдзыхе, который не могъ остаться незамѣченнымъ для расположенныхъ на Тайдзыхе казаковъ, то такой маневръ со стороны японцевъ долженъ былъ бы русскому полководцу дать только наилучшій поводъ безъ замедленія наброситься со всѣми своими войсками на тѣ части японцевъ, которыя остались на южномъ берегу рѣки, и подвергнуть ихъ полному уничтоженію. Такъ что, казалось бы, переходъ японцевъ на правый берегъ Тайдзыхе долженъ былъ служить ген. Куропаткину надежнѣйшимъ залогомъ побѣды надъ раздѣленными и ослабленными силами противника, а послѣ пораженія, нанесеннаго непріятелю, никакихъ опасеній за сообщенія въ тылу уже быть, конечно, не могло, потому что „побѣда опять все исправить“, по выраженію Скобелева.

Но дѣло въ томъ, что японцы въ данное время совершенно не думали объ обходахъ. Оставаясь вѣрными основному принципу военнаго искусства, что въ единеніи сила, а въ раздѣленіи силъ кроется слабость, японцы всемѣрно воздерживались отъ всякой разброски своихъ войскъ. Если бы японцы въ то время дѣйствительно знали хорошо своего противника, что съ его стороны нѣтъ надобности опасаться какой бы то ни было инициативы, то, можетъ быть, тогда уже они рѣшились бы на обходъ русской арміи посредствомъ переправы черезъ Тайдзыхе съ цѣлью направить 1-ю японскую армію на Мукденъ и тѣмъ отрѣзать Манчжурской арміи путь отступленія. Но японцы не въ правѣ были разсчитывать въ то время на такую пассивность своего противника. Къ такому сознанію они пришли только послѣ боевъ 26-го—30-го августа. Такъ что, принимая

во вниманіе обстановку того времени, надо признать, что японцы дѣйствовали вполне сообразно съ этой обстановкой, держа свои войска сосредоточенными на южномъ берегу Тай-дзыхе въ ожиданіи рѣшительнаго сраженія.

Совсѣмъ иначе дѣйствовалъ ген. Куропаткинъ. Одна возможность обхода со стороны противника внушала уже ему опасенія относительно его сообщеній настолько, что онъ свой сильный резервъ, вмѣсто того, чтобы притянуть поближе въ виду рѣшительнаго сраженія и держать здѣсь сосредоточеннымъ, разбросалъ по всѣмъ направлениамъ для прикрытія своихъ фланговъ и тыла.

То обстоятельство, что русская Манчжурская армія послѣ пораженія, нанесеннаго ей подъ Ляояномъ, отступила не разстроенной, сохранивъ внѣшній порядокъ, послужило къ тому, что ген. Куропаткину стали приписывать какой-то особый талантъ „мастера отступательныхъ походовъ“. Такое признаніе за ген. Куропаткинымъ, не сумѣвшимъ проявить талантливость въ бояхъ съ противникомъ и не пользовавшимся особымъ счастьемъ войны, какого-то особеннаго таланта предохраненія своихъ войскъ отъ разстройства послѣ полученныхъ пораженій, кроется главнымъ образомъ въ превратномъ пониманіи обстановки, какъ мы это увидимъ ниже, при разборѣ отступленія послѣ Мукдена, такъ и въ настоящемъ случаѣ, послѣ сраженія у Ляояна. Но независимо отъ характеристики обстановки, развѣ достоинъ полководецъ какой-нибудь хвалы, если всѣ его мысли до сраженія направлены были не на уничтоженіе противника, не на достиженіе побѣды, которая такъ легко давалась въ руки, а на обезпеченіе своего тыла и фланговъ, такой полководецъ, который вмѣсто проявленія твердой воли съ рѣшимостью побѣдить или погибнуть, лишь бы одержать побѣду надъ непріателемъ и тѣмъ рѣшить участь всей войны, довольствуется вдругъ сомнительной славой „отступленія въ порядкѣ?..“

Въ своихъ заботахъ объ обезпеченіи сообщеній командуяцій Манчжурской арміей еще до прибытія 5-го Сибирскаго корпуса разбросалъ большую часть 17-го армейскаго корпуса, входившаго въ составъ его резерва, для прикрытія лѣваго

фланга арміи. 5-го августа ген. Куропаткинъ отправилъ 2-ю бригаду 35-й пѣхотной дивизіи (бригада ген. Гласко) по желѣзной дорогѣ прямо въ Мукденъ для прикрытія этой столицы Манчжуріи, несмотря даже на то, что, помимо того, этотъ городъ уже былъ занятъ 5-ю батальонами для ближайшей его обороны противъ возможной атаки со стороны арміи Куроки. Въ этомъ городѣ, гдѣ находилась главная квартира намѣстника, были сильно удивлены прибытіемъ этой бригады, потому что тамъ не видѣли никакой опасности, угрожающей Мукдену. 2 полка 3-й пѣхотной дивизіи (9-й и 12-й) вмѣстѣ съ 52-мъ драгунскимъ полкомъ и 5^{1/2} батареями (44 орудія) подъ начальствомъ начальника 3-й пѣхотной дивизіи ген. Янжула, отправлены были на сѣверный берегъ рѣки Тайдзыхе въ районъ Сахутуня, чтобы прикрыть Ляоянъ со стороны возможнаго движенія японцевъ по направленію на Бенсиху. 3-й полкъ 3-й дивизіи (11 Псковскій) подъ начальствомъ его командира полковника Грулева, которому приданъ былъ также Дагестанскій конный полкъ и полубатарея 3-й бригады, направлены были еще далѣе на 35 километровъ вверхъ по Тайдзыхе къ самому Бенсиху. Здѣсь къ отряду полковника Грулева присоединенъ былъ еще небольшой отрядъ подполковника Шестакова, который расположенъ былъ здѣсь съ той же цѣлью предотвратить возможность переправы японцевъ черезъ Тайдзыхе. Всѣ эти войска, а также еще и другія казачьи войска ген. Любавина, расположенныя еще восточнѣе Бенсиху, не имѣли противъ себя почти никакихъ войскъ японскихъ, не считая слабыхъ карауловъ и заставъ, которые выставлены были на лѣвомъ берегу рѣки Тайдзыхе. Такимъ образомъ всѣхъ войскъ 17-го армейскаго корпуса у Ляояна оставалось только 1-я бригада 35-й пѣхотной дивизіи и 10-й полкъ 3-й дивизіи, которые заняты были работами по укрѣпленію позицій около этого пункта.

Командиръ 17-го корпуса генералъ-отъ-кавалеріи баронъ Бильдерлингъ вечеромъ 31-го іюля, когда извѣстно стало о пораженіи, нанесенномъ войскамъ 10-го армейскаго корпуса и восточнаго отряда (переименованнаго затѣмъ въ 3-й Сибирскій корпусъ), у Ляогуанлина и Тавуана, назначенъ былъ на-

чальникомъ войскъ восточной группы; въ составъ этихъ войскъ вошли: 3-й Сибирскій корпусъ, 10-й армейскій и отрядъ Янжула изъ войскъ 17-го корпуса. Войска же южной группы подчинены были командующему 4-мъ Сибирскимъ корпусомъ ген. Зарубаеву. Такое объединеніе войсковыхъ группъ подъ общимъ начальствомъ двухъ отдѣльныхъ генераловъ вполне соответствовало настоятельной необходимости. Уже въ это время на театрѣ войны находилось 7 армейскихъ корпусовъ, нѣсколько кавалерійскихъ дивизій и много отдѣльныхъ самостоятельныхъ отрядовъ. Кромѣ того, прибывали войска еще одного армейскаго корпуса (1-го) и ожидалось отправленіе изъ Европейской Россіи еще 2 корпусовъ, которыхъ ген. Куропаткинъ требовалъ для усиленія Манчжурской арміи. Непосредственное руководство дѣйствіями всѣхъ этихъ войсковыхъ частей, которыхъ ген. Куропаткинъ ежедневно надѣлялъ своими личными указаніями, дѣлають высокую честь работоспособности командующаго Манчжурской арміей; но въ этихъ безконечныхъ заботахъ о различныхъ второстепенныхъ дѣйствіяхъ, указаніяхъ и распоряженіяхъ ген. Куропаткинъ постоянно упускалъ изъ виду, какъ мы это видѣли выше, главную цѣль. Поэтому было вполне цѣлесообразно въ данное время сгруппировать всѣ силы на театрѣ войны подъ начальствомъ двухъ старшихъ генераловъ.

Но такая группировка войсковыхъ частей на театрѣ войны была бы вполне цѣлесообразна, если бы только дѣйствія начальниковъ этихъ группъ направлялись посредствомъ общихъ директивъ, предоставивъ во всемъ остальномъ этимъ начальникамъ полную свободу дѣйствій. Но этого не было на самомъ дѣлѣ. Какъ до организаціи этихъ войсковыхъ группъ, ген. Куропаткинъ продолжалъ попрежнему давать отдѣльные указанія непосредственно командирамъ корпусовъ и другимъ войсковымъ начальникамъ, минуя начальниковъ группъ, такъ что о непосредственномъ вліяніи на ходъ дѣйствій со стороны генераловъ Бильдерлинга и Зарубаева не могло быть поѣтому и рѣчи. Такимъ образомъ образованіе двухъ войсковыхъ группъ съ отдѣльными начальниками—существованіе которыхъ было притомъ довольно непродолжительно—повлекло лишь за собою

неясность въ командномъ отношеніи и частую путаницу и недоразумѣнія въ дѣйствіяхъ.

При организаціи упомянутыхъ войсковыхъ группъ генералу Бильдерлингу подчинены были войска, не только входившія въ составъ восточной группы, но также и части войскъ, принадлежавшія его собственному 17-му корпусу, которыя вопреки его желанію были разбросаны на обширномъ пространствѣ между Ляояномъ, Бенсиху и Мукденомъ для прикрытія тыла и фланговъ. Возраженія, представленныя ген. Бильдерлингомъ командующему арміей, что на него возлагается исполненіе двухъ задачъ—командованіе войсками восточной группы и прикрытіе тыловыхъ сообщеній,—оставлены были ген. Куропаткинымъ безъ вниманія.

Въ срединѣ августа прибыли на театръ войны войска 5-го Сибирскаго корпуса. Послѣднія части этого корпуса высадились къ началу передовыхъ боевъ подъ Ляояномъ. Но вмѣсто того, чтобы, въ виду предстоявшаго рѣшительнаго сраженія, притянуть всѣ войска этого корпуса къ мѣсту боя, ген. Куропаткинъ распорядился высадить войска этого корпуса въ Мукденѣ, все въ виду его постоянныхъ заботъ объ обезпеченіи тыла. Бригада ген. Гласко отъ 17-го корпуса, смѣненная въ Мукденѣ войсками 5-го корпуса, была послѣ того притянута къ Ляояну; но зато теперь разбросаны были по разнымъ направленіямъ войска 5-го корпуса, которымъ вмѣнена была задача прикрытія дорогъ, ведущихъ къ Мукдену. Такъ, отъ 54-й дивизіи направленъ былъ 24-го августа 213-й полкъ изъ Мукдена въ Бенсиху для смѣны отряда полковника Грулева; другой полкъ (214-й) съ 1 батареей подъ начальствомъ ген. Петерова направленъ былъ на Далинскій переваль, въ 75 километрахъ къ юго-востоку отъ Мукдена, а также на Синминтинъ; 2-я бригада этой дивизіи (полки 215-й и 216-й), подъ начальствомъ начальника дивизіи ген. Орлова, выдвинута была къ желѣзнодорожной станціи Шахе съ цѣлью прикрыть сообщеніе между Ляояномъ и Мукденомъ. Не довольствуясь этимъ, ген. Куропаткинъ опасался обхода японцевъ не только съ востока, но также и съ запада, со стороны Монголіи. Несмотря на то, что тамъ уже находился Ляохейскій

отрядъ, прикрывавшій тылъ съ этой стороны, ген. Куропаткинъ направилъ туда еще одинъ полкъ (281-й) отъ 71-й дивизіи съ одной батареей, на Синминтинъ. По выраженію Наполеона „одинъ батальонъ иногда рѣшаетъ участь сраженія“, но ген. Куропаткинъ пренебрегалъ даже цѣлыми корпусами, потому что, сомнѣваясь въ побѣдѣ, онъ главную свою заботу возлагалъ на необходимость обезпечить себѣ пути отступленія, вмѣсто того, чтобы сосредоточить всѣ силы для рѣшительнаго удара. Онъ забылъ, повидимому, старую истину, что „тѣ генералы, у которыхъ послѣ сраженія остаются части войскъ, не участвовавшія въ дѣлѣ, всегда терпятъ пораженія“...

Какъ мы это видѣли выше, въ концѣ 1-й части, ген. Куропаткинъ не имѣлъ намѣренія принять рѣшительный бой на позиціяхъ у Аньшанчжана, Ляндянсая и Таанпина. Онъ неоднократно повторялъ войсковымъ начальникамъ, что намѣревается на этихъ позиціяхъ принять бои только арьергардные, притомъ „демонстративнаго характера“, съ цѣлью выигрыша времени, чтобы затѣмъ подъ прикрытіемъ этихъ арьергардныхъ боевъ отвести свои войска къ Ляояну. Командующій Манчжурской арміей приказалъ даже тогда о такомъ планѣ своихъ дѣйствій поставить въ извѣстность войска и ихъ начальниковъ, для того, „чтобы отступление къ Ляояну не явилось для нихъ неожиданностью и не представилось имъ въ видѣ неудачи“.

Такимъ образомъ, ген. Куропаткинъ рѣшилъ повторить еще разъ то, что ему не удалось въ бояхъ подъ Тюренченомъ, Ташичау и въ другихъ мѣстахъ. Ген. Бильдерлингъ ясно видѣлъ возможность несчастія при такомъ образѣ дѣйствій. По его мнѣнію отступление подъ натискомъ противника представлялось весьма затруднительнымъ; поэтому онъ полагалъ необходимымъ отвести войска съ восточнаго фронта къ Ляояну, не дожидаясь атаки японцевъ. 9-го августа онъ доносилъ ген. Куропаткину слѣдующее: „что касается дѣйствій оборонительныхъ, въ виду необходимости отвести войска съ позицій своевременно нерастроенными, то позволю себѣ замѣтить, что на успѣхъ можно рассчитывать лишь въ томъ случаѣ, если противнику оказано будетъ стойкое сопротивленіе всѣми

силами; но при такихъ условіяхъ трудно заранѣ предвидѣть, какое направленіе примутъ эти дѣйствія и какъ сложится обстановка. Кромѣ того, всякое отступленіе влечетъ за собою неизбежно нѣкоторую деморализацію и разстройство войскъ... Если же предполагается рѣшительное сраженіе принять только подъ Ляояномъ, то казалось бы болѣе цѣлесообразнымъ свое- временно отвести туда войска безъ боя, безъ ущерба ихъ моральнымъ и физическимъ силамъ“...

Эти вполне благоразумные доводы, отвѣчавшіе обстановкѣ, не встрѣтили, однако, у командующаго Манчжурской арміей должнаго сочувствія. Онъ остался при своемъ прежнемъ рѣшеніи, оказать противнику сопротивленіе на занятыхъ позиціяхъ, но въ то же время онъ далъ командующимъ генераламъ указанія, что „войска послѣ сраженія должны быть неразстроенными отведены къ Ляояну“.

23-го августа ген. Куропаткинъ высказалъ рѣшеніе свое принять упорный бой на позиціяхъ, занятыхъ войсками обѣихъ группъ, съ цѣлью отбросить непріятели, и если обстановка окажется подходящей, то перейти въ наступленіе. Въ этомъ рѣшеніи командующій Манчжурской арміей отказывается, такимъ образомъ, вовсе отъ отступленія къ Ляояну. Причиной такого рѣшенія со стороны ген. Куропаткина явилось прибытіе на театръ войны 5-го Сибирскаго корпуса и сосредоточеніе къ Ляояну войскъ 17-го корпуса, что вмѣстѣ дало въ распоряженіе ген. Куропаткина сильный резервъ изъ 2 корпусовъ. Такое рѣшеніе командующаго Манчжурской арміей, которое имѣло цѣлью положить конецъ отступательнымъ дѣйствіямъ, и перейти къ болѣе энергичнымъ операціямъ, можно было бы вполне привѣтствовать, если бы только оно вытекало изъ твердой воли командующаго арміей. Но въ такомъ случаѣ ближайшей его заботой должно было служить полное сосредоточеніе войскъ обоихъ корпусовъ его резерва, до послѣдняго батальона, къ мѣсту рѣшительныхъ дѣйствій. Но, какъ мы видѣли это выше, ген. Куропаткинъ пренебрегъ этимъ основнымъ требованіемъ военнаго искусства и отъ содѣйствія войскъ одного корпуса (5-го) отказался, повидимому, вовсе, разбросавъ его по разнымъ направленіямъ, лишивъ себя въ

то же время возможности содѣйствія войскъ другого корпуса (17-го), которыя оказались тоже разбросанными для прикрытія тыла и фланговъ.

Впрочемъ, никто въ арміи не вѣрилъ, что ген. Куропаткинъ дѣйствительно воодушевленъ твердымъ намѣреніемъ принять на упомянутыхъ позиціяхъ упорный бой и даже перейти въ наступленіе. Вѣчныя его колебанія и нерѣшительность дѣйствій подорвали вѣру въ твердость его рѣшеній. Не питалъ также довѣрія къ этимъ намѣреніямъ ген. Куропаткина командующій войсками восточной группы. Возникли даже нѣкоторыя недоразумѣнія, вызванныя тѣмъ, что 23-го августа въ главную квартиру вызваны были ген. Бильдерлингъ и его начальникъ штаба, которымъ ген. Куропаткинъ изложилъ свой планъ упорныхъ боевъ на указанныхъ позиціяхъ; но по возвращеніи ген. Бильдерлинга изъ главной квартиры онъ нашелъ телеграмму отъ начальника полевого штаба арміи, въ которой указывалось, что при отступленіи на Ляоянъ войска 10-го корпуса слѣдуетъ отвести не на правый берегъ Тайдзыхе, какъ это предполагалось сначала, а на линію Яючи—Сіапу. Въ то же время командиры корпусовъ 3-го Сибирскаго и 10-го армейскаго получили непосредственно отъ ген. Куропаткина указаніе о необходимости „оказать упорное сопротивленіе на занятыхъ позиціяхъ, и въ случаѣ благопріятной обстановки перейти въ наступленіе“.

На запросы ген. Бильдерлинга о выясненіи упомянутыхъ выше противорѣчій ген. Куропаткинъ отвѣтилъ ему, что указанія о возможности отступленія на Ляоянъ отнюдь не противорѣчатъ требованіямъ упорной обороны занятыхъ позицій, „такъ какъ необходимо также имѣть въ виду возможность неудачи этой обороны на восточномъ фронтѣ“.

Кромѣ указанныхъ недоразумѣній ген. Бильдерлингъ видѣлъ также неясности и противорѣчія въ томъ, что независимо отъ полученныхъ имъ указаній ген. Куропаткинъ сообщилъ также непосредственно командирамъ 3-го Сибирскаго и 10-го армейскаго корпусовъ, что для поддержки ихъ имѣется въ видѣ резерва 17-й армейскій корпусъ, о чемъ ген. Бильдерлингу

ничего не было известно. Онъ счелъ поэтому необходимымъ указать, что на лѣвомъ берегу рѣки Тайдзыхе находится только одна 35-я дивизія и 10-й полкъ 3-й дивизіи, такъ что о поддержкѣ всѣмъ 17-мъ корпусомъ не могло быть и рѣчи. Вообще, на каждомъ шагу встрѣчались съ недоразумѣніями, неясностями, отсутствіемъ твердой воли и опредѣленныхъ указаній.

Что касается войскъ южной группы Манчжурской арміи, занимавшихъ позицію подъ Аньшанчжаномъ, то, какъ мы это видѣли выше при заключеніи 1-й части, давно уже были приняты мѣры для отступленія этихъ войскъ къ Ляояну, и часть артиллеріи была уже туда отправлена. Сдѣлано было уже даже распоряженіе о пріостановкѣ работъ по укрѣпленію позиціи, когда неожиданно 23-го августа отъ ген. Куропаткина получено было приказаніе объ упорной оборонѣ этой позиціи, такъ что и на этомъ фронтѣ совершенно свыклись съ безконечными колебаніями и ежедневными переменами принятыхъ рѣшеній; поэтому послѣ полученнаго приказанія объ упорной оборонѣ позиціи продолжали сомнѣваться въ исполненіи этого рѣшенія, ожидая возможнаго приказанія объ отступленіи на Ляоянъ. Эти колебанія положительно парализовали всякую энергію.

Нелишне указать тутъ на одно обстоятельство, которое бросаетъ довольно яркій свѣтъ на духъ, господствовавшій въ Манчжурской арміи. Отъ имени ген. Куропаткина отдано было распоряженіе, что за поимку плѣннаго японскаго солдата назначается денежное вознагражденіе въ 100 рублей, а за взятіе въ плѣнъ японскаго офицера денежная награда въ 300 рублей, „независимо отъ предоставленія установленныхъ закономъ боевыхъ наградъ“. Точно также ген. Куропаткинъ счелъ возможнымъ назначить денежные выдачи раненымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ. Все это указываетъ, что самъ командующій Манчжурской арміей не питалъ особеннаго довѣрія къ своимъ войскамъ, если онъ полагалъ возможнымъ посредствомъ денежныхъ выдачъ поднять нравственный духъ арміи.

Передовые бои подъ Ляояномъ.

(Отъ 25-го до 29-го августа).

1. На восточномъ фронтѣ.

Командующій 1-й японской арміей маршалъ баронъ Куроки рѣшилъ атаковать противника на разсвѣтъ 26-го августа, имѣя въ виду повести атаку главными силами 12-й и 2-й дивизій противъ позицій 10-го армейскаго корпуса между Тайдзыхе и высотой 300, а съ войсками гвардейской дивизіи, усиленными артиллерійскимъ отдѣленіемъ и кавалерійскимъ полкомъ отъ 2-й дивизіи противъ позицій, обороняемыхъ 3-мъ Сибирскимъ корпусомъ по этапной дорогѣ Ляндянсань—Ляоянъ. Такъ какъ войска смѣшанной бригады, въ составѣ 5 батальоновъ, должны были прикрывать эту атаку противъ покушеній съ сѣвера со стороны Бенсиху, то для приведенной выше атаки Куроки назначилъ всего только 38 батальоновъ, 110 орудій и 9 эскадроновъ.

Противъ этихъ войскъ ген. Куроки ген. Бильдерлингъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи на восточномъ фронтѣ, на укрѣпленныхъ позиціяхъ подъ Таампиномъ и Ляндянсанемъ, весь 10-й армейскій корпусъ (32 батальона), 3-й Сибирскій корпусъ (24 батальона), а также въ видѣ резерва войска своего собственнаго 17-го корпуса, не считая 11-й полкъ, находившійся у Бенсиху, такъ что ген. Бильдерлингъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи свыше чѣмъ двойныя силы противъ арміи Куроки.

Несмотря на это значительное превосходство въ силахъ, ген. Бильдерлингъ не питалъ особеннаго довѣрія къ послѣднему приказанію командующаго арміей объ упорной оборонѣ на этихъ позиціяхъ. Это видно изъ его приказа отъ 25-го августа, въ которомъ, рядомъ съ требованіемъ упорной обороны позицій, занятыхъ войсками 3-го Сибирскаго и 10-го армейскаго корпусовъ, указывается, вмѣстѣ съ тѣмъ, на возможность отступленія на Ляоянъ „въ случаѣ, если намъ не удастся удержаться на занимаемыхъ позиціяхъ“. Что же касается возможности перехода въ наступленіе „при благопріятныхъ обстоя-

тельстввахъ“, о чемъ ген. Куропаткинъ въ своихъ указаніяхъ упоминаетъ послѣ цѣлаго ряда безконечныхъ колебаній, то объ этомъ ген. Бильдерлингъ считалъ совершенно излишнимъ упомянуть въ своемъ приказѣ. Было бы, однако, правильнѣе со стороны ген. Бильдерлинга, если бы онъ о распоряженіяхъ, касающихся возможности отступленія на Ляоянъ, не упоминалъ вовсе въ своемъ приказѣ, а отдалъ бы лично указанія командирамъ корпусовъ. Во всякомъ случаѣ эти указанія объ отступленіи, данныя въ приказѣ, не могли служить къ подъему нравственнаго духа войскъ.

Ген. Бильдерлингъ сдѣлалъ распоряженіе въ виду ожидавшагося боя, чтобы притянуть поближе къ мѣсту боя войска его 17-го корпуса; части 35-й дивизіи были притянуты позади фронта позиціи 3-го Сибирскаго корпуса, а полки 3-й дивизіи позади позиціи 10-го армейскаго корпуса. Какъ увидимъ ниже, изъ всѣхъ этихъ войскъ 17-го корпуса участіе въ бою принялъ только одинъ полкъ 140-й, по собственной инициативѣ своего командира.

Позиціи 3-го Сибирскаго корпуса, точно также какъ частью и 10-го армейскаго, задолго передъ рѣшительными боями 26-го августа были уже достаточно изслѣдованы и укрѣплены. Укрѣпленія позиціи, находившейся по этапной дорогѣ къ сѣверу отъ Ляндянсая, возводились еще съ марта 1904 года и были исполнены, главнымъ образомъ, при помощи войскъ. Участокъ позиціи между Сяосигу и Тимбуанъ былъ усиленъ всевозможными укрѣпленіями, которыя почти сплошь заполняли весь этотъ фронтъ; не укрѣпленнымъ оставался только одинъ небольшой промежутокъ къ востоку отъ этапной дороги до высоты 300, который признавался весьма сильнымъ по своему естественному положенію, представляя собою скалистый гребень, недоступный для атаки; но и этотъ промежутокъ былъ тоже укрѣпленъ послѣ прибытія войскъ 3-го Сибирскаго корпуса. Участокъ позиціи, обороняемый войсками 10-го армейскаго корпуса, былъ выбранъ и укрѣпленъ нѣсколько позже, въ маѣ, посредствомъ китайскихъ рабочихъ; болѣе же сильныя укрѣпленія возводились въ началѣ августа при помощи войскъ.

Недостатки этихъ позицій заключались, главнымъ образомъ,

въ ихъ чрезмѣрной растянутости. Обстоятельство это вытекало изъ крайней пассивности русскихъ войсковыхъ начальниковъ, которые вовсе не думали объ инициативѣ или необходимости проявленія активныхъ дѣйствій, а были озабочены единственно лишь тѣмъ, чтобы путемъ пассивной обороны запереть для непріятели всякіе подступы къ Ляояну. При такомъ образѣ дѣйствій позиціи обоихъ корпусовъ постепенно удлинялись до тѣхъ поръ, пока онѣ образовали между собою почти непрерывную линію укрѣпленій на протяженіи 40 километровъ, отъ высоты 201 на правомъ флангѣ до рѣки Тайдзыхе.

Главные бои у Ляндянсаня разыгрались 26-го августа. Такъ какъ японцы наступали двумя отдѣльными группами, то бои развернулись въ двухъ мѣстахъ, независимо между собою. Бои эти русскими называются боями подъ Ляндянсанемъ и подъ Анпиномъ (Таампинь). Первый изъ этихъ боевъ, разыгравшійся между войсками японской гвардейской дивизіи съ одной стороны и 3-го Сибирскаго корпуса съ другой, представляется во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно поучительнымъ—главнымъ образомъ потому, что въ этомъ бою болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было проявилась крайняя пассивность дѣйствій русскихъ войскъ.

Бой подъ Ляндянсанемъ.

Наступленіе со стороны японцевъ начато было прежде всего войсками гвардейской дивизіи, которыя 24-го августа двинулись отъ Тхавуана и въ тотъ же день своими передовыми частями заняли мѣстность около Эрдахе и Кименсы, отгѣснивъ отсюда передовые посты русскихъ войскъ. Небольшой отрядъ полковника Дружинина, для подкрѣпленія котораго посланы были 2½ роты 24-го стрѣлковаго полка, укрѣпился на своей выдвинутой позиціи около Тунсинпу. Съ цѣлью „задержать сколько-нибудь“ наступленіе японцевъ, командующій 3-мъ Сибирскимъ корпусомъ ген. Ивановъ направилъ 10-й стрѣлковый полкъ, которому приказано было атаковать горный хребетъ между высотой 161 и Эрдахе, на которомъ японцы начали возводить окопы. Это мало цѣлесообразное и изолированное

наступление одной частью войск, веденное притомъ съ недостаточной энергіей—такъ какъ потери полка ограничились всего только 4 убитыми и 29 ранеными,—оказалось безуспѣшнымъ, но могло бы окончиться и полнымъ уничтоженіемъ полка, дѣйствовавшаго изолированно отъ всѣхъ остальныхъ войскъ.

25-го августа отрядъ полковника Дружинина, подкрѣпленный батальономъ 23-го стрѣлковаго полка, вмѣстѣ съ которымъ онъ занималъ выдвинутую впередъ позицію на горномъ хребтѣ къ востоку отъ Тайзинтуня, былъ оттѣсненъ назадъ. Вслѣдъ затѣмъ отступила также конница ген. Грекова (11½ сотенъ, 1 батальонъ и 4 орудія), которая направилась отъ Ляодинтана далѣе на сѣверъ отъ Чандяоу. На всемъ остальномъ фронтѣ въ этотъ день поддерживался только артиллерійскій огонь. Согласно донесеніямъ, поступившимъ въ этотъ день со стороны русскихъ развѣдчиковъ, видно было, что непріятельская пѣхота наступаетъ по направленію на Тунзинцу и Тагоу, изъ чего можно было заключить, что японцы направляютъ главную свою атаку противъ праваго фланга позиціи 3-го Сибирскаго корпуса.

Расположеніе войскъ 3-го Сибирскаго корпуса на участкѣ между Сяосигу и высотой 300 представляется въ слѣдующемъ видѣ: восточную часть этого участка къ вечеру 25-го августа занималъ 24-й стрѣлковый полкъ подъ начальствомъ полковника Лечицкаго, имѣя свой правый флангъ сѣвернѣе Сяосигу. Въ общемъ силы 3-го Сибирскаго корпуса составляли 24 батальона, 21½ сотню и 68 орудій, такъ что превосходили вдвое численность силъ японской гвардейской дивизіи, наступавшей въ составѣ 12 батальоновъ, 6 эскадроновъ и 54 орудій. Кромѣ того, получивъ донесеніе о наступленіи японцевъ противъ фронта 3-го Сибирскаго корпуса, командующій Манчжурской арміей приказалъ ген. Бильдерлингу придвинуть поближе и расположить позади фронта позиціи 3-го Сибирскаго корпуса 35-ю пѣхотную дивизію, которая занята была возведеніемъ укрѣпленій къ югу отъ линіи Каулицунъ—Цофантунъ.

Согласно приказанію ген. Бильдерлинга 1-я бригада 35-й дивизіи (полки 137-й и 138-й), вмѣстѣ съ 2 эскадронами 51-го драгунскаго полка, была притянута вечеромъ 25-го августа

изъ Пофантуня къ Сяолинзы, гдѣ по предположенію ген. Бильдерлинга эта бригада должна была служить главнымъ резервомъ для всего восточнаго фронта. Отъ 2-й бригады 35-й дивизіи былъ направленъ 129-й полкъ съ однимъ эскадрономъ и одной батареей также на Сяолинзы, 4-й же полкъ этой дивизіи (140-й) съ 1 батареей и 1 эскадрономъ подъ начальствомъ полковника Мартынова былъ направленъ черезъ Вейдягоу въ Кофынзы. Но едва лишь полки 1-й бригады прибыли въ Сяолинзы, какъ они тотчасъ же получили приказаніе отъ ген. Иванова образовать собою резервъ исключительно для его корпуса и двинуться немедленно на Кофынзы. Такое самостоятельное распоряженіе со стороны ген. Иванова было естественнымъ послѣдствіемъ постоянныхъ сношеній ген. Куропаткина непосредственно съ командирами корпусовъ, въ обходъ начальника восточнаго фронта. Получивъ непосредственно отъ ген. Куропаткина указанія, что войска 35-й дивизіи составляютъ резервъ 3-го Сибирскаго корпуса, ген. Ивановъ счелъ себя въ правѣ самостоятельно распорядиться упомянутой выше бригадой этой дивизіи. Послѣдствіемъ этого недоразумѣнія было то, что въ то время, когда упомянутая бригада 35-й дивизіи оставалась совершенно бездѣятельной въ резервѣ 3-го Сибирскаго корпуса, ген. Бильдерлингъ, лишенный резерва, не въ состояніи былъ оказать своевременную поддержку тѣснымъ войскамъ 10-го армейскаго корпуса.

Какъ мы это видѣли выше, ген. Куропаткинъ преувеличивалъ силы арміи Куроки; въ долину Сидая, гдѣ въ дѣйствительности находился всего только незначительный японскій отрядъ для связи, Куропаткинъ насчитывалъ 2—3 японскихъ дивизіи. Такимъ образомъ движеніе впередъ 35-й дивизіи вызвано было не какими-нибудь намѣреніями наступательнаго характера, а представляло собою маневръ чисто пассивной обороны, такъ какъ предназначалось преимущественно противъ возможности со стороны японцевъ прорыва по направленію долины Сидая. Этими же соображеніями руководствовался и ген. Ивановъ, когда онъ притянулъ весь свой резервъ въ этомъ направленіи со стороны долины Сидая и этапной дороги, вмѣсто того, чтобы эшелонировать свои силы съ цѣлью производства встрѣчнаго удара со стороны своего праваго фланга.

Такъ какъ командующій Манчжурской арміей все еще продолжалъ опасаться, что японцы могутъ обойти правый флангъ 3-го Сибирскаго корпуса по направленію на Тасигоу и Паушугоу, то вечеромъ 25-го августа онъ приказалъ ген. Иванову продлить свой правый флангъ и занять также высоту 201, хотя бы казачьими частями, такъ какъ высота эта удалена была на 2 километра. Для исполненія этого приказанія поручено было ген. Столицѣ занять высоты къ западу отъ позиціи отряда полковника Лечицкаго 12-мъ стрѣлковымъ и 1 батальономъ 9-го стрѣлковаго полка. Въ то же время небольшой отрядъ полковника Дружинина занялъ позицію около отряда генерала Столицы въ долину, ведущей изъ Тасигоу въ Паушугоу. Генералу Грекову приказано было съ его отрядомъ занять участокъ позиціи къ западу отъ этой долины, а также высоту 201, но онъ приказанія этого не исполнилъ и, когда начался бой 26-го августа, отступилъ со своимъ отрядомъ еще далѣе на сѣверъ, на 2 километра выше Чандяоу, оставивъ на высотѣ къ востоку отъ Паушугоу, подъ начальствомъ войскового старшины Висчинскаго, небольшой отрядъ изъ 2 сотенъ, 1 роты и 1 конно-охотничьей команды.

Объ упомянутыхъ распоряженіяхъ командующаго Манчжурской арміей полковникъ Мартыновъ передаетъ слѣдующее: „Вечеромъ 25-го августа ген. Ивановъ передалъ начальнику 3-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи слѣдующее приказаніе, полученное имъ отъ ген. Куропаткина: „Командующій арміей признаетъ необходимымъ удлинить фронтъ нашей позиціи вправо, такъ какъ этимъ удлиненіемъ онъ полагаетъ возможнымъ предотвратить готовящійся со стороны японцевъ охватъ нашего праваго фланга“. Такимъ образомъ, вмѣсто энергичнаго маневра для отраженія непріятельскаго охвата, Куропаткинъ предпочитаетъ дѣйствовать своими обыкновенными пріемами, т. е. удлиняетъ фронтъ позиціи 3-го Сибирскаго корпуса, которая и безъ того уже была вытянута на протяженіи 12 километровъ“.

Изъ изложеннаго видно, что во время боя 26-го августа русская позиція своимъ загнутымъ назадъ правымъ флангомъ примыкала къ долину, ведущей изъ Тасигоу на Паушугоу.

Когда начальник японской гвардейской дивизии, генерал-лейтенантъ баронъ Хасегава, въ началѣ этого боя убѣдился, что позиція русскихъ, простирающаяся по обѣ стороны долины Сидая, сильно укрѣплена и почти недоступна атакѣ съ фронта, онъ приказалъ 26-го августа 2-й гвардейской бригадѣ въ составѣ 5 батальоновъ „приковать противника“ къ занимаемой имъ позиціи восточнѣе долины Сидая и въ то же время направилъ 1-ю гвардейскую бригаду для производства обходной атаки въ охватъ праваго фланга противника, который наканунѣ, 25-го августа, занималъ позицію къ сѣверу отъ Сяосигоу. Этотъ обходъ японцевъ совершенно имъ не удался.

Пользуясь наступившей темнотой, въ ночь на 26-е августа 1-я гвардейская дивизія направилась изъ Тунсинпу на Тасигоу, отгѣснивъ на сѣверъ русскіе передовые посты. На разсвѣтѣ 26-го августа 2 батальона 2-го гвардейскаго полка развернулись противъ воображаемаго непріятеля, который, какъ предполагалось, занималъ позицію своимъ правымъ флангомъ къ сѣверу отъ Сяосигоу, съ цѣлью охватить этотъ флангъ. Въ дѣйствительности, однако, полкъ этотъ наткнулся на отряды ген. Столицы и полковника Дружинина и все болѣе и болѣе растягивался, стараясь охватить эти отряды. Такимъ образомъ полкъ этотъ протянулся по долинѣ отъ Тасигоу на Паушугоу тоненькой линіей, которая въ концѣ концовъ оказалась настолько ослабленной, что не могла проявить никакой наступательной силы.

Къ 8 часамъ утра атака 5 батальоновъ 1-й гвардейской бригады, которые благодаря своему значительному удаленію отъ 2-й гвардейской бригады оказались уклонившимися далеко влево, кончилась ничѣмъ, вслѣдствіи чего и батальоны вынуждены были окончательно остановиться. Весьма растянутыя слабыя стрѣлковыя линіи этой бригады все же стойко выдержали русскій огонь и успѣли окопаться въ разстояніи 800 шаговъ отъ непріятельскихъ укрѣпленій. Къ 10¹/₂ часамъ дня лѣвый флангъ этихъ стрѣлковыхъ линій началъ даже подаваться назадъ, и въ это время со стороны русскихъ послѣдовала встрѣчная атака, которая при большей настойчивости и энергіи имѣла бы послѣдствіемъ полное уничтоженіе 1-й гвардейской японской бригады. Но прежде, чѣмъ

мы приступимъ къ подробному описанію этого событія, обратимся къ характеристикѣ обстановки въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ русской позиціи.

2-я японская гвардейская бригада, которая имѣла задачей „занять противника“ и приковать его къ занимаемой позиціи, развернулась 3-мя батальонами между Сидая и Танхе, противъ участка позиціи, обороняемой ген. Кричинскимъ, а 1 батальонъ этой бригады развернулся къ востоку отъ этапной дороги. Задача этой бригады была выполнена японцами вполнѣ успѣшно только благодаря крайней пассивности русскихъ войскъ. Одной угрозой атаки со стороны этихъ 4 батальоновъ оказалось достаточно не только для того, чтобы приковать противника на всей позиціи, между Сидая и высотой 300, но также и для того, чтобы внушить имъ опасеніе о возможности прорыва этой позиціи, вслѣдствіе чего русскіе начальники признали необходимымъ, для отраженія этого прорыва, сосредоточить къ центру этой позиціи все резервы. При этомъ 2-я гвардейская японская бригада никакой атаки противъ русскихъ войскъ не вела вовсе, оставаясь въ значительномъ удаленіи отъ русской позиціи къ югу отъ долины, идущей на Таденцзы, и только одна артиллерія японская поддерживала огонь противъ участка позиціи ген. Кричинскаго. 1-я бригада 6-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи, занимавшая позицію по горному хребту восточнѣе этапной дороги до высоты 300, не имѣла противъ себя, вообще, никакого непріятели; только лѣвый флангъ 21-го стрѣлковаго полка, отъ котораго одна рота выдвинута была впередъ на высоту 260, ввязался въ незначительный бой совместно съ лѣвымъ флангомъ 10-го армейскаго корпуса, противъ котораго дѣйствовала 2-я японская дивизія.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что независимо отъ общаго резерва ген. Иванова, а также и резерва ген. Бильдерлинга 16 русскихъ батальоновъ, расположенныхъ между долиной Сидая и высотой 300, оставались совершенно бездѣтельными, въ то время, какъ правый флангъ 3-го Сибирскаго корпуса весь день выдерживалъ серьезный бой съ противникомъ. Не трудно себѣ представить, какой оборотъ могли бы принять

событія, если бы, вмѣсто крайней пассивности и бездѣтельности, выказанныхъ русскими начальниками, они проявили настоящую инициативу и сами со своей стороны рѣшились бы атаковать японцевъ.

Когда генералъ-лейтенантъ Хасегава узналъ, что обходъ, предпринятый 1-й гвардейской бригадой противъ праваго фланга русской позиціи, окончился неудачей, онъ взялъ изъ резерва оставшіеся тамъ 3 батальона и направилъ ихъ для атаки участка позиціи, обороняемаго полковникомъ Лечицкимъ на высотахъ южнѣ Кофынзы. Эти атаки японцевъ, повторявшіяся съ большой настойчивостью восемь разъ подъ рядъ съ цѣлью прорвать фронтъ русскаго расположенія, все же поколеблены были огнемъ русской пѣхоты и артиллеріи, тѣмъ не менѣе ген. Ивановъ призналъ необходимымъ притянуть сюда для поддержки 138-й полкъ, находившійся позади участка 24-го стрѣлковаго полка.

Одновременно съ этими событіями на правомъ флангѣ русской позиціи произошли нѣкоторыя событія, заслуживающія особаго вниманія, такъ какъ они указываютъ на единичное проявленіе инициативы нѣкоторыми начальниками, которое, вообще, въ эту войну встрѣчалось такъ рѣдко.

Какъ упомянуто было выше, входящій въ составъ 35-й дивизіи 140-й полкъ, вмѣстѣ съ одной батареей и однимъ эскадрономъ, направленъ былъ подъ начальствомъ полковника Мартынова изъ Цофантуня черезъ Выйдягоу на Кофынзы. Послѣ тяжелаго ночного марша полкъ этотъ утромъ 26-го августа прибылъ въ Выйдягоу; послѣ короткой остановки, во время которой доносились уже съ юга раскаты артиллерійской канонады, полкъ продолжалъ свое движеніе на Чандяоу—Кофынзы. Къ сѣверу отъ Чандяоу полковникъ Мартыновъ встрѣтилъ отдыхающій въ полной бездѣтельности отрядъ ген. Грекова, отъ котораго онъ узналъ, что правый флангъ русскихъ войскъ южнѣ Кофынзы сильно тѣснимъ противникомъ. Вслѣдствіе этого полковникъ Мартыновъ рѣшилъ воздержаться отъ движенія на Кофынзы, вмѣсто чего направился по горнымъ тропамъ по направленію на Паущугоу для того, чтобы съ этой стороны ударить атакующимъ японцамъ во флангъ. Это рѣ-

шеніе полковника Мартынова, соотвѣтствовавшее дѣйствительному положенію обстановки, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

Почти одновременно съ этимъ событіемъ, когда въ 10¹/₂ часа утра обнаружено было отступленіе японцевъ на ихъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ, то подполковникъ князь Амилохори, находившійся въ это время въ резервѣ съ 1 баталіономъ 9-го стрѣлковаго полка за правымъ флангомъ позиціи 12-го стрѣлковаго полка, испросилъ разрѣшеніе ген. Столицы двинуться для встрѣчной атаки японцевъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, второй отрядный примѣръ проявленія инициативы; но оба эти случая проявились такъ слабо на практикѣ, что они не могли имѣть особаго вліянія на ходъ событій. Князь Амилохори двинулъ сначала только одну полуроту для производства встрѣчной атаки, и когда эта полурота, естественно, не могла исполнить возложенную на нее задачу, то для поддержки двинуты были еще одна полурота и охотничья команда. Это предпріятіе подполковника Амилохори осталось бы, конечно, безъ всякихъ послѣдствій, если бы, какъ разъ въ это время, не подоспѣлъ 140-й полкъ, который совмѣстно съ приданнымъ ему эскадрономъ (батарея не могла слѣдовать за полкомъ по горнымъ тропамъ) прибылъ въ это время на поле сраженія и сталъ развертываться южнѣ Паушугоу для атаки лѣваго фланга 1-го гвардейскаго японскаго полка, обходившаго русскій флангъ. 1 батальонъ 140-го полка направился долиной на Тасигоу; по 1 батальону двинуто было къ западу и къ востоку отъ этой долины, а 4-й батальонъ оставленъ былъ въ резервѣ. Далѣе къ западу, на высотѣ 201, развернулась охотничья команда полка, а также небольшой отрядъ Висчинскаго въ составѣ 1 роты, 1 сотни и конно-охотничьей команды изъ отряда ген. Грекова. Къ этой атакѣ примкнули также находившіеся къ востоку отъ долины отрядъ полковника Дружинина, также 2 полуроты и охотничья команда князя Амилохори и еще 2 роты отъ праваго фланга 12-го стрѣлковаго полка.

Взятая во флангъ стрѣлковыя линіи 1-й гвардейской японской бригады понесли большія потери отъ огня русскихъ войскъ, не въ состояніи были дольше держаться и вынуждены

были отступить на Тасигоу, при чемъ 2 японскихъ роты были почти цѣликомъ уничтожены. 140-й полкъ, а также и всѣ другія части, примкнувшія къ нему при этой атакѣ, преслѣдовали огнемъ отступающаго противника и продвинулись далѣе впередъ до высотъ, окружающихъ Тасигоу съ сѣвера и съ запада. Однако то обстоятельство, на которое указывается въ исторіи русскаго генеральнаго штаба, что японцы, отступая, унесли съ собою также и всѣхъ своихъ раненыхъ, указываетъ на то, что энергичнаго преслѣдованія со стороны русскихъ не было.

Такимъ образомъ, обходъ японцевъ и атака 1-й гвардейской бригады окончились полной неудачей. Надо думать, что при твердомъ руководствѣ и болѣе энергичномъ веденіи атаки со стороны русскихъ, а также при дальнѣйшемъ настойчивомъ преслѣдованіи, вся эта операція могла бы привести къ гораздо большому успѣху, т. е. имѣла бы послѣдствіемъ полное уничтоженіе непріятельской бригады, но полковникъ Мартыновъ въ своихъ воспоминаніяхъ самъ повѣствуетъ, что онъ въ 2 часа дня получилъ донесеніе о томъ, что японскія войска сосредоточиваются въ Хейлюлиндзы; влѣдствіе чего онъ призналъ необходимымъ 2 батальона своего полка направить обратно на Паушугоу для того, чтобы прикрыть правый флангъ, занявъ тамъ позицію фронтомъ на юго-западъ. Дальнѣйшее движеніе поэтому всѣмъ своимъ полкомъ онъ при данныхъ обстоятельствахъ призналъ „не только излишнимъ, но даже опаснымъ“.

Только 4-й батальонъ 140-го полка, за которымъ дальше послѣдовалъ также и 2-й батальонъ, имѣя слѣва небольшіе отряды полковниковъ Дружинина и Амилохори, продвинулся далѣе на Тасигоу, гдѣ остановился и завязалъ дальній ружейный огонь съ японскими стрѣлковыми линіями, расположенными въ долинѣ около Сясигоу, а также на высотахъ южнѣе Тасигоу. У Хейлюлиндзы въ дѣйствительности находился только одинъ японскій кавалерійскій гвардейскій полкъ, противъ котораго совершенно достаточно было наблюдавшаго за нимъ отряда полковника Висчинскаго.

Этими дѣйствіями закончилась встрѣчная атака русскихъ

у Тасигоу. Съ наступленіемъ темноты продвинушіяся впередъ части 140-го полка возвратились обратно въ Паушугоу, а въ 5 час. вечера ген. Столица отозвалъ также и отряды полковниковъ Дружинина и Амилохори, которымъ приказано было снова занять позиціи, оставленныя ими утромъ. Это послѣднее приказаніе мотивировалось тѣмъ, что ген. Столица израсходовалъ всѣ свои резервы для поддержанія отряда полковника Лечицкаго.

На русской сторонѣ имѣлся такимъ образомъ въ этотъ день несомнѣнный тактическій успѣхъ, такъ какъ обходъ 1-й гвардейской японской бригадой совершенно не удался, точно также потерпѣли полную неудачу попытки прорыва южиѣ Кофынзы, предпринятыя 3-мъ японскимъ резервнымъ батальономъ. Замѣтный успѣхъ достигнуть былъ также и при артиллерійской дуэли, во время которой русскимъ батареямъ удалось подавить огонь японскихъ батарей. Но что значили всѣ эти незначительные успѣхи по сравненію съ тѣми важными результатами, которые могли быть достигнуты на самомъ дѣлѣ, если бы русскіе начальники были воодушевлены энергіей и способностью къ инициативѣ и встрѣчной атакой на противника двинулись со всѣми своими силами!..

Потери 3-го Сибирскаго корпуса въ эти дни, 24-го—26-го августа, были весьма незначительны, составляя въ общемъ всего лишь 736 чел., выбывшихъ изъ строя, въ томъ числѣ 95 убитыхъ. Болѣе значительны были потери въ 140-мъ полку, въ которомъ убыло 9 убитыхъ и 124 раненыхъ; свыше 100 чел. потеряли 12-й стрѣлковый полкъ (125 чел.) и 9-й Восточно-Сибирскій (102 чел.), которымъ въ началѣ боя пришлось отражать атаку 1-го гвардейскаго полка, занимая открытую неукрѣпленную позицію. Собственно же 24-й стрѣлковый полкъ, на долю котораго выпалъ главный ударъ японцевъ, выдержавъ эту атаку на своей сильно укрѣпленной позиціи, потерялъ всего лишь 73 чел., въ томъ числѣ 13 убитыми. Что касается другихъ частей, полковъ 137-го, 138-го, 139-го, 22-го стрѣлковаго полка, 35-й артиллерійской бригады, 2-го Читинскаго казачьяго полка, то онѣ не имѣли почти никакихъ потерь, а потери остальныхъ частей были тоже крайне ничтожны, падая исключительно на

тъ единичныя роты, которыя 25-го августа оказались на своихъ выдвинутыхъ впередъ позиціяхъ.

Потери 12 японскихъ батальоновъ простирались до 1095 ч., которыя приходится почти исключительно на 1-ю гвардейскую бригаду и на 2 батальона 2-й бригады, которые участвовали въ атакѣ участка полковника Лечицкаго.

Въ исторіи рускаго генеральнаго штаба указывается, что „послѣ успѣха, достигнутаго на нашемъ правомъ флангѣ, представлялась возможность перехода въ наступленіе“. Въ дѣйствительности, однако, не только „возможность“, а *необходимость* перехода въ наступленіе являлась уже давно. Но если даже это намѣреніе явилось нѣсколько запоздалымъ, все же еще было достаточно времени, чтобы повести энергичное наступленіе и эту неудачу японцевъ обратить въ полное для нихъ пораженіе. Изъ 40 батальоновъ 3-го Сибирскаго корпуса и 35-й дивизіи въ бою участвовали только всего 10—11 батальоновъ, въ которыхъ замѣтно было приподнятое нравственное настроеніе, благодаря достигнутому частному успѣху. Имѣлись налицо еще вполне нетронутыми 30 батальоновъ. Изъ 12 же японскихъ батальоновъ только 4 не приняли непосредственнаго участія въ бою; единственная поддержка, на которую могли рассчитывать японцы, исчерпывалась 29-мъ резервнымъ полкомъ въ составѣ 2 батальоновъ, который послѣ усиленнаго перехода къ 6 час. вечера 26-го августа прибылъ въ Тинсинцу. При всемъ томъ—русскіе отъ атаки отказались. Результатъ достигнутаго успѣха послужилъ вдругъ поводомъ... для рѣшенія — отступить...

Причины такого рѣшенія, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, и на этотъ разъ кроются въ нерѣшительности русскихъ начальниковъ и въ преувеличеніи ими силъ противника. Командующій 3-мъ Сибирскимъ корпусомъ самъ доносилъ даже ген. Бильдерлингу вечеромъ 26-го августа, что его корпусъ „не понесъ большихъ потерь и вполне въ состояніи на другой день продолжать наступленіе“, и тѣмъ не менѣе онъ все-таки высказываетъ мысль о томъ, что едва ли продолженіе боя будетъ имѣть успѣхъ и не лучше ли подъ прикрытіемъ ночи отступить на Ляоянь...

Причины такого недовѣрія къ положенію дѣлъ заключались въ томъ, что въ этотъ день получены были неблагоприятныя свѣдѣнія о ходѣ боя на фронтѣ сосѣдняго 10-го корпуса. Ген. Ивановъ былъ того мнѣнія, что въ случаѣ отступленія войскъ 10-го армейскаго корпуса на лѣвый берегъ рѣки Танхе, вынужденъ будетъ къ отступленію на Сяолиндзы также и 3-й Сибирскій корпусъ, вслѣдствіе этого онъ опасался, что въ виду продолжавшихся дождей рѣки разбухнутъ и тогда это вынужденное отступленіе среди дня было бы сопряжено съ большими потерями.

Но какъ увидимъ ниже, независимо отъ обстановки, въ которой находился 10-й армейскій корпусъ, которая вовсе не обуславливала для него необходимости отступленія—даже поражение этого корпуса не должно было вовсе служить генералу Иванову поводомъ для отступленія съ занимаемой имъ позиціи, потому что, если бы 10-й корпусъ отступилъ за Танхе, 3-й Сибирскій корпусъ не долженъ былъ бы оставаться пассивнымъ при такомъ оборотѣ событій. Напротивъ, неудача сосѣдняго корпуса обязывала его со всѣми своими силами ринуться въ атаку противъ находившагося передъ нимъ непріятеля для того, чтобы, отбросивъ слабаго противника, ударить во флангъ тѣмъ японскимъ войскамъ, которыя дѣйствовали противъ 10-го корпуса, и тѣмъ облегчить отступленіе этого послѣдняго.

Взгляды, выраженные ген. Ивановымъ, встрѣтили, однако, сочувствіе со стороны высшихъ начальниковъ. Какъ мы видѣли выше, ген. Бильдерлингъ вообще не раздѣлялъ мнѣнія ген. Куропаткина о необходимости принять бой на позиціяхъ подъ Ляндянсанемъ и Таампиномъ и поэтому уклонялся отъ всякаго руководства этими боями. Генералъ же Куропаткинъ съ самаго начала преувеличивалъ силы противника, поэтому поступившее къ нему донесеніе изъ штаба 3-го Сибирскаго корпуса о настойчивости японскихъ атакъ внушило ему предположеніе, что въ этихъ бояхъ принимаютъ участіе кромѣ арміи Куроки также 1—2 дивизіи изъ арміи Нодзу, которыя продвинулись впередъ изъ долины Сидая и угрожаютъ дорогѣ Кофынзы—Выйдягоу. Въ виду такого предположенія, донесеніе

со стороны ген. Иванова явилось для командующаго Манчжурской арміей косвеннымъ подтвержденіемъ о превосходныхъ силахъ японцевъ, и онъ поэтому приказалъ въ ночь на 27-е августа предпринять отступленіе обоими корпусами на лѣвый берегъ Танхе и затѣмъ далѣе на Ляоянь. Такимъ образомъ, нерѣшительность начальниковъ снова послужила причиной того, что вѣрная побѣда прямо упущена была изъ рукъ.

Бой подъ Таампиномъ (Анпинъ).

Въ то время, какъ происходили вышеописанные бои 26-го августа на фронтѣ 3-го Сибирскаго корпуса, 2-я и 12-я японскія дивизіи наступали на позиціи 10-го армейскаго корпуса. 12-я дивизія двинулась четырьмя колоннами на пространство между Тайдзыхе и переваломъ Зепанлинъ; 2-я японская дивизія наступала двумя колоннами между Хейдяпуза и высотой 260. Такъ какъ 25-го августа гвардейская японская дивизія вошла уже въ тѣсное соприкосновеніе съ войсками 3-го Сибирскаго корпуса, тогда какъ передъ фронтомъ 10-го армейскаго корпуса еще не было никакого противника, то ген. Вильдерлингъ приказалъ ген. Случевскому направить часть войскъ черезъ Цегоу впередъ съ цѣлью поддержать сосѣдній корпусъ. Ген. Случевскій назначилъ для этой поддержки смѣшанную бригаду отъ 31-й дивизіи, но прежде, чѣмъ эта бригада выступила по своему назначенію, обнаружилось наступленіе японцевъ въ ночь на 26-е августа противъ передовой позиціи 10-го армейскаго корпуса.

Этотъ корпусъ, который послѣ возвращенія въ нему 2-й бригады 31-й дивизіи представлялъ собою силу въ 32 батальона 113 орудій и 15 сотенъ, расположенъ былъ на двухъ позиціяхъ параллельныхъ одна другой; при чемъ фланговые пункты этихъ позицій—высота 300 и высота 273 у Цегоу—почти одинаковы, но центры этихъ позицій были удалены одинъ отъ другого на дистанціи почти въ шесть километровъ. Это своеобразное расположеніе корпуса на двухъ параллельныхъ другъ другу позиціяхъ объясняется неопредѣленностью, вообще, положенія, а также неясностью и неопредѣленностью преслѣдуемыхъ задачъ. Сначала выбрана была позиція на гор-

номъ хребтѣ около высоты 300 вдоль Таампина и далѣе на высоту 273. Эта позиція и была надлежащимъ образомъ укрѣплена. Но послѣ того, какъ командующій арміей далъ указанія о необходимости перейти въ наступленіе въ случаѣ благоприятной обстановки, командующій 10-мъ армейскимъ корпусомъ ген. Случевскій призналъ необходимымъ удержать въ своихъ рукахъ также и впередилежащіе перевалы, для того, чтобы не пришлось будущее наступленіе начать съ вынужденной атаки этихъ переваловъ. Такимъ образомъ появилась „передовая позиція“, которая простиралась по горному хребту отъ высоты 300 черезъ переваль Кунчунлинъ и далѣе черезъ перевалы Зепанлинъ, Папанлинъ, Анпинлинъ, Мяогоу, сходясь на лѣвомъ флангѣ у высоты 273 съ флангомъ „тыловой позиціи“.

Ген. Случевскій никакъ не рѣшался оборонять передовую позицію всѣми своими силами, главнымъ образомъ въ виду того, что установка артиллеріи на этой позиціи была сопряжена съ большими трудностями и боялись притомъ потерять артиллерію въ случаѣ отступленія. Поэтому какъ „главная“ позиція была выбрана упомянутая выше „тыловая позиція“, на которой у Таампина оставлены были 31-я дивизія и вся артиллерія за исключеніемъ 2 полевыхъ и 1 горной батарей. Передовая же позиція была занята 9-й дивизіей, а изъ артиллеріи тамъ установлено было только нѣсколько горныхъ орудій; 2 же полевые батареи расположены были южнѣе Цегоу въ долину, съ цѣлью воспрепятствовать противнику укрѣпиться на этой позиціи послѣ того, какъ она будетъ оставлена войсками.

Такимъ образомъ, задача, данная войскамъ, была вполне неясная. Если дѣйствительно имѣлась въ виду необходимость удержать перевалы въ своихъ рукахъ, то ихъ слѣдовало оборонять всѣми войсками корпуса, значить, рѣшительный бой нужно было вести на этой передовой позиціи. Если же это считалось невозможнымъ, то оставленіе тамъ цѣлой дивизіи не имѣло никакого смысла, и развертываніе тамъ боя на этой позиціи являлось совершенно безцѣльнымъ. Вмѣсто этого было бы гораздо цѣлесообразнѣе оставить на перевалахъ лишь какія-нибудь заставы, которыя своевременно отступили бы на позицію въ случаѣ необходимости.

Это раздѣленіе корпуса на двухъ позиціяхъ, лежащихъ одна за другой, притомъ значительно удаленныхъ другъ отъ друга, имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что численно болѣе слабыя японцы въ ночь на 26-е августа оказались болѣе сильными при атакѣ ими передовой позиціи. Эти бои, которые во многихъ пунктахъ доведены были до удара въ штыки, кончились тѣмъ, что 9-я дивизія вынуждена была утромъ 26-го августа съ большими потерями отступить на главную позицію.

Несмотря на это неблагопріятное начало сраженія на правомъ флангѣ, въ центрѣ 10-го корпуса, вообще, обстановка оставалась вполне удовлетворительной. Главная позиція этого корпуса была занята 31-й и частью 9-й дивизіей, а артиллерія, находившаяся какъ на этой позиціи, такъ въ особенности на позиціи къ югу отъ Таампина, препятствовала противнику установить свои батареи и на только что занятыхъ имъ перевалахъ. Японцы никакъ не могли продвинуться впередъ, такъ что бой на этомъ фронтѣ скоро замеръ безъ того, чтобы событія здѣсь приняли какой-нибудь серьезный оборотъ. Къ вечеру этого дня командующій здѣсь русскими войсками у Таампина имѣлъ даже снова въ своемъ распоряженіи сильный резервъ въ составѣ 11 батальоновъ, 42 орудій и 2 сотень.

Противъ русскаго лѣваго фланга японцы одержали, однако, значительный успѣхъ. Здѣсь правой колоннѣ японской, состоявшей изъ 2 батальоновъ 46-го полка, послѣ жестокаго боя, продолжавшагося съ полуночи на 26-е августа до полудня, удалось отбросить 122-й полкъ съ позиціи, занимавшейся имъ на высотѣ 273, и овладѣть батареей, расположенной къ югу отъ этой позиціи. Вина этой неудачи 122-го полка, въ составѣ 4 батальоновъ, поддержаннаго къ тому же еще около полудня 6 ротами 124-го полка, не сумѣвшаго отстоять свою позицію противъ 2 японскихъ батальоновъ, объясняется тѣмъ, что русскія войска были разбросаны на весьма растянутой позиціи между Тайдзыхе и Пегоу. Обстоятельство это дало японцамъ возможность оказаться въ превосходныхъ силахъ въ точкѣ удара; кромѣ того на русской сторонѣ ощущалось отсутствіе руководства боемъ, въ особенности послѣ того, какъ командиръ полка полковникъ Клембовскій, раненый въ бою

около полудня, выбылъ изъ строя, а вступившій вмѣсто него въ командованіе полкомъ командиръ 3-го батальона находился въ то время со своимъ батальономъ на рѣкѣ Тайдзыхе противъ Сакана, далеко отъ мѣста боя. Около 5 час. пополудни, подъ проливнымъ дождемъ, началось нѣкоторое сближеніе между разрозненными частями 122-го и 124-го полковъ, которые безъ общаго руководства начали затѣмъ самостоятельно постепенно отходить на Куфаоцинъ.

Эта неудача русскихъ войскъ угрожала, безспорно, общей опасностью всему расположенію на занятой позиціи, въ особенности въ томъ случаѣ, если бы японцы продолжали свое наступленіе дальше, угрожая путямъ отступленія русскихъ войскъ въ долину Танхе. Тѣмъ не менѣе была еще полная возможность предотвратить грядущую опасность и возстановить прежнюю благопріятную обстановку, потому что оба японскихъ батальона, на долю которыхъ выпала жестокій бой, потерпѣли значительныя потери и были ослаблены настолько, что никакъ не могли продвинуться впередъ далѣе высоты 273. Между тѣмъ на русской сторонѣ имѣлись къ вечеру еще достаточно сильныя резервы, чтобы отбросить эти батальоны назадъ. Прежде всего за лѣвымъ флангомъ корпуса находился совершенно нетронутый и неучаствовавшій въ бою отрядъ ген. Янжула, изъ состава 17-го армейскаго корпуса; этотъ отрядъ состоялъ изъ 9-го и 12-го пѣхотныхъ полковъ (8 батальоновъ) и 44 орудій, къ которымъ долженъ былъ еще присоединиться двигавшійся изъ Ляояна 10-й пѣхотный полкъ.

Предстоявшее участіе отряда ген. Янжула должно было имѣть рѣшительныя послѣдствія для боя 10-го корпуса. Какъ извѣстно, ген. Бильдерлингъ, направивъ 35-ю дивизію своего корпуса на Сяолинцзы, назначилъ 3-ю дивизію для поддержки войскъ 10-го корпуса. Онъ, однако, никакъ не могъ рѣшиться предоставить эту дивизію, согласно ея назначенію, въ распоряженіе командира 10-го корпуса, въ особенности послѣ того, когда онъ узналъ, что 1-я бригада 35-й дивизіи направлена командиромъ 3-го Сибирскаго корпуса въ Кофынзы. Многократныя просьбы ген. Случевского предоставить въ его распоряженіе 3-ю дивизію для поддержанія сильно тѣснимаго лѣваго

фланга его корпуса были все время отклонены ген. Бильдерлингомъ.

Получивъ наканунѣ приказаніе перейти со своимъ отрядомъ въ Сіотунцзы, ген. Янжуль началъ движеніе въ 4^{1/2} час. утра 26-го августа съ бивака у Тудаогоу и въ 6 час. утра онъ прибылъ съ отрядомъ въ Сямайю на Тайдзыхе. Здѣсь ген. Янжуль сдѣлалъ остановку со своимъ отрядомъ, съ цѣлью покормить людей. Въ это время онъ получилъ по телеграфу приказаніе отъ ген. Бильдерлинга къ вечеру этого дня прибыть со своимъ отрядомъ въ Сангомяю, южнѣе Таампина. Находясь въ Сямайю, отрядъ ген. Янжула находился въ то же время всего лишь въ 15 километрахъ отъ лѣваго фланга 10-го корпуса, сильно тѣснимаго въ это время японцами. Но такъ какъ въ полученномъ отъ ген. Бильдерлинга приказаніи не требовалось особой поспѣшности, то ген. Янжуль считалъ излишнимъ торопиться. Только въ 12^{3/4} час. дня ген. Янжуль продолжалъ дальше свой походъ и около моста снова далъ своему отряду отдыхъ до 2^{3/4} час. дня. Послѣдній полкъ (12-й) колонны ген. Янжула прибылъ въ Сіотунцзы около 4 час. пополудни, а въ 6 час. вечера вся бригада сосредоточилась въ районѣ Киндіатунь—Куфаоцинъ.

Около этого времени ген. Случевскій снова обратился по телеграфу съ просьбой къ ген. Бильдерлингу, находившемуся въ это время въ Сяолинцзы, чтобы предоставить въ его распоряженіе бригаду ген. Янжула, но ген. Бильдерлингъ все еще никакъ не могъ рѣшиться на это, въ особенности потому, что какъ разъ въ это время имъ получена была телеграмма отъ командующаго арміей, въ которой ему указывалось „расходовать резервы съ большой расчетливостью“, въ виду того, что до и по сіе время „не вполне установлено, въ какомъ именно направленіи Куроки ведетъ главный ударъ“. Только около 8 час. вечера, когда отъ ген. Случевского получено было донесеніе о потерѣ позиціи 122-мъ полкомъ, ген. Бильдерлингъ согласился предоставить отрядъ ген. Янжула въ распоряженіе командира 10-го корпуса.

Отрядъ ген. Янжула получилъ послѣ этого приказаніе ген. Случевского двинуться немедленно на правый берегъ рѣки

Танхе и занять линію Пегоу—Гую, съ цѣлью поддержать лѣвый флангъ 10-го корпуса и предотвратить возможность обхода его японцами между Пегоу и Тайдзыхе. Вмѣстѣ съ тѣмъ ген. Янжулу подчинены были отступившія въ Куфаоцинъ части 122-го полка, 3 батальона 124-го, 2 батальона 121-го, а также Терско-Кубанскій конный полкъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что противъ сильно растаявшихъ 2 японскихъ батальоновъ 46-го полка, дѣйствовавшихъ противъ лѣваго фланга 10-го корпуса, сосредоточилось за лѣвымъ флангомъ этого корпуса подъ командой ген. Янжула 17—20 батальоновъ, 44 орудія и 10 сотенъ.

Около 10 час. вечера командиръ 1-го корпуса получилъ приказаніе ген. Куропаткина, чтобы отрядъ ген. Янжула ночью „во что бы то ни стало“ овладѣлъ снова позиціей, оставленной 122-мъ полкомъ, и возвратилъ снова потерянные орудія.

Такимъ образомъ и на фронтѣ 10-го корпуса вечеромъ 26-го августа можно было ожидать успѣха послѣ задуманнаго здѣсь наступленія. Правда, 9-я дивизія, выдержавши бои на передовой позиціи, понесла чувствительныя потери, въ особенности во время своего отступленія, простиравшіяся до 1250 чел.; но отъ 31-й дивизіи въ серьезныхъ бояхъ участвовалъ только 122-й полкъ, потерявшій, однако, только 350 чел. убитыми и ранеными. Потери остальныхъ частей были очень незначительны, а 121-й полкъ почти вовсе не участвовалъ въ бою. Совершенно нетронутыми оставались еще полки дивизіи ген. Янжула (12 батальоновъ и 44 орудія). Между тѣмъ японцы исчерпали уже всѣ свои силы въ бою, потерявъ при этомъ около 1340 чел.

Если, въ общемъ, обстановка на фронтѣ 10-го корпуса къ вечеру 26-го числа не была настолько благопріятна, какъ на фронтѣ 3-го Сибирскаго корпуса, то все же не было никакихъ основаній сомнѣваться, вообще, въ благопріятномъ исходѣ здѣсь сраженія. Войска были преисполнены къ себѣ полнаго довѣрія; ожидалось еще притомъ побѣдоносныя свѣдѣнія отъ предстоявшихъ ночныхъ дѣйствій отряда ген. Янжула; намѣревались утромъ слѣдующаго дня перейти въ наступленіе всѣми силами. Такимъ образомъ ген. Ивановъ никоимъ образомъ не могъ

предполагавшееся имъ свое отступленіе мотивировать положеніемъ дѣлъ на фронтѣ 10-го корпуса, — совершенно независимо отъ тѣхъ соображеній, какъ это упомянуто было выше, что если бы дѣйствительно ожидалось пораженіе 10-го корпуса, то это его обязывало не къ отступленію, а къ энергичному наступленію всеми своими силами.

Но какъ не осуществилось предполагавшееся наступленіе войсками 3-го Сибирскаго корпуса, такъ и на фронтѣ 10-го корпуса не состоялось наступленіе отряда ген. Янжула противъ позицій у Пегоу. Еще прежде, чѣмъ началось это наступленіе, *отъ ген. Куропаткина получено было приказаніе, чтобы въ ночь на 27-е августа начать отступленіе войсками восточнаго фронта за Танхе и затѣмъ далье на передовыя позиціи передъ Ляояномъ.*

Случилось, такимъ образомъ, то, чего опасался ген. Бильдерлингъ, — моральныя и физическія силы войскъ были напряжены совершенно безцѣльно и притомъ значительно ослаблены сознаниемъ какъ бы понесеннаго пораженія послѣ полученнаго приказанія объ отступленіи къ Ляояну. Нельзя, однако, въ этомъ случаѣ сдѣлать отвѣтственнымъ одного ген. Куропаткина, который не находилъ поддержки ни у одного изъ своихъ помощниковъ. Все донесенія этихъ послѣднихъ должны были убѣдить ген. Куропаткина, что японцы наступаютъ въ превосходныхъ силахъ и является поэтому большая опасность для благополучнаго отступленія русскихъ войскъ, имѣвшихъ въ тылу много рѣкъ, разбухшихъ послѣ послѣднихъ дождей. Если бы командующіе генералы и ихъ помощники, которымъ на мѣстѣ обстановка должна была представиться болѣе ясной, были воодушевлены собственной инициативой, тогда бы они увлекли своей энергіей также и командующаго арміей, и 27-е августа принесло бы русскому оружію такой успѣхъ, который сдѣлалъ бы излишнимъ сраженіе у Ляояна.

Вопреки ожидавшимся трудностямъ въ отступленіи 10-го корпуса вслѣдствіе поднятія уровня въ Танхе, это отступленіе черезъ рѣку произведено было вполне благополучно и безъ

потерь, потому что японцы не въ силахъ были преслѣдовать. Главныя силы корпуса продолжали свое движеніе по долинѣ Танхе на Сіотунцзы. Однако, 28-го августа арьергардь генерала Гершельмана, расположенный на лѣвомъ берегу рѣки Танхе, по линіи Синдязай—Сангомяо, вынужденъ былъ принять бой и задержать наступленіе японцевъ, чтобы прикрыть лѣвый флангъ 3-го Сибирскаго корпуса, отступленіе котораго встрѣтило нѣкоторое затрудненіе. Потери арьергарда простирались до 11 офицеровъ и 177 нижнихъ чиновъ; послѣ этого боя арьергардь продолжалъ отступленіе по направленію на высоту 243.

Въ 3-мъ Сибирскомъ корпусѣ отступленіе нѣсколько замедлилось въ виду того, что встрѣтилась задержка въ движеніи обозовъ, а также и артиллеріи при переправѣ черезъ рѣчки, находившіяся въ тылу, и при переходѣ черезъ перевалъ Ванбатай. вмѣсто того, чтобы отбросить противника превосходными силами и тѣмъ открыть себѣ безпрепятственное отступленіе, преслѣдующему противнику противопоставленъ былъ только сравнительно слабый арьергардь, который въ бояхъ 27-го и 28-го августа потерялъ 530 человекъ.

Къ вечеру 28-го августа войска 3-го Сибирскаго и 10-го армейскаго корпусовъ достигли позиціи подъ Ляояномъ по обѣ стороны этапной дороги, гдѣ и расположились между Цофантунемъ и Сіотунцзы. 17-й армейскій корпусъ получилъ приказаніе расположиться на правомъ берегу Тайдзыхе, занявъ линію Тадцзипу—Сахотунь.

2. На южномъ фронтѣ.

Почти одновременно съ тѣмъ, когда 1-я армія Куроки начала свое наступленіе противъ войскъ восточной группы, противъ южной группы двинулись 2-я японская армія генерала Оку и 4-я армія ген. Нодзу. Войска южной группы составляли 1-й, 2-й и 4-й Сибирскіе корпуса, подъ общимъ начальствомъ командира 4-го Сибирскаго корпуса ген. Зарубаева, занимая позицію подъ Аншанчжаномъ. Относительныя силы сторонъ на

этомъ фронтѣ были не такъ благопріятны для русскихъ, какъ на восточномъ фронтѣ: по числу батальоновъ силы русскихъ и японцевъ были почти одинаковы, по численности кавалеріи русскіе даже были почти вдвое сильнѣе, но зато въ отношеніи артиллеріи противникъ былъ почти вдвое сильнѣе, въ особенности потому, что по приказанію командующаго Манчжурской арміей 64 орудія изъ состава 4-го Сибирскаго корпуса отправлены были назадъ въ Ляоянъ.

При всемъ томъ обороноспособность войскъ южной группы была весьма значительна, потому что войска эти занимали подъ Аншанчжаномъ чрезвычайно сильную позицію, которая была недоступна благодаря своимъ природнымъ качествамъ; притомъ еще съ марта 1904 года позиція эта почти непрерывно укрѣплялась очень заботливо. Линія укрѣпленій состояла изъ 16 люнетовъ, снабженныхъ наружными рвами и многими закрытіями для помѣщенія войскъ. Эти люнеты были связаны непрерывной линіей окоповъ, которые тянулись на протяженіи 6½ километровъ, были прорыты отчасти въ скалистомъ грунтѣ и во многихъ мѣстахъ обстрѣливали впереди лежащую мѣстность двуяруснымъ огнемъ. Артиллерія на этомъ фронтѣ, въ числѣ 140 орудій, была вся расположена въ закрытіяхъ и укрѣпленіяхъ, защищенныхъ проволочными сѣтями и другими искусственными препятствіями. Прорыто было свыше 40 километровъ колонныхъ дорогъ, крытыхъ ходовъ сообщенія, снабженныхъ всюду мостами и служившихъ для безпрепятственнаго закрытаго сообщенія разныхъ участковъ позиціи между собою, а также и съ тыломъ. Русскіе гордились этой позиціей и ея укрѣпленіями, которыя считались недоступными для штурма. Еще въ маѣ 1904 года эту позицію показывали иностраннымъ военнымъ агентамъ въ видѣ образца. Сколько труда, заботъ и времени было потрачено на укрѣпленіе этой позиціи, и теперь, когда, наконецъ, наступило время воспользоваться ею, — *эта позиція со всеми ея укрѣпленіями была отдана непріятелю безъ боя!..*

Послѣ того, какъ 26-го августа русскія передовыя части, находившіяся къ югу отъ Аншанчжана, были оттѣснены японцами на главную позицію, на этой послѣдней стали готовиться

къ упорной оборонѣ. Но утромъ 27-го августа генераль-лейтенантъ Зарубаевъ получилъ по телеграфу приказаніе отъ ген. Куропаткина „на позиціи подъ Аншанчжаномъ упорнаго боя не принимать, задержать на этой позиціи непріятеля только арьергардами, а главнымъ силамъ отступить за рѣку Шахе“. Свѣдѣнія, полученныя командующимъ арміей о положеніи дѣлъ на восточномъ фронтѣ, внушили ему опасенія возможности тамъ прорыва японцевъ; вслѣдствіе этого онъ призналъ необходимымъ притянуть поближе къ Ляояну также и войска южной группы.

Такимъ образомъ и эти послѣднія начали свое отступление 27-го августа безъ того, чтобы въ серьезномъ бою помѣриться силами съ непріателемъ. Отступление въ этотъ день происходило безъ особыхъ затрудненій подъ прикрытіемъ арьергардовъ трехъ корпусовъ, хотя полная бездорожица, необходимость очистки желѣзнодорожной станціи подъ Аншанчжаномъ и въ то же время разрушенные желѣзнодорожные мосты, а также и другія препятствія, затрудняли и замедляли движеніе. Такъ какъ до полудня 27-го стоялъ густой, непроницаемый туманъ, то японцы только около 2-хъ часовъ пополудни замѣтили, что позиція подъ Аншанчжаномъ очищена русскими, и поэтому успѣли ее занять только къ вечеру.

Главныя силы русскихъ корпусовъ достигли назначенныхъ имъ пунктовъ за Шахе по линіи Даяотунь—Шахе—Пандялю. Только колонна ген. Кондратовича изъ состава 1-го Сибирскаго корпуса не могла добраться до Дунтая въ виду крайней усталости людей и лошадей и вынуждена была остановиться на ночь у Сунтзязантцы. Арьергарды остались на линіи Эртайцзы—Байзяцзы—Багуагоу—Синпу.

28-го августа утомленныя войска должны были остаться на указанныхъ имъ мѣстахъ и только въ случаѣ наступленія японцевъ должны были продолжать свое отступление на Ляоянъ. Имъ не суждено было, однако, получить желанный отдыхъ. Японцы начали свое преслѣдованіе всѣми силами еще въ ночь на 28-е августа, а съ разсвѣтомъ этого дня повели атаку противъ русскихъ арьергардовъ. Эти послѣдніе вынуждены были

принять бой для того, чтобы дать время продвинуть вперед обозы и артиллерию, движение которых затруднялось значительной грязью на дорогах; необходимо было также прикрыть отступление колонн ген. Кондратовича и Зыкова.

Въ виду сказанныхъ обстоятельствъ часть арьергардовъ очутилась въ весьма опасномъ положеніи. На правомъ флангѣ конница полковника Гурко направилась на Байципу въ виду того, что она не могла вести никакихъ развѣдокъ въ мѣстности, покрытой сплошь гаолянью. Вслѣдствіе этого отрядъ полковника Бачинскаго, въ составѣ 6 ротъ и 4-й батареи 6-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи, представлявшій собою боковое закрытіе для арьергарда 1-го Сибирскаго корпуса, подвергся охвату своего праваго фланга и потерялъ при отступленіи свою батарею, которая застряла въ грязи и досталась въ добычу японцамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ бою арьергарда 1-го Сибирскаго корпуса у Байзипы при разрывѣ гранаты были убиты ген. Рутковскій и командиръ 4-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка подполковникъ фонъ-Раабенъ.

Еще въ худшемъ положеніи очутился арьергардъ 4-го Сибирскаго корпуса подъ начальствомъ ген. Коссовича. Этотъ послѣдній получилъ приказаніе удержаться подъ Баугаюу, потому что ген. Зарубаевъ не желалъ двинуть впередъ главные силы корпуса прежде, чѣмъ колонна ген. Кондратовича и всѣ обозы будутъ находиться въ полной безопасности. Но находившійся влѣво отъ ген. Коссовича арьергардъ 2-го Сибирскаго корпуса, поступившій подъ начальство ген. Толмачева, уже раннимъ утромъ двинулся изъ Синпу и Чилинцзы на линію Діоквитай—Чидямю и оттуда дальше въ 6 час. утра продолжалъ отступление на свои главные силы. Эти послѣдніе находились въ то время у Пандялу, но въ 6 час. утра по приказанію ген. Засулича, не сообразуясь нисколько съ положеніемъ сосѣднихъ корпусовъ и не донося объ этомъ ген. Зарубаеву, двинулись далѣе на Хинтаюанъ, и когда тамъ войска корпуса не нашли для себя подходящей позиціи, то двинулись далѣе на Тази для занятія передовой позиціи подъ Ляояномъ. Это преждевременное отступление 2-го Сибирскаго корпуса

дало возможность японцам обойти лѣвый флангъ арьергарда ген. Коссовича, а когда послѣ смерти ген. Рутковского отступилъ также и арьергардъ 1-го Сибирскаго корпуса, то арьергардъ ген. Коссовича оказался обойденнымъ также и съ праваго фланга. Только благодаря мужественной оборонѣ 7-го Сибирскаго пѣхотнаго полка и поддержкѣ, оказанной отрядомъ ген. Левестамма у Тагура, отрядъ могъ безпрепятственно отступить на свои главныя силы, хотя и понесъ при этомъ значительныя потери.

Дальнѣйшее отступление 1-го и 4-го Сибирскихъ корпусовъ на Шушанцу происходило въ полномъ порядкѣ, хотя и при постоянномъ соприкосновеніи съ непріателемъ и съ боями. По прибытіи въ Шушанцу 1-й Сибирскій корпусъ занялъ назначенную ему передовую позицію подъ Ляояномъ, которую ему предстояло оборонять въ ожидавшихся бояхъ 30-го и 31-го августа. 4-й Сибирскій корпусъ былъ отведенъ въ резервъ въ распоряженіе командующаго арміей и расположился подъ самымъ Ляояномъ.

Потери войскъ южной группы во время отступательныхъ боевъ 28-го августа были свыше 750 чел. Японцы потеряли всего только 200 чел.

Очевидно, правы были тѣ, которые сомнѣвались въ томъ, что командующій арміей осуществить на самомъ дѣлѣ свое намѣреніе „оказать упорное сопротивленіе“ на занятыхъ позиціяхъ, и поэтому полагали болѣе цѣлесообразнымъ, какъ это указывалъ ген. Бильдерлингъ, совершить своевременно отступление на Ляоянъ безъ боя, для того, чтобы тамъ подготовиться для предстоящаго сраженія и встрѣтить таковое со свѣжими войсками. Вполнѣ безцѣльными оказались все эти чувствительныя потери и тяжелыя жертвы войскъ, понесенныя лишь для того, чтобы отступить къ Ляояну подъ натискомъ непріателя, получивъ лишь, въ видѣ успѣха, отступление въ порядкѣ.

29-го августа, послѣ пятидневнаго непрерывнаго похода, крайне утомленныя движеніемъ и морально подавленныя новымъ отступленіемъ, при видимомъ успѣхѣ, доставшемся не-

пріятелю, войска Манчжурской арміи сосредоточились, наконецъ, къ Ляояну. Поспѣшно заняты были назначенныя позиціи, потому что не было уже времени осмотрѣться, устроиться и подготовиться къ новымъ боямъ... Непрiятель преслѣдовалъ по пятамъ.

Сраженіе у Ляояна (30-е августа).

Вечеромъ 29-го августа войска Манчжурской арміи заняли назначенныя имъ позиціи южнѣе Ляояна на обоихъ берегахъ Тайдзыхе.

Съ самаго начала войны Ляоянъ служилъ центромъ сосредоточенія русской арміи. Всѣ бои и сраженія, происходившіе до сего времени, преслѣдовали лишь одну цѣль—прикрыть сосредоточеніе войскъ и выиграть время для окончанія этого сосредоточенія. Цѣль эта достигнута не была, потому что всѣ эти войска, одни за другими, приняли участіе въ происходившихъ бояхъ и сраженіяхъ и, преслѣдуемая противникомъ, были оттѣснены къ Ляояну. Не участвовали въ непосредственномъ соприкосновеніи съ непріятелемъ только разбросанныя войска 5-го Сибирскаго корпуса и части войскъ 17-го армейскаго корпуса.

Еще въ операціонномъ планѣ ген. Куропаткина предусмѣтно было укрѣпленіе позиціи подъ Ляояномъ, а въ февралѣ 1904 года была уже выбрана линія фортовъ, образовавшая впоследствіи „главную позицію“. При прибытіи на театръ войны ген. Куропаткинъ привезъ съ собою планъ города Ляояна, на которомъ уже обозначены были главные форты и укрѣпленія. При непосредственномъ участіи и руководствѣ ген. Куропаткина главный инженеръ арміи ген. Величко приступилъ къ работамъ, которыя въ теченіе 4½ мѣсяцевъ производились при помощи наемныхъ китайцевъ и настолько были закончены, что могли вполне проявить свое вспомогательное значеніе.

Такъ называемая „главная позиція“ подъ Ляояномъ состояла изъ пояса 8 фортовъ и 8 редутовъ, охватывавшихъ дугообразно городъ Ляоянъ на лѣвомъ берегу рѣки Тайдзыхе.

Форты и редуты связаны были между собою непрерывной линіей стрѣлковыхъ окоповъ; кромѣ того построены были 21 батарея, на 208 полевыхъ орудій. За этой первой линіей укрѣплений возведена была еще вторая линія укрѣплений изъ 2 фортовъ, 5 люнетовъ и 3 батарей, между Дуанцзяцзяхе и сѣверной стѣной города; въ эту же линію укрѣплений входили также приспособленные къ оборонѣ части западной и южной стѣнъ города.

Форты „главной позиціи“ съ западной и сѣверной стороны города Ляояна были выдвинуты впередъ на 3 — 4 километра, а съ южной стороны всего только на 2 километра. Выдвинуть форты дальше и въ южномъ направленіи оказалось затруднительнымъ въ виду того, что линія укрѣплений приблизилась бы тогда слишкомъ близко къ впереди лежащимъ горамъ. Несмотря на эту мѣру, укрѣпленія южнаго фронта все же оказались настолько близкими къ выходамъ Манчжурскихъ горъ, что въ случаѣ занятія противникомъ этихъ послѣднихъ вся внутренность укрѣплений оказалась бы открытой взорамъ и выстрѣламъ непріятеля. Въ разстояніи 4 километровъ по линіи Майетунъ—Нанбаличуанъ—Хинхванцинъ простиралась цѣпь горъ, которыя наступающимъ японцамъ давали возможность выставить артиллерію на командующія высоты.

По этимъ причинамъ главная позиція подъ Ляояномъ едва ли была вполне пригодна для упорной обороны, несмотря на значительную силу нѣкоторыхъ отдѣльныхъ своихъ укрѣплений. Все значеніе этой позиціи исчерпывалось, пожалуй, только тѣмъ, что она служила своего рода предмостнымъ укрѣпленіемъ, давая возможность Манчжурской арміи дѣйствовать на обоихъ берегахъ Тайдзыхе.

Когда ген. Куропаткинъ рѣшился, наконецъ, принять сраженіе подъ Ляояномъ и оказать здѣсь противнику „упорное сопротивленіе“, то онъ замѣтилъ, что позиція является для этой цѣли не вполне пригодной, помимо всего также и потому, что „главная позиція“ подъ Ляояномъ оказывалась уже недостаточной для разросшихся силъ арміи. По этимъ соображеніямъ въ началѣ августа приступлено было къ созданію новой „передовой позиціи“, которая простиралась по сѣвернымъ отлогостямъ горъ, направляясь по линіи Майетунъ—Синлитунъ—

Цофантунь—Хаюцзы—Сяпу и не имѣла недостатка главной позиціи въ томъ отношеніи, что она не командовалась впереди лежащими высотами. Но и эта позиція имѣла важный недостатокъ, заключавшійся въ томъ, что нѣкоторые участки, въ особенности между Цофантунемъ и Сяпу, не имѣли достаточнаго обстрѣла, а впереди лежащая мѣстность представляла для непріятели выгодные подступы къ позиціи. Такимъ образомъ обѣ позиціи подъ Ляояномъ ни въ какомъ отношеніи не представляли особыхъ выгодъ для продолжительной и пассивной обороны; зато, съ другой стороны, эти позиціи, какъ это и показалъ въ послѣдствіи ходъ сраженія, оказали бы огромныя услуги русской арміи, если бы ген. Куропаткинъ рѣшился дѣйствовать активно, перейдя въ наступленіе на одномъ изъ береговъ Тайдзыхе.

Сначала въ качествѣ передовой позиціи выбрана была линія высотъ по направленію на Майетунь и далѣе на Синлитунь—Падяканцзы—Хинхванцинъ, на которой приступлено было къ работамъ, и только 23-го августа рѣшено было направить лѣвый флангъ позиціи по выше упомянутой линіи Цофантунь—Сяпу. Вслѣдствіе этого работы на правомъ флангѣ, занятомъ войсками 1-го Сибирскаго корпуса, по укрѣпленію позиціи закончены были уже въ срединѣ августа, тогда какъ на лѣвомъ флангѣ, на участкѣ между Цофантунемъ и Сяпу, прибывшія сюда для расположенія 29-го августа войска 3-го Сибирскаго и 10-го армейскаго корпусовъ нашли укрѣпленія въ неоконченномъ видѣ и до самаго начала сраженія заняты были работами по усиленію позиціи и возведенію новыхъ укрѣпленій.

Передовая позиція не имѣла на своемъ правомъ флангѣ опорныхъ пунктовъ. Здѣсь къ западу отъ желѣзной дороги простиралась открытая равнина, поросшая гаолянномъ, которая вполне скрывала движеніе непріятельской пѣхоты. Такимъ образомъ флангъ этотъ легко подвергался охвату, что возможно было предотвратить лишь активными дѣйствіями, посредствомъ расположеннаго позади праваго фланга резерва.

Лѣвый флангъ позиціи примыкалъ у Сяпу къ рѣкѣ Тайдзыхе, которая, однако, выше устья рѣки Танхе проходима

была въ бродъ во многихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ не исключалась возможность обхода также и лѣваго фланга послѣ переправы черезъ Тайдзыхе; но это послѣднее обуславливало собою раздѣленіе непріятельскихъ силъ рѣкой Тайдзыхе и было бы исполнѣ на руку обороняющемуся, но только при условіи активной обороны. Однако, командующій арміей настолько опасался за свои сообщенія въ тылу, что никакъ не рѣшался сосредоточить все свои силы подъ Ляояномъ для предстоящаго сраженія. Для непосредственной обороны рѣки заняты были и укрѣплены на правомъ берегу высоты по линіи Мучжанъ—Фанхе—Людіяфанъ—Сыквантунъ, а также и впереди лежащія высоты. На случай, если бы непріятель вздумалъ переправиться черезъ Тайдзыхе выше Сыквантуна, имѣлось въ виду включить въ систему обороны также и мѣстность къ сѣверу отъ Сыквантуна до Янтайскихъ каменноугольныхъ копей.

Въ общемъ, силы Манчжурской арміи къ утру 30-го августа составляли 202 батальона, 157 эскадроновъ и сотенъ и 646 орудій. Силы эти во время сраженія еще усилились прибывшими изъ Европейской Россіи 8 батальонами и 26 орудіями 1-го армейскаго корпуса. Этимъ войскамъ противостояли со стороны японцевъ, какъ и при началѣ наступательныхъ дѣйствій 23-го августа, 115 батальоновъ, 33 эскадрона, 444 полевыхъ и 50 тяжелыхъ орудій.

Несмотря на такое значительное превосходство въ силахъ, русская армія, однако, лишена была возможности воспользоваться этими выгодами въ сраженіи 30-го августа. Къ югу отъ Ляохе, гдѣ въ этотъ день исключительно былъ центр тяжести боя, на передовой позиціи находилось всего 80 батальоновъ, 22 сотни и 270 орудій. За этими войсками, въ видѣ резерва, расположены были 2-й и 4-й Сибирскіе корпуса и конница ген. Самсонова. Въ общемъ, 44 батальона, 27 сотенъ и 70 орудій. Казачья бригада ген. Мищенко въ составѣ 22 сотенъ и 12 орудій прикрывала правый флангъ позиціи.

Все же прочія войска—въ общемъ около 70 батальоновъ, 75 сотенъ и 250 орудій—разбросаны были для обезпеченія фланговъ и тыла къ сѣверу отъ Тайдзыхе. На правомъ флангѣ

этой рѣки, на укрѣпленной позиціи, расположенъ былъ 17-й армейскій корпусъ; за этимъ корпусомъ далѣе къ сѣверу, подъ начальствомъ ген. Экка, находились 3 полка отъ 71-й дивизіи изъ состава 5-го Сибирскаго корпуса, расположенные впереди Мукдена. 4-й полкъ этой дивизіи (281-й) командированъ былъ въ Синминтинъ въ составъ Ляохейскаго отряда. 54-я дивизіи отъ этого корпуса разбросана была въ трехъ отдѣльныхъ отрядахъ (подъ начальствомъ Орлова, Ромишевскаго и Петерова), изъ коихъ только бригадѣ Орлова удалось принять участіе въ сраженіи 2-го сентября. Отрядъ полковника Грулева въ составѣ 11-го пѣхотнаго полка и полубатареи 3-й бригады, кромѣ входившихъ въ составъ этого отряда 2-го коннаго Дагестанскаго полка и батальона Стрѣтенскаго резервнаго полка, находился на маршѣ изъ Бенсиху въ Ляоянь, но еще не прибылъ къ расположенію 17-го корпуса. Отряды ген. Грекова и Любавина охраняли переправы на Тайдзыхе. На крайнихъ флангахъ находились отряды Ляохейскій на правомъ и Мадритова на лѣвомъ.

Въ противоположность этимъ безконечнымъ заботамъ командующаго Манчжурской арміей о предотвращеніи дурныхъ послѣдствій возможнаго пораженія и почти полному отсутствію съ его стороны всякой инициативы, — японскій главнокомандующій для предстоящаго сраженія сосредоточилъ къ югу отъ Ляояна всѣ силы своихъ 3 армій для того, чтобы повести рѣшительную атаку на русскія позиціи. Только 4 батальона, 1 эскадронъ и 6 орудій резервной бригады ген. Умецава оставлены были противъ Бенсиху, но не для пассивнаго прикрытія фланга, а для того, чтобы предпринять здѣсь переходъ черезъ Тайдзыхе.

29-го августа японцы заняли линію Дантай—Шахе—Выйдягоу—Гую, имѣя на этой линіи 110 батальоновъ, 32 эскадрона и около 450 орудій. Маршалъ Ояма рѣшилъ безъ всякихъ замедленій атаковать русскую позицію у Ляояна, пользуясь достигнутымъ успѣхомъ въ предшествовавшихъ бояхъ. Въ ночь на 30-е августа войска двинулись впередъ и въ 5¹/₂ час. утра начали развертываться для атаки подъ прикрытіемъ артилле-

рійской канонады по всему фронту отъ Майетуны до Сіяпу. Началось сраженіе подъ Ляояномъ.

Главный свой ударъ японцы направили на правый флангъ русской позиціи между Гудзяцзы и Синлитунемъ. Противъ этого участка, обороняемаго войсками 1-го Сибирскаго корпуса, въ составѣ 24½ батальоновъ, 10 сотенъ и 70 орудій, направлены были японцами вся 2-я армія и 5-я дивизія отъ 4-й арміи, всего 53 баталіона, 258 орудій полевыхъ и 48 орудій тяжелыхъ. Такимъ образомъ, недостатокъ инициативы со стороны русскихъ начальниковъ и предоставленіе всякаго почина дѣйствій на волю противника привели къ тому, что почти вдвое болѣе слабые японцы, по числу батальоновъ, оказались въ рѣшительномъ пунктѣ почти вдвое сильнѣе русскихъ.

Лѣвофланговый участокъ позиціи, обороняемый войсками 3-го Сибирскаго и 10-го армейскаго корпусовъ, въ составѣ 56 батальоновъ, 12 сотенъ и 204 орудій на участкѣ между Цофантунемъ и Сіяпу, атакованъ былъ 10-й дивизіей и 10-й резервной бригадой арміи Нодзу, а также гвардейской дивизіей и половиной 1-й дивизіи изъ 1-й арміи; всего на этотъ флангъ направлено было японцами 38 батальоновъ, 9 эскадроновъ и 96 орудій.

Мы видимъ такимъ образомъ, что атака, поведенная японцами подъ Ляояномъ, представляетъ собою большое сходство съ атакой, веденной ими подъ Ляндясанемъ; главный ударъ японцы ведутъ въ охватъ праваго фланга противника, центръ котораго также атакуется довольно энергично; въ то же время лѣвый флангъ русскій (31-я дивизія ген. Васильева изъ состава 10-го корпуса) удерживается на мѣстѣ только посредствомъ одной угрозы атаки, потому что 3-я бригада 2-й японской дивизіи, наступавшая противъ лѣваго фланга русской позиціи, только къ вечеру этого дня завязала слабую перестрѣлку съ русскими войсками, да и то только одними своими передовыми постами.

Однако, на рѣкѣ Танхе и къ западу отъ нея оставались еще 1½ японскихъ дивизій, которыя, вообще, не принимали пока участія въ атакѣ. Японскій главнокомандующій указалъ ген. Куроки „подготовиться“ къ переходу на правый берегъ

Тайдзыхе большей частью 1-й армии. Вслѣдствіе этого 12-я дивизія и 15-я бригада 2-й дивизіи задержались пока въ выжидательномъ положеніи для того, чтобы, какъ только ходъ сраженія склонится въ пользу японцевъ, перейти затѣмъ немедленно на правый берегъ Тайдзыхе и отрѣзать русскимъ путь отступленія.

Слѣдовательно, въ атакѣ подѣ Ляояномъ участвовали со стороны японцевъ только 78 батальоновъ и 390 орудій. Съ обѣихъ сторонъ бой веденъ былъ съ большой энергіей, и въ результатѣ перваго дня всѣ попытки японцевъ штурма укрѣпленій были отражены по всему фронту. При всемъ томъ, однако, какъ мы это видѣли подѣ Ляндясанемъ, едва ли эта неудача японской атаки можетъ быть признана для русскихъ какъ одержанный ими успѣхъ,—если принять во вниманіе, какіе блестящіе результаты могли ими быть достигнуты при болѣе цѣлесообразномъ и энергичномъ руководествѣ войсками.

Болѣе достойнымъ вниманія представляется ходъ боя на правомъ флангѣ русской позиціи, на участкѣ между Гудзяцзы и Синлитунемъ. Въ трудномъ положеніи находились войска 1-го Сибирскаго корпуса, атакующія противникомъ значительно превосходящимъ силами, подвергаясь губительному артиллерійскому огню не менѣе 282 японскихъ орудій. Положеніе войскъ этого корпуса было тѣмъ труднѣе, что позиція его подвергалась фланговому огню не только справа, но также и слѣва, со стороны Дава. 5-я и 3-я японскія дивизіи повели атаку на этотъ участокъ съ фронта и съ лѣваго фланга; въ то же время 6-я дивизія пыталась охватить правый флангъ; 4-я дивизія направилась въ обходъ еще дальше на западъ, и только около 3-хъ час. дня достигла Сядцзятая; здѣсь она была оставлена въ резервѣ, вѣроятно въ виду ожидавшейся контръатаки со стороны Ляояна.

Охваты обѣихъ японскихъ дивизій производились сначала вполне безпрепятственно, потому что съ русской стороны ничего не предпринималось для отраженія этихъ охватовъ; притомъ же вначалѣ правый флангъ русской позиціи охранялся объединеннымъ коннымъ отрядомъ ген. Самсонова, си-

лою въ 48 сотенъ и 18 орудій. Но въ виду послѣдовавшихъ измѣненій, согласно приказу командующаго арміей отъ 29-го августа, этотъ конный отрядъ былъ расформированъ и охрана праваго фланга возложена была на ген. Мищенко, Забайкальская бригада котораго усилена была еще Уральской казачьей бригадой.

Эти измѣненія, послѣдовавшія непосредственно передъ сраженіемъ, въ результатъ привели къ тому, что утромъ 30-го августа правый флангъ русской позиціи остался, вообще, безъ всякой охраны. Ген. Мищенко со своей усталой казачьей бригадой находился у Тази, когда онъ 29-го августа, получивъ упомянутое выше приказаніе, выступилъ для исполненія этого на разсвѣтъ 30-го и въ 8 час. утра прибылъ со своими 11 сотнями и 1 батареей въ Шуйдзюань. Уральская казачья бригада еще вовсе не присоединилась къ отряду ген. Мищенко; приданный этому отряду 6-й Сибирскій пѣхотный полкъ, находившійся въ то время у Падыканцзы, выступилъ только въ 4 часа утра по направленію на Гудзяшуанцзы, но вслѣдъ затѣмъ повернулъ назадъ на Падыканцзы для того, „чтобы находившуюся тамъ артиллерію не оставить безъ прикрытія“.

Такимъ образомъ, изъ огромной массы русской конницы въ 150 свыше сотенъ, находившихся въ русской арміи въ началѣ сраженія 30-го августа, для прикрытія праваго фланга находилось всего только 3 слабыхъ сотни 1-го Сибирскаго корпуса подъ начальствомъ полковника Гурко, которыя у Шуйдзюанцзы наблюдали за правымъ флангомъ, затѣмъ эти сотни присоединились къ ген. Мищенко, а къ полудню были отозваны къ войскамъ своего корпуса. Между тѣмъ, какая безконечная дѣятельность открывалась здѣсь энергичной конницѣ, на открытой равнинѣ, простиравшейся на правомъ флангѣ!..

Благодаря отсутствію на правомъ флангѣ русской конницы, 1-я японская кавалерійская бригада, въ составѣ 8 полковъ, получила возможность на разсвѣтъ 30-го числа занять Ванершунъ и оттуда взять во флангъ позицію 1-го Сибирскаго корпуса огнемъ своей батареи. Кромѣ того, этой же японской бригадѣ, еще до прибытія конницы ген. Мищенко въ Шуйд-

цзюань, удалось занять деревни между Шантаиндцзы и Шундзялаова, которыя достались японцамъ безъ выстрѣла.

Послѣ слабой и неудачной попытки занять деревню Улунтай ген. Мищенко отступилъ назадъ въ Таншуанцзы. Тѣмъ временемъ, подѣ прикрытіемъ обширной завѣсы, выставленной отъ кавалерійской бригады ген. Окіяма, 6-й японской дивизіи удалось незамѣтно пробраться черезъ Датшаотзятай на Байдяляюгуаво и охватить правый флангъ позиціи русскихъ войскъ у Майетуня. За этой же дивизіей слѣдомъ наступала уступами слѣва 4-я японская дивизія, которая подвигалась впередъ медленно и осторожно, опасаясь возможности встрѣчнаго удара западнѣе желѣзной дороги со стороны Ляояна.

Эта осторожность была вполне необходима, потому что рѣшительный встрѣчный ударъ со стороны Ляояна, произведенный въ этомъ направленіи сосредоточенными русскими резервами, имѣлъ бы послѣдствіемъ полное уничтоженіе охватывающихъ частей 2-й арміи. Но командующій Манчжурской арміей, слѣдуя своему обычному правилу, медлилъ и колебался, не рѣшаясь пустить въ дѣло свои резервы; онъ отклонилъ поэтому просьбу ген. Штакельберга о поддержкѣ на томъ основаніи, что 3-й Сибирскій и 10-й армейскій корпуса еще болѣе тѣснимы противникомъ. Къ полудню, однако, ген. Куропаткинъ рѣшился произвести встрѣчную атаку противъ охватывающихъ частей японскихъ войскъ; но мѣры, принятыя для этого встрѣчнаго удара, были настолько слабы и неудачны, что никакого значительнаго успѣха ожидать нельзя было.

Для поддержки 1-го Сибирскаго корпуса были сначала направлены отъ 4-го Сибирскаго корпуса 12-й пѣхотный Сибирскій полкъ и 1½ батареи на Гудзяшуанцзы, а 2 роты и 1½ батареи были направлены на Сибаличжуань. Вслѣдъ затѣмъ ген. Левестаммъ получилъ приказаніе съ 7-мъ и 9-мъ Сибирскими полками, также изъ состава 4-го Сибирскаго корпуса, двинуться впередъ отъ Далиндцзы западнѣе желѣзной дороги, оставивъ, однако, 2 батальона на участкѣ между 4-мъ и 5-мъ фортами. Ген. Левестаммъ предпочелъ, однако, оставить тамъ весь 9-й Сибирскій полкъ и только съ однимъ 7-мъ полкомъ прибылъ въ Гудзяшуанцзы, притомъ только къ 6-ти час.

вечера. Затѣмъ 2 батальона 10-го Сибирскаго пѣхотнаго полка направлены были къ ген. Мищенко въ Таншуанцзы. Наконецъ, 2-й Сибирскій корпусъ получилъ приказаніе направить въ Сибаличжуанъ 4 батальона и 2 батареи. Остальныя же части 2-го Сибирскаго корпуса (5-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ и друг.) были разбросаны по всѣмъ возможнымъ направленіямъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что вмѣсто производства энергичнаго удара всѣми сосредоточенными резервами въ дѣйствіе вводятся только раздробленныя силы; сначала одинъ батальонъ, потомъ одинъ полкъ направляются то туда, то сюда, для того лишь, чтобы заткнуть обнаружившіяся пустыя мѣста. Изъ 2-го и 4-го Сибирскихъ корпусовъ было такимъ образомъ постепенно израсходовано 22 батальона и 56 орудій, изъ которыхъ, однако, только $9\frac{1}{2}$ батальоновъ и 24 орудія приняли участіе въ бою.

Но еще прежде, чѣмъ успѣли прибыть эти подкрѣпленія къ отряду ген. Мищенко, онъ дѣлаетъ новую попытку, чтобы овладѣть деревней Улунтай. Для этой цѣли къ 2 час. пополудни ген. Мищенко ввелъ въ дѣло 24 сотни и 2 батареи, но изъ этихъ войскъ наступленіе повели только 5 спѣшенныхъ сотенъ, которымъ удалось отбросить японскій патруль изъ Шуидцзюаня, послѣ чего онѣ завязали непродолжительный стрѣлковый бой съ японцами, занимавшими Улунтай, и, ограничившись этой перестрѣлкой, возвратились назадъ въ Шуидцзюанъ, гдѣ и оставались спокойно до вечера. Такимъ образомъ, сильная русская конница допустила, чтобы подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ японскихъ эскадроновъ непріятель безпрепятственно охватилъ правый флангъ Сибирскаго корпуса, которому удалось отразить этотъ охватъ благодаря только собственному мужеству и стойкости.

Изъ всѣхъ подкрѣпленій, направленныхъ ген. Куропаткинымъ для поддержки 1-го Сибирскаго корпуса, только одинъ 12-й пѣхотный Сибирскій полкъ принялъ серьезное участіе въ отраженіи японскаго охвата. Полкъ этотъ прибылъ въ Гудзяшунцзы къ $5\frac{1}{2}$ час. вечера и, получивъ здѣсь свѣдѣнія, что японцы находятся въ Шуидзяшунцзы и наступаютъ противъ желѣзной дороги, двинулся немедленно для атаки непріятеля.

Энергичнымъ ударомъ въ штыки японцы были выброшены изъ Шуйдзяпудзы и преслѣдуемы дальше на Байдзялюгуаво. Съ наступленіемъ темноты 12-й Сибирскій полкъ укрѣпился въ Шуйдзяпудзы, гдѣ къ нему скоро прибыли еще подкрѣпленія изъ 2 батальоновъ 7-го Сибирскаго пѣхотнаго полка, изъ состава отряда ген. Левестамма, а также 3 стрѣлковыхъ роты отъ 2-го Сибирскаго корпуса. Такимъ образомъ, благодаря рѣшительности одного лишь полка и мужественному отпору, оказанному 1-мъ Сибирскимъ корпусомъ, охватывающая атака 2-й японской арміи окончилась неудачей. Но какъ иначе могла бы повернуться вся обстановка, если бы для встрѣчной атаки противъ японцевъ направлены были не одинъ полкъ, а 3—4 дивизіи и вся многочисленная русская конница! Между тѣмъ, при нерѣшительныхъ мѣрахъ охватъ японцевъ былъ только отраженъ, но японцы не были разбиты и имѣли полную возможность наступившей ночью приготовиться для новой атаки.

Также и на фронтѣ 3-го Сибирскаго и на правомъ флангѣ 10-го армейскаго корпусовъ успѣшно отражены были яростныя атаки противника. Въ то же время на лѣвомъ флангѣ 10-го армейскаго корпуса происходили только незначительныя стычки на линіи передовыхъ постовъ. Во всякомъ случаѣ исходъ событій этого дня представлялся русскимъ войскамъ въ видѣ одержанной побѣды надъ японцами, вслѣдствіе чего въ арміи чувствовалось повышенное нравственное настроеніе. Чтобы еще больше усилить подъемъ духа въ арміи, командующій Манчжурской арміей выпустилъ приказъ по войскамъ, въ которомъ требовалось оповѣстить войска о побѣдоносномъ отраженіи всѣхъ штурмовъ японскихъ, предпринятыхъ противъ Портъ - Артура, и о полномъ „уничтоженіи“ тамъ противника.

Начальникъ 6-й Восточно - Сибирской стрѣлковой дивизіи ген. Даниловъ доносилъ своему начальству въ этотъ день слѣдующее: „Потери весьма значительны, но и храбрость также выказана чрезвычайная. Всѣ мы убѣждены, что мы никоимъ образомъ не отступимъ. Мы потеряли всякую вѣру въ храбрость японцевъ... Всѣ мы кричимъ „ура“, и я также кричу „ура“. — Строго говоря, не было налицо никакихъ данныхъ,

которыя давали бы право усомниться въ храбрости японцевъ, тѣмъ не менѣе это донесеніе ген. Данилова даетъ представленіе о томъ настроеніи, которое господствовало въ арміи. Войска были убѣждены, что сраженіе будетъ продолжаться и на слѣдующій день и въ результатѣ приведетъ къ полной побѣдѣ надъ японцами.

Это несомнѣнно такъ бы и было, если бы ген. Куропаткинъ рѣшилъ ввести въ бой стоявшіе у него безъ дѣла резервы, включая и дивизію ген. Экка, если бы онъ со всѣми своими силами двинулся встрѣчной атакой противъ японцевъ, если бы онъ привлекъ къ сраженію и 17-й армейскій корпусъ, который даже и 30-го августа, послѣ неумолкаемой канонады, свирѣпствовавшей на южномъ берегу Тайдзыхе, все еще оставался въ полномъ бездѣйствіи. Со стороны казалось также, что и командующій арміей имѣетъ намѣреніе использовать успѣхъ, достигнутый 30-го августа. Такъ, въ приказѣ на 31-е августа возвѣщается о продолженіи боя въ этотъ день, при чемъ указывается и требуется никоимъ образомъ „не ограничиваться только пассивной обороной, но по распоряженію командировъ корпусовъ переходить также въ наступленіе тамъ, гдѣ это представится возможнымъ и полезнымъ“.

Было бы правильнѣе, конечно, переходъ въ наступленіе предпринять всей арміей, а никакъ не оставлять это на „усмотрѣніе“ командировъ корпусовъ, потому что не было никакихъ основаній ожидать полной побѣды или хотя бы значительнаго успѣха отъ частичнаго наступленія отдѣльными корпусами. Все же въ этомъ приказѣ видна, по крайней мѣрѣ, хоть какая-нибудь наступательная тенденція, и можно было ожидать, что такія стремленія какъ-нибудь окрѣпнутъ и приведутъ къ сколько-нибудь значительнымъ результатамъ.

Въ дѣйствительности, однако, самъ ген. Куропаткинъ былъ далекъ отъ такихъ наступательныхъ тенденцій. Его планъ и озарившая его было рѣшительность къ наступательнымъ дѣйствіямъ южнѣ Ляояна опять начали быстро колебаться. Имъ стала уже овладѣвать мысль со всей арміей перейти на правый берегъ Тайдзыхе для того, чтобы обезопасить вполнѣ свой путь отступленія, которому, между прочимъ, въ то время

ничто не угрожало. Онъ поэтому отказывается не только въ подкрѣпленіи корпусовъ, находившихся на передовыхъ позиціяхъ къ югу отъ Тайдзыхе, но даже требуетъ отъ ген. Штакельберга, чтобы онъ возвратилъ назадъ къ своему корпусу тѣ подкрѣпленія, которыя ему были высланы. Несмотря на всѣ возраженія, представленныя по этому поводу командиромъ 1-го Сибирскаго корпуса, ген. Куропаткинъ настаивалъ на исполненіи своего приказанія и только послѣ повторныхъ представленій ген. Штакельберга согласился оставить въ его распоряженіи 7-й Сибирскій пѣхотный полкъ и нѣсколько батальоновъ 5-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи. Указанія ген. Куропаткина, данныя въ предписаніи отъ 30-го августа вечеромъ, гдѣ онъ требуетъ немедленнаго возвращенія отряда ген. Левестамма, служатъ доказательствомъ полнаго незнанія имъ обстановки на правомъ флангѣ русскихъ войскъ. Результатомъ упомянутаго сейчасъ приказанія ген. Куропаткина было то, что когда японцы ночью возобновили свои штурмы, двинувшись также 7-ю ротами противъ Шуидзяпудзы, то 12-й пѣхотный Сибирскій полкъ очистилъ эту деревню для того, чтобы отступить на Ляоянъ, на соединеніе со своимъ корпусомъ.

Опасенія командующаго Манчжурской арміей, вызвавшія особыя заботы о пути отступленія, имѣли основаніемъ, прежде всего, невѣрное донесеніе. Какъ извѣстно, у Бенсиху и у Уйиньина находились отряды полковника Грулева и ген. Любавина, всего, въ общемъ, 5 батальоновъ, 20 сотенъ и 10 орудій, которые охраняли здѣсь переправы черезъ Тайдзыхе. Противъ нихъ, на лѣвомъ берегу Тайдзыхе, находились только передовые посты, выставленные отъ 4 батальоновъ резервной бригады ген. Умецава, расположенные сѣвернѣе Сихояна. 28-го августа, т. е. непосредственно передъ сраженіемъ подъ Ляояномъ, отрядъ полковника Грулева отозванъ былъ изъ Бенсиху и замѣненъ 219-мъ полкомъ отъ 54-й дивизіи 5-го Сибирскаго корпуса, подъ начальствомъ полковника Ромишевскаго. Полковникъ Грулевъ со своимъ полкомъ двинулся черезъ Янтайскія каменноугольныя копи на Ляоянъ и только 2-го сентября принялъ участіе въ отрядѣ ген. Орлова въ

сраженіи подъ Янтаемъ. 29-го августа ген. Куропаткинъ получилъ невѣрное донесеніе отъ кавалеріи 17-го армейскаго корпуса о переходѣ 2 японскихъ батальоновъ черезъ Тайдзыхе у Сакана. Этого донесенія оказалось достаточнымъ, чтобы командующій арміей встревожился за судьбу войскъ, находившихся у Сакана. Вслѣдствіе этого, онъ приказываетъ оставить на Тайдзыхе у Бенсиху только конницу ген. Любавина, а находившемуся тамъ полку Ромишевскаго и батальону Шестакова отступить на Сяодагай, по направленію Янтайскихъ копей.

Полковникъ Ромишевскій выступилъ со своимъ полкомъ на разсвѣтъ 30-го августа. Послѣ полудня этого дня къ Тайдзыхе подступилъ отрядъ Умецава, при приближеніи котораго ген. Любавинъ съ главными силами своего отряда отступилъ на сѣверъ, пославъ полковнику Ромишевскому извѣщеніе, что „у Бенсиху производится переправа черезъ Тайдзыхе: повидимому и артиллерія переправляется на плоткахъ“ и что „въ Бенсиху находится уже, вѣроятно, по крайней мѣрѣ 2 батальона“. Въ дѣйствительности же отрядъ Умецава началъ свою переправу только утромъ 31-го августа, послѣ того, какъ вытѣснилъ небольшіе кавалерійскіе отряды оставленные въ Бенсиху и Уйиньинѣ. Во всѣхъ этихъ бояхъ и стычкахъ ген. Любавинъ потерялъ всего лишь одного казака убитымъ и двухъ ранеными, послѣ чего со всѣмъ своимъ отрядомъ потянулся на сѣверъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что во время рѣшительныхъ боевъ подъ Ляояномъ 30-го и 31-го августа для прикрытія переправы у Бенсиху, безъ всякой пользы для дѣла, отвлечено было 9 батальоновъ и многочисленная конница. Цѣлый мѣсяць отрядъ полковника Грулева расположенъ былъ въ Бенсиху, и когда настало, наконецъ, время воспрепятствовать отряду Умецава переправиться черезъ Тайдзыхе, отрядъ полковника Грулева былъ отозванъ и японцамъ очищается дорога черезъ Бенсиху, который отдается имъ безъ боя. Между тѣмъ, самъ же командующій арміей придавалъ, повидимому, этому пункту большое значеніе.

Во время передовыхъ боевъ подъ Ляояномъ, находясь со своимъ полкомъ въ Бенсиху въ полной бездѣятельности, полковникъ Грулевъ мучился жгучимъ вопросомъ въ виду доно-

сившейся съ запада отдаленной артиллерійской канонады... „Неужели намъ оставаться здѣсь пассивными слушателями этой канонады, не принимая со своей стороны никакого активнаго участія... Больно и досадно, что наши войска раз-метаны небольшими отрядами Богъ знаетъ въ сколькихъ пунктахъ, тогда какъ сейчасъ на мѣстѣ боя, въ рѣшительномъ пунктѣ, можетъ быть одинъ полкъ имѣлъ бы рѣшающее значеніе“...

Да, одинъ батальонъ рѣшаетъ иногда участь сраженія; между тѣмъ въ сраженіи 30-го августа половина всей русской арміи была израсходована только для выполненія вспомога-тельныхъ задачъ, отсутствуя тамъ, гдѣ происходилъ рѣшительный бой. Если бы ген. Куропаткинъ сосредоточилъ все силы на мѣстѣ боя, ему пришлось бы заботиться о флангахъ и тылѣ своей арміи, потому что японскія арміи были бы тогда не отбиты только въ своей атакѣ 30-го августа, а подверглись бы рѣшительному пораженію. Но такъ какъ этого не было, то естественно, что командующій Манчжурской арміей встре-вожился, когда къ нему 30-го августа поступили необосо-ванныя или, по крайней мѣрѣ, сильно преувеличенныя донесенія о событіяхъ въ Бенсиху.

Въ своихъ воспоминаніяхъ полковникъ Грулевъ указываетъ слѣдующее: „Генераль-адъютантъ Куропаткинъ преувеличилъ значеніе Бенсиху, который во время этихъ боевъ не сыгралъ никакой роли; очевидно японцы научились относиться къ нашей арміи съ обиднѣйшимъ пренебреженіемъ: мѣстомъ форсированія Тайдзыхе они выбрали не Бенсиху, вдали отъ нашихъ главныхъ силъ подъ Ляояномъ, какъ это слѣдовало ожидать при осторож-ности со стороны японцевъ, а въ 30 верстахъ ниже этого пункта, *совершенно на виду нашихъ войскъ*, подъ Канкваньтунемъ, такъ что мосты наведены были японцами въ предѣлахъ средняго орудійнаго выстрѣла отъ позиціи, занимавшейся нашей артил-леріей“...

Заботы командующаго Манчжурской арміей о безопасности его сообщеній въ тылу, въ виду возможнаго движенія японскихъ войскъ черезъ Бенсиху и далѣе въ тылъ русской арміи, по-двинули его принять подготовительныя мѣры для сосредоточенія

русской арміи на правомъ берегу Тайдзыхе. Вслѣдствіе этого ген. Куропаткинъ отдалъ соотвѣтствующія приказанія войсковымъ начальникамъ, и съ ранняго утра 30-го августа началось уже непрерывное движеніе поѣздовъ отъ Ляояна на сѣверъ, которые увозили раненыхъ, а также всевозможные матеріалы и запасы. Движеніе это не осталось, конечно, незамѣченнымъ для японскаго наблюдательнаго пункта, находившагося на высотѣ 186. Находясь при 12-й дивизіи въ Гуу, ген. Куроки получилъ донесеніе о начавшемся на русской сторонѣ оживленномъ желѣзнодорожномъ движеніи отъ Ляояна на сѣверъ и весьма естественно принялъ это какъ признакъ начавшагося отступленія русской арміи. Вслѣдствіе этого онъ рѣшилъ начать переправу черезъ Тайдзыхе еще въ ночь на 31-е августа, хотя ему пока только предложено было приготовить эту переправу. Онъ назначилъ для переправы прежде всего 12-ю дивизію, которая въ $4\frac{3}{4}$ час. утра 31-го августа и переправилась черезъ Тайдзыхе у Лентувана. Вслѣдъ за нею должна была переправиться 15-я бригада 2-й дивизіи. вмѣстѣ съ тѣмъ, приказаніе было послано ген. Умецава переправиться черезъ Тайдзыхе у Бенсиху и соединиться съ 12-й дивизіей на правомъ берегу Тайдзыхе.

Рѣшеніе ген. Куроки основано было на совершенно невѣрномъ пониманіи положенія русской арміи и легко могло бы имѣть послѣдствіемъ не только неудачу всего этого предпріятія, связаннаго съ переходомъ Тайдзыхе, но также и пораженіе всей японской арміи, если бы только русскіе начальники вѣрно оцѣнили обстановку и со своей стороны проявили какую-нибудь инициативу. Переходомъ черезъ Тайдзыхе японская армія была раздѣлена на двѣ части, и это легко давало возможность сравнительно болѣе многочисленной русской арміи—которая, во всякомъ случаѣ, еще не была разбита,—еще съ болѣе сильнымъ перевѣсомъ силъ наброситься на разрозненныя части противника и уничтожить ихъ. Заслуживаетъ ли, однако, японскій полководецъ упрека за это его рѣшеніе о переходѣ черезъ Тайдзыхе? Конечно нѣтъ, и успѣхъ вполнѣ доказалъ, что онъ былъ правъ. Если даже онъ и не вполнѣ правильно оцѣнилъ обстановку, то рѣшеніе его все же вытекало изъ свойственной ему энергіи

и правильнаго пониманія того, чѣмъ онъ можетъ рисковать передъ лицомъ такого противника. Ген. Куроки, повидимому, зналъ, что онъ по ту сторону Тайдзыхе не встрѣтитъ какого-нибудь Кутузова, какъ Мортъе у Дюренштейна. Успѣхъ Куроки доказываетъ, что смѣлое и энергичное рѣшеніе, исполненное вполне настойчиво, иногда болѣе разумно и приводитъ къ болѣе вѣрному успѣху, чѣмъ долгое размышленіе и колебаніе, отъ которыхъ нельзя ждать рѣшительнаго успѣха.

31-е августа.

Одновременно съ тѣмъ, когда на правомъ флангѣ японской арміи 12-я дивизія переправлялась черезъ Тайдзыхе, въ ночь на 31-е августа 3-я и 6-я японскія дивизіи на лѣвомъ флангѣ возобновили свои штурмы противъ позицій 1-го Сибирскаго корпуса. Въ особенности жестокой бой происходилъ у деревень Майетунъ и Гудзяцзы, гдѣ во многихъ мѣстахъ дѣло доходило до штыковыхъ ударовъ, послѣ которыхъ японцы были отброшены съ большими потерями. Имъ удалось, однако, какъ это упомянуто было выше, утвердиться въ деревнѣ Чудзыпуцзы, откуда 12-й пѣхотный Сибирскій полкъ, согласно приказанію ген. Куропаткина, отозванъ былъ въ Ляоянъ.

Раннимъ утромъ 31-го числа позицію 1-го Сибирскаго корпуса начали громить свыше 300 орудій. Около 30-ти японскихъ батальоновъ стали охватывать правый флангъ корпуса, начиная отъ Мандаринской дороги до Хоухецзы. Несмотря на то, что распоряженіемъ командующаго арміей отъ 1-го Сибирскаго корпуса отозвана была большая часть подкрѣпленій, которыя ему даны были наканунѣ, ген. Штакельбергъ все же успѣшно отражалъ охваты, выдвинувъ свои резервы, которые заняли желѣзнодорожную насыпь до Гудзяпуанцзы.

Также и на лѣвомъ флангѣ 1-го Сибирскаго корпуса происходилъ жестокой бой. Здѣсь 33-й пѣхотный японскій полкъ атаковалъ участокъ ген. Краузе и успѣлъ ворваться въ нѣкоторые стрѣлковые окопы, откуда фланговымъ огнемъ сталъ поражать остальные позиціи 9-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи. Русскимъ, однако, удалось штыковымъ ударомъ

выбить изъ этихъ окоповъ японскій полкъ, который понесъ большія потери.

Послѣ повторныхъ штурмовъ, произведенныхъ послѣ полудня, японская пѣхота пріостановила, наконецъ, свои атаки; только артиллерія еще продолжала перестрѣлку до вечера. Въ 6^{1/2} час. вечера японская пѣхота отступила по всему фронту передъ 1-мъ Сибирскимъ корпусомъ.

Находившаяся на крайнемъ лѣвомъ флангѣ японцевъ 4-я дивизія не вводилась въ дѣло также и 31-го августа, оставаясь все это время въ резервѣ. Въ 2 час. дня дивизія эта получила приказаніе атаковать правый флангъ русскихъ, но получавшіяся донесенія о наступленіи неприятельскихъ силъ со стороны Таншунцзы задерживали вступленіе въ бой этой дивизіи, такъ что наступила уже темнота прежде, чѣмъ пришлось осуществить введеніе въ бой 4-й дивизіи.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что дѣятельность 4-й японской дивизіи 30-го и 31-го августа была во многомъ сходна съ дѣятельностью этой дивизіи подъ Вафангоу. Въ обоихъ случаяхъ дивизіи этой не удавалось развернуть свои силы для производства охвата. Причина этого заключается въ томъ, что охватывавшія войска сами подвергались опасности быть охваченными со стороны резервовъ противника. Обстоятельство это послужило причиной тому, что подъ Вафангоу удерживалась въ резервѣ бригада для того, чтобы сохранить возможность отразить всякую опасность, которая могла угрожать флангу охватывающихъ войскъ со стороны резерва противника, а въ настоящемъ случаѣ цѣлая дивизія удерживалась въ резервѣ въ ожиданіи встрѣчнаго удара противника.

Въ дѣйствительности, однако, какъ при Вафангоу, такъ и въ настоящемъ случаѣ, 31-го августа охватывающему лѣвому японскому флангу не угрожала никакая опасность встрѣчнаго удара, потому что командующій Манчжурской арміей держалъ все время свои резервы далеко позади изъ опасенія за свои сообщенія на правомъ берегу Тайдзыхе, а тѣ 2 батальона 10-го Сибирскаго полка, которыми усиленъ былъ отрядъ ген. Мищенко, не могли, конечно, у Таншунцзы проявить особую дѣятельность. Въ 10 час. утра и въ 2 час. пополудни

по приказанію ген. Куропаткина предпринимались безуспѣшныя атаки на Улунтай, которыя производились нѣсколькими ротами и сотнями, но никакого наступленія всѣми силами, съ цѣлью прорвать завѣсу кавалерійской бригады Окіама, не предпринималось, поэтому для русскихъ войскъ и осталось скрытымъ движеніе японцевъ для охвата праваго фланга 1-го Сибирскаго корпуса. Между тѣмъ, одно только присутствіе отряда ген. Мищенко у Таншуанцзы заставило уже японцевъ удержать въ резервѣ свою 4-ю дивизію, и это удержаніе въ резервѣ цѣлой дивизіи является вполне понятнымъ, потому что при сколько-нибудь дѣятельномъ употребленіи резервовъ со стороны противника охватывающимъ японскимъ войскамъ угрожала дѣйствительно большая опасность. Съ такими соображеніями приходится считаться при всякомъ охватѣ, пока не выяснена дѣйствительная обстановка.

Пока японцы напрягали всѣ свои силы, чтобы сломить правый флангъ русскихъ войскъ, они поддерживали лишь слабыя атаки противъ 3-го Сибирскаго и 10-го армейскаго корпусовъ. На участкѣ перваго изъ этихъ корпусовъ поддерживался, однако, сильный артиллерійскій огонь, а въ нѣкоторыхъ передовыхъ пунктахъ позиціи русская пѣхота вступала въ бой съ выдвинутыми впередъ японскими отрядами. Передъ фронтомъ же 10-го корпуса японская пѣхота, вообще, не показывалась вовсе; только нѣкоторыя батареи слабо отвѣчали на рѣдкій огонь русской артиллеріи. Къ вечеру 30-го августа 15-я бригада 2-й японской дивизіи, а вмѣстѣ съ нею также и большая часть артиллеріи этой дивизіи отошли назадъ, въ Кусаоцинъ, для того, чтобы направиться оттуда далѣе въ Лентуванъ и вслѣдъ за 12-й дивизіей переправиться черезъ Тайдзыхе. Такимъ образомъ, 1-я японская армія утромъ 31-го августа была раздѣлена на двѣ группы: 1½ дивизіи находились на сѣверномъ берегу Тайдзыхе, а другія 1½ дивизіи находились передъ фронтомъ 3-го Сибирскаго и правымъ флангомъ 10-го армейскаго корпусовъ.

Находившійся на лѣвомъ участкѣ 10-го армейскаго корпуса начальникъ 31-й дивизіи ген. Васильевъ замѣтилъ уходъ японцевъ передъ его лѣвымъ флангомъ и рѣшилъ вслѣдствіе

этого произвести атаку съ цѣлью овладѣть высотами, находившимися передъ его фронтомъ между Суйю и Сычуидцзы. Но даже и это скромное проявленіе инициативы было сейчасъ же задушено. Хотя ген. Куропаткинъ и предоставилъ командирамъ корпусовъ „предпринимать наступленіе по ихъ усмотрѣнію тамъ, гдѣ это представится возможнымъ и полезнымъ“, тѣмъ не менѣе ген. Случевскій призналъ необходимымъ объ этомъ смѣломъ предпріятіи ген. Васильева донести по телефону ген. Куропаткину, тѣмъ болѣе, что ген. Васильевъ еще просилъ подкрѣпленія въ 2 батальона. Командующій Манчжурской арміей не одобрилъ атаки ген. Васильева, а приказалъ вмѣсто этого сохранить въ резервѣ возможно больше войскъ для того, „чтобы предпринять ими затѣмъ активныя дѣйствія“.

Англійскій генералъ Гамильтонъ представляетъ положеніе японской арміи въ чрезвычайно опасномъ видѣ, если бы на лѣвомъ флангѣ русскихъ войскъ 31-го августа предпринята была атака по направленію на Таампинъ. Не считая только нѣкоторыхъ ротъ, находившихся на передовыхъ постахъ, по линіи Сычуидцзы и Суанмяодцзы, между высотой 243 и Тайдзыхе не было вовсе никакихъ войскъ, которыя могли бы оказать какое-нибудь сопротивленіе наступающему противнику. Смѣлый ударъ русскихъ войскъ съ достаточными силами по направленію на Таампинъ разрѣзалъ бы армію ген. Куроки на двѣ части; если бы даже эта атака русскихъ случайно была отражена, то все же она произвела бы такой переполохъ въ Таампинѣ, гдѣ сосредоточены были всѣ обозы и колонны арміи Куроки, что 1-я японская армія навѣрно затѣмъ обречена была бы на бездѣятельность на добрую недѣлю. Но ген. Куропаткинъ вовсе не думалъ уже о какомъ-нибудь успѣхѣ на южномъ берегу Тайдзыхе. Еще утромъ этого дня онъ разослалъ командирамъ корпусовъ диспозицію по арміи № 3-й, въ которой предписываются переходъ главныхъ силъ арміи на правый берегъ Тайдзыхе и занятіе „главной позиціи“ подъ Ляояномъ войсками, оперировавшими къ югу отъ этой рѣки, что, впрочемъ, должно было быть исполнено по особому приказанію. Посмотримъ теперь, въ какомъ положеніи находилась обстановка на сѣверномъ берегу Тайдзыхе утромъ 31-го августа.

Незамѣтно для кавалеріи 17-го армейскаго корпуса, задачей которой было именно наблюденіе за переправами на Тайдзыхе, 12-я японская дивизія, со своей горной артиллеріей, въ 4^{3/4} час. утра 31-го августа, закончила переправу въ бродъ на правый берегъ Тайдзыхе у Лентувана. Вслѣдъ за этой дивизіей начала переправу 15-я бригада 2-й дивизіи. Состоявшія при этой бригадѣ 5 полевыхъ батарей не могли, однако, слѣдовать за своей пѣхотой въ виду того, что бродъ былъ слишкомъ глубокой, а для наводки моста мѣсто выбрано было къ востоку отъ Канкваньтуня; вслѣдствіе этого батареи подъ прикрытіемъ роты пѣхоты направились въ Тіозулу, гдѣ переправились на правый берегъ рѣки въ ночь на 1-е сентября по оконченному уже къ тому времени мосту.

Только въ 6^{1/2} час. утра, когда 12-я японская дивизія находилась уже на маршѣ изъ Лентувана на Сіошо, начальникъ кавалерійскаго отряда князь Орбеліани и начальникъ 35-й дивизіи ген. Добржинскій получили донесеніе отъ 52-го драгунскаго полка о переправѣ японскихъ войскъ у Лентувана. Въ 9 час. утра въ штабѣ 17-го армейскаго корпуса извѣстно стало, что на правый берегъ Тайдзыхе переправилась цѣлая японская дивизія. Въ 11 час. дня объ этомъ получено было первое донесеніе въ штабѣ арміи. Такимъ образомъ, мы видимъ, что донесеніе о такомъ важномъ событіи, какъ переправа японцевъ черезъ Тайдзыхе, обнаруженномъ кавалеріей въ 5^{1/2} час. утра, потребовало *три съ половиной часа*, пока оно было получено въ штабѣ корпуса и только *черезъ пять съ половиной часовъ* извѣстно стало въ штабѣ арміи, несмотря на то, что всѣ эти штабы связаны были между собою телеграфомъ.

Въ то время, когда постушили эти первыя донесенія, на сѣверномъ берегу Тайдзыхе находилась только 12-я японская дивизія (11^{1/2} батальоновъ, 3 эскадрона и 30 горныхъ орудій), а 15-я бригада начала только свою переправу. Отъ 17-го армейскаго корпуса 3-я пѣхотная дивизія ген. Янжула (безъ 11-го полка) занимала позицію между Фанхе и Людяфаномъ, не имѣя передъ собою никакого непріятели. Въ то же время 35-я дивизія ген. Добржинскаго (16 батальоновъ, 96 орудій и 6 сотенъ) на-

ходила въ резервъ между Тудагоу и Сахутунемъ. Отъ коннаго отряда князя Орбеліани силою въ 11 сотенъ и 6 орудій Терско-Кубанскій полкъ находился въ Сыквантунѣ, а далѣе вверху по Тайдзыхе, въ районѣ Канквантуня, расположенъ былъ 52-й драгунскій полкъ.

Несмотря на такія значительныя силы, которыя за собою еще имѣли отрядъ ген. Экка изъ состава 5-го Сибирскаго корпуса, японцы, тѣмъ не менѣе, безпрепятственно совершили свою переправу!... Вотъ что по этому поводу рассказываетъ полковникъ Мартыновъ: „Рано утромъ 31-го августа начальникъ дивизіи генераль-лейтенантъ Добржинскій собралъ въ Тудагоу бригадныхъ и полковыхъ командировъ и вмѣстѣ съ ними направился на развѣдку мѣстности. Предполагалось направиться на востокъ, черезъ Сыквантунъ, до Фаншена, и оттуда черезъ Хванкуфенъ направиться назадъ на Тудагоу. Не доѣзжая Сыквантуня, мы встрѣтили начальника коннаго отряда князя Орбеліани, который находился около Терско-Кубанскаго полка. Орбеліани сообщилъ ген. Добржинскому, что непріятель, силою около 1 дивизіи пѣхоты, переправился въ бродъ черезъ Тайдзыхе у деревни Лентуванъ въ восьми километрахъ къ юго-востоку отъ Сыквантуня. Подъ впечатлѣніемъ этого извѣстія я высказалъ мнѣніе, что такъ какъ наша дивизія стоитъ недалеко сосредоточенной, то намъ надлежитъ, не дожидаясь никакого приказанія, немедленно двинуться впередъ и атаковать переправившихся японцевъ или, по крайней мѣрѣ, приблизиться настолько къ мѣсту ихъ переправы, чтобы взять эту послѣднюю подъ сильный огонь. Начальникъ дивизіи, однако, не согласился съ моимъ совѣтомъ, а высказалъ намѣреніе направиться всеѣмъ намъ далѣе на Фаншенъ, но, не доѣзжая Сыквантуня, повернулъ влево на сѣверъ. Покружились мы такимъ образомъ по гаоляновымъ полямъ и, все же ничего не увидѣвъ, вернулись въ Тудагоу“...

При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что командиръ 17-го корпуса ген. Бильдерлингъ о переправѣ 12-й японской дивизіи черезъ Тайдзыхе узналъ только въ 9 час. утра. Но и ген. Бильдерлингъ также не думалъ вовсе атаковать японцевъ, переправившихся черезъ Тайдзыхе. Правда,

у него не было на это приказаніе свѣше, но нѣтъ сомнѣнія, что всякій начальникъ, воодушевленный сколько-нибудь духомъ инициативы, не колебался бы ни минуты въ подобномъ случаѣ на собственный рискъ и отвѣтственность рѣшиться атаковать непріятеля со всѣми находящимися подъ рукой силами и наказать за такую смѣлую переправу или, по крайней мѣрѣ, воспрепятствовать дальнѣйшему накапливанію войскъ противника послѣ переправы. Генералы Бильдерлингъ и Добржинскій виноваты въ такомъ же упущеніи, какое совершилъ Гогенлоэ, когда онъ не атаковалъ корпусъ Ланна у Іенны.

Ген. Бильдерлингъ ограничился тѣмъ, что приказалъ ген. Добржинскому съ бригадой пѣхоты и сильной артиллеріей занять позицію у деревни Сыквантунъ „и, если представится возможнымъ, выслать отъ этой бригады сильный передовой отрядъ съ артиллеріей для того, чтобы обстрѣлять переправу противника“. Князь Орбеліани съ 11 сотнями и 6 конными орудіями также долженъ былъ двинуться на Хванкуфенъ для того, чтобы оттуда открыть огонь по колоннамъ, переправляющимся черезъ Тайдзыхе.

Этихъ мѣръ, конечно, было недостаточно, чтобы остановить переправу японцевъ черезъ Тайдзыхе. Для выполненія этой задачи, какъ мы видимъ, назначено было 1^{1/2} полка 35-й дивизіи и 10 ротъ отъ 3-й дивизіи при 5 батареяхъ подъ начальствомъ ген. Глинскаго, которые и заняли Сыквантунъ, высоты къ юго-западу отъ этой деревни, а также расположенную сѣвернѣе такъ называемую „Нѣжинскую сопку“, названную такъ потому, что 1-го сентября эта высота оборонялась 137-мъ Нѣжинскимъ полкомъ (японцы называютъ эту гору Мануяма). Такимъ образомъ, японцы получили возможность безпрепятственно переправить на правый берегъ Тайдзыхе также и 15-ю бригаду, а также навести мостъ къ востоку отъ Канквантуня, черезъ который и переправили полевую артиллерію, запасы и обозы.

Въ особенности достойно вниманія поведеніе въ этомъ случаѣ русской конницы, которая сначала не сумѣла развѣдать своевременно переправу 12-й дивизіи, обнаруживъ ее переходъ лишь тогда, когда она уже закончила переправу и находилась

уже вся цѣликомъ на правомъ берегу, а потомъ не сдѣлала ни малѣйшей попытки, чтобы задержать какъ-нибудь дальнѣйшее движеніе противника, дѣйствуя на его фланги или хотя бы производя дальнѣйшую развѣдку, чтобы выяснитъ положеніе. Свыше 21 сотенъ и эскадроновъ, не считая конноохотничьихъ командъ, имѣлось въ распоряженіи 17-го корпуса, изъ которыхъ половина находилась въ резервѣ или для выполненія разныхъ второстепенныхъ задачъ; 11 сотенъ (Терско-Кубанскій и 52-й драгунскій полки) и 1 казачья батарея, подъ начальствомъ ген. князя Орбеліани прикрывали лѣвый флангъ корпуса, имѣя задачей наблюденіе за Тайдыхе выше Сыквантуня. Изъ состава этого отряда 52-й драгунскій полкъ былъ выдвинутъ на Хванкуфенъ, въ то время, какъ князь Орбеліани съ остальными частями этого отряда находился при главныхъ силахъ 35-й дивизіи въ окрестностяхъ Сахунтя.

Когда утромъ 31-го августа одна изъ заставъ, находившаяся у Квантуня, донесла командиру 52-го драгунскаго полка, что японцы начали переправу у Сіюшо и Квантуня и что развѣзды вынуждены были поѣтому отступить, то командиръ полка выслалъ сначала впередъ 1 эскадронъ, который, однако, поспѣшно отступилъ, когда встрѣченъ былъ огнемъ японцевъ, причинившимъ этому эскадрону потери въ 1 чел. убитымъ и 3 ранеными; тогда для поддержки 1-го эскадрона высланъ былъ еще 1 эскадронъ, который также исчезъ очень быстро. Вслѣдъ затѣмъ двинулся весь полкъ на лѣвый флангъ позиціи у Сыквантуня, гдѣ онъ и оставался до 11 час. ночи. Тѣмъ временемъ князь Орбеліани приказалъ казачьей батарее выѣхать на позицію къ востоку отъ Сахунтя, а Терско-Кубанскому полку приказано было служить прикрытіемъ для батареи и развѣдать мѣстность до деревни Сыквантунь. Когда же послѣ того, въ 10 час. утра, князь Орбеліани получилъ донесеніе объ отступленіи 52-го драгунскаго полка на лѣвый флангъ позиціи 17-го корпуса, то онъ приказалъ также отступить туда и Терско-Кубанскому полку вмѣстѣ съ батареей, которые у деревни Яндзяпуза примкнули къ 52-му драгунскому полку.

Такимъ образомъ, по словамъ исторіи русскаго генераль-

наго штаба, „вся мѣстность къ востоку отъ линіи Фаншенъ (на Тайдзыхе)—Даяоцу, къ полудню 31-го августа, была совершенно очищена всей нашей конницей и японцы получили полную возможность безпрепятственно наступать впередъ и развернуться передъ позиціей ген. Глинскаго“.

Къ полудню 3 переправившіяся японскія бригады заняли линію Фаншенъ—Санцагоу, имѣя на лѣвомъ флангѣ 15-ю бригаду (на Тайдзыхе), въ центрѣ 23-ю бригаду и на правомъ флангѣ 12-ю бригаду. Такъ какъ 17-й корпусъ держался крайне пассивно, а японцы со своей стороны выжидали наводки мостовъ у Канкваньтуня и переправы полевой артиллеріи, то никакихъ другихъ важныхъ событій въ этотъ день не произошло и все дѣло ограничилось отдаленной артиллерійской перестрѣлкой.

Въ 11 час. дня ген. Куропаткинъ получилъ донесеніе о переходѣ 1^{1/2} пѣхотныхъ дивизій черезъ Тайдзыхе. Онъ также со своей стороны не дѣлаетъ никакихъ распоряженій, чтобы энергичнымъ наступленіемъ остановить переправу японцевъ. Это извѣстіе только подкрѣпило принятое имъ уже рѣшеніе очистить передовую позицію подъ Ляояномъ, которую такъ успѣшно до того времени обороняли русскія войска для того, чтобы перевести главную массу русской арміи на сѣверный берегъ рѣки и занять для обороны главную позицію. Необходимо, однако, помнить, что это рѣшеніе было принято ген. Куропаткинымъ еще до полученія донесенія о переправѣ японцевъ у Канкваньтуня, единственно вслѣдствіе отступленія отряда ген. Любавина изъ Бенсиху подъ давленіемъ 4 батальоновъ бригады Умецава. Теперь же, послѣ того, когда вполне выяснилась переправа части арміи Куроки на виду позиціи 17-го корпуса, ген. Куропаткинъ призналъ необходимымъ привести въ исполненіе этотъ планъ перевода всей арміи на правый берегъ Тайдзыхе. Рѣшеніе—чреватое важными послѣдствіями, такъ какъ оно привело къ пораженію Манчжурской арміи подъ Ляояномъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ потерѣ всей кампаніи.

Возможно, что у ген. Куропаткина носилась въ головѣ идея о наступленіи главными силами арміи на правомъ берегу

Тайдзыхе, базируясь на главной позиціи, которая имѣлась на этомъ берегу, задерживая въ то же время наступленіе японцевъ частью силъ на южномъ берегу. По словамъ приказа по 10-му армейскому корпусу, отданному по случаю этого отступленія на главную позицію, это представляло собою „искусный маневръ, который приведетъ къ блестящимъ результатамъ и къ полному уничтоженію непріятеля“. Но этотъ планъ не рожденъ былъ твердой волей. Это, пожалуй, былъ бы, дѣйствительно, искусный маневръ, который въ результатъ могъ даже привести къ извѣстному успѣху, но никогда бы не могъ имѣть послѣдствіемъ „полное уничтоженіе непріятеля“.

Вѣдь главныя силы японцевъ оставались къ югу отъ Тайдзыхе, и цѣлью русскаго главнокомандующаго должно было служить именно уничтоженіе этихъ главныхъ силъ непріятеля, тогда разумѣется стали бы добычей и тѣ японскія силы, которыя переправились на правый берегъ Тайдзыхе. Только при этомъ условіи могъ получиться полный успѣхъ, который привелъ бы къ окончанію всей кампаніи. Имѣлась налицо и полная возможность для достиженія этой цѣли, потому что главныя силы японцевъ, находившіяся передъ русской позиціей къ югу отъ Ляояна, въ своихъ атакахъ, продолжавшихся два дня, понесли огромныя потери, которыя почти вдвое превышали потери русскихъ, и отброшены были по всей линіи. Кромѣ того, взаимное соотношеніе силъ измѣнилось въ пользу русскихъ еще и потому, что 31-го августа въ Ляоянѣ прибылъ уже 1-й эшелонъ 1-го армейскаго корпуса; 85-й Выборгскій полкъ высадился уже въ Ляоянѣ. Главное то, что еще моральный уровень русской арміи сильно повысился, благодаря успѣху, одержанному за послѣдніе два дня; всѣ увѣрены были, что сраженіе будетъ продолжаться и приведетъ несомнѣнно къ побѣдѣ. Если бы ген. Куропаткинъ рѣшился посредствомъ 35-й дивизіи и бригады ген. Орлова, находившихся на правомъ берегу рѣки Тайдзыхе, удержать здѣсь переправившіяся уже японскія войска, а со всѣми остальными силами своей арміи,—включая отрядъ ген. Экка, 3-ю пѣхотную дивизію и гарнизонъ Ляояна,—атаковалъ бы остальныя японскія войска, находившіяся на лѣвомъ берегу, охватомъ одного или обоихъ ихъ

фланговъ, то есть большая вѣроятность, что 1-го сентября здѣсь рѣшилась бы участь всей кампаніи въ пользу русскихъ.

Во всякомъ случаѣ, командующій Манчжурской арміей долженъ былъ примириться здѣсь съ мыслью о необходимости побѣдить или погибнуть; безъ такого рѣшенія никакой полководецъ не можетъ надѣяться на побѣду, если онъ думаетъ только о нанесеніи пораженія безъ жертвъ и риска со своей стороны. Тотъ, кто хочетъ дѣйствовать только *навѣрняка* и боится потерь, никогда не достигнетъ важныхъ успѣховъ. Ген. Куропаткинъ былъ чуждъ мысли о возможности погибнуть со славой: онъ боялся больше всего отвѣтственности, и такъ какъ онъ при этомъ преувеличивалъ силы противника, то онъ выбралъ такое рѣшеніе, которое никакого рѣшительнаго успѣха дать не могло, но не приводило также и къ большому риску. Отходъ главныхъ силъ русской арміи черезъ Тайдзыхе обѣщалъ возможность одержать побѣду надъ переправившейся тамъ частью арміи Куроки, а это могло привести къ отступленію всей японской арміи; но это исключало всякую возможность уничтоженія всей арміи японской. Но зато русская армія сохраняла свободнымъ свой путь отступленія на Мукденъ, что въ глазахъ ген. Куропаткина пріобрѣтало первостепенное значеніе; такъ что и въ настоящемъ случаѣ забота командующаго арміей о безопасности пути отступленія перевѣсила въ его глазахъ необходимость уничтоженія противника. Теперь онъ больше всего стремился пріобрѣсти славу „мастера отступленій“, которая могла быть пріобрѣтена гораздо легче и съ меньшимъ рискомъ отвѣтственности, чѣмъ лавры полководца. Только съ этой точки зрѣнія и понятно его поведеніе 2-го сентября.

Приказъ, отданный вечеромъ 31-го августа по арміи о переходѣ войскъ на главную позицію, т. е. на сѣверный берегъ Тайдзыхе, произвелъ всеобщее недоумѣніе и крайне непріятное впечатлѣніе, несмотря на всѣ оговорки, которыми сопровождался этотъ приказъ для того, чтобы сдѣлать его болѣе пріятнымъ войскамъ. Войска, конечно, не постигали, въ чемъ заключается этотъ „искусный маневръ“: они знали одно, что два дня они сражались съ противникомъ и успѣшно отразили всѣ его атаки и получали уже отъ начальства поздравле-

ня съ одержаннымъ успѣхомъ, а если при всемъ томъ приказываютъ затѣмъ отступить, то къ чему нужны были все эти жертвы? Правда, со всехъ сторонъ говорятъ, что этотъ переходъ черезъ Тайдзыхе долженъ привести къ блестящей побѣдѣ; но все плохо вѣрили въ это. У всехъ, напротивъ, появилось смутное сознаніе, что этотъ искусный маневръ представляетъ собою только начало отступленія къ Мукдену. Можно ли послѣ этого удивляться, если войска,—какъ, напримеръ, 1-й Сибирскій корпусъ, который не видѣлъ благоприятныхъ результатовъ даже послѣ успѣха, которымъ завершился двухдневный бой,—не проявляли особаго желанія продолжать сраженіе 2-го сентября. Когда прикрывающія части корпуса на разсвѣтѣ 1-го сентября начали свое отступленіе очищеніемъ высотъ у Фанзятуня, то „онѣ позади оставленныхъ позицій слышали торжествующіе крики японцевъ „банзай“, которые болѣзненно отозвались въ сердцахъ офицеровъ и стрѣлковъ, два дня оборонявшихъ успѣшно эти позиціи“.

На правомъ берегу Тайдзыхе сосредоточились, такимъ образомъ, кромѣ находившихся тамъ уже частей 5-го Сибирскаго и 17-го армейскаго корпусовъ еще слѣдующія части: 1-й и 3-й Сибирскій и 10-й армейскій корпуса (послѣдніе два каждый безъ 1 бригады), кавалерійскіе отряды ген. Самсонова и Мищенко,—всего въ общемъ 106¹/₂ батальоновъ, 383 орудія и 75 эскадроновъ и сотенъ. Этимъ войскамъ противостоялъ ген. Куроки, имѣвшій въ своемъ распоряженіи 20¹/₂ батальоновъ, 60 орудій и 6 эскадроновъ. Такимъ образомъ, тотъ частичный успѣхъ, къ которому стремился ген. Куропаткинъ, еще болѣе обезпечивался тѣмъ огромнымъ превосходствомъ въ силахъ, которое на правомъ берегу Тайдзыхе оказалось на сторонѣ русскихъ. На южномъ берегу Тайдзыхе оборона главной позиціи подъ Ляояномъ возложена была на ген. Зарубаева съ 4-мъ Сибирскимъ корпусомъ, 5-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіей (2-й Сибирскій корпусъ) и по 1-й пѣхотной бригадѣ и 1-му артиллерійскому отдѣленію отъ 10-го армейскаго и 3-го Сибирскаго корпусовъ,—всего 64 батальона и 142 орудія. Противъ этихъ войскъ на сторонѣ японцевъ имѣлись 71 батальонъ и 364 орудія. Какъ уже извѣстно, положеніе этой позиціи

и устройство ея не были особенно удачны, тѣмъ не менѣе укрѣпленія позиціи давали, конечно, возможность успѣшно оборонять ее противъ значительно превосходящаго численностью непріятели.

Переходъ русскихъ на правый берегъ Тайдзыхе и занятіе главной позиціи совершены были въ ночь на 1-е сентября безъ особыхъ приключеній, потому что это отступленіе оказалось для японцевъ полнѣйшей неожиданностью. Но когда японцы обнаружили отступленіе русскихъ, они послѣшили тотчасъ же занять оставленныя укрѣпленія, и къ полудню 1-го сентября японскія гранаты стали уже поражать желѣзнодорожную станцію Ляоянъ.

1-е и 2-е сентября.

Едва лишь главная масса русской арміи сосредоточилась на правомъ берегу Тайдзыхе, гдѣ она, по выраженію ген. Куропаткина, должна была служить „сжатымъ кулакомъ“, которымъ онъ хотѣлъ раздавить армію Куроки, какъ у него опять появились заботы объ опасности, угрожающей флангамъ, для предотвращенія которой опять понадобилось выдѣленіе отрядовъ. Необоснованныя свѣдѣнія, полученныя командующимъ арміей о движеніи японцевъ изъ Гудзяцзы, къ западу отъ Мукдена на правомъ берегу, заставили его для прикрытія своего праваго фланга направить бригаду 9-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи (отъ 1-го Сибирскаго корпуса) съ одной батареей подъ начальствомъ ген. Кондратовича, чтобы занять фортъ № 8-й; не довольствуясь этимъ, ген. Куропаткинъ направилъ еще для усиленія этой бригады 6 батальоновъ 71-й дивизіи (отъ 5-го Сибирскаго корпуса). Такимъ образомъ, не считая Ляохейскаго отряда, для обезпеченія праваго фланга израсходовано было еще 14 батальоновъ, которые во все время сраженія подъ Ляояномъ не видали передъ собою никакого непріятели.

Точно также на полную бездѣтельность обречена была въ слѣдствіи во время сраженія 3-я пѣхотная дивизія ген. Янжула (17-го корпуса), а также отрядъ 10-го корпуса, подъ началь-

ствомъ полковника Смоленскаго,—которые на участкѣ между Мутшаномъ и Людіяфаномъ, располагаясь на укрѣпленныхъ позиціяхъ, должны были воспрепятствовать въ этомъ районѣ переходу японцевъ черезъ Тайдзыхе — и такимъ образомъ также не приняли никакого участія въ сраженіи. Наконецъ ген. Куропаткинъ пренебрегъ еще возможностью притянуть на поле сраженія части 1-го армейскаго корпуса, изъ которыхъ 85-й Выборгскій полкъ былъ уже въ Ляоянѣ: изъ опасенія за неприкосновенность путей сообщенія, которымъ могло угрожать движеніе японцевъ черезъ Бенсиху. Вслѣдствіе этого ген. Куропаткинъ оставляетъ 86-й полкъ на станціи Янтай, а другіе 2 полка 22-й дивизіи приказываетъ высадить въ Мукденѣ. Несмотря на все это, русскій главнокомандующій все же располагалъ на правомъ берегу Тайдзыхе почти четверными силами для атаки непріятели, и несмотря на такое превосходство въ силахъ настоящій полководецъ все же стремился бы къ тому, чтобы сосредоточить отовсюду все, что возможно, до послѣдняго человѣка, для того, чтобы обрушиться на главныя силы противника, не заботясь вовсе о разныхъ второстепенныхъ задачахъ, требовавшихъ расходованія отдѣльныхъ отрядовъ.

Въ виду того, что дѣятельность войскъ, оставшихся на южномъ берегу Тайдзыхе, не имѣла особеннаго вліянія на ходъ сраженія подъ Ляояномъ, мы ограничимся лишь нѣсколькими словами объ этомъ районѣ. Японцы 1-го сентября уже заняли на южномъ фронтѣ линію Хвао—Ванзяшуаншущзы; въ то же время артиллерія ихъ, занявъ оставленныя русскими позиціи, открыла бомбардировку желѣзнодорожной станціи и остальныхъ русскихъ укрѣпленій. Въ ночь на 2-е сентября японцы повели штурмъ на фронты, но всѣ ихъ атаки, которыя ведены были ими 2-го и въ ночь на 3-е сентября на южномъ и юго-западномъ фронтахъ, были отбиты съ огромными для японцевъ потерями — 6,374 чел. Потери русскихъ были бы очень незначительны, если бы ген. Куропаткинъ не былъ одержимъ вѣчными опасеніями „объ обходахъ японцевъ, направляющихся правымъ берегомъ Тайдзыхе мимо западнаго фронта“, которыя подвинули командующаго арміей приказать ген. Зарубаеву предпринять 2-го сентября демонстративное наступленіе

между фортами 5-мъ и 8-мъ. Это демонстративное наступленіе, произведенное тремя полками совершенно безцѣльно и безъ всякаго общаго руководства, стоило русскимъ потери въ 1,227 чел., т. е. свыше половины всѣхъ потерь (2,292 чел.), стоившихъ 56 русскимъ батальонамъ во время 3-дневной обороны главной позиціи подъ Ляояномъ.

Для характеристики руководства военными дѣйствіями на русской сторонѣ нелишне напомнить, что имѣвшіяся у русскихъ 28 крѣпостныхъ орудій остались совсѣмъ непримѣнными къ дѣлу: изъ опасенія потерять эти орудія въ случаѣ отступленія ген. Куропаткинъ боялся выставить ихъ на позицію и послѣ безконечныхъ колебаній и передвиженій этихъ орудій по разнымъ назначеніямъ приказалъ отправить ихъ назадъ по желѣзной дорогѣ въ Мукденъ, не сдѣлавъ изъ нихъ никакого примѣненія.

До полудня 3-го сентября, когда послѣдовало приказаніе объ очищеніи Ляояна, войска, оборонявшія главную позицію, держались упорно, такъ что положеніе войскъ, оставленныхъ на южномъ берегу Тайдзыхе, никоимъ образомъ не могло дать командующему Манчжурской арміей какія-нибудь основанія для отступленія. Напротивъ, обстановка на этомъ берегу давала ген. Куропаткину полную возможность безъ всякихъ опасеній выполнить до конца задуманный имъ планъ на сѣверномъ берегу Тайдзыхе.

Обратимся теперь къ главнымъ событіямъ на сѣверномъ берегу рѣки. Войска, перешедшія черезъ Тайдзыхе, имѣли 1-го сентября возможность собраться съ силами и отдохнуть отъ предшествовавшихъ боевъ и ночного перехода. Бригада ген. Орлова изъ состава 5-го Сибирскаго корпуса, которая вначалѣ должна была служить резервомъ 17-му армейскому корпусу, по приказанію командующаго Манчжурской арміей направлена была въ этотъ день на Янтайскія копи; туда же направлена была и конница ген. Самсонова, назначенная для прикрытія лѣваго фланга арміи. Отъ 17-го корпуса осталась 3-я пѣхотная дивизія на укрѣпленной позиціи на участкѣ между Фаншеномъ и Людіяфаномъ, не имѣя передъ собою никакого непріятели. Въ видѣ резерва ген. Бильдерлинга распо-

жена была въ районѣ Тудагоу смѣшанная бригада ген. Экка, и только 2½ батальона изъ состава 3-й дивизіи, приданные 35-й дивизіи ген. Добржинскаго, отражали 1-го сентября наступленіе переправившихся уже на правый берегъ японскихъ войскъ.

Впрочемъ, никакого сопротивленія и въ этотъ день не было оказано японцамъ при ихъ переправѣ черезъ Тайдзыхе. Командующій Манчжурской арміей приказалъ даже ген. Добржинскому выяснитъ силы и направленіе движенія японскихъ войскъ, „не ввязываясь въ упорный бой“.

Крайне пассивный образъ дѣйствій русскихъ 1-го сентября и въ особенности бездѣятельность ихъ конницы, остававшейся спокойно на лѣвомъ флангѣ, укрѣпили ген. Куроки въ его предположеніи, что русскіе начали уже свое отступленіе, поэтому онъ рѣшается энергично двинуться впередъ для того, чтобы помѣшать ихъ отступленію.

Какая удивительная разница въ образѣ дѣйствія русскихъ и японскихъ военачальниковъ! Обѣ стороны не были вполне ориентированы въ истинномъ положеніи обстановки. Въ то время, какъ русскій полководецъ, несмотря на огромное превосходство въ силахъ, видитъ передъ собою только неблагоприятный ходъ событій и вслѣдствіе этого не отваживается принять какое-нибудь рѣшеніе,—японскій полководецъ, напротивъ, смѣлымъ движеніемъ впередъ стремится сорвать завѣсу неизвѣстности. Въ то время, какъ ген. Куропаткинъ со своими 100 батальонами базируется въ своихъ дѣйствіяхъ только на осторожности,—Куроки съ небольшой группой своихъ батальоновъ одушевленъ смѣлымъ порывомъ впередъ и достигаетъ поэтому блестящаго успѣха.

Ген. Добржинскій съ 137-мъ Нѣжинскимъ полкомъ и 2½ батальонами 139-го и 138-го полковъ оборонялъ высоту сѣвернѣе Сыквантуня, которая послѣдствіи названа была „Нѣжинской сопкой“ по имени полка. Собственно въ деревнѣ Сыквантунъ расположены были 2½ батальона 10-го полка отъ 3-й дивизіи.

Ген. Куроки рѣшилъ еще утромъ 1-го сентября повести атаку на упомянутую высоту и назначилъ для этого 15-ю

бригаду ген. Окасаки. Вправо отъ этой бригады должна была направиться 12-я дивизія съ цѣлю атаковать съ сѣвера позицію ген. Добржинскаго, дѣйствуя охватомъ съ этой стороны. Атака 15-й бригады была уже начата, когда въ 2 час. дня ген. Куроки получилъ донесеніе, что значительная русская колонна, длиною въ нѣсколько километровъ, направляется отъ Янтайскихъ копей, угрожая правому флангу 12-й дивизіи. Это былъ отрядъ ген. Орлова, который не „наступалъ отъ Янтайскихъ копей“, но къ этому времени прибылъ въ этотъ районъ и остановился южнѣ копей.

Въ то время, какъ у русскихъ начальниковъ всякое поступавшее къ нимъ донесеніе объ опасности, угрожающей флангамъ, — даже въ тѣхъ случаяхъ, когда эти донесенія были совершенно неосновательны — дѣйствовало парализующимъ образомъ на нихъ, въ отношеніи ген. Куроки это тревожное донесеніе не поколебало его разъ принятаго рѣшенія для достиженія извѣстной цѣли. Онъ приказываетъ лѣвофланговой 23-й бригадѣ отъ 12-й дивизіи поддержать атаку 15-й бригады на Нѣжинскую сопку и въ то же время 12-й правофланговой бригадѣ стать фронтомъ на сѣверъ, чтобы прикрыть флангъ этой атаки.

Выждавъ подготовки атаки своей артиллеріи, пѣхота съ наступленіемъ темноты приблизилась къ русской позиціи на дистанцію всего только въ 800 метровъ. Первую атаку японцы повели около 9-ти часовъ. Оборонявшіе деревню Сыквантунъ и южныя отлогости примыкавшихъ высотъ 2¹/₂ батальона 10-го пѣхотнаго полка безъ всякаго сопротивленія стали очищать позицію по приказанію своего командира полка и въ паническомъ страхѣ бросились въ бѣгство, едва только японцы показали передъ ихъ фронтомъ. Сѣверныя отлогости высотъ удержаны были пока въ рукахъ русскихъ, но около полуночи, когда взошла луна, японцы повели цѣлый рядъ атакъ противъ этихъ высотъ и, наконецъ, овладѣли ими послѣ сильнаго удара въ штыки. Оборонявшія высоты войска бросились въ беспорядкѣ по направленію на Сахутунъ.

Изъ 18 батальоновъ, бывшихъ въ распоряженіи ген. Добржинскаго, въ отраженіи японскихъ атакъ участвовало

всего только 5¹/₂ батальоновъ, изъ которыхъ 2¹/₂ батальона Новоингерманландскаго полка отдали японцамъ свою позицію безъ всякаго сопротивленія. Остальныя же войска 35-й дивизіи—да и, вообще, всего 17-го армейскаго корпуса—оставались совершенно посторонними зрителями этихъ событій. Такимъ образомъ ген. Куроки, только благодаря отважной рѣшимости, вырвалъ изъ рукъ болѣе превосходящаго числомъ противника весьма важную позицію, овладѣніе которой имѣло рѣшающее значеніе въ исходѣ сраженія 2-го сентября.

Строго говоря, овладѣніе Нѣжинской сопкой представляло собою только частичный успѣхъ и собственно не могло играть рѣшающей роли для исхода сраженія. Сопка эта представляла собою мѣстный предметъ, который, какъ и всѣ другіе мѣстные предметы, могъ быть при наступленіи прекрасно обойденъ или охваченъ въ случаѣ необходимости, такъ что при атакѣ русскихъ она не могла бы играть никакой роли. Но въ характерѣ русскаго главнокомандующаго скрывалась такая особенность — сосредоточивать свои заботы на отдѣльныхъ фактахъ вмѣсто того, чтобы постоянно имѣть передъ собою одну общую цѣль и всю обстановку данной минуты; вслѣдствіе этого ген. Куропаткинъ сосредоточилъ все свое вниманіе на овладѣніи этой высотой настолько, что онъ 2-го сентября точно загнипотизированъ былъ этимъ мѣстнымъ предметомъ, овладѣніе которымъ онъ ставилъ задачей всей арміи, и если эта задача достигнута не была, то ему казалось, что и все сраженіе проиграно.

Успѣхъ, достигнутый японцами, далъ возможность ген. Куроки переправить въ ночь на 2-е сентября также и 3-ю бригаду 2-й дивизіи, которая перешла черезъ Тайдзыхе у Канкваньтуня. Такимъ образомъ, утромъ 2-го сентября на мѣстѣ боя, на правомъ берегу Тайдзыхе, имѣлось уже 27¹/₂ батальоновъ, 6 эскадроновъ и 60 орудій.

При всемъ томъ превосходство силъ у ген. Куропаткина было подавляющее по сравненію съ силами ген. Куроки, и командующему Манчжурской арміей требовалась только твердая воля, чтобы рѣшительнымъ движеніемъ впередъ уничтожить противника. Требовалось только двинуть противъ непріа-

теля сосредоточенныя силы такъ быстро, какъ только возможно, направляя ихъ подъ однимъ общимъ руководствомъ. Побѣда тогда далась бы сама собою, такъ какъ не трудно было отрѣзать ген. Куроки отступленіе на южный берегъ. Ген. Куропаткинъ, однако, увлекся какими-то изощреніями. Ему хотѣлось сначала всю группу русскихъ войскъ, находившихся на правомъ берегу Тайдзыхе, развернуть на фронтъ Сыквантунъ—Янтайскія копи и потомъ, „имѣя Сыквантунскую укрѣпленную позицію какъ ось, произвести захожденіе всѣмъ фронтомъ направо для того, чтобы переправившіяся у Канкваньтуня войска арміи ген. Куроки взять во флангъ и отгнать къ рѣкѣ“. Такимъ образомъ, и въ настоящемъ случаѣ ген. Куропаткинъ остается вѣренъ себѣ: основной идеей этого плана было не стремленіе уничтожить противника, а въ гораздо большей степени—обезопасить свой путь отступленія на Мукденъ.

Въ своемъ приказѣ по арміи отъ 2-го сентября (диспозиція № 4-й) ген. Куропаткинъ говоритъ, правда, о принятомъ имъ рѣшеніи, „удерживая главную позицію подъ Ляояномъ, двинуться противъ японскихъ войскъ, переправившихся черезъ Тайдзыхе, и атаковать ихъ“. Но мѣры, принятыя имъ для осуществленія этой задачи, не могли привести къ успѣшному выполненію поставленной цѣли, такъ какъ онъ самъ опустил давно свой приподнятый „сжатый кулакъ“, которымъ онъ хотѣлъ встрѣтить переправившіяся на правый берегъ японскія войска. Ген. Куропаткинъ сталъ опасаться, что японцы, быть можетъ, переправились черезъ Тайдзыхе въ значительныхъ силахъ и со своей стороны приняли всѣ мѣры. Опасенія ген. Куропаткина нанести своей шпагой невѣрный ударъ и сломать, такимъ образомъ, свое оружіе заставляють его воздержаться вовсе отъ употребленія въ дѣло своего оружія, которымъ онъ могъ разбить противника, и онъ предпочитаетъ поэтому обратиться къ болѣе осторожнымъ мѣрамъ.

Трудно встрѣтить еще болѣе туманную диспозицію, въ которой приказъ о наступленіи былъ бы выраженъ такъ неясно, какъ диспозиція № 4-й отъ 2-го сентября по войскамъ Манчжурской арміи, гдѣ задачи, поставленныя войскамъ, крайне неопредѣленны. Слово *наступленіе* встрѣчается только въ на-

чалъ диспозиціи, но затѣмъ оно не упоминается ни въ одной изъ задачъ, которыя даются колоннамъ: 17-му армейскому корпусу ставится задача—удержать противника, обороняя позицію у Сыквантуня; 10-му армейскому корпусу дается задача продвинуться изъ Синчена черезъ Сявагодцзы до высотъ у Сахутуня; 1-му Сибирскому корпусу приказано одной или двумя колоннами направиться на Лататай до высотъ у Сахутуня, продвинувшись на 4—6 верстъ впереди этого пункта; 3-му Сибирскому корпусу, въ качествѣ резерва, продвинуться въ Шансутунь и тамъ ждать приказаній; дивизіи ген. Орлова направиться отъ Янтайскихъ копей на Хванкуфень, „согласуя свое движеніе съ движеніемъ ген. Штакельберга“.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что войскамъ не указываются вовсе пункты атаки на позицію противника. Впечатлѣніе отъ этой диспозиціи получается такое, что, направляя войска для наступленія изъ-подъ Ляояна, у командующаго арміей была одна забота—удержать какъ-нибудь наступающія войска отъ энергичной атаки. Можно было бы думать, по упомянутой диспозиціи, что у ген. Куропаткина было желаніе развернуть сначала войска на опредѣленной линіи для того, чтобы затѣмъ, послѣ успѣшной развѣдки, дать приказъ объ атакѣ противника; но этому не соотвѣтствовала подлинная обстановка, потому что вполне ясно было, гдѣ именно находится противникъ: правый флангъ непріятеля былъ уже охваченъ русскими отрядами, расположенными около Янтайскихъ копей—ген. Орлова, Самсонова и Орбеліани; значить, необходимо было только соотвѣтствующимъ образомъ двинуть впередъ другія войска по линіи Янтайскія копи—Сыквантунь и въ этомъ направленіи атаковать противника, но для этого необходимо было прежде всего указать войскамъ опредѣленную *цѣль* и направленіе движенія, на примѣръ: линію Санпинчу—восточная часть Сахутуня—Хоюантай—Яндзипуза—Таю—Фаншень, указавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и опредѣленный часъ, на примѣръ, 10 час. утра, когда войска должны были выйти на высоту этой линіи. Одновременно съ тѣмъ слѣдовало дивизію ген. Орлова и конницу двинуть черезъ Тзуйкія—Сіенканъ—Канинь и далѣе къ востоку, направивъ, ихъ въ тылъ японцамъ, что способствовало русскимъ

войскамъ, атакующимъ съ запада, выиграть просторъ для своего развертыванія и наступленія. Согласованіе этихъ дѣйствій составляло, конечно, обязанность штаба арміи и должно было найти себѣ отраженіе въ приказаніи по арміи, для этого послѣдняго должны были быть даны разнымъ колоннамъ соответствующіе часы выступленія (около 5 час. утра, т. е. съ разсвѣтомъ, но не часы прибытія къ извѣстнымъ пунктамъ). Войска, жажущія боя, подъ командой начальниковъ энергичныхъ и дѣятельныхъ, безъ указанія часа прибытія къ извѣстнымъ пунктамъ сами собою напрягли бы все усилія, чтобы поспѣть возможно скорѣе къ угрожаемымъ пунктамъ—разъ съ ранняго утра со стороны Сахутуня слышна уже была артиллерійская канонада. Но въ данномъ случаѣ не было этихъ порывовъ къ дѣятельности и жажды боя. Крайне усталыя въ длинномъ рядѣ боевъ къ югу отъ Ляояна, потерявъ довѣріе къ своимъ вождямъ послѣ неудовлетворительнаго исхода этихъ боевъ, подавленные войска не горѣли жаждой новой встрѣчи съ непріателемъ и подвигались поэтому впередъ крайне медленно. 1-й Сибирскій корпусъ, который на разсвѣтѣ долженъ былъ выступить двумя колоннами, только послѣ полудня прибылъ со своимъ авангардомъ отъ 1-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи въ Яндзипуза, гдѣ вступилъ въ бой въ то время, когда отрядъ ген. Орлова находился уже въ полномъ отступленіи; между тѣмъ главныя силы этой дивизіи, а также правая колонна корпуса никакого участія въ бою не приняли вовсе. За цѣлый день похода этотъ корпусъ сдѣлалъ едва лишь 15 километровъ въ то время, какъ часть арміи находилась въ бою и крайне нуждалась въ его помощи. И вотъ съ этимъ корпусомъ отрядъ ген. Орлова долженъ былъ „согласовать свое движеніе“...

Чтобы судить о поведеніи ген. Орлова въ бою 2-го сентября, которое вмѣстѣ съ неудачнымъ боемъ русскихъ войскъ у Нѣжинской сопки дало поводъ ген. Куропаткину рѣшиться на отступление, необходимо принять во вниманіе неясныя и противорѣчивыя приказанія, данныя въ диспозиціи. Ген. Орловъ со своимъ отрядомъ предоставленъ былъ въ распоряженіе ген. Бильдерлинга, но не получалъ отъ него никакихъ приказаній,

вмѣсто которыхъ, по обыкновенію ген. Куропаткина, ген. Орловъ сталъ получать непосредственныя приказанія отъ него самого. Ген. Куропаткинъ же въ своихъ указаніяхъ приказалъ ген. Орлову съ его отрядомъ „двинуться вдоль желѣзной дороги по направленію къ Янтайскимъ копиямъ и остановить тамъ наступленіе противника“. Въ случаѣ же, если японцы направятся вдоль Тайдзыхе, ген. Орловъ долженъ былъ „дѣйствовать противъ ихъ праваго фланга, а въ случаѣ превосходныхъ силъ противника отступить на Янтай“. Между тѣмъ, дѣйствія колонны ген. Орлова могли заключаться лишь въ томъ, чтобы атаковать правый флангъ и тылъ войскъ Куроки, переправившихся черезъ Тайдзыхе, конечно согласуя эту атаку съ дѣйствіями войскъ, наступающихъ со стороны Ляояна. Но что понимать подъ словомъ *дѣйствовать*, въ особенности тогда, когда постоянно предостерегаютъ отъ всякихъ энергичныхъ дѣйствій неоднократнымъ напоминаніемъ, что не слѣдуетъ ввязываться въ бой съ превосходными силами? Командующій арміей, очевидно, не желалъ принять на себя отвѣтственность за исполненіе опредѣленное приказаніе, исключаяющее возможность всякихъ сомнѣній, и предоставлялъ поэтому самому ген. Орлову разобраться въ полученныхъ имъ приказаніяхъ, которыя даны ему въ диспозиціи № 4-й— „согласовать свое движеніе на Хванкуфенъ съ движеніемъ ген. Штакельберга“.

Командиръ 11-го Псковскаго полка, включеннаго въ составъ отряда ген. Орлова послѣ полудня 1-го сентября, полковникъ Грулевъ, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее: „поздно ночью принесли диспозицію, которую я прочиталъ нѣсколько разъ и никакъ не могъ опредѣлить— что намъ предстоитъ на слѣдующій день: обороняться или наступать. Вѣроятно, въ этой диспозиціи отразилась общая нерѣшительность верховъ арміи. Какъ выяснилось потомъ, въ 7 час. вечера 1-го сентября ген. Орловъ получилъ записку отъ ген. Бильдерлинга о томъ, что его отрядъ въ боевомъ отношеніи подчиняется ему, командиру 17-го армейскаго корпуса. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему было сообщено, что на правый берегъ Тайдзыхе переправилось до двухъ дивизій японцевъ и что въ случаѣ движенія значительныхъ силъ противника противъ

17-го армейскаго корпуса и въ обходъ его лѣваго фланга отряду ген. Орлова надлежитъ поддержать лѣвый флангъ этого корпуса энергичнымъ движеніемъ впередъ, а въ случаѣ напора превосходныхъ силъ противника слѣдуетъ отходить на Янтай для прикрытія желѣзной дороги“. Такимъ образомъ ген. Орловъ согласно приказанію ген. Бильдерлинга долженъ былъ также считаться съ „превосходными силами противника“ и отступить передъ ними на Янтай, а такъ какъ всѣ русскіе начальники постоянно видѣли передъ собою „превосходныя силы противника“, то, конечно, и ген. Орловъ не составилъ въ этомъ случаѣ исключенія.

Нерѣшительность командующаго арміей передалась также и всѣмъ другимъ его помощникамъ, а также и войскамъ, вслѣдствіе чего во всѣхъ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ 2-го сентября сквозитъ нерѣшительность, отсутствіе планосообразности и общаго руководства. Трудно собственнo говорить въ данномъ случаѣ о какомъ-нибудь цѣльномъ сраженіи. Выше 100 русскихъ батальоновъ, 80 эскадроновъ и 400 орудій собрано было въ районѣ между Тайдзыхе и желѣзнодорожной вѣткой изъ Ляояна въ Янтайскія копи; но большая часть этихъ войскъ оставались бездѣятельными зрителями отдѣльных боевъ, происходившихъ независимо одинъ отъ другого на правомъ и лѣвомъ флангахъ русскихъ войскъ, безъ всякаго общаго руководства, безъ общей цѣли. Только треть этихъ войскъ участвовала въ разрозненныхъ бояхъ, рѣшившихъ участь всего сраженія.

На правомъ русскомъ флангѣ происходилъ бой за овладѣніе Нѣжинской сопкой и деревней Сыквантунъ, которое ген. Куропаткинъ ставилъ главнѣйшей задачей этого дня. Позиціи эти были заняты 15-й и частью 23-й японскихъ бригадъ, которыя вырвали ихъ изъ рукъ 35-й дивизіи въ ночномъ бою и укрѣпились на нихъ. Противъ этихъ японскихъ войскъ дѣйствовалъ 17-й армейскій корпусъ, въ то время, какъ 10-й армейскій и 3-й Сибирскій корпуса направлялись утромъ на Сахутунъ. Послѣдній изъ этихъ корпусовъ только къ полудню прибылъ въ Чансутунъ и никакого участія въ бою, вообще, не принялъ 10-й армейскій корпусъ находился

между Чушиндзей и Тудагоу, гдѣ онъ задержанъ былъ приказаніемъ командующаго арміей, находившагося въ это время на высотѣ по сосѣдству съ Фандзіатунемъ. Только авангардъ этого корпуса, въ составѣ бригады 31-й дивизіи подъ начальствомъ ген. Васильева (полки 121-й и 123-й), былъ посланъ на подкрѣпленіе ген. Бильдерлинга. Но въ виду того, что отъ его 17-го корпуса 3-я пѣхотная дивизія, не будучи атакована, оставалась на укрѣпленныхъ позиціяхъ на сѣверномъ берегу Тайдзыхе между Фанше и Сыквантунъ, то въ бою за Нѣжинскую сопку участвовала только 35-я дивизія, сводная бригада ген. Экка (полки 284-й и 85-й) и бригада ген. Васильева, всего отъ 28 до 30 батальоновъ, т. е. въ общемъ имѣлась численность войскъ все еще не меньше, чѣмъ силы японцевъ, находившихся на правомъ берегу Тайдзыхе изъ состава 1-й арміи Куроки.

Всѣ недостатки, замѣчавшіеся раньше со стороны русскихъ въ отношеніи командованія войсками, которымъ они обязаны были испытанными до того времени пораженіями, сказались съ особенной яркостью въ бояхъ за Нѣжинскую сопку. Мы не видимъ здѣсь никакого общаго руководительства боемъ, никакихъ опредѣленныхъ приказаній, никакой связи,—словомъ, мы видимъ здѣсь полнѣйшую неспособность въ направленіи и въ руководствѣ атакой.

Мѣста находенія въ бою начальниковъ,—командующаго арміей ген. Бильдерлинга и начальника 35-й дивизіи ген. Добржинскаго—были удалены другъ отъ друга на разстояніи всего двухъ километровъ. Тѣмъ не менѣе, въ штабѣ арміи до полудня не имѣлось опредѣленнаго представленія о положеніи дѣла. Донесенія, поступавшія отъ ген. Бильдерлинга, были до такой степени противорѣчивы, что нельзя было уяснить себѣ,—находится ли Нѣжинская сопка въ рукахъ японцевъ или 17-го корпуса. Повидимому, утромъ 2-го сентября самъ командиръ 17-го корпуса ген. Бильдерлингъ не имѣлъ яснаго представленія о положеніи дѣла. Но, конечно, всѣ сомнѣнія могли бы быть сразу выяснены, если бы командующій арміей направилъ всѣ свои войска для энергичной атаки, но у ген. Куропаткина давно уже опустилась рука, поднятая для нанесенія

удара, и онъ вовсе теперь не думалъ о томъ, чтобы снова поднять ее для удара. Онъ озабоченъ былъ, повидимому, лишь однимъ—чтобы обезпечить себѣ безпрепятственное отступленіе, а для этого, казалось ему, необходимо овладѣть Нѣжинской сопкой.

Когда же около полудня ген. Куропаткинъ выяснилъ себѣ, наконецъ, что позиція у Сыквантуня все еще находится въ рукахъ японцевъ, онъ потребовалъ отъ ген. Бильдерлинга предпринять энергичную атаку для овладѣнія позиціей въ виду того, что „дорога каждая минута“. Это, конечно, было несомнѣнно, что *время дорого*, но самъ командующій арміей до того времени ничего не сдѣлалъ, чтобы использовать время. вмѣстѣ съ тѣмъ ген. Куропаткинъ направилъ также и ген. Штакельберга между 17-мъ корпусомъ и бригадой ген. Орлова, приказавъ ему поддержать атаку 17-го корпуса, „объ исполненіи которой дано будетъ особое приказаніе“...

Въ исторіи русскаго генеральнаго штаба мы не находимъ, однако, никакихъ указаній, получилъ ли ген. Штакельбергъ какія-нибудь приказанія, которыя были ему обѣщаны, и сдѣлалъ ли ген. Штакельбергъ со своей стороны достаточныя усилія, чтобы его корпусъ *постышился* къ мѣсту боя. Въ дѣйствительности мы уже знаемъ, какъ упомянуто было выше, что 1-й Сибирскій корпусъ принялъ участіе въ бою только авангардомъ своей лѣвой колонны, которая только послѣ полудня ввязалась въ бой съ японцами, уже во время отступленія колонны ген. Орлова.

Въ руководствѣ атакой позиціи у Сыквантуня господствовали также непримѣрный хаосъ и смятеніе среди команднаго состава. Руководство этой атакой было передано ген. Куропаткинѣмъ ген. Бильдерлингу, который со своей стороны поручилъ ген. Добржинскому направленіе колоннъ и указаніе цѣли для артиллерійской подготовки атаки. Но ген. Эккъ и Васильевъ получили со своей стороны особое указаніе непосредственно отъ командующаго арміей послѣ того, какъ отъ ген. Васильева получено было послѣ полудня донесеніе въ штабъ арміи, что онъ ни отъ кого никакихъ приказаній до того времени не получилъ. Въ исторіи русскаго генеральнаго

штаба указывается при этомъ, что командиръ 17-го армейскаго корпуса ген. Бильдерлингъ, повидимому, ничего не зналъ о томъ, что дѣлается у него на правомъ флангѣ.

Мы не видимъ также никакой внутренней связи между войсками, назначенными для упомянутой выше атаки. Непосредственные начальники не знали даже ничего относительно расположенія своихъ частей. Еще до полудня началось нѣкоторое беспорядочное наступленіе отдѣльныхъ частей войскъ противъ Нѣжинской сопки. Ген. Васильевъ, безъ установленія какой-либо связи со штабами 17-го корпуса и 35-й дивизіи, предпринялъ самостоятельное наступленіе, руководствуясь указаніемъ, полученнымъ отъ ген. Куропаткина, и развернулся для боя въ то время, когда 37 батальоновъ 17-го и 10-го корпусовъ оставались бездѣтельными зрителями на своихъ мѣстахъ.

Послѣ полудня противъ Нѣжинской сопки открытъ былъ артиллерійскій огонь изъ 154 русскихъ орудій, которымъ приказано было приготовить атаку. Но и въ отношеніи этой подготовки мы не видимъ также общаго руководства: интенсивность огня парализовалась указаніемъ, полученнымъ изъ штаба арміи „быть экономными въ расходованіи артиллерійскихъ запасовъ, такъ какъ настоящій бой будетъ происходить только завтра“. Затѣмъ въ виду отсутствія опредѣленныхъ свѣдѣній о расположеніи частей 35-й дивизіи пришлось сосредоточить артиллерійскій огонь только противъ вершины Нѣжинской сопки, покрытой гаоляномъ, и южной отлогости горы, такъ какъ опасались собственныя войска подвергнуть пораженію своей артиллеріи. Между тѣмъ въ послѣдствіи оказалось, что японцы расположены были не на южной, а на западной покатости горы.

Послѣ отдѣльныхъ разрозненныхъ и безцѣльныхъ наступленій начался, наконецъ, общій штурмъ позиціи у Сыквантуня, который поведенъ былъ въ 7 час. вечера, т. е. уже съ наступленіемъ темноты. Въ этомъ штурмѣ приняли участіе 29 батальоновъ. Никакихъ общихъ указаній для атаки дано не было: не было также никакого распределенія штурмовыхъ колоннъ, не даны были ни направленіе, ни предметы атаки. Но для развертыванія 29 батальоновъ требовалось достаточно простора,

что одно уже приводило къ необходимости эту фронтальную атаку связать съ атакой съ сѣвера и охватомъ обоихъ фланговъ. При значительномъ превосходствѣ въ силахъ, которое имѣлось на русской сторонѣ, эти охваты были вполне возможны и привели бы, вѣроятно, къ успѣху. вмѣсто этого всѣ войска двинулись фронтальнымъ полукругомъ, начавъ свое наступленіе съ исходныхъ пунктовъ, которые удалены были отъ сопки всего только на разстояніи 1—1¹/₂ километровъ, при чемъ вся эта масса войскъ получила одну цѣль атаки—вершину сопки, т. е. всѣ устремились на одинъ единственный пунктъ атаки. Находившійся на позиціи восточнѣе Фаншиго 140-й полкъ, положеніе котораго было особенно благопріятно для охвата сопки съ сѣвера, не принялъ вовсе никакого участія въ бою.

Это совершенное отсутствіе планосообразности въ руководствѣ атакой привело къ тому, что среди войскъ, направившихся на штурмъ по полямъ, покрытымъ высокимъ гаолянномъ, исчезъ всякій порядокъ и оказалось невозможнымъ какое бы ни было управленіе боемъ. Къ этому необходимо прибавить, что войска не одновременно начали атаку. Первымъ пошелъ на штурмъ 85-й полкъ; за нимъ послѣдовалъ 121-й полкъ на правомъ флангѣ, затѣмъ двинулся въ атаку 123-й полкъ, еще позже пошли на штурмъ 137-й и 33-й полки. Наконецъ, послѣ всѣхъ пошелъ въ атаку 284-й полкъ, который направился прямо къ подошвѣ высоты, гдѣ наткнулся на собственные войска, пошелъ на нихъ въ атаку, былъ встрѣченъ оттуда сильнымъ ружейнымъ огнемъ, быстро повернулъ назадъ и въ паническомъ бѣгствѣ устремился въ Эрдагоу. Наступившая темнота, высокій гаолянъ, по которому пришлось двигаться войскамъ, общее смѣшеніе многихъ отдѣльныхъ частей войскъ и получившійся, вслѣдствіе этого, полный беспорядокъ содѣйствовали тому, что значительная часть нижнихъ чиновъ оставила ряды и самовольно возвратилась назадъ прямо въ Сахутунь.

Тѣмъ временемъ ген. Куропаткинъ приказалъ двинуть впередъ 9-ю дивизію 10-го армейскаго корпуса и вмѣстѣ съ тѣмъ все руководство атакой поручилъ ген. Случевскому. Но было уже поздно; наступила уже полная темнота; навстрѣчу 9-й ди-

визіи попадались значительныя толпы бѣглецовъ со стороны Нѣжинской сопки. Кромѣ того, ген. Васильевъ донесъ ген. Случевскому въ 9 час. вечера, что атака на Нѣжинскую сопку отбита, вслѣдствіе чего 9-я дивизія пріостановила свое дальнѣйшее наступленіе впередъ. Въ дѣйствительности же часть высотъ временами находилась во владѣніи русскихъ ротъ, и даже послѣ полуночи нѣкоторыя роты занимали еще эти высоты. Во всякомъ случаѣ, штурмъ собственно 29 русскихъ батальоновъ, произведенный противъ японской бригады Окасаки въ составѣ 7¹/₂ батальоновъ, оборонявшихъ эти высоты, потерпѣлъ полнѣйшую неудачу. Потери русскихъ во время этого штурма простирались до 3,280 чел.; японцы же потеряли всего лишь 1,291 чел.

Но еще раньше, чѣмъ послѣдовала упомянутая выше атака противъ Нѣжинской сопки, послѣ полудня 2-го сентября, потерпѣлъ полное пораженіе другой русской отрядъ ген. Орлова на лѣвомъ флангѣ, къ югу отъ Янтайскихъ каменноугольныхъ копей. Утромъ 2-го сентября около этихъ копей и къ югу отъ нихъ находились отрядъ ген. Орлова, конные отряды ген. Самсонова и Орбеліани, а также батальонъ подполковника Шестакова, — всего 13 батальоновъ, 32 сотни и эскадроновъ и 34 орудія. Не могло быть никакого сомнѣнія относительно задачи этихъ войскъ, которыя должны были энергично атаковать правый флангъ японцевъ, который прикрывался въ этомъ районѣ Матапу—Таяпу 12-й японской бригадой, въ составѣ 6 батальоновъ, 3 эскадроновъ и 18 горныхъ орудій. При нѣкоторомъ форсированіи походнаго марша 1-го Сибирскаго корпуса, который въ 5 час. утра выступилъ изъ Хиншуйцзы — Людзіашуана, онъ могъ къ 9 часамъ утра прибыть въ районъ Янтзіапуза—Сіяутаненгоу. Далѣе, если бы отрядъ ген. Мищенко, въ составѣ 19 сотенъ и 12 орудій, стоявшій безъ всякаго дѣла въ Сіяйдіатунѣ, поспѣшилъ прибыть въ районъ Таіо на разсвѣтъ, а не къ полудню, какъ это случилось на самомъ дѣлѣ, то для атаки праваго фланга японцевъ къ полудню 2-го сентября могло быть сосредоточено 31 батальонъ, 57 сотенъ и 100 орудій.

Какъ упомянуто было выше, указанія, данныя ген. Куро-

паткинымъ ген. Орлову, отличались полнѣйшей неясностью и противорѣчіями, — въ особенности указанія, данныя въ диспозиціи № 4-й, — „согласоваться съ движеніемъ 1-го Сибирскаго корпуса“, сообразно съ чѣмъ направиться на Хванкуфентъ. Болѣе соответствующими обстановкѣ были указанія, данныя ген. Бильдерлингомъ, который въ 2 часа ночи послалъ ген. Орлову приказаніе „на развѣтѣ атаковать правый флангъ японцевъ“.

Согласно этимъ указаніямъ ген. Орловъ утромъ, въ 4^{1/2} час., сдѣлалъ всѣ распоряженія, необходимыя для того, чтобы начать атаку противъ праваго фланга японцевъ; но въ это время имъ получена была телеграмма отъ генералъ-квартирмейстера штаба арміи, которая заставила его усомниться въ правильности принятаго имъ рѣшенія. Въ телеграммѣ указывалось „въ развитіе диспозиціи“, что въ случаѣ, если ген. Бильдерлингъ не будетъ атакованъ японцами, надлежитъ съ отрядомъ двинуться къ нему на соединеніе „какъ это ему уже предписано“. „Если же ген. Бильдерлингъ будетъ атакованъ японцами, то ген. Орловъ долженъ двинуться на поддержку его лѣваго фланга“...

Ген. Орловъ вполне правъ въ своей реляціи, когда онъ говоритъ, что въ этомъ полученномъ имъ приказаніи говорится только *о движеніи*, но не объ атакѣ. Что же касается движенія, о которомъ въ приказаніи сказано было, „какъ это уже предписано“, то никакого такого предписанія онъ не получилъ вовсе. Послѣдствіемъ такихъ новыхъ неопредѣленныхъ указаній, исходившихъ изъ штаба арміи, было то, что ген. Орловъ снова отмѣнилъ свое приказаніе объ атакѣ и послалъ запросъ ген. Бильдерлингу, куда онъ долженъ двинуться...

Отрядъ ген. Орлова на развѣтѣ 2-го сентября занималъ позицію на высотахъ впереди Янтайскихъ копей. На обоихъ флангахъ этой позиціи находились кавалерійскіе отряды ген. Орбеліани и Самсонова. Въ 5 час. утра русская артиллерія открыла огонь противъ высотъ восточнѣе Матапу, которая занимала 12-я японская бригада. Такъ какъ отъ ген. Бильдерлинга не получалось никакого отвѣта, а всѣ попытки, предпринятыя съ цѣлью войти въ связь съ ген. Добржинскимъ, не

привели къ положительнымъ результатамъ, то въ 8 час. утра ген. Орловъ рѣшилъ предпринять наступленіе по направленію на Нѣжинскую сопку.

Это рѣшеніе ген. Орлова соотвѣтствовало, вообще, обстановкѣ, и никто не согласится съ ген. Куропаткинымъ, который въ своемъ отчетѣ говоритъ слѣдующее: „Ген. Орловъ съ 13 батальонами занималъ 2-го сентября сильную и важную позицію у Янтайскихъ копей. Въ направленіи къ этой же позиціи двигался и ген. Штакельбергъ съ 1-мъ Сибирскимъ корпусомъ. Не входя въ связь съ 1-мъ Сибирскимъ корпусомъ, ген. Орловъ преждевременно оставилъ свою возвышенную позицію и двинулся по гаоляну въ направленіе къ лѣвому флангу 17-го корпуса. Когда же войска ген. Орлова, находясь въ морѣ гаоляна, стали поражаться огнемъ съ фронта и съ фланга, то они смѣшались и, одержимыя паникой, въ беспорядкѣ бросились назадъ. Нѣкоторыя части этого отряда безостановочно отступали на станцію Янтай“...

Выходитъ, по мнѣнію ген. Куропаткина, что ген. Орловъ долженъ былъ оставаться на своей сильной позиціи въ ожиданіи прибытія корпуса ген. Штакельберга и все это время быть постороннимъ зрителемъ боя, происходившаго въ войскахъ 17-го корпуса за овладѣніе Нѣжинской сопкой. А такъ какъ 1-й Сибирскій корпусъ не торопился прибытіемъ на поле сраженія, то и отрядъ ген. Орлова долженъ былъ до вечера оставаться бездѣятельнымъ на своей позиціи. Едва ли такую задачу можно было придумать для отряда ген. Орлова. Напротивъ, долгъ и обязанность повелѣвали ему двинуться на помощь 17-му корпусу, положеніе котораго въ общемъ видно было съ высотъ Янтайскихъ копей. Что же касается необходимости „согласоваться“, это движеніе съ наступленіемъ 1-го Сибирскаго корпуса, то это была задача командующаго арміей, а никакъ не ген. Орлова. Причиной пораженія ген. Орлова было не его преждевременное рѣшеніе о наступленіи, но не достаточно энергичное его исполненіе.

Въ безконечномъ морѣ гаоляна, въ районѣ между Фаншеномъ и Тайоу, резервные полки ген. Орлова встрѣтились съ 12-й японской бригадой, которая также пошла въ атаку по

приказанію ген. Куроки. Тутъ снова, какъ и въ бою за Нѣжинскую сопку, обнаружилась неспособность русской пѣхоты къ атакѣ, когда нѣтъ руководства со стороны начальниковъ и стрѣлки предоставлены самимъ себѣ. Тотъ самый гаолянъ, который для русскихъ полковъ былъ причиной полнѣйшаго безпорядка, — такъ что, на примѣръ, командиръ 216-го полка доносилъ около полудня, что 1-й батальонъ разбрелся въ гаолянѣ, а нѣсколько позже, — что весь полкъ растаялъ и разбрелся, — этотъ самый гаолянъ для болѣе малочисленныхъ, но воспитанныхъ въ духѣ большей самостоятельности дѣйствія японскихъ войскъ явился цѣннымъ союзникомъ для побѣды, потому что онъ способствовалъ японцамъ для болѣе скрытаго приближенія къ противнику, для лучшаго пораженія огнемъ и для обхода его.

Около 1 час. дня большая часть бригады ген. Орлова находилась уже въ безпорядочномъ отступленіи: исчезла всякая органическая связь въ частяхъ войскъ и прекратилось всякое командованіе. Одинъ только 11-й Пековскій полкъ (полковника Грулева), дѣйствовавшій на правомъ флангѣ, сохранилъ полный порядокъ. Около этого времени ген. Орловъ получилъ приказаніе изъ штаба арміи, въ которомъ ему строго „предписывается особая осторожность“. Это напоминаніе было, однако, въ этомъ случаѣ совершенно излишне, но подвинуло ген. Орлова отдать приказаніе отступить къ станціи Янтай, при чемъ онъ предписывалъ „отступать постепенно съ позиціи на позицію, до желѣзнодорожной вѣтки“. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ отступленіе полковъ 54-й бригады происходило уже въ полномъ безпорядкѣ настолько, что войсковые начальники потеряли свои части, возникла паника постоянная, а большая часть нижнихъ чиновъ бѣжала безостановочно до станціи Янтай.

Самое отступленіе войскъ совершилось безъ всякаго приказанія ген. Орлова. Если же принять во вниманіе, какъ это указываетъ ген. Орловъ въ своей реляціи, что еще ранѣе его приказа объ отступленіи онъ „получилъ уже указаніе изъ штаба арміи, — отступить на Янтай“, то задержку бригады ген. Орлова трудно было бы оправдать въ какомъ бы то ни было отношеніи. Во всякомъ случаѣ, во всѣхъ этихъ недора-

зумѣніяхъ приходится имѣть дѣло съ однѣми и тѣми же основными причинами, которыя кроются, главнымъ образомъ, въ неопредѣленности приказаній командующаго арміей и въ отсутствіи съ его стороны готовности быть отвѣтственнымъ за послѣдствія своихъ приказаній.

Бригада ген. Орлова находилась уже въ полнѣйшемъ отступленіи, когда, наконецъ, около 2-хъ час. дня навстрѣчу стремительному потоку бѣглецовъ появился авангардъ лѣвой колонны 1-го Сибирскаго корпуса въ составѣ 1-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, двигавшагося по направленію на Сіауамингоу. Ъхавшій впереди въ головѣ колонны 2-го Восточно-Сибирскаго полка ген. Штакельбергъ сдѣлалъ распоряженіе остановить бѣгущихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ 2-му полку развернуть боевой порядокъ. 2-й Восточно-Сибирскій полкъ продержался до 5 час. вечера, потерялъ командира полка и 170 чел. убитыхъ и раненыхъ, послѣ чего получилъ приказаніе отступить на Лимангоу, куда затѣмъ впослѣдствіи, ночью, прибылъ также полковникъ Грулевъ съ 11-мъ Псковскимъ полкомъ ¹⁾.

Этимъ ограничилось участіе 1-го Сибирскаго корпуса въ этомъ сраженіи. Хотя въ исторіи генеральнаго штаба указывается, что послѣ прибытія главныхъ силъ 1-го Сибирскаго корпуса „1-й Восточно-Сибирскій полкъ развернулъ боевой порядокъ вправо отъ 2-го полка“, но если принять во вниманіе, что потери 1-го Восточно-Сибирскаго полка въ этотъ день составляли всего только 2 офицера и 4 нижнихъ чина раненыхъ, то едва ли такое участіе въ сраженіи можетъ считаться серьезнымъ...

Вообще же, дѣятельность 1-го Сибирскаго корпуса исторіей русскаго генеральнаго штаба характеризуется въ слѣдующемъ

¹⁾ Это не такъ. Я со своимъ полкомъ только въ 2¹/₂ часа послѣ полуночи прибылъ не къ мѣсту расположенія 2-го В.-С. стр. полка, а по указанію моего ординарца Чеснокова къ „мѣстечку съ водой“, въ разстояніи 3—4 верстѣ отъ мѣста боя, такъ какъ люди изнывали отъ жажды послѣ долгаго, жаркаго и кровопролитнаго дня.

М. Грулевъ.

видѣ: „Въ 5 час. утра корпусъ выступилъ двумя колоннами изъ Лютзіятшуана и Хиншуйдзы по направленію на Лимангоу—Фаншигошина; въ 11 час. дня, въ виду полученія донесенія, что генераль Орловъ направляется въ атаку, „ген. Штакельбергъ рѣшилъ продолжать свое наступленіе для того, чтобы занять позицію южнѣе Сіаутамингоу и такимъ образомъ прикрыть правый флангъ ген. Орлова“. Объ этомъ ген. Штакельбергъ въ 12 час. 20 мин. извѣститъ какъ ген. Орлова, такъ и ген. Бильдерлинга. Авангардъ ген. Штакельберга (2-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ) двинулся на Сіаутамингоу и тамъ наткнулся на отступавшую пѣхоту и артиллерию ген. Орлова. Командиръ 11-го Пековского полка полковникъ Грулевъ указываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что онъ во время боя около 2-хъ час. дня увидѣлъ группу всадниковъ, приближавшихся со стороны Сіаутамингоу и оказавшихся штабомъ 1-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи. Далѣе полковникъ Грулевъ говоритъ слѣдующее: „Было 4 час. пополудни. Около этого времени рядомъ съ моимъ полкомъ развернулъ боевой порядокъ и занялъ позицію батальонъ 2-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка“... Въ 5 час. 40 мин. ген. Штакельбергъ послалъ командующему арміей донесеніе, въ которомъ онъ указываетъ, между прочимъ, о вступленіи въ бой авангарда его корпуса, при чемъ онъ доноситъ... „его (ген. Орлова) войска продолжаютъ свое безпорядочное отступленіе, несмотря на то, что мои 2-й и 1-й полки начали наступленіе... 3-й и 4-й стрѣлковые полки еще не прибыли; не прибыла также еще и бригада 9-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи“...

Какъ мы это видѣли выше, атака обоихъ стрѣлковыхъ полковъ была проведена крайне слабо и никоимъ образомъ не могла повліять на возстановленіе успѣха на лѣвомъ флангѣ русскихъ войскъ. Кромѣ того, остальные войска ген. Штакельберга оставались вполнѣ бездѣтельными; были уже указаны причины такого медленнаго движенія навстрѣчу непріятеля: потеряна была уже вѣра въ собственныя силы и довѣріе къ начальникамъ; каждый шагъ на востокъ казался совершенно излишнимъ, такъ какъ всѣ увѣрены были въ неизбѣжности

отступленія, которое вело въ другую сторону, по направленію на сѣверъ. Кромѣ того, ген. Куропаткинъ, послѣ полученія первыхъ донесеній объ отступленіи колонны ген. Орлова, послалъ приказаніе ген. Штакельбергу взять на себя прикрытіе пути, станція Янтай — каменноугольныя копи. „Будьте по возможности сдержанны и не ввязывайтесь въ бой съ превосходными силами противника прежде, чѣмъ не получите отъ меня подкрѣпленій. Не подвигайтесь дальше впередъ“... Далѣе ген. Куропаткинъ въ 3³/₄ часа дня указываетъ ген. Штакельбергу слѣдующее:... „Съ отступленіемъ колонны ген. Орлова положеніе ваше является выдвинутымъ и не безопаснымъ. Избѣгайте возможности, чтобы непріятель не обрушился на васъ превосходными силами, и не подвигайтесь поэтому впередъ раньше, чѣмъ не будете подкрѣплены отъ меня резервами. Сегодня вы никакихъ резервовъ отъ меня не получите“...

Такимъ образомъ, мы видимъ, что командиръ 1-го Сибирскаго корпуса заслуживаетъ упрекъ только въ томъ, что онъ со своимъ корпусомъ нѣсколько запоздалъ прибытіемъ на поле сраженія и не предотвратилъ поэтому пораженіе колонны ген. Орлова. Что же касается бездѣтельности его войскъ 2-го сентября, то, какъ мы видимъ, это явилось послѣдствіемъ указаній командующаго арміей. Казалось бы, что отступление колонны ген. Орлова должно было заставить ген. Куропаткина двинуть въ бой всѣ свои силы, которыя до той минуты не принимали участія въ бою, а приказаніе его ген. Штакельбергу — если, вообще, такое особое приказаніе необходимо было, — должно было гласить, приблизительно, слѣдующее: „ген. Орловъ отступаетъ, атакуйте всѣми вашими силами непріятели южнѣе угольныхъ копей“. Но какъ это неоднократно бывало съ ген. Куропаткинымъ, онъ и въ настоящемъ случаѣ считалъ „положеніе противника недостаточно выясненнымъ“, и поэтому мы видимъ, что 1-й и 3-й Сибирскіе корпуса, а также 9-я дивизія 10-го корпуса остаются безучастными зрителями въ то время, когда собственныя свои войска терпятъ пораженія на правомъ и на лѣвомъ флангахъ.

Командиръ 11-го Псковскаго полка, полковникъ Грулевъ, высказываетъ слѣдующее въ своихъ воспоминаніяхъ объ отсут-

ствіи своевременной поддержки ген. Орлова со стороны 1-го Сибирскаго корпуса:... „Я готовъ былъ ругать и проклинать ихъ, видя какъ они медленно поспѣшали къ намъ на помощь, когда цѣлый корпусъ войскъ не могъ вырвать побѣду изъ рукъ какихъ-нибудь 2—3 японскихъ батальоновъ“...

Вечеромъ 2-го сентября ген. Куропаткинъ показывалъ еще видъ, что онъ намѣревается на слѣдующій день продолжать сраженіе. Въ штабѣ арміи не имѣли еще опредѣленныхъ свѣдѣній объ исходѣ штурма на Нѣжинскую сопку. Около полуночи ген. Бильдерлингъ доносилъ:... „Вечеромъ всѣ высоты массива 131 и сѣвернѣе Сыквантуня были въ нашихъ рукахъ: японцы всѣ отступили... Моя задача за этотъ день представляется мнѣ исполненной“...

Со своей стороны ген. Куропаткинъ выразился въ ночь на 3-е сентября въ своихъ сношеніяхъ съ ген. Бильдерлингомъ, что „отъ Ляояна я не отступлю, Ляоянъ будетъ моей могилой“. Необходимо замѣтить, что для отступленія не было и особыхъ причинъ, несмотря на всѣ ошибки, допущенныя до того времени со стороны команднаго состава, и обусловленныя этими ошибками неудачи. На правомъ берегу Тайдзыхе командующій арміей имѣлъ 3 корпуса (10-й армейскій, 1-й и 3-й Сибирскіе), затѣмъ 3-ю дивизію 17-го корпуса и бригаду 5-го Сибирскаго корпуса въ Гудцзялинцы—которые 2-го сентября, вообще, ни въ какихъ бояхъ не участвовали. Вполнѣ бездѣятельной оставалась также и многочисленная конница, за исключеніемъ нѣсколькихъ сотенъ изъ дивизіи ген. Самсонова, участвовавшихъ въ наступленіи отряда ген. Орлова. Побѣда непременно была бы достигнута русскими войсками, если бы только у командующаго арміей хватило твердой воли атаковать непріятеля всѣми своими войсками, съ цѣлью добиться побѣды во что бы то ни стало, хотя бы цѣною гибели.

Но такой твердой рѣшимости у ген. Куропаткина не было, судя по тѣмъ распоряженіямъ, которыя онъ дѣлалъ на 3-е сентября. Онъ намѣревался направиться на лѣвый флангъ съ 3-мъ и 10-мъ армейскимъ корпусами для того, чтобы оттуда совмѣстно съ 1-мъ Сибирскимъ корпусомъ атаковать правый флангъ Куроки и сбросить его въ Тайдзыхе. 17-й кор-

пусъ долженъ былъ продолжать оборону позиціи у Сыквантуня, образуя собою все ту же „неподвижную ось“ для захожденія фронтомъ направо. Такой утонченный маневръ неизбежно давалъ японцамъ выигрышъ во времени, необходимомъ имъ, чтобы все больше и больше укрѣпиться на правомъ берегу Тайдзыхе, притянувъ побольше войскъ (гвардейскую дивизію) съ лѣваго берега. Въ лучшемъ случаѣ для ген. Куропаткина правый флангъ Куроки былъ бы отброшенъ на Тайдзыхе, т. е. на главныя силы японской арміи. Несравненно болѣе рѣшительный успѣхъ могъ быть достигнутъ, если бы ген. Куропаткинъ безъ малѣйшаго замедленія ринулся со всеми своими войсками въ направленіи Квантунъ—Тзуйкія, энергично атакуя японцевъ по этой линіи; а вмѣстѣ съ тѣмъ 1-й Сибирскій корпусъ и остатки бригады ген. Орлова со всей конницей могли двинуться для охвата фланга японцевъ со стороны угольныхъ копей... Но предположенное ген. Куропаткинымъ движеніе корпусовъ влѣво для охвата, будто бы, праваго фланга японцевъ имѣло дѣйствительной цѣлью подготовку отступленія на Мукденъ.

Отступленіе.

Распоряженія ген. Куропаткина для движенія корпусовъ влѣво были разсланы въ ночь на 3-е сентября, когда вслѣдъ затѣмъ въ штабъ арміи получены были донесенія, которыя дали поводъ командующему арміей немедленно осуществить давно желанное намѣреніе и предпринять отступательное движеніе на Мукденъ. Прежде всѣхъ получено было донесеніе отъ ген. Штакельберга въ 3 час. 40 мин. ночи, отправленное въ 11 час. вечера „*весьма спѣшно*“ — что „въ виду огромныхъ потерь, понесенныхъ корпусомъ въ послѣдніе 5 дней, положеніе его является настолько серьезнымъ, что безъ подкрѣпленій корпусъ совершенно не въ состояніи будетъ завтра не только атаковать, но, вообще, поддерживать какой бы то ни было бой“. Затѣмъ ген. Штакельбергъ доносилъ командующему арміей, что онъ рѣшилъ въ теченіе ночи отступить изъ Сіаутамингоу въ Лимангоу.

Разсказываютъ, что ген. Штакельбергъ затѣмъ крайне сожалѣлъ о посылкѣ имъ этого донесенія и просилъ ген. Куропаткина на будущее время, если онъ получитъ отъ него такіа донесенія, не придавать имъ никакого значенія. Но ген. Куропаткинъ вполне могъ бы поступить такъ и въ настоящемъ случаѣ, потому что не было никакихъ основаній думать, почему бы 1-й Сибирскій корпусъ, отразившій такъ побѣдоносно всѣ штурмы японцевъ 30-го и 31-го августа, не можетъ вдругъ въ данное время принять бой. Если бы войска доподлинно видѣли, что предстоитъ дѣйствительно серьезная атака, то, вѣроятно, они бы и въ настоящемъ случаѣ исполнили свой долгъ. Но ген. Куропаткинъ всѣмъ этимъ донесеніямъ придалъ особенно серьезное значеніе...

Затѣмъ въ 6 час. утра поступило донесеніе отъ ген. Бильдерлинга, что поздно ночью войска его отброшены отъ Сыквантунской позиціи (Нѣжинская сопка) и заняли позицію впереди Эрдагоу.

На этомъ донесеніи ген. Куропаткинъ сдѣлалъ надпись краснымъ карандашомъ: „Весьма печально. Въ виду отступленія ген. Штакельберга, я вынужденъ отступить на Мукденъ и далѣе. Тамъ мы сосредоточимся, подкрѣпимся и будемъ наступать“...

Немедленно сдѣланы были всѣ распоряженія для очищенія Ляояна и для отступленія арміи. Такимъ образомъ, армія въ 200 батальоновъ, не будучи вынужденной пораженіями, покорилась волѣ арміи, менѣе сильной числомъ, но болѣе мощной въ моральномъ отношеніи. Этотъ Ляоянъ, который съ самаго начала войны всѣми признавался русской цитаделью на театрѣ войны, отдавался теперь непріятелю только потому, что команднымъ начальникомъ и значительной [части ихъ войскъ не доставало готовности къ самопожертвованію и необходимости, въ извѣстныхъ случаяхъ, брать на себя отвѣтственность, которая однѣ только могутъ вести къ побѣдѣ.

Что такое рѣшеніе ген. Куропаткина объ отступленіи отъ Ляояна никоимъ образомъ не соответствовало обстановкѣ, — не считая, конечно, отсутствія твердой воли и рѣшимости начальниковъ и войскъ добиться побѣды—въ этомъ едва ли можетъ

быть сомнѣніе; и это впоследствии призналъ также и самъ ген. Куропаткинъ. Сраженіе было потеряно только потому, что самъ ген. Куропаткинъ считалъ его потеряннымъ. Куроки скоро замѣтилъ свою ошибку, когда онъ увидѣлъ себя лицомъ къ лицу не со слабымъ арьергардомъ отступающей арміи, а имѣя противъ себя 4—5 корпусовъ русскихъ войскъ. Его же войска были до крайности утомлены своими геройскими побѣдоносными боями 1-го и 2-го сентября — настолько, что, какъ увѣряютъ, кавалеристы должны были готовить пищу для пѣхотинцевъ. Если бы со стороны войскъ ген. Куропаткина послѣдовала какая-нибудь бодрая атака, то войска Куроки были бы поставлены въ тяжелое положеніе.

Неудачи, постигшія русскія войска у Нѣжинской сопки и Янтайскихъ копей, были дѣйствительно въ высшей степени печальны, потому что при цѣлесообразномъ руководствѣ войсками эти неудачи могли быть избѣгнуты. Но эти неудачи касались, однако, только части арміи и никоимъ образомъ не должны были служить поводомъ для того, чтобы отказаться отъ главной цѣли, поставленной арміи, — стремленія побороть непріятеля. Полковникъ Мартыновъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Настоящій полководецъ никоимъ образомъ не сталъ бы тревожиться за частичную неудачу и не отказался бы отъ поставленной главной цѣли. Но во главѣ русской арміи стоялъ ген. Куропаткинъ, который, разъ выработавъ себѣ планъ дѣйствій около какой-нибудь сопки, уже не зналъ, какъ дѣйствовать иначе при измѣненіи обстановки“. При такихъ обстоятельствахъ незначительный бой у Нѣжинской сопки оказался рѣшающимъ для исхода всего сраженія у Ляояна и, можетъ быть, даже для всей кампаніи.

Въ своемъ отчетѣ ген. Куропаткинъ всю вину за несчастный исходъ сраженія у Ляояна сваливаетъ на своихъ помощниковъ и на войска, въ особенности на бригаду ген. Орлова, которая, вообще, послѣ этого сраженія стала своего рода козломъ отпущенія. Начальники, которые сами ничего не сдѣлали для достиженія побѣды, также сваливали вину на бригаду ген. Орлова. Полковникъ Грулевъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ ночь на 3-е сентября ген. Штакель-

бергъ вызвалъ къ себѣ командировъ полковъ, входившихъ въ составъ отряда ген. Орлова, такъ какъ послѣ боя отрядъ этотъ былъ подчиненъ ген. Штакельбергу. Этотъ послѣдній обратился къ командирамъ полковъ съ жестокими упреками за поведеніе ихъ частей. На разсвѣтъ 3-го сентября появился ген. Столица, которому ввѣрено было непосредственное командованіе отрядомъ ген. Орлова. Этотъ генераль явился на bivакъ 11-го Псковскаго полка и также сталъ разносить этотъ крайне измученный и голодный полкъ. Послѣ ген. Столицы появился ген. Дембовскій, командиръ 5-го Сиб. корпуса, и счелъ также необходимымъ обратиться и со своимъ словомъ къ Псковскому полку.

Наконецъ, послѣ ген. Дембовскаго прибылъ самъ ген. Куропаткинъ съ многочисленной свитой и также въ свою очередь началъ разносить полкъ. Полковникъ Грудевъ говоритъ по этому поводу: „Мы, строевые бойцы, совершенно не знаемъ, кто у нихъ тамъ напуталъ и что именно нужно было намъ дѣлать, обороняться или наступать. Мы знаемъ одно: когда войска бились на смерть, истекая кровью, никто изъ начальниковъ не показывался. А теперь, когда бой кончился, появилось такое обиліе начальства...; и все ругаются; варварски ругаютъ остатки моихъ мучениковъ, случайно пощаженныхъ смертью... Однако, за что? Развѣ мы отдали какую-нибудь ввѣренную намъ позицію? Развѣ мы не дошли до какого-нибудь указаннаго намъ пункта? Развѣ мы не истекали кровью вчера длинный—длинный день?“...

Ген. Куропаткинъ самъ себѣ не приписываетъ никакихъ ошибокъ въ неудачѣ ген. Орлова; напротивъ,— онъ приписываетъ себѣ большую заслугу въ организаци *„отступленія въ порядкѣ“*...

Надо признать, что русская армія 7-го сентября дѣйствительно отступила къ Мукдену, не потерявъ ни одного орудія и, вообще, отступила безъ большихъ потерь, при чемъ у Мукдена такъ скоро оправилась отъ своихъ неудачъ, что въ короткое время уже не производила впечатлѣнія разбитой арміи. Но развѣ это дѣйствительно была заслуга командующаго арміей? Развѣ много искусства требуется, чтобы отступить съ арміей,

которую не преслѣдуетъ непріятель? Тѣ, которые сами пережили отступленіе къ Мукдену и видѣли невѣроятный хаосъ, который творился на Мандаринской дорогѣ, гдѣ перемѣшались войска и обозы, стремившіеся все на сѣверъ, — гдѣ колонны разныхъ корпусовъ неудержимо перерѣзывали другъ другу дорогу, — тѣ, напротивъ, вынесли убѣжденіе, что отнюдь не штабу арміи можетъ быть приписана заслуга, что армія безъ дальнѣйшихъ большихъ потерь достигла Мукдена и могла здѣсь остановиться. Обязана она этимъ только японцамъ. Если бы японцы преслѣдовали отступавшія войска или если бы японская кавалерія съ артиллеріей повисли на флангахъ отступавшихъ колоннъ, тогда, вѣроятно, русской арміи не пришлось бы гордиться своимъ „отступленіемъ въ порядкѣ“¹⁾, а это отступленіе было бы совершено, вѣроятно, со значительными потерями и въ большомъ беспорядкѣ, при чемъ это отступленіе пришлось бы, вѣроятно, продолжать далѣе на сѣверъ, за Мукденъ...

Трудно удержаться отъ упрека по адресу японцевъ, что послѣ каждой своей побѣды они не умѣли использовать плоды своихъ побѣдъ, но нельзя забыть при этомъ, что, начиная съ 25-го августа, они сражались противъ болѣе многочисленнаго непріятели, оборонявшагося притомъ въ сильно укрѣпленныхъ позиціяхъ, и проявляли при этомъ нечеловѣческія усилія для достиженія побѣды. Для преслѣдованія же отступившаго непріятели японская кавалерія была слишкомъ слаба. Напротивъ, побѣда, доставшаяся японцамъ благодаря ихъ смѣлымъ и искуснымъ дѣйствіямъ, настолько достойна удивленія, что надо признать не вполне справедливымъ утвержденіе полковника Грулева, что „полководцы японскіе оказались не на высотѣ доставшейся имъ тяжелой задачи“. Нѣтъ сомнѣнія, что если

¹⁾ Отдавая должную дань безукоризненной правдивости автора въ изложеніи имъ хода событій, долженъ сказать въ отношеніи отступленія арміи отъ Ляояна, что подполк. баронъ фонъ Теттау сгущаетъ немного краски. Самъ я со своимъ полкомъ изображалъ тыловой отрядъ, т. е. замыкалъ отступленіе арміи отъ Ляояна, и могу засвидѣтельствовать, что на всемъ пути не видѣлъ ни брошенныхъ повозокъ, — никакихъ признаковъ беспорядочнаго отступленія.

бы при всемъ томъ японцы напрягли послѣднія силы, не обращая вниманія на всѣхъ своихъ слабыхъ и отсталыхъ, а порываясь впередъ и впередъ остатками своихъ силъ, для преслѣдованія противника, то, по всей вѣроятности, разыгравшіяся вполнѣ въ сраженіи на Шахе и у Мукдена достались бы японцамъ въ видѣ чистой экономіи.

Нелишнее отмѣтить здѣсь дѣйствія ген. Умецавы, какъ блестящій примѣръ смѣлаго почина, не взирая на возможную и сопряженную съ этимъ отвѣтственность. Ген. Любавинъ, которому подчиненъ былъ также и 213-й Оровайскій полкъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи 4 батальона, 18 сотенъ и 10 орудій: противъ него дѣйствовала бригада Умецавы въ составѣ 4 резервныхъ батальоновъ, 1 эскадрона и 6 орудій, и тѣмъ не менѣе ген. Любавинъ со своими войсками вынужденъ былъ къ отступленію до Бяньяпуза. Необходимо принять во вниманіе еще слѣдующее: слыша, что съ запада доносится артиллерійская канонада, Умецава оставляетъ противъ отряда ген. Любавина 1 батальонъ съ 2 орудіями, а съ остальными 3 батальонами и 4 орудіями направляется на западъ, чтобы пересѣчь русскимъ путь отступленія. Съ большой стремительностью онъ 4-го сентября атаковалъ русскій фланговый отрядъ у Шуанлиндзы, но со своимъ слабымъ отрядомъ не могъ добиться никакого успѣха. Оставленный ген. Умецава противъ отряда ген. Любавина храбрый батальонный командиръ ночью напалъ на передовые посты въ восемь разъ болѣе сильнаго отряда и заставилъ его продолжать дальше отступленіе до Фанкьяпу, гдѣ ген. Любавинъ и оставался въ полной бездѣятельности. Кромѣ бригады Умецавы нѣкоторыя части 12-й японской дивизіи (полки 47-й и 14-й) также дѣлали попытку отрѣзать русскимъ путь отступленія, вслѣдствіе чего онъ 5-го сентября двинулись со стороны Янтайскихъ копей вдоль желѣзнодорожной вѣтки противъ фланга отступающихъ русскихъ колоннъ и ввязались въ бой со 2-мъ Восточно-Сибирскимъ стрѣлковымъ полкомъ, при чемъ обѣ стороны потеряли въ этомъ бою свыше 500 чел. убитыми и ранеными съ каждой стороны.

Какъ упомянуто выше, самъ ген. Куропаткинъ былъ того

мнѣнія, что отступательное сосредоточеніе его арміи представляло собою своего рода стратегическое искусство, и онъ пытается вслѣдствіе этого приписать себѣ заслугу, что онъ спасъ свою армію отъ уничтоженія.

Въ итогахъ своего отчета ген. Куропаткинъ говоритъ слѣдующее по поводу исхода сраженія у Мукдена и послѣдовавшаго затѣмъ безпорядочнаго отступленія русской арміи: „Крѣпко надѣясь одержать побѣду надъ японцами, несмотря на неудачныя дѣйствія нашей 2-й арміи въ теченіе 1-го—7-го марта, я приказаніе объ отступленіи отдалъ нѣсколько позже, чѣмъ слѣдовало. Если бы я днемъ раньше усомнился въ побѣдѣ и раньше отдалъ бы приказъ объ отступленіи, то оно было бы совершено въ полномъ порядкѣ. Какъ общій результатъ сраженій у Ляояна и Мукдена можно, по моему мнѣнію, характеризовать его такъ: Ляоянъ могъ бы для насъ превратиться въ Мукденъ, если бы приказъ объ отступленіи изъ - подъ Ляояна былъ отданъ однимъ днемъ позже, и, наоборотъ, Мукденъ могъ бы превратиться для насъ въ Ляоянъ, если бы мы отступили днемъ раньше“.

Ген. Куропаткинъ, такимъ образомъ, какъ бы приписываетъ себѣ заслугу, что онъ своевременно отдалъ приказаніе объ отступленіи изъ-подъ Ляояна, вслѣдствіе чего предотвратилъ возможность такого же безпорядочнаго отступленія, которое было послѣ сраженія подъ Мукденомъ. Единственный упрекъ, который онъ себѣ дѣлаетъ, заключается лишь въ томъ, что онъ въ сраженіи подъ Мукденомъ слишкомъ долго питалъ вѣру въ возможность побѣды; въ противномъ случаѣ отступленіе послѣ Мукдена было бы такимъ же искуснымъ, какъ послѣ Ляояна.

Такіе взгляды совершенно не вяжутся съ понятіемъ о талантѣ настоящаго полководца. Безъ твердой надежды на успѣхъ не можетъ быть достигнута побѣда. Оттого-то ген. Куропаткинъ и велъ свою армію отъ пораженія къ пораженію, потому что онъ не воспиталъ въ своей душѣ непоколебимую вѣру въ побѣду, что замѣтно сквозило во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Этому отсутствію вѣры въ побѣду надъ противникомъ, которое мы видимъ у ген. Куропаткина и его помощ-

никовъ, русская армія и обязана своими поражениями подъ Ляояномъ и Мукденомъ. Если бы это было не такъ, если бы русскіе начальники вѣрили въ побѣду, то въ отступленіи, вообще, не было бы и надобности. Впрочемъ, ген. Куропаткинъ не одинокъ въ своихъ взглядахъ. Въ своихъ воспомина- нійхъ объ этой войнѣ полковникъ Грулевъ по поводу отсту- пленія отъ Ляояна говоритъ слѣдующее: „Да. Бываютъ герои проигранныхъ сраженій, какъ бываютъ также, несомнѣнно, чрезвычайно искусно выполненныя сложныя военныя операціи, которыя, при видимыхъ отрицательныхъ результатахъ, въ дѣйствительности скрываютъ въ себѣ блестящій успѣхъ. Къ такимъ именно операціямъ надо отнести отступление нашей арміи изъ Ляояна. Мы такъ привыкли восторгаться боевыми качествами японцевъ,—и я отнюдь не намѣренъ умалять ихъ,— что должны были бы выразить великое удивленіе, какъ это 3 сосредоточенныхъ японскихъ арміи, занявъ такое выгодное стратегическое положеніе относительно противника, позволили ему безнаказанно выйти изъ большой бѣды. Говорятъ, что армія Куроки была сильно утомлена почти девятидневнымъ боемъ, что у японцевъ вышли боевые запасы и т. п. Все это не можетъ служить оправданіемъ при данной обстановкѣ, когда чуть ли не цѣлая непріятельская армія висѣла надъ нашей жизненной артеріей въ разстояніи *3—4 часовъ марша*; и если грандіозная военная операція оказалась не использо- ванной японцами, свелась для нихъ въ пустую, — если не считать простое занятіе Ляояна, который все же вѣдь не крѣ- пость,—то только потому, что со стороны русской арміи при- няты были своевременно искусныя мѣры, а также и потому, что японскіе военачальники оказались не на высотѣ сложной задачи“.

Такое сужденіе со стороны военнаго писателя, проявляю- щаго вездѣ въ своихъ воспоминаніяхъ большую проникающую и объективность въ изложеніи хода событій, не вполне понятно, тѣмъ болѣе, что въ другомъ мѣстѣ полковникъ Гру- левъ говоритъ относительно отступления слѣдующее: „Полков- никъ Нечволодовъ показался мнѣ немного въ нервномъ возбу- жденіи, но при той обстановкѣ, которую мы тогда переживали,

нужно было имѣть крѣпкіе нервы, чтобы сохранить достаточную уравновѣшенность. Не одинъ только полковникъ Нечволодовъ, но и многіе другіе находили наше положеніе критическимъ: генеральнаго штаба капитанъ Савельевъ поминутно тоже тревожился. Указывая мнѣ рукой на необозримые обозы, запрудившіе весь горизонтъ, онъ часто твердилъ: — посмотрите, посмотрите... вѣдь это Седанъ!... И дѣйствительно, мы были на краю гибели. Японцы оказались ниже величія этой минуты“...

Однако, для того, чтобы для вдвое болѣе сильной арміи противника возможно было подготовить Седанъ, необходимо было бы, чтобы эта армія противника была уже совершенно разстроена. Но дѣло въ томъ, что всѣ прочія событія не подтверждаютъ предположенія, что русской арміи готовился Седанъ и что этотъ Седанъ былъ предотвращенъ искусными мѣрами. Седанъ долженъ былъ угрожать тогда не русской арміи, а арміи Куроки, если бы только ген. Куропаткинъ вмѣсто искуснаго отступленія сосредоточилъ всѣ свои войска, до послѣдняго человѣка, для уничтоженія непріятеля. Можно ли говорить о блестящемъ стратегическомъ успѣхѣ со стороны полководца, который выпускаетъ изъ рукъ вѣрную побѣду, чтобы вмѣсто этого обрѣсть славу организатора „отступленій въ порядкѣ“¹⁾...

Правильнѣе объ этомъ отступленіи судить бывший командиръ 6-го Сибирскаго корпуса, ген. Соболевъ, который по этому поводу говоритъ слѣдующее: „Какъ въ Россіи, такъ и за границей огромная неудача наша подъ Ляояномъ произвела

¹⁾ При переводѣ настоящей книги я поставилъ себѣ за правило развѣ навсегда воздерживаться отъ всякихъ подстрочныхъ примѣчаній съ моей стороны: вѣдь я самъ не только участникъ, но также и одинъ изъ историковъ этой войны,—просится перо дѣлать примѣчаніе чуть ли не подъ каждой строчкой автора; но въ такомъ случаѣ получится вторая книга примѣчаній. Держаться, однако, этого правила тогда, когда авторъ касается меня самого, будетъ неумѣстно; тѣмъ болѣе, когда мнѣ приписываются противоположные взгляды. Ни на одну минуту не могу считать себя солидарнымъ съ мнѣніемъ ген. Куропаткина, что исходъ сраженія подъ Ляояномъ представляетъ собою „стратегическій успѣхъ“. Но я говорю вѣдь только про заключительный эпизодъ — *про самое отступленіе*. Надо было видѣть и чувствовать нравственную атмос-

потрясающее впечатлѣніе. Но ко всеобщему удивленію ген. Куропаткинъ былъ иного мнѣнія. Онъ придерживался взгляда, что онъ, благодаря своему искусному отступленію, спасъ нашу армію, и если это нельзя возвести въ побѣду, то въ этомъ, по его мнѣнію, скрывается все же большой стратегическій успѣхъ. Таковы его понятія объ основахъ стратегіи. По словамъ ген. Куропаткина ни о какомъ пораженіи подъ Ляояномъ не можетъ быть и рѣчи. Когда я въ концѣ сентября 1904 года прибылъ въ Мукденъ, то въ штабѣ ген. Куропаткина все еще продолжали говорить объ этомъ „большомъ стратегическомъ успѣхѣ“, одержанномъ подъ Ляояномъ. Я ушамъ своимъ не вѣрилъ, слыша такія сужденія. Такъ основныя понятія о стратегіи были перевернуты вверхъ ногами“.

Намѣстникъ, а также и военный министръ тоже выказали себя непонимающими тонкости этого искуснаго отступленія. Первый доносилъ въ Петербургъ, что „безпрерывные бои, продолжавшіеся съ 26-го августа и сопровождавшіеся большими потерями, привели къ отступленію къ Мукдену, которое произвело неблагопріятное впечатлѣніе на нравственный духъ арміи, вслѣдствіе чего армія нуждается въ отдыхѣ для того, чтобы возстановить въ ней полный порядокъ... Армія нуждается въ непремѣнномъ успѣхѣ. Для этого необходимо, чтобы вожди арміи отказались отъ чрезмѣрныхъ заботъ объ опасности, угрожающей обходами фланговъ, чему мы обязаны тѣмъ, что наши успѣхи постоянно обращаются въ неудачи и кончаются отступленіями“. Въ отвѣтъ на запросъ ген. Куропаткина, обращенный къ военному министру, ген. Сахарову,—какимъ образомъ онъ пришелъ къ заключенію *о пораженіи*, будто бы

феру, нависшую надъ нашей бѣдной, неповинной въ пораженіяхъ, арміей, послѣ постоянныхъ отступленій, чтобы понять, во что *могло* превратиться отступленіе отъ Ляояна, когда почти цѣлая японская армія нависла въ разстояніи *трехъ часовъ* марша отъ нашей жизненной артерій. Конечно, при нашемъ превосходствѣ въ силахъ мы могли и *должны* были наброситься на Куроки. Но для этого необходимо было, чтобы Куропаткина не было въ арміи, — чтобы *его духъ испарился изъ арміи*... А вѣдь онъ стоялъ главнымъ руководителемъ и вдохновителемъ! При такомъ рѣшающемъ козырѣ въ рукахъ японцевъ нельзя было не довольствоваться результатами тамъ, гдѣ „стратегическіе успѣхи“ Куропаткина дешево обходились нашей арміи.

М. Грулевъ.

понесенномъ русской арміей подъ Ляояномъ,—отвѣтилъ точно и ясно слѣдующее: „Вступая въ сраженіе, каждый изъ противниковъ преслѣдуетъ какую-нибудь цѣль... По всеобщепринятымъ понятіямъ, достиженіе этой цѣли, цѣной какихъ бы то ни было потерь, считается побѣдой, точно также та сторона, которая этой цѣли не достигла, терпитъ при этомъ пораженіе... Сраженіе подъ Ляояномъ показало, что мы этой поставленной цѣли не достигли и ходомъ сраженія были вынуждены отъ этой цѣли отказаться. Слѣдовательно, мы потерпѣли пораженіе. Впрочемъ, если вы полагаете, что это выраженіе не соответствуетъ исходу сраженія подъ Ляояномъ, то назовите это неуспѣхомъ. Какъ угодно“...

Ген. Куропаткинъ хотѣлъ продолжать свое отступленіе къ Тьлину и далѣе. Но когда армія 7-го сентября прибыла къ Мукдену, и съ удивленіемъ увидѣли, что японцы не преслѣдуютъ, то ген. Куропаткинъ рѣшился пріостановить дальнѣйшее отступленіе и задержаться на Хуньхе. Вотъ въ это время въ штабъ арміи внезапно прозрѣли, какой блестящій „стратегическій успѣхъ“ одержанъ подъ Ляояномъ. Но, чтобы за успѣхъ можно было принять отступленіе, при которомъ армія избѣгла гибели только благодаря отсутствію преслѣдованія со стороны японцевъ,—это служить показателемъ того, насколько въ штабъ арміи стали скромны въ своихъ желаніяхъ. Очевидно, что и къ будущему не предполагалось предъявлять большихъ требованій.

Японцы же своимъ дѣйствительно блестящимъ успѣхомъ обязаны были самопожертвованію своихъ войскъ, смѣлымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ своихъ начальниковъ, которые, быть можетъ, не всегда дѣйствовали вполне соответственнно обстановкѣ, но зато оправдали изреченіе Клаузевица: „Благо той арміи, въ которой даже несвоевременно часто прорываются смѣлость и рѣшительность. Это ростъ буйный, но указывающій на здоровую почву“...

ГЛАВА IX.

Шахейское наступленіе.

(5-е—19-е октября 1904 года).

„Посредствомъ быстрыхъ и энергичныхъ дѣйствій мы затрудняемъ противнику познаніе нашихъ намѣреній; въ то же время своевременнымъ принятіемъ мѣръ съ нашей стороны, пріобрѣтается выгода внезапности дѣйствій... Это то, что называется предписывать законы противнику или выигрышь инициативы“.

Ф. Блуме. — Стратегія.

Операціонный планъ и наступленіе.

Въ теченіе сентября 1904 года русская армія оставалась подъ Мукденомъ. На южномъ берегу Хуньхе расположенъ былъ 10-й армейскій корпусъ, охранявшій мостовыя укрѣпленія. Остальные корпуса сосредоточены были на сѣверномъ берегу рѣки Хуньхе и расположились около самаго Мукдена. 1-й, 2-й и 3-й Сибирскіе корпуса охраняли впослѣдствіи теченіе Хуньхе, на участкѣ между Мукденомъ и Фушунемъ. Отъ арміи выдвинуты были впередъ на Шахе большая часть конницы и отдѣльные авангарды. Фланги арміи прикрывались особыми отрядами на Ляохе, у Инпаниа и у Синзинтина.

Главная масса японскихъ войскъ сосредоточилась въ районѣ между Ляояномъ и желѣзнодорожной вѣткой Янтайскихъ копей,

выдвинувъ свои передовые посты на 10 километровъ къ сѣверу. На правомъ флангѣ этого расположенія, совершенно изолированно отъ другихъ войскъ, стояла гвардейская резервная бригада ген. Умецавы, которая послѣ того, какъ безъ боя отбѣсила на сѣверъ отрядъ ген. Любавина отъ Бенсиху, продвинулась впередъ и остановилась у Бяньяцуза.

Къ русской арміи въ теченіе сентября прибыли остатки 1-го армейскаго корпуса, а также 6-й Сибирскій корпусъ, сформированный изъ резервныхъ войскъ въ Казанскомъ округѣ. Японская армія никакихъ подкрѣпленій за это время не получила, не считая запасныя команды, прибывшія для укомплектованія частей. Нравственный духъ русской арміи, повидимому, очень скоро воспрянулъ снова. Прошла всего какая-нибудь недѣля послѣ отступленія русской арміи отъ Ляояна, а между тѣмъ она успѣла оправиться настолько, что трудно было сказать, что эта армія такъ недавно едва избѣгла катастрофы. Замѣчательнѣе всего то, что самъ командующій арміей почувствовалъ въ себѣ приливъ откуда-то новыхъ моральныхъ силъ, — какой-то нравственный подъемъ. Уступая все время съ самаго начала войны починъ дѣйствій въ руки своимъ противникамъ и столько разъ упустивъ благоприятный случай для атаки японцевъ, — теперь ген. Куропаткинъ внезапно заявляетъ, — „настало время заставить японцевъ подчиниться нашей волѣ, потому что силы Манчжурской арміи теперь вполне достаточны, чтобы перейти въ наступленіе“. Что касается численнаго соотношенія силъ, то Манчжурская армія съ самаго начала войны до данной минуты могла бы дѣйствовать наступательно; но что касается нравственной стороны, то въ дѣйствительности Манчжурская армія въ данное время была гораздо слабѣе, чѣмъ до того времени. Это съ внѣшней стороны только казалось, что замѣчается нравственный подъемъ...

Характерная особенность русскаго народа, заключающаяся въ томъ, что онъ не долго поддается внѣшнимъ впечатлѣніямъ, быстро отъ нихъ освобождается, стараясь снова выказать проявленіе широкой натуры, даетъ при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ русскому солдату весьма цѣнныя качества. Благодаря этимъ послѣднимъ очень скоро исчезли неблагоприятныя слѣды

отступленія арміи отъ Ляояна. Едва ли, однако, можетъ быть рѣчь о какомъ-нибудь нравственномъ подъемѣ или о моральной стойкости. Для этого недоставало краеугольнаго камня,— довѣрія къ собственнымъ силамъ. Ни одинъ солдатъ въ мирѣ не возымѣетъ скоро довѣрія къ своимъ начальникамъ и къ собственнымъ силамъ, если онъ видитъ, что долгое время его ведутъ только къ потерямъ, пораженіямъ и пораженіямъ. Для такого нравственнаго укрѣпленія требовалось, чтобы войска прониклись убѣжденіемъ, что войсковые начальники дѣйствуютъ цѣлесообразно, а для этого требовались не слова, а дѣйствія.

Трудно сказать положительно, что командующему Манчжурской арміей давало въ данное время поводъ къ переходу въ наступленіе, послѣ только что оконченнаго отступленія. Ген. Соболевъ въ своемъ очеркѣ „Куропаткинская стратегія“ высказываетъ ироническое предположеніе: — ген. Куропаткинъ, вѣроятно, надѣялся, что послѣ стратегическаго успѣха, обрѣтеннаго имъ у Ляояна, онъ добьется такого же и на Шахе. Въ этомъ есть доля правды. Ген. Куропаткинъ успѣлъ убѣдиться, что онъ 2-го сентября на Тайдзыхе выпустилъ изъ рукъ вѣрную побѣду. Если онъ добьется этой побѣды теперь, то ему не трудно будетъ приписать ее своему искусному отступленію отъ Ляояна и тѣмъ спасти свою полководческую славу.

Главнѣйшая причина, побуждавшая ген. Куропаткина перейти въ наступленіе, базировалась, повидимому, на необходимости выручки Портъ-Артура. Но едва ли дѣйствительно это можно признать истинной причиной перехода русской арміи въ наступленіе. Полковникъ Грулевъ высказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что движеніе на выручку Портъ-Артура не исходило цѣликомъ отъ инициативы самого ген. Куропаткина: „Зная, какъ сильно его подгоняли изъ Мукдена и Петербурга въ апрѣлѣ и маѣ, чтобы идти на выручку крѣпости, и какъ пришлось затѣмъ наступать противъ собственнаго желанія, ген. Куропаткинъ хотѣлъ и на этотъ разъ идти навстрѣчу желаніямъ Петербурга и, не дожидаясь понужденій, перейти въ наступленіе по собственной инициативѣ, которая, слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ проявилась лишь благодаря существованію

вѣншей воли... Въ этомъ сказывается опредѣленная черта характера или, вѣрнѣе, безхарактерности Куропаткина, которая проходитъ красной нитью во всѣхъ нашихъ операціяхъ отъ начала до конца войны. Наступательный импульсъ и „собственная“ инициатива у Куропаткина проявлялись всегда подъ вліяніемъ какого-нибудь посторонняго внушенія: съ фронта — со стороны операцій противника или съ тыла — подъ давленіемъ изъ Петербурга“...

Прежде, чѣмъ отданъ былъ приказъ по арміи о предстоящемъ наступленіи, ген. Куропаткинъ счелъ необходимымъ обратиться съ особымъ приказомъ 2-го октября непосредственно къ войскамъ, съ цѣлью поощрить ихъ и воодушевить къ предстоящему наступленію. Ген. Соболевъ называетъ этотъ приказъ напыщеннымъ, содержащимъ въ себѣ много невѣрнаго. Въ всякомъ случаѣ приказъ этотъ не соответствовалъ дѣйствительности въ томъ отношеніи, что причина предстоявшаго наступленія объяснялась тѣмъ, какъ указывалось въ приказѣ, что „Войска Манчжурской арміи, будучи неизмѣнно сильныя духомъ, не были, однако, до сего времени достаточно сильны числомъ, чтобы уничтожить дѣйствующія японскія арміи“... Далѣе указывается въ приказѣ: „Вотъ почему, несмотря на неоднократное побѣдоносное отраженіе нами японскихъ атакъ у Тапичао, Ландясана и Ляояна, я не считалъ для себя возможнымъ использовать эти успѣхи переходомъ въ наступленіе, но приказывалъ отступать“... „Съ сокрушеннымъ сердцемъ я приказывалъ вамъ отступать, но вѣруя непреклонно, что это отступленіе необходимо для нашего усиленія для того, чтобы одержать надъ непріателемъ рѣшительную побѣду, когда наступитъ для сего время“.

Всѣ эти доводы были довольно спорны. Нельзя, однако, забывать, что въ этомъ приказѣ полководецъ обращался къ своимъ войскамъ, которымъ онъ хотѣлъ внушить вѣру въ побѣду надъ непріателемъ въ предстоящихъ бояхъ: чье солдатское сердце не должно было забиться усиленнѣе, когда полководецъ, обращаясь къ своимъ войскамъ, общается имъ, несмотря на всѣ постигшія до того времени неудачи, что теперь настало время, когда мы заставимъ японцевъ подчиниться нашей волѣ,

потому что силы Манчжурской арміи теперь достаточны для перехода въ наступленіе и что непреклонная воля Государя побѣдить противника должна быть исполнена нами безъ колебаній. Приказъ этотъ произвелъ отрядное впечатлѣніе въ арміи,—еще разъ открывалась надежда на возможность сразить непріятеля.

Въ дѣйствительности, однако, приказъ этотъ произвелъ хорошее впечатлѣніе только на нижнихъ чиновъ и на низшихъ командныхъ начальниковъ, которые не могли разобраться въ вопросахъ о критической оцѣнкѣ операций и которые просто-душно вѣрили, что непрерывныя отступленія до того времени были необходимы для одержанія рѣшительной побѣды надъ противникомъ.

Но высшіе начальники, въ особенности тѣ, которые уже участвовали въ бояхъ подъ руководствомъ ген. Куропаткина, возлагали мало надежды на то, что у командующаго Манчжурской арміей хватить достаточно сильной воли для энергичнаго выполненія на дѣлѣ задуманнаго имъ наступленія. Они знали, что высказанныя ген. Куропаткинымъ въ своемъ приказѣ твердыя намѣренія обратятся въ малодушіе, какъ только ему придется это рѣшеніе осуществить на дѣлѣ.

Полковникъ Грулевъ въ своихъ воспоминаніяхъ весьма мѣтко характеризуетъ ген. Куропаткина въ этомъ отношеніи. Во многомъ оправдывая командующаго Манчжурской арміей и судя о немъ болѣе снисходительно, чѣмъ всѣ другіе русскіе военные писатели, полковникъ Грулевъ, въ данномъ случаѣ, высказываетъ о немъ слѣдующее: „Какъ дитя своего народа, ген. Куропаткинъ проявилъ послѣ Ляояна, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, до и послѣ Ляояна, большую моральную стойкость, т. е. онъ быстро и искренно позабылъ о понесенной неудачѣ подъ Ляояномъ и въ нѣсколько дней успѣлъ морально опять уже выпрямиться во весь ростъ, вызывая врага на новый бой... Всего лишь за нѣсколько дней передъ тѣмъ, командующій арміей, повидимому, былъ, до нѣкоторой степени, близокъ къ отчаянію,—не иначе, если онъ готовъ былъ бросить японцамъ безъ боя столицу Манчжуріи, городъ Мукденъ, и плодороднѣйшую Мукденскую провинцію со всѣми нашими

запасами и складами и отступитъ прямо на Тѣлинь;—а едва лишь армія постояла и передохнула нѣсколько дней, японцы въ атаку не лѣзутъ, никто поддержки не проситъ, ни откуда нѣтъ тревожныхъ донесеній,—какъ ген. Куропаткинъ искренно забываетъ пережитый ударъ и снова стоитъ во весь ростъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Устойчивости характера въ критическую минуту ни на грошъ: при первой неудачѣ онъ близокъ къ отчаянію и готовъ уйти возможно дальше отъ противника, бросая ему Мукденъ, и съ такой же легкостью переходитъ отъ отчаянія къ самоувѣренности. Только дѣтямъ свойственны такіе контрасты душевныхъ порывовъ—переходить отъ слезъ къ смѣху и наоборотъ“...

На высшихъ командныхъ начальниковъ упомянутый выше приказъ не произвелъ также никакого впечатлѣнія, такъ какъ они знали его уже давно и видѣли, что указанные въ приказѣ высокопарныя обѣщанія не вытекаютъ изъ твердой воли командующаго арміей.

Начиная со середины сентября, день за днемъ отдавались постоянныя приказанія и распоряженія, имѣвшія цѣлью подготовку къ предстоящему наступленію, — снабженіе войскъ всѣмъ необходимымъ, пополненіе боевыхъ запасовъ и проч. Обстоятельство это естественно привлекло вниманіе китайскаго населенія, а вслѣдствіе этого стало извѣстно также и японцамъ о готовящемся наступленіи; такъ сдѣлано было распоряженіе, чтобы въ войскахъ заготовленъ былъ порціонный скотъ, обезпечивающій потребность мяса на четыре мѣсяца,—что при настоящей обстановкѣ было совершенно излишне, такъ какъ край изобилуетъ скотомъ и потребность мяса обезпечивалась сама собой. Между тѣмъ, распоряженіе о покупкѣ скота и цѣль этого распоряженія не могли, конечно, ускользнуть отъ вниманія мѣстнаго населенія. Наконецъ, 28-го сентября, т. е. за 8 дней до начала выступленія, разосланъ былъ войскамъ печатанный приказъ, который, однако, какъ „секретный“, сообщался только командующимъ генераламъ, съ указаніемъ ознакомить съ его содержаніемъ высшихъ военныхъ начальниковъ. Полковникъ Грулевъ, отмѣчая это странное обстоятельство, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Совершенно

непостижимый приёмъ: сначала предписывается всё́мъ готовиться къ наступленію, а затѣмъ дается еще цѣлая недѣля обдумывать это наступленіе“...

Наиболѣе своеобразнымъ, однако, является самое составленіе операціоннаго плана. Мы видѣли выше при всё́хъ предыдущихъ событіяхъ войны, что въ затруднительныхъ случаяхъ для принятія рѣшенія собирался обыкновенно военный совѣтъ. Это стало излюбленнымъ средствомъ свалить отвѣтственность на чужія плечи, когда начальство не отваживалось взять самолично отвѣтственность на себя за то или иное рѣшеніе. Этотъ приёмъ мы замѣчаемъ при всё́хъ сколько-нибудь значительныхъ операціяхъ, начиная отъ Ляояна до конца войны. Операціонные планы разрабатывались не штабомъ арміи только, но обыкновенно привлекались для этой цѣли также совершенно посторонніе люди; сначала для выработки операціонныхъ плановъ привлекались обыкновенно болѣе или менѣе видные генералы, занимающіе выдающіяся должности, но постепенно этотъ кругъ лицъ расширялся все болѣе и болѣе, такъ что для писательскаго „кригсрата“, въ концѣ концовъ, послѣ сраженія подъ Мукденомъ, стали привлекаться для разработки операціонныхъ плановъ многіе штабъ-офицеры генеральнаго штаба чуть ли не со всей арміи.

Разумѣется, ничего не могло быть болѣе ошибочнымъ, какъ исканіе побѣды посредствомъ подобныхъ стратегическихъ рецептовъ. Успѣхъ войны зависитъ не столько отъ искусно составленнаго операціоннаго плана, сколько отъ твердо принятаго энергичнаго рѣшенія главнокомандующаго,—отъ стойкой воли какъ его самого, такъ и войсковыхъ начальниковъ разъ принятое рѣшеніе осуществить безъ всякихъ колебаній. Если есть такая твердая воля, тогда и войска готовы будутъ на самопожертвованіе, чтобы слѣдовать за своими начальниками для побѣды или смерти. Но развѣ можно было ждать какой-нибудь рѣшимости или смѣлой инициативы отъ такихъ операціонныхъ плановъ, когда для составленія ихъ штабъ арміи обращается за совѣтами во всё стороны, обнаруживая этимъ свою собственную полнѣйшую нерѣшительность. По этому поводу полковникъ Грулевъ говоритъ слѣдующее въ своихъ воспоминаніяхъ:

„Давно извѣстно, что планъ дѣйствій долженъ вылиться изъ одной головы, при чемъ самъ авторъ, по возможности, долженъ быть и исполнителемъ. Въ данномъ случаѣ этого сказать нельзя. Планъ предстоящаго наступленія вырабатывали: и начальникъ Западнаго отряда генераль Бильдерлингъ, и начальникъ Восточнаго отряда генераль Штакельбергъ, и генераль-квартирмейстеръ генераль-майоръ Харкевичъ, и начальникъ штаба генераль-лейтенантъ Сахаровъ. Всѣ эти поименованныя четыре лица разрабатывали планъ предстоящей наступательной операціи, даже не сообщая съ командующимъ арміей или между собою, а каждый самъ по себѣ, по своей собственной идеѣ. Но кромѣ этихъ четырехъ официальныхъ авторовъ наступательныхъ плановъ, подъ которыми поставлены соотвѣтствующія подписи, не подлежитъ сомнѣнію, что въ разработкѣ этихъ плановъ участвовало еще нѣкоторое число неофициальныхъ авторовъ, ибо давно извѣстно, что по природѣ нашей бюрократической машины думаютъ и работаютъ надъ тѣмъ, что изложено въ бумагѣ, отнюдь не тѣ именно—или, по меньшей мѣрѣ, не только тѣ, которые ее подписываютъ“...

„Итакъ, наступательный планъ разрабатывался многими, но странно довольно, что не видно слѣдовъ самостоятельнаго созиданія и выработки плана или хотя бы руководящей идеи наступательной операціи, которая была бы указана самимъ командующимъ арміей, генераль-адъютантомъ Куропаткинымъ, который долженъ былъ разыграть этотъ планъ на дѣлѣ. Впрочемъ, есть и руководящая идея въ этой наступательной операціи, указанная *собственноручно* самимъ генераль-адъютантомъ Куропаткинымъ, какъ основаніе для выработки плана предстоящаго наступленія—эта идея заключалась въ томъ, что—*„въ первые дни мы будемъ подвигаться впередъ не болѣе, какъ по пяти верстѣ“*...

„Какъ ни страннымъ можетъ показаться, что самый планъ операціи и одухотворяющая его идея являются на свѣтъ Божій незаконнорожденными,—это тлетворное начало пріобрѣтаетъ еще большее значеніе, если прослѣдить проявленіе его во всей системѣ веденія нами минувшей войны: во всѣхъ приказахъ, инструкціяхъ, приказаніяхъ и директивахъ, исходящихъ отъ

командующаго арміей, мы въ большинствѣ случаевъ встречаемся всегда съ расплывчатыми формулами: „полагалъ бы необходимымъ“—„желательнымъ“, „не признаете ли своевременнымъ“ и т. д. И этимъ грѣшитъ не генераль Куропаткинъ только, но и всѣ прочіе начальники на всѣхъ ступеняхъ. Такова, очевидно, зловредная, избаловавшая всѣхъ, привычка нашей бюрократической системы, выработавшаяся при возможности заставлятъ другихъ работать и думать за себя“...

26-го сентября командиръ 10-го корпуса ген. Случевскій сообщилъ мнѣ о предстоящемъ наступленіи арміи и прибавилъ при этомъ, что, какъ ему извѣстно отъ самого ген. Куропаткина, наступательную операцію предполагается вести *осторожно*, чтобы избѣжать возможности какого-нибудь неуспѣха, поэтому предполагается дѣлать, вѣроятно, не болѣе 5—10 километровъ въ день. Мнѣ сначала казалось это какимъ-то недоразумѣніемъ, или, думалъ я, это относится, вѣроятно, къ личному взгляду отличающагося осторожностью ген. Случевского. Каждое боевое предпріятіе требуетъ всегда быстроты и энергичности дѣйствій; въ данномъ случаѣ это требовалось тѣмъ болѣе, чтобы захватить японцевъ врасплохъ и помѣшать имъ предпринять какія-нибудь встрѣчныя мѣропріятія. Въ дѣйствительности же, однако, ген. Куропаткинъ преподалъ начальникамъ Западнаго и Восточнаго отрядовъ основное указаніе, какъ гласитъ исторія русскаго генеральнаго штаба, совершенно согласное съ тѣмъ, какъ говорилъ ген. Случевскій, что наступательная операція будетъ направляться такъ, что „въ первые дни будемъ подвигаться впередъ не болѣе, какъ по пяти верстѣ“.

Когда наступленіе вполне созрѣло, ген. Куропаткинъ призналъ необходимымъ самолично разработать особую „инструкцію“ или „указаніе“, которое разслано было всѣмъ войсковымъ начальникамъ, до ротныхъ командировъ включительно. Въ этомъ указаніи ген. Куропаткинъ излагаетъ всѣ свои поученія, которыя въ разное время преподавались имъ войскамъ. Полковникъ Грулевъ говоритъ по этому поводу въ своихъ воспоминаніяхъ, что ген. Куропаткинъ былъ большой любитель и мастеръ въ области письменности всякаго рода: отъ

него остались весьма объемистыя письма и записки, собственно-ручно написанныя по вопросамъ важнымъ, а также и вполнѣ неважнымъ. А между тѣмъ замѣчательно то, что въ отношеніи *плана* задуманной операціи нѣтъ никакихъ слѣдовъ, которые указывали бы, что былъ планъ также и командующаго арміей. Въ разосланныхъ указаніяхъ мы находимъ много безспорныхъ истинъ, которыя, однако, можно найти во всѣхъ уставахъ и руководствахъ по тактикѣ, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго: „каждую атаку надо старательно подготовить артиллерійскимъ огнемъ“, — „войска, предназначенныя для атаки, должны старательно примѣняться къ мѣстности“, — „послѣ того, какъ противникъ сбить съ позиціи, надо его энергично преслѣдовать огнемъ“, затѣмъ — „разъ начатая атака должна быть энергично доведена до успѣха“. Пренебреженіемъ этимъ послѣднимъ правиломъ ген. Куропаткинъ вполнѣ основательно могъ бы объяснить собственное пораженіе, испытанное имъ 2-го сентября. Замѣчательнѣе всего, однако, то, что, находя поученіе для другихъ, ген. Куропаткинъ не извлекъ никакихъ указаній для себя самого изъ предшествовавшаго опыта войны. Онъ все еще, повидимому, не постигъ, что какъ ему самому, такъ и его помощникамъ недостаетъ рѣшимости и твердой воли, отсутствію которыхъ онъ обязанъ всѣми предшествовавшими неудачами, и онъ все еще продолжалъ вѣрить, что японцевъ можно побѣдить осторожностью.

Согласно проекту начальника Западнаго отряда, ген. Бильдерлинга, главный ударъ въ этой наступательной операціи долженъ былъ быть направленъ противъ 2-й и 4-й японскихъ армій, расположеніе которыхъ предполагалось по обѣ стороны желѣзной дороги, между Янтайскими каменноугольными копями и рѣчкой Шахе. Согласно „основной идеѣ“ командующаго арміей, главныя силы только на пятый день марша должны были прибыть на рѣчку Шелихе, *всего лишь въ разстояніи 30 километровъ отъ Мукдена.*

Командовавшій на лѣвомъ флангѣ войсками до начала наступательной операціи, ген. Ивановъ предлагалъ атаковать двѣ японскія позиціи у Янтайскихъ копей и у Бяньяпуза, гдѣ находилась японская гвардейская резервная бригада.

Ген. Ивановъ полагалъ произвести эту атаку одновременно двумя группами войскъ, приблизительно равной силы, для того, „чтобы отрѣзать непріятеля отъ Кореи и его базы въ Инкоу“. Согласно проекту ген. Иванова 1-й корпусъ, слѣдуя сзади, за серединой, долженъ былъ служить резервомъ; 10-й корпусъ предполагалось оставить у Мукдена для занятія позицій. Командующій арміей, однако, не согласился съ этимъ планомъ, такъ какъ онъ не находилъ цѣлесообразнымъ одновременную атаку противъ Бяньпузы и Янтайскихъ копей; по мнѣнію ген. Куропаткина, слѣдовало, „атаковать одну позицію, демонстрировать только противъ другой“. Это излюбленное слово о „демонстраціи“ обусловливалось, впрочемъ, всегда все той же его нерѣшительностью и опасеніемъ ввести одновременно всѣ войска въ рѣшительный бой. Въѣстѣ съ тѣмъ нельзя не согласиться, конечно, съ ген. Куропаткинымъ, который по поводу проекта ген. Иванова говоритъ, что „оставленіе 10-го корпуса у Мукдена ослабитъ насъ безъ пользы для дѣла“. Казалось бы, что ген. Куропаткинъ долженъ былъ и самъ руководствоваться этимъ взглядомъ; тѣмъ не менѣе, по примѣру того, какъ онъ во всѣхъ предшествовавшихъ бояхъ бесполезно разбрасывалъ свои многочисленныя войска для прикрытія фланговъ и тыла, такъ и въ настоящемъ случаѣ, передъ началомъ наступательной операціи на Шахе, онъ оставилъ 6-й Сибирскій корпусъ для прикрытія тыла и, кромѣ того, еще одну бригаду въ Мукденѣ для прикрытія этого пункта, такъ что впоследствии эти войска могли быть введены въ дѣло только слишкомъ поздно.

О предстоящемъ наступленіи ген. Куропаткинъ запрашивалъ мнѣнія также и другихъ генераловъ, отъ которыхъ получилъ различные совѣты. Такъ, по мнѣнію ген. Штакельберга, наступленіе въ данное время признавалось совѣмъ нежелательнымъ и онъ предлагалъ нѣкоторое время выждать. Ген. Случевскій сообщилъ мнѣ, что онъ со своей стороны совѣтовалъ ген. Куропаткину выждать сначала наступленія японцевъ, отразить ихъ, послѣ чего самимъ перейти въ наступленіе.

Изъ всѣхъ этихъ плановъ принять былъ къ исполненію

планъ, предложенный генералъ-квартирмейстеромъ арміи, ген. Харкевичемъ, исправленный и дополненный въ нѣкоторыхъ пунктахъ начальникомъ штаба арміи, ген. Сахаровымъ, и въ заключеніе, съ нѣкоторыми, весьма несущественными, поправками ген. Куропаткина, которыя не послужили къ улучшенію и совершенствованію этого плана, онъ былъ осуществленъ на дѣлѣ.

Этотъ операціонный планъ базировался на слѣдующемъ расположеніи японскихъ войскъ: Бяньяпуза занята сильнымъ передовымъ отрядомъ, расположеннымъ на укрѣпленной позиціи; непосредственно за этимъ пунктомъ, между Бяньяпуза и Бенсиху, расположена большая часть арміи Куроки. Сѣвернѣе Ляояна, на правомъ берегу Тайдзыхе и по обѣ стороны желѣзной дороги, расположены 2-я армія Оку и 4-я армія Подзу, имѣя авангарды, выдвинутые на Янтайскую желѣзнодорожную вѣтвь и далѣе къ западу отъ нея. Фланги главныхъ силъ арміи предполагались на востокъ на линіи Тунгоу—переваль Хоелинъ, а на западѣ около Шахе. Далѣе, къ востоку, на Далинскомъ перевалѣ и западнѣе Сандепу, находились японскіе отряды, прикрывавшіе фланги арміи. Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ общемъ предположеніе о распредѣленіи силъ противника было близко къ истинѣ; только численность японскихъ силъ на ихъ правомъ флангѣ значительно преувеличивалась: тамъ въ дѣйствительности у Бяньяпуза находилась только резервная бригада Умецавы, тогда какъ главныя силы арміи Куроки находились только южнѣ Янтайскихъ копей.

Согласно плану генералъ-квартирмейстера войска были раздѣлены на двѣ группы: Западный отрядъ, подъ начальствомъ генерала-отъ-кавалеріи барона Бильдерлинга, командира 17-го армейскаго корпуса, долженъ былъ направиться по линіи Мукденъ—Ляоянъ по обѣ стороны Мандаринской дороги, оперируя, такимъ образомъ, въ мѣстности равнинной; Восточный отрядъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Штакельберга, командира 1-го Сибирскаго корпуса, долженъ былъ наступать изъ Фушуна на Бяньяпуза и далѣе на Бенсиху, дѣйствуя въ мѣстности гористой. Стратегическій резервъ подъ начальствомъ

генерала-отъ-кавалеріи барона Мейендорфа, командира 1-го армейскаго корпуса, долженъ былъ слѣдовать въ разстояніи полуперехода за серединой промежутка между линіей наступленія обоихъ отрядовъ, чтобы быть такимъ образомъ въ состояніи предотвратить возможность охвата внутреннихъ фланговъ этихъ отрядовъ со стороны японцевъ.

Эти основныя черты операціоннаго плана, выработаннаго генераломъ Харкевичемъ, были одобрены начальникомъ штаба ген. Сахаровымъ, которымъ, однако, введена была существенная поправка въ отношеніи распредѣленія силъ въ этихъ отрядахъ. Въ то время, какъ генералъ-квартирмейстеръ считалъ операціонную линію Мукденъ—Ляоянъ наиболѣе важной и поѣтому полагалъ болѣе необходимымъ двинуть въ этомъ направленіи главную массу войскъ и главныя силы кавалеріи— всего 98 батальоновъ, 81 сотню и 310 орудій,—ген. Сахаровъ считалъ болѣе важнымъ направленіе на Бенсиху, такъ какъ въ случаѣ успѣха въ этомъ направленіи можно было, по его мнѣнію, надѣяться охватить правый флангъ японцевъ и отгнать ихъ въ уголь, образуемый теченіемъ Тайдзыхе и Хуньхе. Соотвѣтственно съ этой исходной мыслью ген. Сахаровъ придалъ болѣе рѣшающее значеніе отряду ген. Штакельберга и считалъ поѣтому необходимымъ сдѣлать болѣе сильнымъ Восточный отрядъ. Не довольствуясь этимъ, ген. Сахаровъ считалъ необходимымъ также подкрѣпить еще отрядъ ген. Штакельберга другимъ самостоятельнымъ отрядомъ ген. Ренненкампа, который долженъ былъ дѣйствовать по направленію отъ Маджундана на Бенсиху, непосредственно противъ фланга японцевъ.

Общія силы Восточнаго отряда и отряда ген. Ренненкампа составили, такимъ образомъ, 86 батальоновъ. Въ составъ Западнаго отряда вошло $82\frac{1}{2}$ батальона, которые, однако, не всѣ предназначались для непосредственнаго наступленія, такъ какъ въ томъ числѣ было еще $18\frac{1}{2}$ батальоновъ, входившихъ въ составъ отрядовъ ген. Дембовскаго и Коссаговскаго, имѣвшихъ своимъ назначеніемъ прикрывать правый флангъ наступленія. Такимъ образомъ, въ непосредственномъ распоряженіи ген. Вильдерлинга для наступленія оставалось только 64 ба-

тальона. Это дробленіе войскъ для разнообразныхъ цѣлей на правомъ флангѣ обусловливалось требованіемъ командующаго арміей и его штаба, которые никакъ не могли отказаться отъ своихъ чрезмѣрныхъ заботъ объ охранѣ фланговъ.

Далѣе затѣмъ ген. Сахаровъ ввелъ еще поправку въ отношеніи распредѣленія конницы. Согласно плану ген. Харкевича, Западному отряду ген. Бильдерлинга должна была быть придана 81 сотня, въ томъ числѣ кавалерійскіе отряды ген. Мищенко, Самсонова и Грекова. Такое распредѣленіе кавалеріи обусловливалось тѣмъ, что на правомъ флангѣ наступленія, благодаря равнинной мѣстности, богатой фуражомъ и разными запасами, для русской конницы, втрое сильнѣйшей по сравненію съ японской, открывалось обширное поле для дѣйствій. Руководствуясь этимъ обстоятельствомъ, необходимо было отдѣлить конницу отъ другихъ частей войскъ и сосредоточить ее на правомъ флангѣ для дѣйствій противъ фланговъ и сообщеній противника. Для выполненія этой задачи ген. Сахаровъ считалъ необходимымъ сосредоточить на правомъ флангѣ значительную массу конницы въ видѣ самостоятельнаго отряда подъ непосредственнымъ начальствомъ ген. Куропаткина. Ген. Сахаровъ предназначалъ для этой цѣли всего лишь 52 сотни, хотя при численности русской конницы въ 150 сотенъ и около 50 конно-охотничьихъ командъ можно было бы составить кавалерійскій отрядъ даже еще болѣе сильный. Остается, однако, открытымъ вопросъ о цѣлесообразности этого плана — не было ли болѣе умѣстнымъ образовать самостоятельныя кавалерійскія дивизіи или конный корпусъ, придавъ ихъ въ подчиненіе начальнику Западнаго отряда.

Какъ бы то ни было, но очевидно, что какъ ген. Харкевичъ, такъ и ген. Сахаровъ были оба одинаковаго мнѣнія, что настоящимъ полемъ дѣйствія для русской конницы была мѣстность на правомъ флангѣ наступленія арміи. Но это былъ единственный пунктъ во всемъ операціонномъ планѣ, который ген. Куропаткинъ весьма некстати призналъ необходимымъ измѣнить. По указанію командующаго арміей конный отрядъ ген. Мищенко взять былъ въ общій резервъ за серединою арміи, а отрядъ ген. Самсонова, въ составѣ его Сибирской ка-

зачей дивизіи, приданъ былъ Восточному отряду ген. Штакельберга, предназначенному для дѣйствій въ горахъ, и оказался такимъ образомъ связаннымъ горными дорогами; тамъ же пришлось дѣйствовать ген. Ренненкампфу, пользовавшемуся репутаціей выдающагося кавалерійскаго начальника и оказавшемуся въ данномъ случаѣ начальникомъ отряда, въ составъ котораго входила цѣлая пѣхотная дивизія и 16 сотенъ Забайкальской казачьей дивизіи. Вся же прочая кавалерія, оставленная на правомъ флангѣ, все еще составлявшая довольно значительную силу конницы, была большей частью раздроблена по корпусамъ для прикрытія фланговъ, и только нѣсколько сотенъ Уральскихъ казаковъ, подкрѣпленныхъ Оренбургской казачьей бригадой ген. Грекова, который до того времени показали весьма сомнительныя качества какъ кавалерійскій генералъ, получили нѣкоторое самостоятельное назначеніе для дѣйствій на правомъ флангѣ, которыя они, однако, на самомъ дѣлѣ не выполнили ни въ малѣйшей степени.

Самъ ген. Куропаткинъ признавалъ сначала необходимымъ въ операціонномъ планѣ предстоящаго наступленія воспользоваться русской конницей какъ могущественнѣйшимъ средствомъ, чтобы „безпокоить непріятеля днемъ и ночью и отравить ему существованіе“. А теперь, когда представлялась возможность использовать это превосходство конницы — „окружить японскія войска, затруднить подвозъ запасовъ, разсѣять ихъ малые отряды, уничтожить обозы и постоянно безпокоить противника“, — то изъ опасенія пожертвовать конницей, онъ предпочитаетъ употреблять ее для второстепенныхъ цѣлей, уводитъ ее въ резервъ или направляетъ ее для дѣйствій въ горныхъ мѣстахъ, чтобы пользоваться ею тамъ только для стрѣлковаго огня.

Между тѣмъ, существенное дополненіе къ упомянутому операціонному плану со стороны командующаго арміей было тѣмъ болѣе необходимо, что къ этому времени ген. Куропаткину подчиненъ былъ распоряженіемъ намѣстника только что прибывшій изъ Европейской Россіи 6-й Сибирскій корпусъ. Не довольствуясь, однако, отрядами ген. Коссаговскаго и Дембовскаго, назначенными уже для прикрытія фланговъ, ген. Куро-

паткинъ призналъ необходимымъ назначить еще для этой цѣли и 6-й Сибирскій корпусъ, который поэтому былъ эшелонированъ для прикрытія тыла между Мукденомъ и Тѣлиномъ. Совершенно правъ бывший командиръ этого корпуса, ген. Соболевъ, который говоритъ по этому поводу, что для прикрытія тыла было бы совершенно достаточно двухъ казачьихъ полковъ съ конной батареей, потому что въ тылу могли появиться только конные хунхузы. Мало того, также и отряду ген. Ренненкампа, въ составѣ 13 батальоновъ, 16 сотенъ и т. д., который долженъ былъ дѣйствовать совмѣстно съ Восточнымъ отрядомъ для атаки праваго фланга японцевъ, ген. Куропаткинъ поставилъ главной задачей также охрану лѣваго фланга.

Распредѣленіе войскъ Манчжурской арміи, согласно окончательно выработанному приказу о наступленіи отъ 28-го сентября — за недѣлю раньше дѣйствительнаго начала наступленія, 5-го октября, — разосланному командующимъ генераламъ, было слѣдующее:

Общія силы арміи составляли 257¹/₂ батальоновъ, 32 пулемета, 143 эскадрона и сотни (кромѣ того еще 50 конно-охотничьихъ командъ), 760 орудій, 10 саперныхъ батальоновъ.

Изъ этихъ войскъ предназначено было:

А. Собственно для наступленія:

Западный отрядъ ген. Бильдерлинга: 10-й и 17-й армейскіе корпуса, Оренбургская и Уральская казачьи бригады, всего — 64 батальона, 40 сотенъ, 190 орудій и 2 саперн. батальона.

Восточный отрядъ ген. Штакельберга — 1-й, 2-й и 3-й Сибирскіе корпуса и Сибирская казачья дивизія, всего — 73 батальона, 32 сотни, 164 орудія и 3 сапер. батальона.

Такимъ образомъ непосредственно для атаки противника назначено было 137 батальоновъ, 72 сотни, 354 орудія и 5 саперныхъ батальоновъ.

Б. Для прикрытія фланговъ:

Праваго фланга: для ближняго прикрытія отрядъ ген. Дембовскаго, командира 5-го Сибирскаго корпуса, въ составѣ 2 полковъ 54-й дивизіи и 1 полка 71-й дивизіи — всего 12 батальоновъ, 16 сотенъ, 32 орудія и 2 саперныхъ батальона.

Для дальняго прикрытія — отрядъ ген. Коссаговскаго, въ составъ котораго входили части 5-го Сибирскаго корпуса и 1-й Сибирской пѣхотной дивизіи, Амурскіе казаки и пограничная стража, всего 6½ батальоновъ, 9 сотенъ и 16 орудій.

Льваго фланга: для ближняго прикрытія — отрядъ ген. Ренненкампфа, начальника Забайкальской казачьей дивизіи, въ составъ котораго входили 3 полка 5-го Сибирскаго корпуса, 2 батальона 1-й Сибирской пѣхотной дивизіи и 2-я бригада Забайкальской казачьей дивизіи, всего 13 батальоновъ, 16 сотенъ и 30 орудій.

Для дальняго прикрытія отрядъ полковника Мадритова, въ составѣ 1 батальона, 4 сотенъ и 2 орудій.

Всего, слѣдовательно, для прикрытія фланговъ назначено было 32½ батальона, 45 сотенъ, 80 орудій и 2 саперныхъ батальона.

Хотя въ послѣдствіи отрядъ ген. Ренненкампфа принялъ участіе въ бояхъ и также, какъ и отрядъ ген. Дембовскаго, введенъ былъ въ дѣло послѣ того, какъ сраженіе было уже проиграно, — все же оба эти отряда имѣли главной цѣлью прикрытіе фланговъ, а такъ какъ это имъ было поставлено въ видѣ главной задачи, то естественно связывало обоихъ этихъ начальниковъ, отвлекая отъ важнѣйшей цѣли — атаковать и уничтожить противника.

В. Прикрытіе тыла: Для этой цѣли назначенъ былъ 6-й Сибирскій корпусъ, всего 32 батальона, 6 сотенъ, 96 орудій и 1 саперный батальонъ.

Г. Въ общій резервъ: Назначены были слѣдующія части: отъ 4-го Сибирскаго корпуса 24 батальона, 5 сотенъ, 114 орудій и 1 саперный батальонъ. Отъ 1-го армейскаго корпуса 32 батальона, 4 сотни, 108 орудій и 1 саперный батальонъ. Затѣмъ еще Забайкальская бригада ген. Мищенко, въ составѣ 11 сотенъ, 8 орудій и 1 сапернаго батальона. Всего въ резервъ назначено было, считая также и 6-й Сибирскій корпусъ, 88 батальоновъ, 26 сотенъ, 326 орудій и 3 саперныхъ батальона.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ обѣ группы войскъ Восточнаго и Западнаго отрядовъ, назначенныхъ непосред-

ственно для атаки японцевъ, выдѣлено было только немного больше половины всей арміи, цѣлая треть была выдѣлена въ резервъ, а затѣмъ остатокъ силъ назначенъ былъ для прикрытія фланговъ. Правда, впоследствии и общій резервъ, а частью и фланговые отряды постепенно вводились въ бой, но дѣлалось это только по каплямъ и то лишь послѣ того, какъ главныя силы, назначенныя для производства удара, потерпѣли уже пораженіе.

Общія силы 3-хъ японскихъ армій во время Шахейскаго сраженія составляли 137 батальоновъ, 44 эскадрона и около 500 орудій. Кромѣ того, къ концу сраженія на театръ дѣйствій прибыли еще 8-я пѣхотная дивизія и 1 резервная бригада, которыя, однако, въ дѣло введены не были.

Какой благопріятный оборотъ для русскихъ приняло бы все это сраженіе, если бы для перваго рѣшительнаго столкновения ген. Куропаткинъ удовольствовался одними казаками для прикрытія фланговъ и, оставивъ въ резервъ только 1 корпусъ, со всѣми остальными силами, т. е. не со 137, а съ 220 батальонами, атаковалъ бы противника! если бы, далѣе, вмѣсто того, чтобы раздробить всю свою конницу по корпусамъ и отрядамъ, которые и безъ того имѣли въ своемъ распоряженіи конно-охотничьи команды, вмѣсто того, чтобы израсходовать конницу на второстепенныя задачи, направилъ бы главную массу своей кавалеріи, свыше 100 эскадроновъ и сотенъ, на лѣвый флангъ и тылъ японцевъ...

Въ дѣйствительности же распредѣленіе Манчжурской арміи, приведенное выше, вытекало не изъ мысли энергичнаго наступленія, а какъ всѣ боевыя предпріятія русской арміи въ эту войну, обусловливались стремленіемъ заранѣе парализовать неблагопріятныя послѣдствія въ случаѣ возможнаго пораженія. Эта забота даже ясно выражена въ приказѣ о наступленіи, тогда какъ о подлинномъ стремленіи энергичнаго движенія впередъ въ этомъ приказѣ нѣтъ и слѣда.

Западному отряду приказано было сосредоточиться на линіи Шахе и оттуда начать наступленіе по обѣ стороны желѣзной дороги. На первые два перехода, 5-го—6-го октября, заранѣе указаны были конечные пункты движенія, которые въ первый

день марша были удалены отъ Мукдена всего лишь на 8—10 километровъ. На второй переходъ авангарды должны были занять линію Ченлюотхангоу—Хуньпаушань—Иншутунь и тамъ заняться возведеніемъ укрѣпленныхъ позицій; главныя силы должны были занять линію Линшинцу—Шахепу—Люанфантунь и также заняться возведеніемъ на этой линіи укрѣпленныхъ позицій. Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ этихъ распоряженіяхъ нѣтъ и слѣда какого-нибудь намѣренія захватить инициативу дѣйствій при предстоявшей встрѣчѣ съ противникомъ; напротивъ, съ самаго начала, еще не войдя даже въ соприкосновеніе съ непріателемъ, уже преклоняются передъ его волей, для противодѣйствія которой возводятся укрѣпленные позиціи, т. е. съ самаго начала переходятъ къ оборонительнымъ дѣйствіямъ.

Отряду ген. Дембовскаго было указано на второй день наступленія занять своимъ отрядомъ Чжантанъ. Дальнѣйшей задачей этого отряда ставится „удержать переправу у Чжантана, гдѣ возвести мостъ, который обезпечить двойнымъ тетъде-пономъ на обоихъ берегахъ рѣки Хуньхе“. Такъ что и въ отношеніи указаній для дѣйствій этого отряда также не видно никакихъ стремленій къ наступленію; точно также и для дѣйствій другого отряда, ген. Коссаговскаго, мы не найдемъ никакихъ слѣдовъ для подлинныхъ наступательныхъ дѣйствій; такъ какъ этому отряду ставилось задачей движеніе вдоль линіи Ляохе, держась „на одной высотѣ съ отрядомъ ген. Дембовскаго и поддерживая съ нимъ постоянную связь“.

Такое медленное движеніе впередъ Западнаго отряда можно бы, пожалуй, оправдывать тѣмъ, что войскамъ Восточнаго отряда предстояло пройти болѣе длинное разстояніе до встрѣчи съ противникомъ. Но независимо отъ того, что войска Восточнаго отряда могли бы и раньше столкнуться съ противникомъ, какъ это частью случилось и на самомъ дѣлѣ, главныя силы обоихъ отрядовъ, и Восточнаго и Западнаго, можно было бы заранѣе, въ теченіе одного перехода подвести къ линіи авангардовъ на Шахе и къ линіи Фенкьяцу—Фаншенъ—Каутулинскій переваль, и затѣмъ, сосредоточивъ здѣсь всѣ силы, со второго перехода начать наступленіе для атаки противника.

Въ дѣйствительности, однако, ничего не было сдѣлано, чтобы выровнять войска обоихъ отрядовъ посредствомъ болѣе усиленныхъ переходовъ для группы войскъ Восточнаго отряда; эти послѣднія должны были на второй день наступленія занять главными силами линію Тайкіяміауцзы—Хейзунпу—Пакьяцзы, т. е. 1-й и 3-й Сибирскіе корпуса должны были дѣлать въ день всего лишь 12—15 километровъ, а 2-му Сибирскому корпусу переходъ былъ назначенъ всего лишь въ 5 километровъ. Авангарды должны были быть выдвинуты на высоты Ванфулинскаго перевала. Задача Восточному отряду была поставлена—„овладѣть позиціей у Бяньяпуза“, гдѣ находилась только резервная бригада Умецавы въ составѣ 6 батальоновъ, которая очень легко могла быть опрокинута при сколько-нибудь энергичномъ и неожиданномъ движеніи впередъ.

На отрядъ ген. Ренненкампа возложена была охрана лѣваго фланга арміи, въ то же время „удерживая въ своей власти Синзинтунъ и наступая на фронтѣ Мицзы—Сяосырѣ,.... согласуя это движеніе съ наступленіемъ арміи“. Повидимому штабъ арміи предполагалъ на Тайдзыхе у Сяосыра значительныя непріятельскія силы, противъ которыхъ и назначалось прикрытіе со стороны отряда ген. Ренненкампа. Отрядъ ген. Ренненкампа двинулся по направленію на Мицзы, и на второй день марша, 6-го октября, занялъ линію Долинскаго перевала — Пейлинпудзы—Мицзы — Санкьядзы. Высланныя впередъ на развѣдку казачьи сотни по линіи Тайдзыхе, между Мицзы и Сяосыромъ, нигдѣ никакого противника не обнаружили.

Изъ состава общаго резерва 4-й Сибирскій и 1-й армейскій корпуса подъ начальствомъ генерала - отъ - кавалеріи барона Мейендорфа должны были направиться за промежутокъ между группами войскъ Западнаго и Восточнаго отрядовъ и на второй день наступленія должны были занять линію Санлиндзы—Иншендзы. Казачья бригада ген. Мищенко была оттянута назадъ и расположена за авангардомъ 10-го армейскаго корпуса, около Люанфантуня; 6-й Сибирскій корпусъ оставался у Мукдена.

Главнѣйшій недостатокъ этого операціоннаго плана русской

арміи, имѣвшій своимъ послѣдствіемъ провалъ всего этого наступленія, подчеркиваемый неоднократно даже и съ русской стороны, какъ наиболѣе существенный недостатокъ этой операціи, заключается въ томъ, что главный ударъ предназначалось нанести Восточнымъ отрядомъ въ незнакомой гористой мѣстности, для которой не имѣлось сколько-нибудь удовлетворительныхъ картъ. Такое направленіе главнаго удара было тѣмъ болѣе ошибочно, что уже съ перваго періода войны вполне выяснилось, что какъ русскія войска, такъ и ихъ начальники проявили полнѣйшую неспособность для веденія боя въ горахъ. Съ крайнимъ нетерпѣніемъ войска ожидали возможности сразиться съ противникомъ въ открытой равнинной мѣстности. Теперь какъ разъ открывалась эта возможность: пользуясь равнинной мѣстностью, можно было развернуть завѣсу въ 143 эскадрона и сотни и подъ прикрытіемъ этой завѣсы двинуться впередъ для рѣшительнаго столкновенія съ непріателемъ, дѣйствуя охватомъ его лѣваго фланга, и вдругъ, вмѣсто всего этого, главный ударъ направляется противъ японскаго праваго фланга, для чего приходилось дѣйствовать въ горахъ. Однако то обстоятельство, что эта гористая мѣстность, по которой приходилось дѣйствовать войскамъ Восточнаго отряда, была совершенно незнакома и полна всякихъ сюрпризовъ, въ родѣ того, что на пути встрѣчались неприступныя позиціи, занятыя противникомъ, должно ложиться упрекомъ единственно на штабъ арміи, потому что въ самомъ началѣ войны ген. Куропаткинъ придавалъ даже преувеличенное значеніе району около Бенсиху; здѣсь цѣлыми недѣлями стояли отряды Грулева, Любавина и друг.; между тѣмъ штабъ арміи не распорядился своевременно произвести надлежащую съемку этой мѣстности. Имѣвшіяся же карты, заготовленные еще до войны въ масштабѣ 1 : 80,000, обнимали собою мѣстность только отъ Ляояна къ югу. Во всякомъ случаѣ какъ отсутствіе картъ, такъ и недостатокъ горной артиллеріи указывали на то, что было болѣе выгодно производство главнаго удара направить по равнинной мѣстности на лѣвый флангъ японцевъ. Въ числѣ 194 орудій отрядовъ ген. Штакельберга и Ренненкампа имѣлось всего только 16 новыхъ и 8 старыхъ горныхъ

пушекъ. Большая часть полевой артиллеріи не была вовсе употреблена въ дѣло, отчасти, правда, по отсутствію инициативы войсковыхъ начальниковъ, но главнымъ образомъ по условіямъ гористой мѣстности, тогда какъ на правомъ флангѣ, на мѣстности равнинной, могло бы вполне проявить себя численное превосходство полевой артиллеріи на русской сторонѣ.

Помимо, однако, тактическихъ соображеній, также и въ стратегическомъ отношеніи трудно оправдать выборъ направленія для главнаго удара на правый флангъ японцевъ. Какъ видно изъ одного предписанія ген. Куропаткина генералу Штапельбергу, главной задачей Восточнаго отряда онъ считалъ „отрѣзать правый флангъ арміи Куроки отъ его сообщеній на лѣвомъ берегу Тайдзыхе и отбросить его на западъ къ Ляояну“. Но такая задача едва ли была исполнима даже въ случаѣ, если бы войскамъ Восточнаго отряда удалось одержать здѣсь самый блестящій тактическій успѣхъ, потому что отъ Бенсиху далѣе на Ляоянъ оставалось еще разстояніе въ 50 километровъ по мѣстности гористой и холмистой, на которой японцы могли бы наступающимъ русскимъ войскамъ оказывать сопротивленіе на каждомъ шагѣ. При такихъ условіяхъ трудно было бы помѣшать отступленію японцевъ на югъ вдоль желѣзной дороги. Иное дѣло при направленіи главнаго удара по равнинѣ, въ охватъ лѣваго фланга японцевъ, — здѣсь при удачѣ дѣйствительно можно было отбросить японцевъ отъ желѣзной дороги, которая являлась ихъ главной линіей сообщеній съ тыломъ.

Но если даже согласиться съ тѣмъ, что направленіе главнаго удара черезъ гористую мѣстность противъ праваго фланга японцевъ было ошибочно, то все же было бы неправильно приписать этой ошибкѣ главную причину неудачи наступательной операціи. При слабыхъ силахъ, которыя японцы могли противопоставить войскамъ Восточнаго отряда, наступленіе здѣсь, во всякомъ случаѣ, должно было бы привести къ благопріятнымъ результатамъ, если бы оно только было произведено энергично и быстро. Не „въ условіяхъ мѣстности“ и разныхъ другихъ обстоятельствахъ надо искать причину провала всего

наступленія, а въ отсутствіи сильной воли и энергіи при выполнении этой операціи.

Этихъ-то обстоятельствъ не замѣчалось въ самомъ началѣ этой операціи. Ген. Штакельбергъ былъ съ самаго начала противъ наступленія вообще; ген. Бильдерлингъ предлагалъ совѣмъ другой планъ наступленія. Что же удивительнаго въ томъ, если оба эти главные начальники, на плечахъ которыхъ лежало выполнение всей операціи, не вѣрили въ благополучный исходъ начатаго наступленія. Командующій арміей со своей стороны не потрудился вовсе оживить энергію у своихъ ближайшихъ помощниковъ. Напротивъ, онъ считалъ необходимымъ постоянно напоминать своимъ помощникамъ объ *осторожности*. Не принявъ ни малѣйшаго участія въ выработкѣ самаго плана наступательной операціи, ген. Куропаткинъ теперь чрезвычайно усердно снабжалъ начальниковъ всевозможными указаніями, по примѣру того, какъ раньше онъ не скупился на всевозможныя инструкціи войскамъ, стараясь въ этихъ указаніяхъ обнять всевозможные случаи и вѣроятности.

Начальнику Западнаго отряда, ген. Бильдерлингу, ген. Куропаткинъ указываетъ наступать съ большой осторожностью въ первые дни операціи для того, чтобы „ни одну изъ нашихъ колоннъ не подвергнуть опасности пораженія“. При этомъ ген. Куропаткинъ высказываетъ даже надежду, что „удастся привести непріятеля въ полное разстройство при его отступленіи черезъ Тайдыхе, стараясь преслѣдовать его черезъ броды далѣе на южный берегъ рѣки“; но въ то же время ген. Куропаткинъ указываетъ начальнику Западнаго отряда, что „въ случаѣ, если непріятель перейдетъ въ наступленіе, занять оборонительныя позиціи, съ которыхъ стараться отбить сначала наступленіе противника и затѣмъ самимъ перейти въ наступленіе“. Такимъ образомъ ген. Куропаткинъ въ своихъ указаніяхъ рекомендуетъ сдать непріятелю всѣ выгоды инициативы, какъ только обнаружится, что непріятель самъ угрожаетъ наступленіемъ.

Какое впечатлѣніе вынесъ ген. Бильдерлингъ изъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ указаній, письменныхъ и устныхъ,

всего лучше видно изъ слѣдующаго замѣчанія, которое дѣлаетъ полковникъ Грулевъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Этотъ послѣдній во время мирнаго расположенія арміи подъ Мукденомъ состоялъ начальникомъ авангарда 17-го корпуса у Линшинпу; когда 6-го октября началось наступленіе, полковникъ Грулевъ, встрѣтивъ на пути начальника Западнаго отряда, обратился къ нему съ вопросомъ о ближайшей задачѣ наступленія. „Да, какъ вамъ это объяснить“, отвѣтилъ ген. Бильдерлингъ, „мы подвинемся немножко впередъ, потомъ немножко постоимъ на мѣстѣ, опять немножко подвинемся впередъ... Короче сказать — шагъ впередъ и потоптаться на мѣстѣ“... ¹⁾).

Полковникъ Грулевъ замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее: „Такое наступленіе всѣмъ показалось съ самаго начала положительно жалкимъ. Зная теперь всѣ планы и директивы командующаго арміей, нужно признать, что дѣйствительно таковъ былъ преподанный характеръ начатаго наступленія. Какой же тутъ могъ быть успѣхъ? А между тѣмъ, если бы знать настроеніе войскъ—что мы чувствовали при первыхъ шагахъ впередъ навстрѣчу врагу! Какъ порывались всѣ впередъ! Казалось, ничто насъ не остановитъ. Только бы тамъ, *сзади*, не удерживали именовъ ложной стратегіи или по нерѣшительности характера. Судьба мало послала намъ въ эту войну возможности испытать сладость наступательныхъ порывовъ, а теперь, когда привелось, наконецъ, перейти въ наступленіе, оно по предписанію свыше проявляется въ удивительно жалкой формѣ. Въ началѣ Шахейской операціи этотъ наступательный порывъ войскъ былъ весьма великъ, и глубоко печально, что настроеніе войскъ не только не было использовано, но было даже загублено въ первые же дни крайне нерѣшительнымъ образомъ дѣйствій верховъ арміи“. Далѣе, первый переходъ полковникъ Грулевъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: „Люди идутъ ходко, широкимъ, размаши-

¹⁾ Полк. Теттау впалъ въ ошибку: это приводится мною со словъ начальника штаба Западнаго отряда ген.-м. Тизенгаузена, а не со словъ ген. Бильдерлинга (см. стр. 45 „Въ штабахъ и на поляхъ“, ч. 2-я),

стымъ шагомъ, обмѣниваясь прибаутками. Мы, конечно, не успѣли оглянуться, какъ совершили уже назначенный намъ на сегодняшній день переходъ, и къ 8 часамъ утра были уже на мѣстѣ своего ночлега въ деревнѣ Лиютхангоу, пройдя всего лишь 4 версты. ...То-то орлы мы! Быстрота и натискъ по завѣту Суворова!“...

Въ моихъ воспоминаніяхъ („Восемнадцать мѣсяцевъ съ русскими войсками въ Манчжуріи“) я уже указалъ, какое подавляющее впечатлѣніе на насъ, иностранныхъ агентовъ, производило это жалкое наступленіе. Мы надѣялись принять участіе въ бодромъ наступленіи войскъ, когда узнали 6-го октября, что войска Западнаго отряда остаются на мѣстѣ, можетъ быть даже отодвинутся нѣсколько назадъ для того, чтобы выбрать хорошую позицію, на которой укрѣпиться и затѣмъ отразить съ этой позиціи атаку японцевъ. И такой образъ дѣйствія командиръ 10-го корпуса ген. Случевскій считалъ вполне соответствующимъ обстановкѣ; онъ хвасталъ даже тѣмъ, что это онъ самъ совѣтовалъ этотъ образъ дѣйствій командующему арміей. Было бы несправедливо поэтому сваливать всю вину на одного ген. Куропаткина, такъ какъ его помощники, за небольшимъ исключеніемъ, сами были воодушевлены той же осторожностью и, во всякомъ случаѣ, являлись послушными орудіями для выполнения такихъ осторожныхъ указаній командующаго арміей.

Въ одномъ изъ своихъ указаній ген. Штакельбергу, ген. Куропаткинъ напоминаетъ, что онъ долженъ правый флангъ японцевъ атаковать не только съ фронта, но также съ востока, дѣйствуя охватомъ этого фланга, и что поэтому необходима „заботливая охрана своего лѣваго фланга“. Въ случаѣ, если не удастся охватить правый флангъ арміи Куроки и отбросить на западъ, отрѣзавъ отъ его сообщеній, то Восточный отрядъ долженъ былъ преслѣдовать общую цѣль, поставленную Манчжурской арміи, т. е. отбросить непріятеля за Тайдзыхе и для этой цѣли наступать прямо по направленію черезъ Бенсиху. „Въ случаѣ, если во время хода самой операціи обнаружится, что японцы сосредоточили въ этомъ направленіи превосходныя силы (но гдѣ же русскимъ начальникамъ не представля-

лись силы превосходныя), то Восточный отряд долженъ перейти къ оборонѣ и при этомъ выказать крайнее упорство и стойкость при оборонѣ укрѣпленной позиціи“. Въ заключеніе ген. Куропаткинъ указываетъ ген. Штакельбергу, что въ составъ Восточнаго отряда входятъ большей частью войска, участвовавшія уже въ бояхъ и имѣющія за собою боевой опытъ, „съ которыми можно на многое рѣшиться“. Сказавъ это, ген. Куропаткинъ сейчасъ же опасается, что ген. Штакельбергъ можетъ въ самомъ дѣлѣ проявить, пожалуй, чрезмерную отвагу, поэтому онъ ему еще разъ указываетъ на необходимость приостановить наступленіе и перейти къ дѣйствіямъ оборонительнымъ, въ случаѣ, если обнаружится, „что японцы сами начали наступательныя дѣйствія“...

Такое же указаніе, какое дано было начальникомъ обоихъ отрядовъ, ген. Куропаткинъ составилъ также и для ген. Ренненкампа, которому онъ даетъ разные совѣты и указанія относительно образа дѣйствій, рекомендуя, главнымъ образомъ, *осторожность*. Когда 5-го октября ген. Ренненкампа изъ Эрдагоу телеграфировалъ ген. Куропаткину, что онъ на слѣдующій день предполагаетъ со своимъ отрядомъ занять линію Бейлинцудзы—Мицзы—Санкіацзы, то онъ получилъ отъ командующаго арміей слѣдующій отвѣтъ:

„Такое быстрое движеніе впередъ вашего отряда въ долину Тайдзыхе противорѣчитъ интересамъ арміи и не согласуется съ дѣйствіями и задачами Восточнаго отряда. Силы вашего отряда недостаточны для дѣйствій самостоятельныхъ. Въмѣсто того, чтобы излагать мнѣ ваши соображенія, представленія которыхъ я требовалъ отъ васъ 1-го октября, прошу донести мнѣ ваше окончательное рѣшеніе, которое должно согласоваться со взглядами ген. Штакельберга. Этотъ послѣдній полагаетъ, что до 8-го октября онъ едва ли въ состояніи будетъ атаковать непріятеля у Бяньяпузы... Поэтому надлежитъ вамъ 6-го и 7-го октября дѣйствовать съ особой осторожностью... и наступленіе ваше на Санкіацзы пѣхотой вашего отряда согласовать съ предпріятіями ген. Штакельберга противъ Бяньяпузы, поэтому вы должны поддерживать съ нимъ постоянную связь. Я не вижу также, какимъ образомъ вы при-

крываете ваше наступленіе противъ Чжантаня. Старайтесь быть экономнымъ въ расходованіи пѣхоты и артиллеріи. Что касается конницы, то вы имѣете во всякомъ случаѣ перевѣсъ въ силахъ“.

Это указаніе командующаго арміей, которое ген. Ренненкампфъ получилъ 6-го октября послѣ своего прихода въ Мицзы, имѣло ближайшимъ послѣдствіемъ то, что онъ въ 6 час. 30 мин. вечера по телеграфу испрашивалъ приказанія, когда онъ долженъ продолжать свое наступленіе. Эта телеграмма была получена въ штабѣ арміи только 7-го октября въ 8 час. 30 мин. утра съ помѣткой, что „замедлена доставленіемъ въ виду перегрузки телеграфа“. Одинъ штабъ-офицеръ Забайкальской казачьей бригады пишетъ по этому поводу въ своемъ дневникѣ: „Мы получили приказаніе задержаться въ Санкіацзы въ теченіе двухъ дней, чтобы выровняться съ фронтомъ наступленія остальныхъ войскъ. Это значитъ, что у насъ изъ рукъ вонъ вырываютъ выгоды инициативы и возможность атаковать противника неожиданно, напротивъ, мы даемъ ему время усилиться и подготовиться для нашей встрѣчи“.

Вообще, изъ всего этого наступленія, которое всегда и всюду требуетъ быстроты и рѣшительности, отнять былъ главный импульсъ, постояннымъ напоминаніемъ объ осторожности, оно было этимъ связано и парализовано; при этомъ ни одинъ изъ русскихъ военачальниковъ не былъ воодушевленъ твердой волей и рѣшимостью побѣдить или умереть. Такимъ образомъ, все это наступательное предпріятіе неизбѣжно таило въ себѣ зародышъ неудачи.

Передвиженія и передовые бои отъ 5-го—8-го октября.

Войска Восточнаго отряда 6-го октября заняли пункты, указанные на второй день наступленія приказомъ по арміи. Главныя силы 1-го, 2-го и 3-го Сибирскихъ корпусовъ заняли въ этотъ день линію деревень Хушитай—Тайкіамяоцзы—Хейзунцу—Пакиацзы. Авангарды этихъ корпусовъ были выдвинуты

впередъ на югъ на разстояніе 6 километровъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказались въ разстояніи около 5 километровъ отъ позиціи японцевъ у Бяньяпузы. Казачья дивизія ген. Самсонова приблизилась къ этой позиціи еще ближе, не подумавъ, тѣмъ не менѣе о необходимости собрать какія-нибудь свѣдѣнія о распредѣленіи японскихъ войскъ на позиціи у Бяньяпузы. Силы японцевъ значительно преувеличивались какъ всегда, такъ что между Бяньяпузой и Бенсиху предполагалось, что находятся по крайней мѣрѣ двѣ дивизіи японскихъ.

Въ дѣйствительности же у Бяньяпузы расположена была далеко выдвинутая впередъ и совершенно изолированная гвардейская резервная бригада Умецавы въ составѣ 6 батальоновъ, 1 эскадрона и 1 батареи; затѣмъ въ самомъ Бенсиху находились еще три этапныхъ роты подъ начальствомъ полк. Хирата. Это были все японскія силы здѣсь, противъ которыхъ медленно наступали цѣлыхъ три армейскихъ корпуса. ген. Штакельберга съ фронта и отрядъ ген. Ренненкампа съ праваго фланга. Еще 6-го октября вполне возможно было со стороны русскихъ, при сколько-нибудь цѣлесообразномъ направленіи наступленія, опрокинуть наголову упомянутые 6 японскихъ батальоновъ.

Не лишнее, однако, представить себѣ положеніе, если бы хотя бы 7-го октября армія ген. Штакельберга продолжала движеніе, а ген. Ренненкампа также двинулся впередъ изъ Санкіацзы на Бенсиху, какъ онъ это и хотѣлъ сдѣлать. Въ такомъ случаѣ бригада Умецавы была бы несомнѣнно уничтожена, а затѣмъ войска ген. Штакельберга и Ренненкампа овладѣли бы высотами между переваломъ Ченгоулинъ и Бенсиху безъ дальнѣйшаго сопротивленія со стороны японцевъ, о которое впослѣдствіи разбились все атаки войскъ Восточнаго отряда. Этимъ первымъ успѣхомъ достигнута была бы немаловажная тактическая и стратегическая побѣда, но, кромѣ того, получились бы также важныя моральныя выгоды о которыхъ самъ ген. Куропаткинъ говоритъ въ своихъ инструкціяхъ, что весьма важно въ самомъ началѣ операцій заручиться моральнымъ успѣхомъ. Совершилось, однако, невѣроятное — русскіе предоставили своимъ противникамъ воз-

можность воспользоваться нѣсколькими лишними днями для того, чтобы вполне выяснились намѣренія наступающихъ русскихъ войскъ, послѣ чего не трудно было далеко выдвинутый отрядъ у Бяньяпуза отодвинуть назадъ, поставивъ въ болѣе безопасное положеніе, а также принять рядъ другихъ необходимыхъ мѣръ, чтобы отразить ожидавшіяся атаки русскихъ.

Такъ какъ событія 5-го и 6-го октября и предпріятыя рекогносцировки позицій у Бяньяпузы казались ген. Штакельбергу недостаточными, чтобы считать обстановку выяснившейся и чтобы возможно было предпринять рѣшительную атаку, то онъ рѣшилъ эту послѣднюю отложить на 9-е октября, 7-го октября предпринять всеобщую развѣдку подступовъ къ позиціи, а затѣмъ 8-го октября предпринять еще разныя подготовительныя мѣры для предстоящей атаки.

Эта злосчастная нерѣшительность, которая является главнѣйшей причиной пораженія на Шахе, служитъ наиболѣе яркимъ показателемъ неумѣлаго руководства войсками со стороны русскихъ начальниковъ и пренебреженія ими важнѣйшихъ факторовъ, вліяющихъ на ходъ событій на войнѣ. Здѣсь, гдѣ залогомъ успѣха могли служить только быстрота и энергія въ дѣйствіяхъ, чтобы насколько возможно было застигнуть непріятели врасплохъ, — русскіе своимъ медленнымъ наступленіемъ 5-го и 6-го октября даютъ своимъ противникамъ лишнихъ два дня времени, чтобы подготовиться, принять необходимыя встрѣчныя мѣры и вырвать инициативу изъ рукъ непріятели. Тѣмъ не менѣе, однако, эта нерѣшительность ген. Штакельберга встрѣтила полное одобреніе со стороны командующаго арміей. Мало того, ген. Куропаткинъ предлагалъ ему дѣйствовать еще болѣе осторожно и главную атаку считалъ необходимымъ произвести даже не ранѣе 10-го октября, сопровождая это свое указаніе слѣдующими строками: „Если бы вы встрѣтили при наступленіи значительныя затрудненія, обусловливаемая гористой мѣстностью или превосходными силами противника, то необходимо будетъ атаку производить постепенно въ теченіе нѣсколькихъ дней“. Это какая-то карикатура на наступленіе — по крайней мѣрѣ на то по-

нiе, которое обыкновенно подразумѣвается подъ этимъ тактическимъ терминомъ.

7-го октября войска Восточнаго отряда оставались въ полной бездѣятельности. По всей вѣроятности армiя ген. Штакельберга еще дня три занималась бы развѣдками и подготовкой атаки непрiятельской позицiи у Бяньпузы, оставаясь на своихъ мѣстахъ, если бы 8-го октября, совершенно случайно, не обнаружилось, что эта позицiя японцами совершенно оставлена...

На 7-е октября назначена была рекогносцировка непрiятельской позицiи. Въ этой рекогносцировкѣ должны были участвовать лично три командира корпуса, которые должны были представить свои донесенiя утромъ 8-го октября; сообразно съ этой рекогносцировкой должны были затѣмъ атаковать эту позицiю 3 корпуса и казачья дивизiя ген. Самсонова, которымъ указаны были соответствующiе участки.

Рекогносцировка эта не дала никакихъ результатовъ. Казачья дивизiя ген. Самсонова, которая должна была выяснить, заняты ли японцами высоты между долинами Бяньпуза—Сяншанцзы и Тапингоу—Кутайцзы, ограничилась тѣмъ, что продвинулась впередъ до Шаохуаншай, гдѣ уже находился отрядъ полковника Дружинина; тамъ дивизiя ген. Самсонова оставалась до 4 часовъ пополудни, оттуда продвинулась до Тшуйкиапуцзы и затѣмъ изъ этого послѣдняго пункта направлены были далѣе на югъ 2 сотни, чтобы преслѣдовать отступавшiе непрiятельскiе развѣзды.

Точно также никакихъ результатовъ не дала рекогносцировка, произведенная во главѣ трехъ корпусныхъ командировъ. Весьма характернымъ служить слѣдующiй отзывъ полк. Дружинина, который даетъ понятiе о нравственномъ духѣ войсковыхъ начальниковъ и ихъ представленiи объ обстановкѣ: Командующiй 3-мъ Сибирскимъ корпусомъ генералъ Ивановъ послалъ слѣдующее классическое и оригинальное донесенiе: „Отправляюсь сейчасъ на указанную развѣдку, имѣя въ виду, что мы встрѣтимся съ передовыми постами противника, я прошу указанiя, *могу ли я оттъснить при встрѣчѣ непрiятельскiй караулъ*, такъ какъ безъ этого я

не въ состояніи буду развѣдать непріятельскую позицію“... Подобное военное невѣжество едва ли можно было бы даже встрѣтить со стороны какого-нибудь прапорщика. Помимо всякаго отсутствія со стороны ген. Иванова какого-нибудь военного образованія, мы видимъ здѣсь также съ его стороны отсутствіе какой бы то ни было инициативы, какъ способный только для того, чтобы исполнить полученное приказаніе... Командиръ 2-го Сибирскаго корпуса ген. Засуличъ доносилъ слѣдующее: „Передовая позиція японцевъ у Бяньяпузы занята непріателемъ очень слабо. Въ стрѣлковыхъ окопахъ видны только караулы. Вообще, трудно было замѣтить какія-нибудь передвиженія или другіе признаки, которые могли бы служить указаніемъ на присутствіе тамъ сколько-нибудь значительныхъ силъ. Повидимому, японскіе биваки находятся позади высотъ ихъ передовой позиціи, т. е. южнѣ Бяньяпузы“. Такое донесеніе ген. Засулича также весьма характерно. Этотъ генераль былъ убѣжденъ, что передъ нимъ нѣтъ сколько-нибудь значительныхъ силъ японцевъ; тѣмъ не менѣе онъ боялся японцевъ, такъ что онъ счелъ необходимымъ напугать, насколько возможно, также высшее начальство, увѣряя его, что если японцевъ не видно спереди, то навѣрное цѣлая масса ихъ находится сзади позиціи. Въ униссонъ съ этимъ „тюренченскимъ героемъ“ вторилъ также ему и его помощникъ, полковникъ Орановскій, который на основаніи донесеній его штаба доносилъ слѣдующее: „Въ районѣ Бяньяпуза—Сяншанцы находится около 3 дивизій съ 50 орудіями“... Не трудно себѣ представить, въ какомъ тяжеломъ положеніи долженъ былъ находиться начальникъ Восточнаго отряда при такихъ неспособныхъ корпусныхъ штабахъ, какъ штабы 2-го и 3-го Сибирскихъ корпусовъ.

Положеніе начальника Восточнаго отряда на самомъ дѣлѣ было, конечно, вовсе не такое тяжелое, какъ это думаетъ полк. Дружининъ. Если ген. Штакельбергъ желалъ выяснитъ подлинную обстановку, то ему слѣдовало только быстро и энергично атаковать противника, вмѣсто того, чтобы тратить время на развѣдки и рекогносцировки. Вполнѣ правильно по этому поводу разсуждаетъ полк. Грулевъ въ своихъ воспоми-

наніяхъ, высказывая слѣдующее: „Позволю себѣ высказать здѣсь мимоходомъ,—пусть это будетъ хотя бы въ видѣ парадокса,—что къ излишнимъ рекогносцировкамъ и развѣдкамъ прибѣгаютъ всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда не хватаетъ энергичнаго импульса для наступленія и атаки. Какъ бы то ни было, а едва ли тутъ своевременно было забастовать съ арміей на цѣлый день и заняться рекогносцировкой. Пока ген. Штакельбергъ съ цѣлой арміей 7-го и 8-го октября присматривался къ Бяньяпузѣ съ профиля, съ фаса и даже съ тыла, вырабатывая планъ, какъ штурмовать этотъ пунктъ,—японцы совѣмъ бросили Бяньяпузу и сосредоточились на своей главной позиціи по линіи переваловъ Тумынлинъ—Ченгоулинъ и по горному хребту Лаутхалаза къ сѣверо-востоку отъ Бенсиху. Восточный отрядъ продвинулся опять впередъ черепашинымъ шагомъ, занявъ 8-го октября *пустую* деревню Бяньяпуза, брошенную японцами, и... опять остановился, чтобы собраться съ силами, съ цѣлью на слѣдующій день атаковать перевалы“...

Этому „черепашему“ наступленію русской арміи японцы обязаны тѣмъ, что они выиграли достаточно времени, чтобы уяснить себѣ планы своихъ противниковъ. Подготовка непріятельскаго наступленія не ускользнула, конечно, отъ вниманія китайскихъ шпіоновъ; начиная съ начала октября, признаки ожидающагося наступленія русской арміи все увеличивались. Главная квартира японской арміи сначала не вѣрила въ это общее наступленіе русской арміи, но когда развѣдчики стали доносить, что 3-го октября русская армія начала переходъ черезъ Хунхе, что 6-го октября армія ген. Штакельберга появилась передъ Бяньяпузой и передовыя войска Западнаго отряда перешли черезъ Шахе, то уже больше не оставалось сомнѣній относительно настоящихъ намѣреній противника. Ген. Куроки сейчасъ же увидѣлъ, что главный ударъ готовится противъ праваго фланга его арміи и что это угрожаетъ опасностью положенію бригады Умедавы, которая можетъ быть отрѣзана отъ главныхъ силъ его арміи. Въ виду этого ген. Куроки по собственной инициативѣ приказалъ въ 2 час. ночи на 7-е октября гвардейской резервной бригадѣ Умедавы

возможно скорѣе отойти отъ Бяньпузы на Люшикія и тамъ занять позицію на высотахъ по обѣ стороны переваловъ Тумынлинъ—Талинъ. Въ томъ же приказѣ по арміи, отданномъ въ ночь на 7-е октября, 12-я японская дивизія получила приказаніе передвинуться влѣво отъ гвардейской бригады Умецавы и занять позицію на Ченгоулинскомъ перевалѣ южнѣе Инченпу, а гвардейской дивизіи передвинуться вправо и занять позицію около оставшейся на Янтайскихъ кояхъ 2-й дивизіи въ районѣ Чжанхейтунъ.

Какой изъ русскихъ начальниковъ взять бы на себя отвѣтственность за такія самостоятельныя распоряженія, которыя своимъ послѣдствіемъ имѣли, въ сущности, коренное измѣненіе всего расположенія войскъ на правомъ флангѣ японцевъ. Но здѣсь дѣйствительно нельзя было терять времени изъ опасенія подвергнуть бригаду Умецавы риску быть совершенно уничтоженной, а весь правый флангъ арміи Куроки опасности быть опрокинутымъ и отгѣсненнымъ.

Генераль Ояма вполне одобрилъ распоряженіе ген. Куроки. Медленныя и осторожныя дѣйствія русскихъ подвинули ген. Ояму принять рѣшеніе самому захватить инициативу въ свои руки. Въ то время, какъ 1-я армія Куроки отражала наступленіе Восточнаго отряда на правый флангъ японскій, Ояма рѣшилъ съ главными силами 1-й, 4-й и 2-й армій двинуться для атаки Мукдена. Распоряженія ген. Куроки вполне отвѣчали этимъ намѣреніямъ ген. Оямы. Въ виду этого, 4-й арміи, отъ которой 10-я дивизія и резервная бригада оставались до того времени у Ляояна, было приказано двинуться впередъ между Мандаринской дорогой и Янтайскими каменноугольными коями. 2-я армія оставалась западнѣе желѣзной дороги.

Распоряженія ген. Куроки были получены ген. Умецава 7-го октября одновременно съ полученными донесеніями о появленіи непріятельскихъ войскъ (это былъ отрядъ ген. Ренненкампа) на Тайдзыхе у Санкіацзы. Положеніе бригады Умецавы было бы безвыходнымъ, если бы армія ген. Штакельберга и отрядъ ген. Ренненкампа продолжали въ этотъ день свое наступленіе. Но такъ какъ этого не случилось, то ген. Уме-

цава удалось въ ночь на 8-е октября, незамѣтно для русскихъ, отступить со своими 6 батальонами отъ позиціи у Бяньяпузы и утромъ того же дня занять перевалы Таелинъ и Тумынлинъ, а также высоты къ востоку отъ Люшикія.

Для отраженія наступленія ген. Ренненкампа на Бенсиху въ этомъ пунктѣ, какъ сказано, имѣлось только 3 этапныхъ роты 29-го резервнаго полка, подъ начальствомъ полк. Хирата, отъ которыхъ передовые посты выставлены были западнѣ Уиньянина. Для поддержки этихъ слабыхъ частей ген. Умечева направилъ туда утромъ 8-го октября одинъ батальонъ 4-го резервнаго гвардейскаго полка, такъ что полк. Хирата имѣлъ всего въ своемъ распоряженіи свыше 7 ротъ, съ которыми онъ и занялъ высоты къ западу отъ Уиньянина — Мейзанъ, Лаутхалаза и Секизанъ. Какихъ ужасныхъ жертвъ стоили русскимъ атаки на эти высоты, которыя, точно также какъ и Бенсиху, могли имъ достаться совершенно даромъ, если бы только ген. Ренненкампа 7-го октября продолжалъ свое наступленіе далѣе на Тайдзыхе!..

8-е октября, согласно приказанію ген. Штакельберга, было посвящено „передвиженію главныхъ силъ на линію авангардныхъ позицій и установкѣ артиллеріи на эти позиціи“ для того, чтобы занять исходные пункты, предназначенные для производства атаки утромъ 9-го октября. Все это безъ особыхъ затрудненій могло быть достигнуто еще 6-го октября.

Утромъ 8-го октября командиръ 1-го Сибирскаго корпуса, ген. Гернгроссъ, во время производившейся имъ лично развѣдки по направленію на Бяньяпузу, счастливымъ образомъ открылъ, что высоты къ сѣверу отъ этого пункта совершенно оставлены японцами и, повидимому, также и главная позиція¹⁾ японцевъ къ югу отъ Бяньяпузы ими оставлена. Однако, только къ полудню было окончательно установлено, что японцы совершенно исчезли. Были высланы охотничьи команды, которыя и заняли эту оставленную непріятельскую позицію, послѣ чего

¹⁾ Русскіе, очевидно, представляли себѣ, что и у японцевъ существуютъ „передовыя“, „главныя“, „тыловыя“ и „промежуточныя“ позиціи. Въ дѣйствительности у нихъ тутъ имѣлась одна оборонительная позиція.

ген. Штакельбергъ приказалъ двинуть впередь утромъ 9-го октября всѣ авангарды Восточнаго отряда.

Еще къ вечеру 8-го октября, какъ гласить исторія русскаго генеральнаго штаба, „авангарды 1-го и 2-го Сибирскихъ корпусовъ, а также правой колонны 3-го Сибирскаго корпуса заняли линію Сунвупуцзы—Вейцзыгоу—Хулуцзыгоу въ разстояніи 1—3 километровъ къ сѣверу отъ Бяньпузы и здѣсь окопались“. Только лѣвой колоннѣ 3-го Сибирскаго корпуса (6-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи), которая имѣла задачей охватить главной позиціи японцевъ между Бяньпузой и Бенсиху, удалось прибыть въ Ликиаувопенъ. Ген. Самсоновъ со своими казаками находился у Сяншанцзы. Получивъ извѣщеніе о предполагаемомъ движеніи впередь Восточнаго отряда на 9-е октября, ген. Ренненкампфъ также въ свою очередь выступилъ изъ Санкиацзы и къ вечеру 9-го октября прибылъ въ Уиньянинъ; авангардъ его оттѣснилъ японскіе передовые посты западнѣе Уиньянина, послѣ чего онъ былъ оттянуть назадъ.

Звучить какой-то ироніей поздравленіе командующаго арміей, посланное имъ ген. Штакельбергу по случаю занятія Бяньпузы, приписывая этотъ „успѣхъ въ значительной степени искусно исполненнымъ маневрамъ со стороны войскъ Восточнаго отряда“. вмѣстѣ съ тѣмъ командующій арміей не преминулъ снова указать ген. Штакельбергу о необходимости *осторожности* въ дѣйствіяхъ.

Также и дѣйствіямъ Западнаго отряда ген. Бильдерлинга ген. Куропаткинъ рекомендовалъ „особую осторожность“. 6-го октября главныя силы 17-го и 10-го армейскихъ корпусовъ достигли Шахе и заняли линію Даліантунъ—Линшинпу—Шахецу—Люанфантунъ, такъ что за два дня, какъ это было упомянуто выше, войсками 17-го корпуса пройдено всего 18 километровъ, а 10-го корпуса пройдено 14 километровъ. Авангардъ 17-го корпуса продвинулся въ Лютхангоу, выславъ боковой отрядъ подъ начальствомъ полк. Стаховича въ Цунлуньянтунъ.

Отъ 10-го корпуса направился авангардъ въ составѣ бригады 31-й пѣхотной дивизіи, подъ начальствомъ ген. Рябинкина,

на Панкхаопу, откуда выставилъ передовые посты по линіи деревни Сычуань. Лѣвый авангардъ, въ составѣ также бригады 31-й дивизіи, подъ начальствомъ ген. Мау, двинулся изъ Хуаншаня на Иншунтунь. Развѣзды западнаго отряда дошли до линіи японскихъ передовыхъ постовъ по линіи Вулитайдзы—Эртайдзы—Сіаученпу.

Вправо отъ 17-го корпуса находилась казачья бригада ген. Грекова (Владиміра), прикрывавшая правый флангъ генерала Бильдерлинга, т. е. здѣсь находилось всего только 12 сотенъ, вмѣсто, по крайней мѣрѣ, 100 слишкомъ сотенъ конницы, которыя могли быть собраны сюда для дѣйствій въ этомъ районѣ. Находившаяся впереди Западнаго отряда Уральская казачья бригада должна была сначала производить развѣдку передъ фронтомъ этого отряда, а затѣмъ 6-го октября сосредоточиться около деревни Хунпаушань, послѣ чего скрыться совсѣмъ въ тылу войскъ.

Этими ничтожными передвиженіями войскъ Западнаго отряда 5-го и 6-го октября закончились собственно всѣ наступательныя дѣйствія Западнаго отряда. Войска эти остановились для того, чтобы начать окапываться и укрѣпляться — главные силы на линіи Шахе, а авангарды на своихъ выдвинутыхъ впередъ позиціяхъ. На такія дѣйствія Западнаго отряда повліяли полученныя въ штабѣ арміи свѣдѣнія, что около станціи Янтай находится 9 японскихъ дивизій и какой-то „принцъ крови“; вслѣдствіе чего пріостановлено было движеніе войскъ и рѣшено было укрѣпиться на позиціи для того, чтобы затѣмъ „навстрѣчу противнику подвигаться впередъ отъ позиціи къ позиціи“. Какое странное представленіе о понятіи „наступленіе“! Противникъ разсматривается не какъ живая сила, которую надо преодолѣть, чтобы сдѣлать ее безвредной, а какъ мертвая масса, которую можно обработать позиціями, окопами и ходами сообщенія. Если бы дѣйствительно около Янтая находилось 9 дивизій, что очень сомнительно, то необходимо было прежде всего обрушиться на нихъ всѣми силами для того, чтобы облегчить задачу Восточнаго отряда. Вѣдь командующій Манчжурской арміей имѣлъ въ своемъ распоряженіи резервъ вправо и влѣво отъ Западнаго

отряда—3 армейскихъ корпуса, не считая дивизіи ген. Дембовскаго на правомъ флангѣ Западнаго отряда. Имѣлось, слѣдовательно, достаточно войскъ, чтобы наступать впередъ для встрѣчи съ этими японскими дивизіями. Какъ же иначе хотѣлъ ген. Куропаткинъ, стоя на мѣстѣ, осилить противника? Очевидно одного этого невѣрнаго свѣдѣнія, полученнаго командующимъ арміей, оказалось достаточно, чтобы съ такой легкостью выпустить изъ рукъ только что захваченную инициативу дѣйствій и снова предоставить себя волѣ противника.

Ген. Бильдерлингъ доносилъ командующему арміей, что въ виду неопредѣленности свѣдѣній о противникѣ, находящемся передъ фронтомъ Западнаго отряда, онъ предполагаетъ 7-е октября употребить на то, чтобы занять войсками своего отряда исходное положеніе для дальнѣйшаго наступленія. Ген. Куропаткинъ не только одобрилъ это замедленіе наступательныхъ дѣйствій, но еще приказалъ ген. Бильдерлингу, чтобы войска Западнаго отряда 7-го октября остались на своихъ позиціяхъ и занялись дальнѣйшимъ ихъ укрѣпленіемъ. Повторилось здѣсь то же самое, что и въ Восточномъ отрядѣ: здѣсь также получилась *дневка*, которую старались заполнить развѣдками, съ той лишь разницей, что здѣсь эти развѣдки не привели ни къ какой встрѣчѣ съ противникомъ. Изъ Кушунцы и Татузанцу были, правда, вытѣснены японскіе передовые посты, но вслѣдъ затѣмъ эти деревни были очищены русскими.

8-го октября ген. Бильдерлингъ хотѣлъ сдѣлать шагъ впередъ въ своемъ наступленіи, для чего предполагалъ главныя силы 17-го и 10-го корпусовъ передвинуть на линію Шилихе, а авангарды выдвинуть впередъ на линію Татузанцу — Эртайцзы — Вулитайцзы — Танханши. Командующій Манчжурской арміей, которому ген. Бильдерлингъ донесъ о своемъ намѣреніи, нашелъ это движеніе „несоотвѣтствующимъ обстановкѣ“, такъ какъ ген. Штакельбергъ не могъ еще установить вполнѣ, когда ему возможно будетъ атаковать позицію японцевъ у Бяньяцузы. Такимъ образомъ и 8-го октября войска Западнаго отряда оставались на своихъ мѣстахъ, занимаясь укрѣпленіемъ занятыхъ позицій. Единственно важное

распоряженіе этого дня заключалось въ томъ, что позиціи, занятыя авангардами по линіи Ченліюхангоу—Хунпаушань—Нингуантунь, были переименованы въ „главную позицію“, т. е. оборона этой позиціи возлагалась на главныя силы, для которыхъ, поэтому, должна была соответствующимъ образомъ быть подготовлена укрѣпленная позиція. Вслѣдствіе этого 9-я дивизія 10-го корпуса придвинулась изъ Шахепу ближе къ авангарду ген. Рябинкина; лѣвый авангардъ этого корпуса (ген. Мау 1-й бригада 31-й дивизіи) укрѣпился около Манкяофень.

9-го октября должно было, наконецъ, состояться дальнѣйшее движеніе войскъ впередъ. Такъ какъ 10-го октября должна была послѣдовать атака японскихъ позицій со стороны войскъ Восточнаго отряда, то ген. Куропаткинъ въ своемъ предписаніи ген. Бильдерлингу указалъ, что онъ „полагаетъ возможнымъ главныя силы 17-го и 10-го армейскихъ корпусовъ выдвинуть впередъ на линію авангардовъ, а эти послѣдніе также двинуть немного впередъ“. Но командующій арміей, повидимому, опасался даже такого ничтожнаго движенія впередъ на разстояніе какихъ-нибудь пяти километровъ, не рѣшаясь дать для этого категорическаго приказанія, поэтому онъ ищетъ возможность обетавить такое наступленіе новыми условіями и указываетъ ген. Бильдерлингу исполнить это наступленіе лишь въ томъ случаѣ, „если онъ считаетъ для этого готовыми войска Западнаго отряда“. Трудно понять, какимъ образомъ войска эти могли быть неготовыми, послѣ того, какъ прошло уже пять дней послѣ начала этой наступательной операціи! Мало того, не довольствуясь этимъ условіемъ, ген. Куропаткинъ требуетъ еще отъ ген. Бильдерлинга, чтобы — когда это движеніе впередъ будетъ предпринято, то продвигаться впередъ подъ условіемъ, никоимъ образомъ не ввязываться съ противникомъ въ серьезный бой, а для этого „продвигаться впередъ не далѣе линіи, примѣрно, Нанвулитай—Фанкятунь“. Такимъ образомъ, войскамъ Западнаго отряда вмѣсто энергичнаго наступленія и атаки противника была поставлена скромная задача „помѣшать передвиженію непріятельскихъ войскъ для дѣйствій противъ Восточнаго отряда“, но и эта скромная задача, конечно, была трудно исполнима,

разъ это обставлено было условіемъ, что войска не должны ввязываться въ упорный бой. Но японцы вовсе не думали о томъ, чтобы ослабить свой фронтъ передвиженіемъ части силъ для подкрѣпленія своего праваго фланга. Напротивъ, они постарались стянуть все, что возможно было, къ своему лѣвому флангу, по обѣ стороны желѣзной дороги, между Шахе и Янтайскими каменноугольными копями для того, чтобы атаковать войска Западнаго отряда, отбросить ихъ отъ Мукдена и тѣмъ одержать здѣсь рѣшительную побѣду.

Находившійся на правомъ флангѣ Западнаго отряда отдѣльный отрядъ ген. Дембовскаго, какъ упомянуто было выше, долженъ былъ согласно приказу по арміи перейти на правый берегъ Хуньхе и продвинуться впередъ по этому берегу до Чжантаня, гдѣ возвести мостовое прикрытіе. Эта задача ген. Дембовскаго была затѣмъ измѣнена. За исключеніемъ Кавказской конной бригады и 2-го батальона, оставшихся на правомъ берегу и направленныхъ къ Чжантаню, остальные войска отряда перешли рѣку Хуньхе у Таванганпу и 7-го октября прибыли въ Синтайдзы. Полная бездѣятельность войскъ этого отряда въ то время, когда остальные войска Западнаго отряда выдерживали жестокіе бои 9-го—13-го октября, отчасти объясняется директивами, данными самимъ командующимъ арміей. Въ этихъ директивахъ указывалось, что отрядъ ген. Дембовскаго долженъ дѣйствовать въ тѣсной связи съ войсками ген. Бильдерлинга и долженъ считать своей главной задачей охрану праваго фланга Западнаго отряда.

Далѣе въ указаніи ген. Дембовскому указывалось: „Въ случаѣ, если японцы перейдутъ противъ насъ въ наступленіе, то отрядъ долженъ занять оборонительную позицію, стараться быстро укрѣпить эти позиціи, встрѣтить атаки японцевъ, непреклонной волей отразить ихъ наступленіе и удержать позиціи“. Ген. Дембовскому предоставлялось, со своей стороны, ввязаться въ бой, дѣйствуя противъ лѣваго фланга и тыла японцевъ лишь въ томъ случаѣ, „если онъ будетъ вполне увѣренъ, что противъ его фронта или на его правомъ флангѣ не находится никакихъ войскъ японскихъ“. Такова была главная задача отряда ген. Дембовскаго, когда 2-я японская армія

предприняла свое наступление 11-го и 12-го октября съ цѣлью охвата праваго фланга позицій Западнаго отряда на рѣкѣ Шилихе. Нѣтъ сомнѣнія, что начальникъ рѣшительный, преисполненный готовности взять на себя инициативу и отвѣтственность за послѣдствія, воспользовался бы тѣмъ, что ему „предоставлено“ было въ директивѣ, хотя бы даже у него и не было полной увѣренности въ томъ, имѣются ли японскія войска передъ его фронтомъ и на правомъ флангѣ; помимо всего съ этой стороны имѣлась уже охрана, организованная Кавказской конной бригадой, а еще далѣе на западъ, между Хуньхе и Ляохе, находился еще отрядъ ген. Коссаговецкаго въ составѣ 6^{1/2} батальоновъ, 9 сотенъ и 16 орудій, который совершенно не принялъ никакого участія во всѣхъ этихъ бояхъ.

Изъ состава армейскаго резерва 7-го октября двинуть былъ 4-й Сибирскій корпусъ изъ Инчендцы (къ юго-востоку отъ Мукдена) къ Эрдагоу. Бригада этого корпуса подъ начальствомъ ген. Левестамма направлена была въ Иншунтунь для поддержки лѣваго авангарда 10-го корпуса ген. Мау. 1-й армейскій корпусъ оставался въ районѣ Санлинцзы. 8-го октября изъ состава этого корпуса выдвинута была 37-я дивизія къ Лозентуню.

Казачья бригада ген. Мищенко въ самомъ началѣ этой наступательной операціи Манчжурской арміи несла развѣдывательную службу по направленію отъ Тунсанхо на Сялүхедзы, гдѣ вошла въ соприкосновеніе съ японскими передовыми постами. Затѣмъ согласно приказу по арміи, когда лѣвый авангардъ 10-го армейскаго корпуса прибылъ въ Иншунтунь, бригада ген. Мищенко отошла назадъ въ Люанфантунь, гдѣ вошла въ составъ армейскаго резерва. При дальнѣйшемъ ходѣ событій бригада ген. Мищенко приняла дѣятельное участіе въ оборонѣ позицій русскихъ войскъ въ центрѣ, но участвовала здѣсь только въ огнестрѣльныхъ бояхъ, тогда какъ гораздо продуктивнѣе была бы дѣятельность этой конницы на правомъ флангѣ арміи, гдѣ она могла бы проявить свою репутацію лучшей кавалеріи въ арміи.

Командующій арміей все же, наконецъ, рѣшился также и

6-й Сибирскій корпусъ, стоявшій около Мукдена, перевести на лѣвый берегъ рѣки Хунхе съ цѣлью воспользоваться имъ для поддержки войскъ Западнаго отряда. 7-го октября корпусъ этотъ былъ передвинутъ въ районъ Тасукіапу—Ланшанпу. Къ сожалѣнію, ген. Куропаткинъ все-таки нашелъ необходимымъ оставить отъ этого корпуса 2 полка (1-ю бригаду 55-й дивизіи, всего 8 батальоновъ) для охраны Мукдена и Тѣлина.

Задача 6-го Сибирскаго корпуса была такъ же не ясна, какъ и задача, данная раньше отряду ген. Дембовскаго. Этотъ корпусъ предназначался для поддержки войскъ Западнаго отряда, но въ то же время удержанъ ген. Куропаткинымъ какъ стратегическій резервъ и получилъ приказаніе отъ самого командующаго арміей расположиться уступами справа за правымъ флангомъ Западнаго отряда. Такое расположеніе 6-го корпуса уступами соответствовало, пожалуй, обстановкѣ, но не для того, чтобы стоять на мѣстѣ, какъ это понялъ ген. Соболевъ, а для того, чтобы энергично атаковать уступами флангъ непріятеля съ цѣлью охвата этого фланга въ случаѣ наступленія японцевъ, какъ это случилось на самомъ дѣлѣ, а съ этой цѣлью войскамъ 6-го корпуса было очень удобно дѣйствовать вмѣстѣ съ отрядомъ ген. Дембовскаго для атаки праваго фланга японцевъ. Такъ какъ дѣйствія войскъ 6-го корпуса должны были происходить въ строгой связи съ войсками Западнаго отряда, то всего цѣлесообразнѣе было бы съ самаго начала какъ 6-й корпусъ, такъ и отрядъ генерала Дембовскаго предоставить въ полное распоряженіе ген. Бильдерлинга.

Такимъ образомъ, въ общемъ результатъ дѣйствій первыхъ четырехъ дней этой наступательной операціи получился всего только ничтожное продвиженіе впередъ по сравненію съ линіей передовыхъ постовъ, которая занималась раньше авангардами. Всѣ выгоды инициативы посредствомъ быстрыхъ и энергичныхъ наступательныхъ дѣйствій, которыя могли бы застигнуть противника врасплохъ и затруднили бы ему возможность угадать намѣренія наступающаго, были совершенно упущены и перешли цѣликомъ въ руки противника, который

очень быстро воспользовался этимъ упущеніемъ, вырвалъ по-
чинъ дѣйствиій изъ рукъ Манчжурской арміи и поставилъ ее
въ необходимость подчиниться его волѣ.

Главные бои (9-го—13-го октября).

Хотя бои на Шахе закончились, въ общемъ, только къ
19-му октября, тѣмъ не менѣе участь всей этой наступатель-
ной операціи рѣшилась уже къ 12-му октября послѣ атакъ
Восточнаго отряда и отступленія Западнаго отряда за рѣку
Шахе. Такимъ образомъ, причины пораженія русскихъ войскъ
кроются уже въ дѣствіяхъ и бояхъ первыхъ четырехъ дней,
поэтому событія этихъ дней заслуживаютъ особаго вниманія.

Дѣствія Восточнаго отряда.

Неоднократно уже упоминалось, какъ слабо организована
была связь на сторонѣ русскихъ войскъ для передачи при-
казаній и взаимныхъ сношеній между высшими штабами,
несмотря на то, что Манчжурская армія была такъ богата мно-
гочисленной конницей, а штабы переполнены были многочис-
ленными офицерами генеральнаго штаба и ординарцами. Въ
особенности это явленіе сказалось замѣтно въ бояхъ на Шахе,
на лѣвомъ флангѣ русскихъ войскъ. Несмотря на то, что
штабъ-квартира ген. Штакельберга была связана телеграфомъ
со штабомъ арміи, требовались, однако, часы и даже полдня
для обмѣна донесеніями и приказаніями. Такъ, на примѣръ,
9-го октября утромъ ген. Штакельбергъ получилъ приказаніе
отъ командующаго арміей, въ которомъ ему указывалось стро-
жайшимъ образомъ „ограничиться въ этотъ день, 9-го октября,
лишь атакой передовой японской позиціи у Бяньпузы“. Такимъ
образомъ, это приказаніе командующаго арміей, полученное
9-го утромъ въ штабѣ Восточнаго отряда, указываетъ на то,
что ген. Куропаткинъ считалъ эту позицію еще въ рукахъ
японцевъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она за сутки передъ
тѣмъ была уже очищена противникомъ.

Это замедленіе во взаимномъ обмѣнѣ донесеній и

приказаній объяснялось въ данномъ случаѣ перегрузкой телеграфа и обусловливалось, въ свою очередь, тѣмъ, что войсковые начальники были лишены всякой инициативы и чрезмѣрно опекались командующимъ арміей. О всѣхъ мелочахъ начальники запрашивали указаній и распоряженій штаба арміи, представляя при этомъ свои собственные соображенія. Директивы ген. Куропаткина должны были, однако, служить обязательными инструкціями, предусматривающими всякіе вѣроятные случаи, такъ что въ упомянутой выше директивѣ командующаго арміей ген. Штакельбергу также предусматривались всевозможныя вѣроятности дѣйствій всѣхъ колоннъ Восточнаго отряда, но слѣдовать этимъ инструкціямъ часто не было возможности въ виду того, что обстановка, тѣмъ временемъ, мѣнялась кореннымъ образомъ. Ген. Куропаткинъ вмѣшивался во всѣ распоряженія и приказанія, исходившія отъ ген. Штакельберга для выполненія предположенной атаки или сообщавшіяся имъ въ штабъ арміи: одни изъ этихъ приказаній одобрялись командующимъ арміей, другія произвольно имъ измѣнялись, третьи совсѣмъ имъ отмѣнялись и замѣнялись другими. Трудно, собственно, понять, для чего и существовалъ штабъ Восточнаго отряда, когда самъ командующій арміей иногда распоряжался непосредственно чуть ли не каждой дивизіей. Для какихъ-нибудь самостоятельныхъ дѣйствій ген. Штакельберга не оставалось собственно мѣста, поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что ген. Штакельбергъ потерялъ всякую рѣшимость брать на себя какую-нибудь отвѣтственность, тѣмъ болѣе, что онъ въ самомъ началѣ былъ противъ предприниманія этой наступательной операціи въ данное время.

Въ основѣ новаго русскаго устава о полевой службѣ принята слѣдующая старая истина: „Если ты начальникъ, то не вмѣшивайся въ распоряженія подчиненныхъ тебѣ низшихъ начальниковъ, если ты видишь, что эти распоряженія сколько-нибудь отвѣчаютъ обстановкѣ. Тотъ, кто много заботится о томъ, что должны дѣлать его подчиненные, часто упускаетъ собственные обязанности. Каждый начальникъ, а также и подчиненный, долженъ быть самостоятеленъ и отвѣтственъ въ предѣлахъ предоставленнаго имъ закономъ круга дѣйствій.

Если лишаютъ самостоятельности, то тѣмъ самымъ лишаютъ и отвѣтственности за дѣйствія“.

Наибольшая крайность въ опеканіи со стороны командующаго арміей сказалась въ слѣдующемъ заключительномъ словѣ его директивы ген. Штакельбергу: „Въ заключеніе я долженъ обратить ваше вниманіе на то, что всякія приказанія и распоряженія, исходяція отъ васъ для дѣйствія подчиненныхъ вамъ войскъ, имѣющія какое-нибудь важное значеніе, должны быть предварительно представлены мнѣ на одобреніе въ главныхъ ихъ частяхъ“... Строго говоря, не было никакихъ основаній опасаться, что ген. Штакельбергъ рѣшится дѣйствовать сколько-нибудь самостоятельно, но все-таки такое категорическое запрещеніе лишало его всякой возможности дѣйствовать на мѣстѣ сколько-нибудь сообразно съ обстановкой данной минуты.

Послѣ этого кажется очень страннымъ, когда въ своемъ отчетѣ ген. Куропаткинъ выражаетъ удивленіе, что ген. Штакельбергъ испрашивалъ отъ штаба арміи дальнѣйшихъ указаній для своихъ дѣйствій послѣ занятія Бяньпузы, „несмотря на директиву, полученную имъ 5-го октября“. Ген. Куропаткинъ пишетъ въ своемъ отчетѣ по этому поводу: „Я отвѣтилъ ему 9-го октября, что въ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ онъ долженъ руководствоваться полученными отъ меня указаніями“... Во всякомъ случаѣ надо признать, что это ограниченіе дѣйствій войсковыхъ начальниковъ и опеканіе ихъ со стороны командующаго арміей принимались помощниками Куропаткина не какъ желаніе вмѣшиваться въ предоставленную имъ власть, а дѣлались въ видѣ помощи, освобождающей ихъ, однако, отъ отвѣтственности. Если бы у ген. Куропаткина были помощники вполнѣ самостоятельные, твердо знающіе свои права и обязанности и умѣющіе постоять за нихъ, то быть можетъ командующій арміей и воздержался бы отъ такого частаго вмѣшательства въ распоряженія своихъ подчиненныхъ.

Приведенный выше отвѣтъ ген. Штакельбергу, о чемъ упоминаетъ въ своемъ отчетѣ ген. Куропаткинъ, заключалъ въ себѣ также и упомянутое выше поздравленіе „съ успѣшнымъ

занятіемъ Бяньяпузы“. Далѣе въ этомъ указаніи говорится: „Я все же того мнѣнія, что послѣ очищенія позиціи у Бяньяпузы противникъ имѣетъ въ своемъ тылу еще много сильныхъ позицій. Будьте осторожны при предстоящей вамъ встрѣчѣ съ противникомъ, хорошо подготовившимся къ бою“... Въ заключеніе этой директивы сказано: „При вашихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ руководствуйтесь данными вамъ указаніями“. Но какъ согласовать такія указанія съ необходимостью энергичныхъ дѣйствій, когда во всѣхъ указаніяхъ и директивахъ командующій арміей требуетъ, главнымъ образомъ, *осторожности и выжиданія*, когда отъ начальника совершенно отнимаютъ всякую возможность самостоятельныхъ дѣйствій.

Несмотря на бесполезно потерянное время, обстоятельства снова складывались благопріятно, и 9-го октября русскія войска могли бы достигнуть значительныхъ успѣховъ, если бы только они со всѣми силами двинулись въ наступленіе для атаки противника. Но этого дѣлать нельзя было, потому что согласно указаній командующаго арміей войска должны были сначала занять „исходные пункты“ для производства этой атаки. При этомъ необходимо замѣтить, что соприкосновеніе съ японцами было потеряно, не знали ни ихъ силъ, ни расположенія; пришлось поэтому наступать осторожно и ощупью. При такихъ обстоятельствахъ въ этотъ день было нѣсколько отдѣльныхъ боевъ и стычекъ безъ общаго руководства, безъ взаимной связи, разыгравшихся между передовыми войсками.

Въ расположеніи японцевъ на этомъ флангѣ ничего не измѣнилось послѣ 8-го октября. Полковникъ Хирата со своими 7 ротами занималъ высоты къ сѣверо-западу отъ Бенсиху; ген. Умецава съ 5 батальонами занималъ перевалы Тумынзылинъ и Талинъ, а также горные хребты, примыкающіе къ этимъ переваламъ; 12-я дивизія сосредоточена была южнѣе Инченцу.

1-й Сибирскій корпусъ долженъ былъ своими авангардами занять линію Инченцу—Тавангоу—Сяншанцзы, но правая колонна этого корпуса (1-я Сибирская стр. дивизія) сбилась съ дороги и вышла въ тылъ лѣвой колоннѣ (9-я Сибирская

стрѣлковая дивизія) съвернѣе Шанпинтайцзы по дорогѣ въ Бяньяпуза—Сяншанцзы. Главныя силы лѣвой колонны оставились южнѣе этого пункта. Изъ двухъ авангардовъ этой колонны правый, въ составѣ 33-го стрѣлковаго полка, выдвинулся впередъ къ Тавангоу и своей артиллеріей ввязался въ бой съ артиллеріей японцевъ, которая расположена была около Тумынзылинскаго перевала. Лѣвый авангардъ этой колонны, въ составѣ 34-го стрѣлковаго полка достигъ Сяншанцзы и смѣнилъ южнѣе этого пункта часть казачьей дивизіи ген. Самсонова, которая вела здѣсь бой съ японцами по обѣ стороны Талинскаго перевала. Правый боковой авангардъ 1-го Сибирскаго корпуса (4-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ) достигъ Пакиацзы и здѣсь въ послѣдствіи примкнулъ къ вступившему здѣсь въ бой съ японцами отряду Мищенко, находившемуся на правомъ флангѣ 4-го Сибирскаго корпуса. Такимъ образомъ, боевая дѣятельность 1-го Сибирскаго корпуса ограничилась 9-го октября только тѣмъ, что авангарды лѣвой колонны этого корпуса вошли въ соприкосновеніе съ противникомъ на Тумынзылинскомъ и Талинскомъ перевалахъ.

2-й Сибирскій корпусъ, составляя общій резервъ, перешелъ въ этотъ день въ Бяньяпузу.

Что касается войскъ 3-го Сибирскаго корпуса, то правая колонна этого корпуса, подъ начальствомъ ген. Кашталинскаго (3-я Восточно-Сибирская стрѣлковая дивизія), должна была въ этотъ день передвинуться изъ Хулуцзыгоу въ Каутайцзы, въ то же время лѣвая колонна, подъ начальствомъ командующаго корпусомъ генераль-лейтенанта Иванова, должна была передвинуться изъ Ликиаувопенъ мимо Каутайцзы на Югу, откуда надлежало выдвинуть далѣе на лѣвый берегъ Тайдзыхе, къ Вулунзану, находившійся тамъ передовой отрядъ полковника Дружинина.

Правая колонна этого корпуса, при которой находилась вся полевая артиллерія, не могла, однако, въ этотъ день прибыть въ назначенный ей пунктъ—Татейгоу. Въ слѣдствіе этого, съ разрѣшенія ген. Штакельберга, ген. Кашталинскій отправилъ всю артиллерію, за исключеніемъ 2 батарей, къ войскамъ

2-го Сибирскаго корпуса, въ Бяньпузу, утверждая, что артиллерія замедляетъ ему только движеніе. Такимъ образомъ, 3-й Сибирскій корпусъ съ самаго начала лишень былъ содѣйствія своей артиллеріи во время предпринятыхъ имъ атакъ. Трудно согласиться съ тѣмъ, что для отправки всей артиллеріи въ тылъ были тутъ дѣйствительно какія-нибудь уважительныя причины; конечно, движеніе полевой артиллеріи въ горахъ было сопряжено съ большими затрудненіями, но невозможнаго тутъ ничего не было. Затрудненія въ данномъ случаѣ были не болѣе значительны, чѣмъ во время боевъ къ югу отъ Ляояна, гдѣ значительная часть войсковыхъ начальниковъ также тяготилась артиллеріей, въ особенности тотъ же начальникъ 3-й Восточно-Сибирской дивизіи, который готовъ былъ отказаться отъ содѣйствія артиллеріи, опасаясь, какъ и другіе начальники, необходимой заботы объ охранѣ орудій въ бою и боясь потерять ихъ во время отступленія.

Дѣятельность лѣвой колонны 3-го Сибирскаго корпуса стояла въ тѣсной связи съ боевой дѣятельностью казачьей дивизіи ген. Самсонова. Этотъ послѣдній получилъ, однако, вполнѣ самостоятельную задачу овладѣть Бенсиху; но такое порученіе могло быть дано ген. Самсонову только при полномъ незнаніи силъ и расположенія противника. Конечно, ген. Самсоновъ вынужденъ былъ прервать свое наступленіе послѣ того, какъ онъ двинулся въ юго-западномъ направленіи изъ Сяншанцзы, потому что онъ увидѣлъ Талинскій переваль и впереди лежащія высоты занятыми японцами. Сначала ген. Самсоновъ получилъ подкрѣпленіе въ видѣ 2 конныхъ и 1 пѣшей охотничьихъ командъ; эта послѣдняя заняла вскорѣ высоту на правомъ флангѣ непріятельской позиціи. Но „генераль Самсоновъ не призналъ для себя необходимымъ оказать поддержку этимъ героямъ, хотя начальникъ этой охотничьей команды отлично оцѣнилъ значеніе и выгоды занятой имъ позиціи и просилъ о поддержаніи его хотя бы небольшою силой, считая тогда для себя возможнымъ овладѣть всей позиціей. На эту просьбу ген. Самсоновъ далъ слѣдующій классическій отвѣтъ: „Не задавайте себѣ труда овладѣть этой горой, потому что такая задача не соотвѣтствуетъ нашимъ силамъ. Японцы

вынуждены будутъ отступить, когда къ намъ подойдетъ 24-й стрѣлковый полкъ“. Излагая это событіе, полковникъ Дружининъ, отъ котораго заимствованы приведенныя выше строки, высказываетъ мнѣніе, что „ген. Куропаткинъ своимъ обычнымъ призывомъ къ „терпѣнію“, деморализировалъ войска, такъ какъ мы видимъ въ настоящемъ случаѣ, что ген. Самсоновъ даетъ дальнѣйшее развитіе этому требованію „терпѣнія“, высказывая, „зачѣмъ намъ самимъ трудиться, чтобы овладѣть этой горой, когда другіе должны прійти намъ на подкрѣпленіе и могутъ это сдѣлать вмѣсто насъ“...

Около 12 час. дня прибылъ 24-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ съ полубатареей и занялъ позицію въ одномъ километрѣ къ югу отъ Хоелина. Это послужило поводомъ для ген. Самсонова отступить на Сяншанцзы. Вечеромъ онъ доносилъ ген. Штакельбергу, что „бой вынуждены были прекратить за наступленіемъ темноты и что какъ казаки, такъ и охотничьи команды выполнили свою задачу“. Ночью, какъ уже упомянуто было выше, казаки ген. Самсонова были смѣнены 34-мъ Восточно-Сибирскимъ стрѣлковымъ полкомъ, который вошелъ въ связь съ 24-мъ полкомъ. Подвергая критической оцѣнкѣ дѣятельность ген. Самсонова, полковникъ Дружининъ говоритъ въ описаніи боя подъ Бенсиху, что „если охотничьи команды выполнили свою задачу, то этого отнюдь нельзя сказать про ген. Самсонова“, и прибавляетъ при этомъ, что „если во главѣ нашихъ развѣдочныхъ отрядовъ передъ фронтомъ арміи будутъ также и въ будущія войны стоять генералы съ такимъ робкимъ характеромъ и безъ всякой инициативы, то намъ никогда не видать побѣды“...

Прибывшій съ полубатареей 24-й стрѣлковый полкъ былъ присланъ генераломъ Ивановымъ для подкрѣпленія отряда ген. Самсонова. Кромѣ того, получивъ донесеніе отъ ген. Ренненкампа на пути въ Югу, что также и этотъ послѣдній ввязался въ бой съ японцами западнѣе Уиньянина, ген. Ивановъ направилъ 2 батальона, подъ начальствомъ полковника Гарницкаго въ качествѣ бокового авангарда для занятія высотъ къ юго-западу отъ Каутайдцзы съ цѣлью взять во флангъ японцевъ, дѣйствующихъ противъ ген. Ренненкампа.

Ген. Ренненкампфъ, отрядъ котораго, какъ упомянуто было выше, долженъ былъ по указанію командующаго арміей прикрывать флангъ и тылъ Восточнаго отряда, составилъ постепенно изъ разныхъ частей всѣхъ родовъ оружія; въ составъ его вошли $6\frac{1}{2}$ батальоновъ, 7 сотенъ и 24 орудія. Утромъ 9-го октября ген. Ренненкампфъ направилъ ген. Петерова съ $4\frac{1}{2}$ батальонами, 4 орудіями и 1 сотней отъ Уиньянина по сѣверному берегу рѣки Тайдзыхе; вмѣстѣ съ тѣмъ направлены были вдоль южнаго берега этой рѣки, подъ начальствомъ ген. Любавина, 5 сотенъ и 4 горныхъ орудія для дѣйствій противъ Бенсиху съ юга.

Такимъ образомъ мы видимъ, что между Сяншанцзы и Уиньяниномъ завязались бои между японцами съ одной стороны и русскими войсками съ другой, но бои эти завязались въ разное время и безъ всякой связи между собою. Въ бой вступили 34-й стрѣлковый полкъ, казаки ген. Самсонова, 24-й стрѣлковый полкъ, 2 батальона бокового авангарда полковника Гарницкаго — 3-го Сибирскаго корпуса и, кромѣ того, еще $4\frac{1}{2}$ батальона отряда ген. Ренненкампфа. Всѣ эти войска столкнулись съ фронта съ позиціями японцевъ, оборонявшихъ высокія скалистыя горныя вершины. Въ большинствѣ случаевъ русскія войска передъ атакой такихъ горныхъ высотъ обыкновенно дѣлали остановку въ разстояніи 800—1000 шаговъ отъ противника и здѣсь окапывались; такъ и оставались въ этомъ положеніи на ночь съ 9-го на 10-е октября. Согласно русскимъ источникамъ 1 рота и охотничья команда изъ состава 24-го стрѣлковаго полка все же овладѣли, будто бы, хребтомъ Лаутхалаза, но, не поддержанныя во-время другими частями полка, вынуждены были затѣмъ очистить эту высоту.

Точно также и пѣхота ген. Петерова, атака которой была поддержана артиллеріей изъ резерва ген. Ренненкампфа, а также 4 горными орудіями, посланными на подкрѣпленіе по распоряженію командира 3-го Сибирскаго корпуса, имѣла сначала успѣхъ, такъ что непріятель былъ вынужденъ отступить, и къ 7 час. вечера этой пѣхотѣ удалось овладѣть двумя горными хребтами, оборонявшимися японцами. Ген. Куропат-

кинъ указываетъ въ своемъ отчетѣ, что „оставалось еще только овладѣть однимъ третьимъ хребтомъ для того, чтобы вступить затѣмъ въ Бенсиху. Несмотря на то, что авангардъ 3-го Сибирскаго корпуса достигъ уже почти Уиньянина, тѣмъ не менѣе отъ войскъ этого корпуса ген. Ренненкампфу не оказано было никакой поддержки, не считая высланныхъ для этой цѣли 4 горныхъ орудій. Въмѣсто того, чтобы прислать свѣжія силы, которыми на слѣдующій день можно было бы закрѣпить и развить дальнѣйшій успѣхъ, достигнутый наканунѣ, передовыя части отряда ген. Ренненкампа получили приказаніе въ ночь на 10-е октября отступить назадъ на позицію къ Уиньянину, откуда на слѣдующій день утромъ должны были снова начать свое наступленіе.

При сколько-нибудь цѣлесообразномъ и продуманномъ руководствѣ войсками съ русской стороны едва ли возможно было 7 ротамъ полк. Хирата, при всемъ ихъ мужествѣ и храбрости и трудно доступныхъ позиціяхъ, которыя онѣ занимали, удержаться противъ совмѣстныхъ дѣйствій 3-го Сибирскаго корпуса и отряда ген. Ренненкампа. Главная опасность однако со стороны русскихъ войскъ, оперировавшихъ на южномъ берегу рѣки Тайдзыхе, угрожала тылу этихъ ротъ. Дѣло въ томъ, что японская позиція своимъ правымъ флангомъ упиралась въ рѣку Тайдзыхе, проходимую здѣсь въ бродъ; вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстность на южномъ берегу допускала возможность безъ особыхъ затрудненій обойти упирающіяся въ эту рѣку западнѣе Уиньянина обрывистыя горы, на которыхъ и укрѣпился отрядъ полк. Хирата. Трудно понять, почему русскіе войсковые начальники не использовали этихъ условій мѣстности около Бенсиху. Никто не могъ быть болѣе знакомъ съ этими условіями, какъ ген. Любавинъ, который до сраженія подъ Ляояномъ цѣлыми недѣлями стоялъ какъ разъ въ этихъ мѣстахъ около Уиньянина и затѣмъ въ виду наступленія бригады Умецавы отступилъ черезъ Сяншанцы и Бяньяпузу на сѣверъ. Теперь ген. Любавинъ находился въ составѣ отряда ген. Ренненкампа и всего лучше могъ бы использовать это знаніе хорошо знакомой ему мѣстности.

Тѣмъ не менѣе мы видимъ, что во время всѣхъ этихъ

боевъ Восточнаго отряда, несмотря на подавляющее превосходство численности его войскъ надъ противникомъ, не дѣлается ни малѣйшей попытки къ обходу японскихъ позицій посредствомъ движенія по лѣвому берегу рѣки Тайдзыхе. Въ своей реляціи ген. Ивановъ излагаетъ вполнѣдствіи, что имъ получено было приказаніе отъ ген. Штакельберга выдвинуть свой авангардъ, полк. Дружинина, на лѣвый берегъ Тайдзыхе для прикрытія имѣвшейся здѣсь переправы и что въ началѣ ген. Ивановъ понялъ это приказаніе какъ относящееся ко всему его корпусу. На поляхъ этой реляціи ген. Куропаткинъ написалъ сбоку слѣдующее: „Опасная ошибка—странное заблужденіе“. Впрочемъ, самъ ген. Ивановъ во время этихъ боевъ ни разу не обнаружилъ подобныхъ намѣреній, напротивъ, онъ самъ сопротивлялся всякимъ попыткамъ подобныхъ обходныхъ движеній по лѣвому берегу Тайдзыхе.

Между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что такое обходное движеніе со стороны 3-го Сибирскаго корпуса или отряда ген. Ренненкампа, произведенное по лѣвому берегу Тайдзыхе, привело бы, безспорно, къ значительному успѣху. Этотъ успѣхъ былъ бы достигнутъ, несомнѣнно, и 9-го октября, благодаря движенію по лѣвому берегу забайкальскихъ казаковъ ген. Любавина въ составѣ 5 сотенъ и 4 старыхъ горныхъ орудій, если бы только это наступленіе произведено было достаточно энергично и если бы оно было поддержано соответствующимъ подкрѣпленіемъ.

На лѣвый берегъ Тайдзыхе противъ Бенсиху направленъ былъ только одинъ отрядъ ген. Любавина, но тамъ находился еще у Вулунзана авангардъ 3-го Сибирскаго корпуса полк. Дружинина, хотя и со спеціальнымъ порученіемъ построить два моста и служить затѣмъ прикрытіемъ для этихъ переправъ. Ген. Любавинъ отгѣснилъ находившуюся передъ нимъ японскую заставу и продвинулся впередъ южнымъ берегомъ Тайдзыхе до Бенсиху, гдѣ японцами наведенъ былъ понтонный мостъ. Находившіяся здѣсь для прикрытія моста слабыя японскія части поспѣшно отступили на сѣверный берегъ рѣки. Ген. Любавинъ очутился противъ тыла японской позиціи, которая ему видна была „какъ на ладони“. Ясно видно было, что позиція противника на правомъ берегу рѣки, находящаяся на высотахъ

восточнѣе Бенсиху, занята была только нѣсколькими ротами и двумя орудіями и что никакихъ другихъ японскихъ войскъ вблизи этой позиціи не находилось. Оба русскія орудія открыли огонь противъ тыла японскихъ позицій, но скоро вынуждены были замолчать, „такъ какъ не оказалось снарядовъ“. Ген. Любавинъ тогда отправилъ офицера-ординарца къ ген. Ренненкампфу въ Уиньянинъ съ просьбой дать ему 1 батальонъ или нѣсколько орудій. Ген. Ренненкампфъ на это, однако, отвѣтилъ: „Ничего вамъ дать не могу прежде, чѣмъ не испрошу разрѣшенія по телеграфу“. Такъ утверждаетъ полковникъ Дружининъ; насколько это вѣрно, судить трудно. Во всякомъ случаѣ извѣстно, что ген. Любавинъ никакой поддержки не получилъ, и занятое имъ выгодное положеніе осталось неиспользованнымъ.

Относительно боевой дѣятельности Восточнаго отряда въ эти дни ген. Куропаткинъ въ своемъ отчетѣ высказываетъ слѣдующее: „Вмѣсто пользы операціи 9-го октября принесли намъ большой вредъ, потому что мы раскрыли свои намѣренія японцамъ. Они воспользовались потеряннымъ для насъ днемъ для того, чтобы усилить свои слабые отряды, такъ что на слѣдующій день мы встрѣтили со стороны противника сильное сопротивленіе, несмотря на то, что нами введены были въ бой весьма значительныя силы“.

Это совершенно вѣрно. Ген. Куропаткинъ, однако, самъ не свободенъ отъ упрека въ томъ, что день за днемъ протекалъ бесполезно для намѣченной цѣли, а войсковые начальники дѣйствовали безъ надлежащей энергіи. Если полководецъ самъ постоянно только то и дѣлаетъ, что напоминаетъ своимъ помощникамъ объ осторожности, онъ не можетъ требовать отъ нихъ смѣлыхъ порывовъ.

Маленькій отрядъ полк. Хирата храбро выдерживалъ атаку превосходныхъ силъ, несмотря на значительныя потери, но спасеніемъ своимъ этотъ отрядъ обязанъ только нерѣшительности противника. Въ ночь на 10-е октября на поддержку полк. Хирата прибылъ 14-й пѣхотный полкъ 12-й дивизіи, который для этой цѣли предназначенъ былъ еще раньше ген. Куроки. Полкъ этотъ прибылъ въ Бенсиху; въ то же время 47-й полкъ той же дивизіи направленъ былъ на Тумынзылинскій переваль

для подкрѣпленія ген. Умецавы. Одна бригада 12-й дивизіи оставлена была временно ген. Куроки южнѣ Инченпу. Начальникъ этой дивизіи, баронъ Инуйе, принялъ командованіе также и надъ бригадой Умецавы. Съ этими 3 бригадами, въ составѣ $18\frac{3}{4}$ батальоновъ и 4 эскадроновъ, ген. Инуйе въ послѣдующіе дни выдержалъ атаки 80 батальоновъ и 50 эскадроновъ ген. Штакельберга и ген. Ренненкампа и въ заключеніе вынудилъ ихъ къ отступленію...

Трудно сказать, зналъ ли штабъ арміи Куроки или японскаго главнокомандующаго о значительной опасности, угрожающей правому флангу 1-й арміи, или, быть можетъ, они считали силы противника, дѣйствовавшаго противъ этого фланга, ниже дѣйствительности, можетъ быть, впрочемъ, японцы вполне сознательно довѣрили оборону позиціи на правомъ флангѣ приведеннымъ выше слабымъ силамъ. Во всякомъ случаѣ ясно одно, что японцы постарались освободить все, что могли отъ разныхъ постороннихъ задачъ, стремясь сосредоточить всѣ силы въ одномъ единственномъ направленіи для производства рѣшительной атаки на Мукденъ. Успѣхъ, достигнутый японцами въ этомъ главномъ направленіи, служить лишнимъ доказательствомъ, что въ смѣлости дѣйствій кроется иногда вмѣстѣ съ тѣмъ и наибольшая осторожность.

Что касается распоряженій съ русской стороны, отданныхъ для дѣйствій на 10-е октября, то въ нихъ сказывается полная неопредѣленность въ отношеніи взглядовъ начальниковъ на положеніе дѣлъ и необходимыхъ мѣропріятій. Одно только, что одинаково свойственно этимъ распоряженіямъ, это то, что боевыя дѣйствія были также лишены плановѣрности и цѣлесообразности, какъ и въ предшествующіе дни.

Ген. Куропаткину, повидимому, казалось, что послѣ очищенія японцами Бяньяпузы ген. Штакельбергу не придется встрѣтить вовсе никакого сопротивленія со стороны непріятеля, поэтому онъ „предложилъ“ начальнику Восточнаго отряда податься вправо, т. е., опираясь лѣвымъ флангомъ на рѣку Тайдзыхе, двинуться на западъ, до линіи Тзентау (къ сѣверовостоку отъ Янтайскихъ копей)—Канквантунъ на Тайдзыхе.

Ген. Штакельбергъ доносилъ, что перевалы Ченгоулинъ,

Тумынзылинъ, Талинъ, а также между Уиньяниномъ и Бенсиху сильно заняты противникомъ. Вслѣдствіе этого онъ предполагалъ 10-е октября употребить на производство необходимыхъ развѣдокъ подступовъ къ этимъ переваламъ, а также обходныхъ путей, чтобы по возможности обойти неприятельскія позиціи, и затѣмъ только 11-го октября атаковать передовыя позиціи японцевъ. При нормальномъ ходѣ событій и въ случаѣ удачи ген. Штакельбергъ признавалъ возможнымъ только въ теченіе 12-го и 13-го октября овладѣть позиціей японцевъ у Бенсиху и только послѣ того предпринять требуемое отъ него движеніе на западъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что ген. Штакельбергъ все еще не уяснилъ себѣ, что только быстрыя, энергичныя дѣйствія могли привести къ цѣли.

Ген. Куропаткинъ говоритъ въ своемъ отчетѣ: „Въ штабѣ Восточнаго отряда не поняли значенія операцій 9-го октября; иначе трудно понять, почему ген. Штакельбергъ, послѣ того, какъ онъ въ непосредственной близости отъ Бенсиху ввязался въ бой и всѣмъ своимъ фронтомъ подошелъ къ противнику, 10-го октября далъ главнымъ силамъ подчиненныхъ ему войскъ *дневку* и въ этотъ день производилъ только развѣдки....“

Въ отвѣтъ на донесеніе ген. Штакельберга съ изложеніемъ его взглядовъ на ходъ событій командующій арміей писалъ ему, что онъ предоставляетъ на его усмотрѣніе время исполненія этой операціи, но что тѣмъ не менѣе считаетъ необходимымъ „не терять ни одного дня безъ серьезной для того потребности — въ особенности, если противъ васъ имѣются только слабыя силы противника“. Это также вполне правильно, но ген. Куропаткину слѣдовало *еще раньше* подумать о томъ, что для достиженія успѣха нельзя терять ни одного дня.

Командующій 3-мъ Сибирскимъ корпусомъ, ген. Ивановъ, 9-го октября вечеромъ доносилъ ген. Штакельбергу, что онъ предполагаетъ 10-го октября овладѣть высотами къ юго-востоку отъ Кайтайцзы и что для этого онъ считаетъ необходимымъ подкрѣпить части своего корпуса, которыя начали атаку 9-го октября. Такое рѣшеніе было, вообще, вполне

цѣлесообразно, если бы оно только было выполнено достаточно энергично. Ген. Штакельбергъ также вполне согласился съ этимъ рѣшеніемъ, но указалъ при этомъ, что рѣшительную атаку всѣми войсками Восточнаго отряда предполагается произвести только 11-го октября, если со стороны противника будетъ встрѣчено серьезное сопротивленіе. Поэтому 10-е октября предлагалось ген. Иванову употребить *на развѣдки* и сосредоточеніе войскъ своего корпуса.

Согласно приказу ген. Штакельберга на 10-е октября, главныя силы 1-го Сибирскаго корпуса должны были сосредоточиться у Шанпитайцзы и Сіапичацзы; 2-й Сибирскій корпусъ, составляя резервъ, долженъ былъ оставаться въ Бяньпуцзѣ; главныя силы 3-го Сибирскаго корпуса должны были сосредоточиться въ районѣ Каутайцзы—Югу. Конница ген. Самсонова должна была служить связью между 1-мъ и 3-мъ Сибирскими корпусами, продолжая развѣдку и освѣдомляя войска рекогносцировочными свѣдѣніями. Ген. Ренненкампфу, который подчиненъ былъ ген. Штакельбергу только 11-го октября предложено было послѣднимъ „содѣйствовать движеніемъ по лѣвому берегу Тайдзыхе операціямъ противъ Бенсиху, оставляя прикрытіе какъ и до сего времени противъ Санкіяцзы“.

Это приказаніе ген. Штакельберга, данное отряду ген. Ренненкампфа, было, вообще, цѣлесообразно и отвѣчало обстановкѣ, хотя не вполне понятно, почему движеніе по лѣвому берегу Тайдзыхе предписывалось только одному отряду ген. Ренненкампфа. Значительный успѣхъ, вообще, обѣщало также движеніе южнымъ берегомъ Тайдзыхе части 3-го Сибирскаго корпуса совместно съ отрядомъ ген. Ренненкампфа и въ связи съ атаками войскъ корпуса, производившимися на правомъ берегу рѣки Тайдзыхе. Но все это предпріятіе осталось совершенно неисполненнымъ вслѣдствіе противодѣйствія, встрѣченнаго со стороны ген. Иванова. По полученіи приказа ген. Штакельберга ген. Ренненкампфъ обратился съ просьбой къ ген. Иванову смѣнить войска его отряда, находившіяся у Уиньянина, войсками 3-го Сибирскаго корпуса, но ген. Ивановъ отклонилъ эту просьбу въ виду

того, какъ онъ доносилъ ген. Штакельбергу, что „задача отряда ген. Ренненкампа заключается въ томъ, чтобы совместно съ войсками 3-го Сибирскаго корпуса овладѣть высотами западнѣ линіи Каутайдцзы—Бенсиху“, поэтому онъ не видитъ возможности смѣнить войска, которыя уже заняли позицію въ разстояніи 800 шаговъ отъ непріятеля.

Такимъ образомъ ген. Ивановъ пренебрегъ возможностью овладѣть позиціей противника обходомъ его праваго фланга по южному берегу Тайдыхе, желая овладѣть этой позиціей непремѣнно съ фронта. При огромномъ численномъ превосходствѣ въ силахъ ген. Ивановъ могъ, въ концѣ концовъ, хотя бы и со значительными жертвами, достигнуть успѣха и въ этомъ направленіи, атакуя позицію противника съ фронта. Но для этого онъ долженъ былъ дѣйствовать съ достаточной энергіей, между тѣмъ ген. Ивановъ ничего не дѣлалъ для надлежащаго исполненія этой своей задачи. Послѣ того, какъ онъ получилъ приказаніе ген. Штакельберга на 10-е октября, онъ пренебрегъ даже необходимостью подкрѣпить собственныя войска своего корпуса, которыя наканунѣ выдвинуты были впередъ и цѣлыя сутки дѣйствовали уже противъ непріятеля.

Результатомъ этой дѣятельности ген. Иванова было то, что отрядъ полк. Гарницкаго въ составѣ 2 батальоновъ 21-го и 22-го стрѣлковыхъ полковъ, двинулся въ атаку по собственному побужденію для поддержанія охотничьей команды и 9-й роты 24-го стрѣлковаго полка, которымъ удалось уже овладѣть высотой Лаутхалаза. Отрядъ этотъ, однако, наткнулся на непріятеля, которому удалось снова овладѣть высотами, вслѣдствіе этого стрѣлки понесли значительныя потери; при всемъ томъ батальону 21-го стрѣлковаго полка удалось приблизиться къ позиціи японцевъ на разстояніе почти только 100 шаговъ, но вынужденъ былъ бросить свою позицію и отступить назадъ въ виду того, что батальонъ сталъ поражаться огнемъ собственной артиллеріи. Тогда начальникъ 6-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи, ген. Даниловъ, послалъ приказаніе этому батальону возвратиться назадъ къ своему полку, чтобы не мѣшать на слѣдующій день огню

своей артиллеріи... Въ результатѣ дѣйствій 3-го Сибирскаго корпуса въ этотъ день получилось то, что всего лишь 10 ротъ приняли участіе въ бою; всѣ же прочія войска корпуса въ полномъ смыслѣ слова оставались совершенно бездѣтельными.

Что касается войскъ ген. Ренненкампа, отрядъ котораго въ этотъ день подчиненъ былъ ген. Штакельбергу, а этимъ послѣднимъ командующему 3-мъ Сибирскимъ корпусомъ, то только передовыя части этого отряда приняли участіе въ незначительныхъ стычкахъ на сѣверномъ берегу Тайдзыхе. На южномъ берегу этой рѣки, какъ и наканунѣ, находился только авангардъ 3-го Сибирскаго корпуса (отрядъ полк. Дружинина въ составѣ 2 батальоновъ), который долженъ былъ охранять мосты на этой рѣкѣ южнѣ Уиньянина; кромѣ того, на этомъ берегу находились еще казаки ген. Любавина, которые опять продвинулись впередъ до моста противъ Бенсиху, но, узнавъ здѣсь, что японцы получили подкрѣпленіе, остановились въ полной бездѣтельности. Результатомъ развѣдокъ ген. Любавина было донесеніе его, въ которомъ, со словъ японскаго плѣннаго изъ состава 39-го резервнаго полка, доносилось, что 9-го октября противъ ген. Ренненкампа дѣйствовала цѣлая бригада, которая затѣмъ подкрѣплена была еще одной бригадой.

Въ дѣйствительности же, на перевалахъ и на окружающихъ высотахъ западнѣ Уиньянина находилось только нѣсколько ротъ отряда полк. Хирата; присланные для поддержки этихъ ротъ одна батарея и 14-й пѣхотный полкъ 12-й дивизіи въ Бенсиху прибыли только въ ночь на 10-е октября. Затѣмъ 10-го октября ген. Инуйе притянулъ поближе также и 24-й полкъ этой дивизіи, который подошелъ къ позиціи подъ Бенсиху отчасти для подкрѣпленія бывшихъ тамъ частей, отчасти также, чтобы служить для нихъ резервомъ.

11-го октября должна была, наконецъ, послѣдовать всеобщая атака переваловъ со стороны войскъ Восточнаго отряда. Согласно приказу ген. Штакельберга по войскамъ Восточнаго отряда, должны были овладѣть: 1-й Сибирскій корпусъ перевалами Ченгоулинъ, Тумынзылинъ и Талинъ, 3-й Сибирскій

корпусъ—тремя перевалами по дорогѣ изъ Уиньянина въ Бенсиху, 2-й Сибирскій корпусъ долженъ былъ попрежнему остаться бездѣтельнымъ въ качествѣ резерва и продвинуться въ Сіяшицяцзы. Казачья дивизія ген. Самсонова, а также отрядъ ген. Ренненкампа должны были наступательнымъ движеніемъ по южному берегу Тайдыхе содѣйствовать атакѣ 3-го Сибирскаго корпуса противъ переваловъ, угрожая флангу и тылу японцевъ.

Еще до отдачи этого приказа разосланы были въ войска особыя инструкціи „о способахъ атаки высотъ и переваловъ согласно выведенному опыту.“ Конечно, въ настоящую минуту, непосредственно передъ боемъ, эти инструкціи для войскъ были совершенно безцѣльны и могли служить имъ только развѣ указаніемъ на особыя трудности при выполненіи предстоящей имъ задачи. Кромѣ того, начальникъ Восточнаго отряда призналъ еще необходимымъ дать ген. Иванову „особое указаніе“ съ „дополнительными объясненіями“, въ которыхъ ген. Штакельбергъ, не имѣя понятія о мѣстныхъ условіяхъ, ни о ближайшей обстановкѣ, счелъ возможнымъ дать точную схему атаки, обнимавшую „два различныхъ случая“. Всѣ эти указанія служатъ въ то же время характерными показателями для высшихъ русскихъ командныхъ начальниковъ, которые при смутномъ представленіи или отсутствіи ясно сознанной цѣли находили для себя выходъ въ томъ, что вмѣшивались постоянно въ кругъ дѣйствій и обязанностей своихъ подчиненныхъ.

Нельзя не согласиться съ полк. Дружининымъ, который въ описаніи этихъ дѣйствій говоритъ слѣдующее: „Необходимо указать на то, что подобныя академическія инструкціи не только бесполезны, но вполне вредны, потому что онѣ затемняютъ главную идею и цѣль дѣйствій. Только наши праздные и многочисленные штабы могли находить время, чтобы заниматься составленіемъ и писаніемъ подобной галиматѣи. Въ данномъ случаѣ инструкція, данная ген. Иванову, была еще опасна въ томъ отношеніи, что вниманіе его приковывалось къ атакѣ переваловъ западнѣ Уиньянина по правому берегу

Тайдзыхе и отвлекалось отъ плана обхода этой позиціи наступленіемъ по лѣвому берегу рѣки“.

Впрочемъ, ген. Штакельбергъ и самъ придерживался взгляда о необходимости содѣйствовать атакѣ переваловъ движеніемъ въ обходъ по лѣвому берегу Тайдзыхе, и, хотя мимоходомъ, все-таки выражаетъ этотъ взглядъ и въ упомянутой инструкціи ген. Иванову. Но этотъ послѣдній не согласенъ былъ съ такимъ планомъ дѣйствій, такъ какъ онъ считалъ „вообще необходимымъ“ оставленіе отряда ген. Ренненкампа на правомъ берегу рѣки Тайдзыхе. Такимъ образомъ, въ этотъ день вопросъ объ обходномъ движеніи по лѣвому берегу Тайдзыхе остался открытымъ. Всѣ атаки попрежнему производились фронтальнымъ порядкомъ противъ непріятеля, оборонявшаго трудно доступныя скалистыя высоты.

Ген. Штакельбергъ пытался въ приказѣ по отряду воодушевить войска горячими словами... „Вся Россія смотритъ на насъ въ эти дни и ждетъ отъ насъ высокаго подвига, мужества и храбрости. Помните, что мы русскіе и что мы должны побѣдить!“ Также и инструкцію, данную имъ ген. Иванову, ген. Штакельбергъ заключаетъ словами о необходимости овладѣть позиціей японцевъ... „Потребуется для этого быть можетъ два, даже три дня, но отступленія не будетъ! Мы должны взять перевалы во что бы то ни стало!“...

Къ сожалѣнію, этимъ начальникамъ недоставало ни умѣнія, ни силы воли, чтобы осуществить на дѣлѣ эти требованія на словахъ. Какъ только всѣ эти высшіе начальники отдавали свои приказы, они считали этимъ свои обязанности уже исполненными. Мы не находимъ, по крайней мѣрѣ, никакихъ слѣдовъ, въ которыхъ сказалось бы подлинное вліяніе этихъ начальниковъ на ходъ боя, помимо красивыхъ словъ ихъ приказовъ.

Дѣйствительно, бои 11-го октября показываютъ, что войска Восточнаго отряда, т. е. нижніе чины и строевые офицеры, вполне исполнили свой долгъ, но что касается вышнихъ начальниковъ, то, за небольшимъ исключеніемъ, мы видимъ ихъ вполне безпомощными. Такую картину руководства боемъ или, вѣрнѣе, отсутствіе руководства боемъ мы видимъ однако въ

бояхъ какъ 1-го, такъ и 3-го Сибирскихъ корпусовъ. Въмѣсто того, чтобы свои превосходныя силы направить сосредоточеннымъ порядкомъ противъ одного намѣченнаго пункта и прорвать слабую боевую линію противника, войска направлены были въ разбродъ противъ многихъ пунктовъ атаки. Всѣ эти разныя атакующія колонны вели свои атаки безъ малѣйшей связи между собою и безъ всякой взаимной поддержки. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ результатѣ получилось, какъ говоритъ ген. Куропаткинъ въ своемъ отчетѣ, слѣдующее: „Нѣкоторыя войсковыя части достигали важныхъ успѣховъ, побѣда казалась близкой, но вмѣсто того, чтобы поддержать побѣдоносныя части войскъ, имъ приказывалось вдругъ отступать. Штурмъ высотъ не пожелали вести днемъ и отложили на ночь, а въ заключеніе отказались также и отъ производства атаки ночью“.

Командующій 1-мъ Сибирскимъ корпусомъ, генераль-лейтенантъ Гернгроссъ, направилъ свои войска согласно полученному приказанію противъ трехъ горныхъ переваловъ: Талинъ, Тумынзылинъ и Ченгоулинъ, т. е. войска двинули въ атаку на протяженіи фронта около 8 километровъ. Лѣвая колонна этого корпуса, подъ начальствомъ ген. Кондратовича, начальника 9-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи, атаковала Талинскій переваль. Средняя колонна, въ составѣ 6 батальоновъ, двинулась въ атаку на Тумынзылинскій переваль подъ начальствомъ полк. Лисовскаго. Наконецъ, правая колонна, въ составѣ 3 батальоновъ 4-го стрѣлковаго полка, двинулась для атаки Ченгоулинскаго перевала. Въ резервъ оставлено было 2 полка. Ген. Куропаткинъ, забывая главное, что самъ онъ постояннымъ напоминаніемъ о необходимости осторожности въ дѣйствіяхъ парализовалъ всякій порывъ и рѣшимость со стороны своихъ помощниковъ, критикуетъ дѣйствія 1-го Сибирскаго корпуса правильными, конечно, сужденіями.

„Уже въ той задачѣ, которая дана была войскамъ 1-го Сибирскаго корпуса, требовавшей разброску силъ, скрывался зародышъ неудачи... Не было произведено сколько-нибудь удовлетворительной развѣдки ни 9-го, ни 10-го октября, чтобы выяснитъ свойства намѣченныхъ для атаки предметовъ. Войска

лѣвой колонны (Кондратовича) дошли до половины пути къ японскимъ позиціямъ, благодаря мѣстности весьма сильнымъ, сбросили японцевъ съ одной изъ передовыхъ высотъ, остановились, начали окапываться и отложили атаку до наступленія ночи. Ген. Кондратовичъ нашелъ возможнымъ поручить исполненіе данной ему задачи командиру 34-го стрѣлковаго полка, подполковнику Мухелову, который долженъ былъ ночью, на разсвѣтъ 12-го октября, атаковать противника съ 6 батальонами. Атака этихъ 6 батальоновъ была предпринята не одновременно: мы атаковали одновременно нѣсколько участковъ непріятельской позиціи безъ всякаго общаго руководства. Снова нѣкоторыя отдѣльныя войсковыя части достигали успѣха, но, своевременно не поддержанныя, вынуждены были къ отступленію или имъ приказывалось отступить... 7 ротъ 34-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка заняли высоту непосредственно передъ самой позиціей японцевъ, но затѣмъ, оказавшись совершенно изолированными, очутились при наступленіи дня въ крайне тяжеломъ положеніи и вынуждены были отступить.“

Далѣе, продолжаетъ ген. Куропаткинъ: „Вмѣсто того, чтобы поддержать капитана Москвина, подполковникъ Мухеловъ приказалъ остаткамъ ротъ капитана Москвина возвратиться обратно на прежнюю свою позицію. У ген. Кондратовича больше половины войскъ не участвовало вовсе въ бою, тѣмъ не менѣе онъ не подумалъ использовать успѣхъ, достигнутый капитаномъ Москвинымъ... Точно также 2 батальона 36-го стрѣлковаго полка атаковали каждый самъ по себѣ намѣченные для атаки сопки. Оба эти батальона овладѣли этими высотами, но, встрѣченные сильнымъ огнемъ японцевъ, не въ состояніи были удержать занятые позиціи и вынуждены были отступить. Затѣмъ въ ночной атакѣ приняли участіе, такимъ образомъ, только 7 ротъ 34-го и 2 батальона 36-го стрѣлковыхъ полковъ; въ общемъ участвовало въ бою $3\frac{3}{4}$ батальона—изъ 9, которыми располагалъ ген. Кондратовичъ, и при всемъ томъ атака показалась намъ проигранной. Если бы силы всѣхъ 9 батальоновъ были направлены сосредоточенно и по одному направленію, то мы навѣрное овладѣли бы

непріятельской позиціей... Совѣмъ непонятно, почему ген. Кондратовичъ не использовалъ остальныхъ 4^{1/2} батальоновъ“...

Въ средней колоннѣ полк. Лисовскаго, дѣйствовавшей противъ Тумынзылинскаго перевала, 3 батальона успѣли вечеромъ 11-го октября овладѣть горнымъ хребтомъ, пересекающимъ перевалъ; однако, небольшая высота къ югу отъ вершины перевала оставалась еще въ рукахъ японцевъ. Вечеромъ колонна эта была усилена изъ корпуснаго резерва до 9 батальоновъ, послѣ чего 33-й стрѣлковый полкъ въ ночь на 12-е октября бросился въ стрѣлковые окопы японцевъ, но, встрѣченный сильнымъ огнемъ со стороны противника и не получая подкрѣпленія отъ своихъ войскъ, вынужденъ былъ отступить. Что касается атаки 4-го стрѣлковаго полка противъ Ченгоулина, то, встрѣченная атакой со стороны японцевъ, атака русскихъ здѣсь вовсе не была произведена.

Въ заключеніе ген. Куропаткинъ говоритъ далѣе въ своемъ отчетѣ: „Въ общемъ, такимъ образомъ, утромъ 12-го октября вмѣсто того, чтобы подкрѣпить отдѣльныя части 3-го, 33-го и 34-го стрѣлковыхъ полковъ введеніемъ въ бой резервовъ, развить и закрѣпить достигнутый успѣхъ, мы отошли на прежнія позиціи. Потеряли мы еще одинъ день къ выгодѣ японцевъ. Геройскіе подвиги отдѣльныхъ частей войскъ и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ начальниковъ не были использованы вовсе. 2-й Сибирскій корпусъ, силою въ 17 батальоновъ и съ очень многочисленной артиллеріей, составлявшій резервъ ген. Штакельберга во все время наступательныхъ дѣйствій Восточнаго отряда, оставался въ полной бездѣтельности. Даже 11-го октября, когда назначено было производство рѣшительной атаки переваловъ, войска 2-го корпуса оставались въ сторонѣ, не принимая участія въ бою, вмѣсто того, чтобы этимъ резервомъ надлежащимъ образомъ подкрѣпить атаку противъ рѣшительнаго пункта. Ведя атаку на длинномъ фронтѣ, протяженіемъ въ 20 километровъ, мы, конечно, были относительно слабы на всѣхъ пунктахъ и во многихъ мѣстахъ вели атаки только отдѣльными батальонами

или даже ротами, безъ всякой взаимной поддержки и общаго руководства“.

Правда, одна изъ главныхъ причинъ неудачъ дѣйствій Восточнаго отряда кроется, пожалуй, въ томъ, что 2-й Сибирскій корпусъ не принялъ никакого участія въ бою, но развѣ это не одинъ изъ основныхъ принциповъ Куропаткинской стратегіи—сберегать резервы до послѣдней минуты, главнымъ образомъ для того, чтобы они могли прикрывать войска въ случаѣ отступленія? Развѣ не такимъ же образомъ дѣйствовали самъ ген. Куропаткинъ 2-го сентября подъ Ляономъ? Впрочемъ, подлинный взглядъ ген. Куропаткина о задачѣ резервовъ въ бою получаетъ довольно яркое выраженіе въ его дальнѣйшей критикѣ дѣйствій 2-го Сибирскаго корпуса, когда онъ говоритъ слѣдующее: „При всемъ томъ сбереженіе 17 батальоновъ 2-го Сибирскаго корпуса принесло бы намъ значительную пользу въ случаѣ общаго перехода японцевъ въ наступленіе“. Определить настоящую минуту для введенія въ бой резервовъ составляетъ всегда наиболѣе трудную задачу, рѣшеніе которой связано съ важными послѣдствіями, тѣмъ не менѣе можно сказать, что нѣсколько преждевременное введеніе въ бой резервовъ будетъ всегда менѣе опасно, чѣмъ упущеніе надлежащей минуты и запоздалое употребленіе резервовъ. Надо признать, что въ приведенномъ выше взглядѣ ген. Куропаткина сказывается совершенное непониманіе характера и духа наступательныхъ дѣйствій, если онъ считаетъ возможнымъ приберегать резервы для того, чтобы затѣмъ только воспользоваться ими для отраженія атаки непріятеля.

Въ отношеніи дѣйствій 3-го Сибирскаго корпуса, которому приданъ былъ также отрядъ ген. Ренненкампа, ген. Ивановъ, какъ это упомянуто было выше, пренебрегъ вовсе возможностью охвата позиціи японцевъ наступательнымъ движеніемъ по лѣвому берегу рѣки Тайдзыхе и удержалъ отрядъ ген. Ренненкампа у Уиньянина. На южный берегъ Тайдзыхе направлена была только казачья дивизія ген. Самсонова, въ составѣ 14 сотенъ, 1 батальона и 6 орудій. Но не для атаки по направленію на Бенсиху, а „для охраны мостовъ

на Тайдзыхе и для развѣдокъ вдоль рѣки и къ югу, а также и для поддержки отряда ген. Любавина“.

На сѣверномъ берегу войска повели атаку противъ позиціи японцевъ, обороняемой самое большее 6-ю батальонами, которые занимали высоты и перевалы къ востоку и къ сѣверу отъ Бенсиху. Съ русской стороны въ этой атакѣ участвовали 24 батальона, 14 горныхъ и 20 полевыхъ орудій и 2 саперныхъ роты, которые распределены были на 3 колонны; въ то же время у Каутайцзы, въ резервѣ, оставались 9^{1/2} батальоновъ, 2 сотни и 2 саперныхъ роты подъ начальствомъ ген. Кашталинскаго. Артиллерія резерва (12 полевыхъ орудій) должна была поддерживать эту атаку, занявъ позицію у Каутайцзы.

Правая атакующая колонна, которую составлялъ 24-й стрѣлковый полкъ (4 батальона и 4 горныхъ орудія), обречена была на полную бездѣтельность въ виду того, что передъ фронтомъ возвышались крутыя обрывистыя скалы, поэтому вся дѣтельность этого полка могла ограничиться лишь тѣмъ, что онъ поддерживалъ связь съ 1-мъ Сибирскимъ корпусомъ.

Для подготовки атаки средней колонны ген. Данилова, начальника 6-й Восточно-Сибирской дивизіи, открыли огонь въ 8 час. утра 32 полевыхъ и 14 горныхъ орудій противъ высоты Лаутхалаза. Огонь этотъ продолжался до 1 час. дня, но причинилъ противнику мало вреда, потому что выстрѣлы направлены были, главнымъ образомъ, противъ верхушекъ горъ, которыя заняты были только караулами. Ген. Даниловъ распредѣлилъ свой отрядъ, силою въ 9^{1/2} батальоновъ, 4 горныхъ орудія и 1 саперную роту, на три штурмовыхъ колонны. Приказъ этого начальника звучалъ громкими фразами, которыя за сто лѣтъ передъ тѣмъ, въ устахъ какого-нибудь Суворова, произвели бы, пожалуй, надлежащее впечатлѣніе: „Возврата не будетъ, вы должны достигнуть верхушки горы, чего бы это вамъ ни стоило, и тамъ зажечь три костра. Средины нѣтъ! Великая хвала или великій позоръ! Мы должны покончить съ японцами. Предоставимъ рѣшеніе этого нашимъ героямъ-солдатамъ!“... и т. д. Да, солдаты охотно и самоотверженно исполнили свой долгъ. Не ихъ вина, если указанная верхушка

достигнута не была. Вотъ, если бы *начальники* преисполнены были сознанія, что „возврата не будетъ“, то навѣрное побѣда была бы достигнута. Не трудно рѣшить тутъ вопросъ, на чью долю приходитея „великая хвала“ и кто заслужилъ „великій позоръ“...

Правая штурмующая колонна изъ отряда ген. Данилова, бывшая подъ начальствомъ подполк. Гарницкаго, въ составѣ 2 батальоновъ 21-го и 22-го стрѣлковыхъ полковъ, при которой слѣдовалъ также и начальникъ дивизіи ген. Даниловъ, съ большими потерями отъ японскаго огня достигла, наконецъ, подошвы горнаго хребта, гдѣ залегла подъ высокими обрывистыми скалами. Ген. Даниловъ раненъ былъ въ ногу и приказалъ принести себя на носилкахъ при средней колоннѣ. Эта послѣдняя, подъ начальствомъ подполковника Некрасова, въ составѣ 2 батальоновъ 21-го полка также мужественно и храбро двинулась впередъ. Въ 4 час. пополудни три роты и охотничья команда достигли японскихъ стрѣлковыхъ окоповъ, въ которые успѣли ворваться даже нѣсколько стрѣлковъ, но скоро они оттуда были выброшены. Оба батальона повисли въ непосредственной близости отъ непріятельской позиціи на обрывистыхъ высотахъ, гдѣ и залегли въ ожиданіи наступленія темноты, когда по предположенію своихъ начальниковъ намѣревались возобновить свои атаки ночью. Лѣвая колонна, подъ начальствомъ подполковника Станиславова, въ составѣ $3\frac{1}{4}$ батальоновъ 6-го и 7-го Сибирскихъ пѣхотныхъ полковъ, усиленная вполслѣдствіи 1 батальономъ изъ корпуснаго резерва, двинулась въ атаку съ распущенными знаменами и подъ звуки музыки. Съ большими потерями колонна эта подошла на 500 шаговъ отъ непріятельской позиціи, гдѣ остановилась въ ожиданіи наступленія темноты, послѣ чего отступила на прежнюю позицію, откуда начала было свое наступленіе утромъ. Такимъ образомъ, наступленіе колонны ген. Данилова, въ результатъ дня, не привело ни къ какому успѣху, но такъ какъ правая и средняя колонны дошли почти вплотную до непріятельской позиціи, то весьма вѣроятно, что и колонна ген. Данилова достигла бы успѣха, если бы она повторила свои атаки ночью. Такое намѣреніе имѣлось дѣйствительно въ войскахъ средней

колонны, для чего направлены были вперед саперы съ подрывнымъ матеріаломъ для подготовки штурма. Но когда это было уже исполнено, то всѣ штурмующія колонны неожиданно получили приказаніе ген. Данилова— „отступитъ и въ ту же ночь занять такую позицію, съ которой днемъ возможно было бы начать отступление“. Въ приказаніи ген. Данилова это называлось „отступления не будетъ“...

Отрядъ ген. Ренненкампча, въ составѣ 10^{1/2} батальоновъ, 20 полевыхъ и 6 горныхъ орудій и 1 саперной роты, двинулся въ атаку двумя колоннами. На правомъ флангѣ южнѣе колонны подполк. Станиславова наступала бригада ген. Кричинскаго, которая въ этотъ день придана была отряду ген. Ренненкампча отъ войскъ 3-го Сибирскаго корпуса. Несмотря на храброе наступленіе 22-го и 23-го стрѣлковыхъ полковъ, батальоны вынуждены были съ наступленіемъ темноты отступить на позиціи, съ которыхъ они начали наступленіе. Также неудачно кончилась атака лѣвой колонны ген. Петерова въ составѣ 4^{1/2} батальоновъ 214-го и 282-го полковъ, которая начала свое наступленіе черезъ высоты на сѣверномъ берегу рѣки и затѣмъ поддержана была батальономъ 23-го стрѣлковаго полка. Впрочемъ, части войскъ этой лѣвой колонны не отступили назадъ на прежнія позиціи, а остались на вновь занятыхъ мѣстахъ вблизи позиціи японцевъ, намѣреваясь продолжать свою атаку ночью. Командующему 3-мъ корпусомъ показалось, что наступленіе отряда ген. Ренненкампча идетъ слишкомъ медленно, поэтому онъ въ 4 час. пополудни отправилъ на подкрѣпленіе отряда ген. Ренненкампча въ Уиньянинъ 9-й и 10-й стрѣлковые полки изъ состава корпуснаго резерва.

На южномъ берегу Тайдыхе кромѣ 6 сотенъ ген. Любавина находилась только Сибирская казачья дивизія ген. Самсонова, которой приданъ былъ батальонъ 6-го Сибирскаго пѣхотнаго полка и 2 горныхъ орудія изъ прежняго авангарда полк. Дружинина, а также еще 1 полевая батарея. Хотя лѣвому флангу дивизіи не угрожало собственно никакой опасности, тѣмъ не менѣе оставлены были еще для прикрытія моста у Уиньянина батальонъ съ горными орудіями и, кромѣ того, еще 5 сотенъ, такъ что для поддержки ген. Любавина

въ распоряженіи ген. Самсонова остались только 9 сотенъ, 1 конно-охотничья команда и 1 полевая батарея. Но и эта поддержка со стороны ген. Самсонова проявила себя такъ поздно и такъ медленно, что японцы успѣли выдѣлить изъ Бенсиху на лѣвый берегъ Тайдзыхе смѣшанный батальонъ изъ 5 ротъ, которымъ удалось отгнать казаковъ ген. Любавина, находившагося здѣсь 10-го октября почти въ полной бездѣятельности. Въ 6 час. вечера получено было донесеніе отъ одной казачьей сотни, высланной изъ Сибирской казачьей дивизіи для развѣдокъ въ южномъ направленіи, что въ 14 километрахъ къ югу отъ Уиньянина появился непріятельскій отрядъ изъ всѣхъ родовъ оружія, вслѣдствіе чего сотня вынуждена была отступить назадъ.

Это донесеніе казачьей сотни было ложное или, по крайней мѣрѣ, сильно преувеличенное. Въ 14 километрахъ южнѣе Уиньянина въ Сихоянѣ находилось только 300 чел. этапныхъ войскъ; только къ вечеру этого дня прибыла въ Сихоянъ принадлежавшая къ составу 1-й японской арміи 2-я кавалерійская бригада принца Канина (въ составѣ 8 эскадроновъ, 1 конной батареи и 1 пулеметнаго отдѣленія), котораго ген. Куроки командировалъ для прикрытія важнаго этапнаго пути, опасаясь набѣга многочисленныхъ казаковъ изъ отряда ген. Штакельберга по направленію на Сихоянъ. Эти опасенія ген. Куроки были, однако, совершенно неосновательны, потому что казаки не проявляли ни малѣйшаго желанія подобныхъ предпріятій и совершенно прилипли къ своей пѣхотѣ. Возможно, что развѣдочная сотня ген. Самсонова наткнулась на выдвинутый впередъ эскадронъ изъ бригады Канина. Во всякомъ случаѣ не было никакихъ основаній для особыхъ заботъ и тревогъ со стороны русскихъ начальниковъ, тѣмъ не менѣе это невѣрное донесеніе казачьей сотни послужило все-таки основаніемъ для весьма сложныхъ рѣшеній со стороны русскихъ командныхъ начальниковъ.

Вечеромъ 11-го октября русскія войска мы видимъ, вообще, отброшенными на всѣхъ пунктахъ. Только на сѣверномъ берегу рѣки Тайдзыхе колонна ген. Петерова изъ состава отряда ген. Ренненкампфа держалась непосредственно вблизи японской

позиціи съ намѣреніемъ продолжать свою атаку ночью. Полк. Дружининъ находить, что ген. Ренненкампфа надо поставить головой выше всѣхъ прочихъ Манчжурскихъ генераловъ, такъ какъ онъ намѣревался продолжать атаку въ 8 час. вечера, несмотря на то, что ему, вообще, свыше дана была безсмысленная задача. Къ сожалѣнію, время атаки было упущено, такъ какъ командированные изъ резерва ген. Иванова 9-й и 10-й стрѣлковыя полки запоздали прибытіемъ, поэтому атака сначала была назначена на 2 час. ночи, а затѣмъ отложена на 4 час. утра, что всегда, конечно, ослабляетъ энергію атакующихъ. Что касается ген. Иванова и его штаба, то они не могли остановиться ни на какомъ рѣшеніи. Высшіе начальники видѣли уже всю операцію проигранной, готовы были уже совсѣмъ отказаться отъ всякихъ атакъ и искали только приличнаго предлога, чтобы перейти къ оборонѣ. Личное впечатлѣніе, вынесенное полк. Дружининымъ изъ наблюденія руководства боемъ со стороны ген. Иванова 11-го октября и его сотрудниковъ сводится къ слѣдующему: „Отовсюду поступали донесенія объ одиночныхъ атакахъ разныхъ частей войскъ, объ ихъ ужасныхъ потеряхъ, объ ихъ геройскихъ подвигахъ при штурмахъ обрывистыхъ скалъ, объ отраженіи со стороны японцевъ нашихъ геройскихъ атакъ... Все это выслушивалось, обо всемъ судили и рядили, но ничего не дѣлалось, чтобы отдать какія-нибудь соотвѣтствующія распоряженія и приказанія для какого-нибудь цѣлесообразнаго руководства боемъ; получалось впечатлѣніе, точно всѣ эти командные начальники являются только зрителями незначительныхъ маневровъ, а не руководителями важнаго боя“... Наконецъ для ген. Иванова и его штаба получился такъ долго ожидаемый и желанный поводъ, чтобы отказаться отъ ночной атаки: около 1 час. ночи получилось донесеніе отъ ген. Самсонова, что противникъ тѣснить его изъ Фанкіапузы, на которую наступаетъ японскій отрядъ въ составѣ всѣхъ родовъ оружія. Донесеніе это было совершенно неопредѣленное, не провѣрено, туманно и поэтому лишено всякаго значенія. Тѣмъ не менѣе въ реляціи ген. Иванова это выражено слѣдующимъ образомъ: „Это обстоятельство могло, въ случаѣ дальнѣйшаго успѣха противника въ

этомъ направленіи, сдѣлать повтореніе атаки не только безуспѣшнымъ, но даже лишнимъ“. Въ виду большихъ потерь въ войскахъ въ теченіе дня, ген. Ивановъ отказался отъ ночного штурма, ... хотя онъ, какъ говоритъ ген. Куропаткинъ въ своемъ отчетѣ, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ вопреки приказанію начальника Восточнаго отряда, имѣвшаго притомъ въ своемъ распоряженіи еще значительные резервы. Войска колонны ген. Данилова, находившіяся вблизи корпуснаго штаба, получили это приказаніе своевременно, а въ войскахъ ген. Ренненкампа приказаніе это получено было только передъ утромъ, какъ разъ въ то время, когда готовились къ атакѣ...

12-е октября было днемъ кризиса для всей наступательной операціи, такъ какъ въ этотъ день рѣшено было отказаться отъ дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій, что послужило показателемъ пораженія Манчжурской арміи. Въ то время, какъ войска Западнаго отряда ген. Бильдерлинга утромъ этого дня все еще продолжали выжидать на своихъ позиціяхъ на Шилихе полученія извѣстій о побѣдахъ войскъ ген. Штакельберга, эти послѣднія дѣлали уже свои крайніе наступательные потуги, которые представляли собою конецъ всей этой операціи. Впрочемъ, и самъ ген. Куропаткинъ въ этотъ день считался уже съ возможностью прекращенія дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій, такъ какъ въ телеграммѣ, отправленной ген. Штакельбергу въ 1 час. ночи начальникомъ полевого штаба арміи, указано было, что „если вы будете вынуждены отступить подъ натискомъ превосходныхъ силъ противника, то вести отступленіе шагъ за шагомъ упорно обороняясь, въ противномъ случаѣ ваше отступленіе можетъ обнажить нашъ лѣвый флангъ“.

Необходимо при этомъ замѣтить, что до утра 12-го октября штабъ арміи не получилъ отъ ген. Штакельберга никакихъ донесеній, изъ которыхъ можно было бы вывести заключеніе о неудачѣ, постигшей наступательныя дѣйствія войскъ Восточнаго отряда. Поэтому является совершенно нераціональнымъ давать ген. Штакельбергу такія необоснованныя указанія, которыя должны были поколебать его въ твердости наступательныхъ дѣйствій.

Войска 1-го Сибирскаго корпуса въ теченіе всего этого дня ограничивали свою дѣятельность артиллерійскимъ огнемъ, направленнымъ противъ переваловъ, занятыхъ японцами, но въ виду значительной дальности этихъ позицій артиллерійскій огонь не производилъ никакого эффекта. Что же касается попытокъ какихъ-нибудь атакъ со стороны пѣхоты, то въ теченіе всего дня таковыя не предпринимались вовсе. Ген. Гернгроссъ назначилъ начало всеобщаго штурма переваловъ въ 2 час. ночи на 13-е октября, считая выполненіе такой задачи днемъ невозможнымъ. Но и эта атака не была предпринята, такъ какъ въ 9 час. вечера было получено приказаніе ген. Штакельберга, въ которомъ было сказано отвести изъ передовыхъ линій, для образованія сильнаго корпуснаго резерва, все, что только возможно, съ условіемъ удержать занятія позиціи и весь корпусный резервъ, усиленный такимъ путемъ, выставить у Шантайцзы—Шанпинтайцзы. Это указаніе уничтожило возможность продолженія атаки, вслѣдствіе чего ген. Гернгроссъ отдалъ своимъ войскамъ приказаніе „на слѣдующій, а также и послѣдующіе дни, до полученія новаго приказанія“, которое ставило войскамъ задачей „удержать занятія ими позиціи“. Ген. Куропаткинъ говоритъ по этому поводу въ своемъ отчетѣ: „Значительная часть войскъ 1-го Сибирскаго корпуса при этомъ вовсе не приняла еще участія въ бою, а между тѣмъ мы уже отказались отъ своихъ наступательныхъ задачъ“...

Приведенный приказъ ген. Штакельберга, чреватый тяжелыми послѣдствіями—всѣ излишнія войска 1-го Сибирскаго корпуса, находящіяся въ боевой линіи, отвести назадъ въ резервъ,—былъ, въ сущности говоря, вызванъ указаніемъ командующаго арміей, заключавшимся въ томъ, что 2-му Сибирскому корпусу, служившему резервомъ Восточнаго отряда и остававшемуся до того времени совершенно бездѣятельнымъ, предписывалось занять позицію у Лязятуня, чтобы предупредить возможность прорыва японцевъ между позиціями 1-го и 4-го Сибирскихъ корпусовъ, вслѣдствіе чего войска 2-го корпуса должны были поступить въ подчиненіе командиру 4-го корпуса. Нелишнее замѣтить мимоходомъ, что конница 1-го Сибирскаго корпуса подъ начальствомъ ген. Грекова (Митро-

фана), которая должна была поддерживать связь съ 4-мъ Сибирскимъ корпусомъ, находилась здѣсь въ полной бездѣятельности, точно также какъ другая конница, Оренбургская казачья бригада ген. Грекова (Владимира), оставалась праздною на правомъ флангѣ Западнаго отряда.

Въ войскахъ 3-го Сибирскаго корпуса, какъ уже упомянуто было выше, на разсвѣтъ 12-го октября начали свою атаку только войска ген. Ренненкампа, которыя получили подкрѣпленіе въ видѣ бригады 3-го Сибирскаго корпуса (9-й и 10-й стрѣлковые полки) подъ начальствомъ ген. Марданова. На правомъ флангѣ этого фронта снова двинулась въ атаку колонна Кричинскаго. Около 5 час. утра войска этой колонны въ штыки ударили на японцевъ и заняли нѣкоторыя высоты, но такъ какъ находившіяся вправо отъ этой колонны войска ген. Данилова не трогались съ мѣста, не пытаясь со своей стороны привлечь на себя силы противника, то колонна Кричинскаго не могла удержаться на захваченной позиціи и вынуждена была отступить.

Для поддержки колонны ген. Петерова, находившагося на правомъ берегу рѣки Тайдзыхе, непосредственно передъ позиціей японцевъ, назначена была бригада ген. Марданова въ составѣ 9-го и 10-го стрѣлковыхъ полковъ. Для выполнения своей задачи бригада эта должна была сначала у Уиньянина переправиться съ праваго берега Тайдзыхе на лѣвый, а затѣмъ бродомъ должна была опять перейти назадъ на правый берегъ. Весь этотъ трудный маневръ придуманъ былъ, очевидно, для той цѣли, чтобы охватить позицію японцевъ, противъ которыхъ находился ген. Петеровъ. Но вслѣдствіе темноты находившіяся во главѣ колонны батальоны 9-го полка заблудились и только въ 3 час. утра вышли въ тылъ позиціи 282-го пѣхотнаго полка, который расположенъ былъ на высотахъ сѣвернаго берега Тайдзыхе, на лѣвомъ флангѣ всей позиціи колонны ген. Петерова. Въ 4 час. утра двинулся въ атаку 9-й стрѣлковый полкъ совмѣстно съ частями 282-го, 2-го Сибирскаго пѣхотнаго и 23-го стрѣлковаго полковъ. Въ это самое время появился офицеръ генеральнаго штаба, который отъ имени ген. Иванова потребовалъ немедленнаго возвращенія обоихъ

полковъ 3-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи (9-го и 10-го стрѣлковыхъ полковъ), такъ какъ они съ разсвѣтомъ должны были образовать резервъ 3-го Сибирскаго корпуса. Исполненіе этого приказанія было само собою разумѣется невыполнимо, атака произошла, и 9-й стрѣлковый полкъ отбросилъ японцевъ изъ передовыхъ окоповъ, а также и съ одной высоты, покрытой растительностью, которая составляла одинъ изъ главныхъ опорныхъ пунктовъ непріятельской позиціи.

Русская стрѣлковая линія очутилась такимъ образомъ тыломъ къ рѣкѣ и завязала оживленную перестрѣлку съ японцами, правый флангъ которыхъ былъ загнутъ назадъ. Храбрые стрѣлки несли огромныя потери и не находили никакой поддержки, между тѣмъ резервы оставались совершенно бездѣтельными. Полк. Дружининъ утверждаетъ, что ген. Мардановъ не проявлялъ ни малѣйшей заботы о какомъ-нибудь руководительствѣ дѣйствіями своихъ войскъ; по всей вѣроятности тутъ повліяло полученное въ это время приказаніе о немедленномъ возвращеніи его бригады къ составу войскъ 3-го корпуса, что не могло не подѣйствовать парализующимъ образомъ на его дѣятельность. Короче сказать, стрѣлки оставались до 11 часа дня подъ сильнымъ огнемъ японцевъ, не получая ниоткуда никакой поддержки. Вдругъ въ это время неожиданно эти части войскъ стали поражаться пулеметнымъ огнемъ съ тыла, съ лѣваго берега Тайдзыхе. Такимъ образомъ дальнѣйшее удержаніе занятой позиціи оказывалось невозможнымъ, вслѣдствіе чего всѣ войска отряда ген. Ренненкампфа, находившіяся на правомъ берегу рѣки Тайдзыхе, устремились назадъ, по направленію къ Уиньянину.

Трудно съ достаточной положительностью установить ходъ дѣйствій, совершившихся на южномъ берегу Тайдзыхе въ утренніе часы 12-го октября до полудня, такъ какъ имѣющіяся свѣдѣнія крайне противорѣчивы. Фактъ тотъ, что со стороны русскихъ войскъ на лѣвомъ берегу Тайдзыхе находились отряды ген. Любавина и Самсонова,—въ общемъ 1 батальонъ, 19 сотенъ и около 14 орудій; тогда какъ со стороны японцевъ за день передъ тѣмъ на тотъ берегъ выдвинутъ былъ сводный батальонъ изъ Бенсиху, который вмѣстѣ съ прибыв-

шей изъ Сихояна 2-й кавалерійской бригадой принца Канина, долженъ былъ воспрепятствовать русскимъ войскамъ охватъ японской позиціи дѣйствиємъ по южному берегу Тайдзыхе. Вотъ передъ этими войсками отряды ген. Любавина и Самсонова почти безъ боя отступили на востокъ и допустили принцу Канину выставить на высотахъ южнаго берега 6 его пулеметовъ, обращенныхъ фронтомъ на сѣверъ, которые и начали поражать съ тыла русскія войска, дѣйствовавшія на правомъ берегу Тайдзыхе. Что о какомъ-нибудь вынужденномъ отступленіи казаковъ въ данномъ случаѣ не могло быть и рѣчи, можно судить, прежде всего, по тому, что на ихъ сторонѣ было огромное численное превосходство по сравненію съ японцами, а главнымъ образомъ это видно изъ того факта, что общія потери Сибирской казачьей дивизіи ген. Самсонова, т. е. *всѣхъ 15 сотенъ и 1 конной батареи въ теченіе десятидневныхъ боевъ Шахейской наступательной операціи, составляютъ всего только 2 офицера и 26 нижнихъ чиновъ, бывшихъ изъ строя, въ томъ числѣ убитыми 1 офицеръ и 4 нижнихъ чина.* Полк. Дружининъ утверждаетъ, что, по его свѣдѣніямъ 12-го октября на перевязочномъ пунктѣ побывалъ *только 1 казакъ*, да и тому понадобилась перевязка только отъ полученнаго какого-то ушиба...

Въ виду отступленія казаковъ ген. Ренненкампфъ сталъ опасаться за свой лѣвый флангъ и поэтому приказалъ своему отряду отступить на высоты къ востоку отъ Уиньянина. Со своей стороны ген. Ивановъ еще утромъ этого дня послалъ длинное донесеніе ген. Штакельбергу, которому онъ указывалъ на опасное положеніе его корпуса въ виду отступленія отряда ген. Самсонова и перехода японцевъ въ наступленіе, вслѣдствіе чего онъ заключаетъ свое донесеніе, что принялъ окончательное рѣшеніе отказаться отъ дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій и отступаетъ назадъ со всѣми своими войсками.

Такимъ образомъ 3-й Сибирскій корпусъ по собственному побужденію и безъ всякаго приказанія свыше началъ отступленіе. Полк. Дружининъ утверждаетъ, какъ очевидецъ, что японцы на всемъ своемъ фронтѣ не проявляли ни малѣйшаго движенія и не думали ни о какомъ наступленіи: съ ихъ сто-

роны не было даже ни единого выстрѣла. Вообще, не было видно ни малѣйшихъ признаковъ перехода противника въ наступленіе.

Ген. Куропаткинъ въ своемъ отчетѣ судить слѣдующимъ образомъ о поведеніи 3-го Сибирскаго корпуса 12-го октября: „Вечеромъ 12-го октября ген. Ренненкампфъ послалъ донесеніе, въ которомъ онъ по не вполне выясненнымъ причинамъ указываетъ, что не можетъ удержаться на занятыхъ имъ позиціяхъ, въ виду обхода противника по лѣвому берегу рѣки Тайдзыхе, и что вслѣдствіе этого отступаетъ на высоты восточнѣе Уиньянина. Кромѣ ген. Ренненкампфа въ составѣ подчиненныхъ ему войскъ было еще нѣсколько генераловъ; неизвѣстно, что сдѣлано было всѣми этими начальниками, чтобы вырвать побѣду изъ рукъ японцевъ. Это отступленіе ген. Ренненкампфа, кромѣ того, не вызвало также никакого сопротивленія и со стороны командующаго 3-мъ Сибирскимъ корпусомъ ген. Иванова. Несмотря на то, что ген. Ивановъ имѣлъ въ резервѣ еще кромѣ 11-го и 12-го стрѣлковыхъ полковъ нѣсколько батальоновъ разныхъ полковъ, не участвовавшихъ вовсе въ бою, онъ посылаетъ донесеніе начальнику Восточнаго отряда, что онъ, въ виду отступленія ген. Ренненкампфа, считаетъ необходимымъ въ ночь на 13-е октября отступить на позицію сѣвернѣе Каутайцзы, гдѣ онъ имѣетъ въ виду сосредоточить свой корпусъ въ ожиданіи атаки японцевъ. Такимъ образомъ, вслѣдъ за ген. Ренненкампфомъ отступаетъ и ген. Ивановъ вмѣсто того, чтобы приказать первому возвратиться назадъ и оказать ему поддержку, чтобы снова занять оставленныя имъ позиціи... Появленія слабыхъ японскихъ силъ на нашемъ флангѣ 12-го числа было достаточно, чтобы заставить отступить значительную группу нашихъ войскъ въ 40 батальоновъ“. Все это вполне вѣрно, но что же, однако, ген. Куропаткинъ самъ сдѣлалъ для того, чтобы путемъ быстрыхъ рѣшительныхъ дѣйствій вырвать побѣду изъ рукъ японцевъ?

Такимъ образомъ боевая дѣятельность Восточнаго отряда, въ общемъ, была закончена 12-го октября. На правомъ флангѣ войска прекратили атаку переваловъ и ограничились послѣ этого только оборонительными дѣйствіями. Резервъ (войска 2-го

Сибирскаго корпуса) направлень былъ на западъ для поддержки войскъ центра. Войска лѣваго фланга находились уже въ полномъ отступленіи. Прекращеніе наступательныхъ дѣйствій Восточнаго отряда явилось, такимъ образомъ, уже 12-го октября совершившимся фактомъ и стояло внѣ всякой зависимости отъ неудачи, постигшей войска Западнаго отряда, о чемъ извѣстно стало только на слѣдующій день.

Правда, въ ночь на 13-е октября ген. Штакельбергъ доносилъ командующему арміей, что онъ обороняться будетъ на занятыхъ позиціяхъ „до послѣдняго человѣка“, что „отступленія не будетъ“; но это обнадеживающее смѣлое и мужественное донесеніе плохо вязалось съ тѣмъ фактомъ, что 3-й Сибирскій корпусъ находился уже въ полномъ отступленіи; точно также это не согласуется съ указаніемъ самого ген. Штакельберга въ этомъ же донесеніи, что онъ опасается—за свой правый флангъ, о прикрытіи котораго онъ просилъ ген. Куропаткина, такъ какъ „самъ не въ силахъ этого сдѣлать“.

Полученное въ 10 час. утра 13-го октября приказаніе ген. Куропаткина подтвердило только рѣшеніе, принятое уже начальствомъ Восточнаго отряда. Ген. Куропаткинъ сообщалъ въ этомъ приказаніи о пораженіи войскъ Западнаго отряда, которое въ связи съ неудачей, постигшей дѣйствія войскъ Восточнаго отряда для овладѣнія перевалами, вынуждаетъ его отказаться отъ задачи, поставленной войскамъ Восточнаго отряда, которымъ предписывается поэтому отступить на сѣверъ для того, чтобы возстановить болѣе тѣсную связь съ остальными войсками арміи. „Предписываю вамъ отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ овладѣть перевалами, сосредоточить болѣе тѣсно подвѣдомственные вамъ войска и занять позицію, прикрывающую лѣвый флангъ арміи. Сосредоточеніе войскъ должно быть произведено возможно скорѣе, потому, что дальнѣйшая неудача войскъ на правомъ флангѣ арміи можетъ уже завтра вынудить ее къ отступленію къ Мукдену“.

Такимъ образомъ, въ общемъ выводѣ, 1½ японскимъ дивизіямъ удалось не только остановить наступленіе свыше 80 русскихъ батальоновъ, но даже и вынудить ихъ къ отсту-

плению. Но японцамъ не хватило силъ для преслѣдованія. Благодаря этому обстоятельству отступленіе войскъ Восточнаго отряда совершилось безъ всякихъ другихъ затрудненій. Въ то время, какъ часть 2-го Сибирскаго корпуса предприняла отъ Ватаушана слабое наступленіе противъ японской гвардіи, дѣйствовавшей противъ праваго фланга 4-го Сибирскаго корпуса, ген. Гернгроссъ съ 22 батальонами двинулся черезъ Фенкіану въ районъ Хуаншань, чтобы образовать резервъ въ распоряженіе ген. Куропаткина.

Для прикрытія лѣваго фланга Манчжурской арміи оставлены были: 1-я бригада 5-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи (2-го Сибирскаго корпуса) къ сѣверу отъ Вайтаушана на Шахе, 1-я Восточно-Сибирская дивизія (1-й Сибирскій корпусъ) къ сѣверу отъ Бяньяпузы, 3-й Сибирскій корпусъ и конница ген. Самсонова на Каотулинскомъ перевалѣ; отрядъ ген. Ренненкампа отступилъ на Далинскій перевалъ. Такимъ образомъ, для прикрытія лѣваго фланга арміи оставлены были 4½ пѣхотныхъ и 1 казачья дивизіи, которыя имѣли противъ себя только усталыя въ предшествовавшихъ бояхъ 12-ю японскую дивизію съ 1 резервной бригадой южнѣ Бяньяпузы и кавалерійскую бригаду принца Канина у Шаухуаншаня.

Посмотримъ теперь, каковы взгляды и сужденія ген. Куропаткина, выраженные имъ въ его отчетѣ относительно боевой дѣятельности Восточнаго отряда и причинъ его неудачи: „Изъ изложеннаго выше, говоритъ ген. Куропаткинъ, видно, насколько причины неудачи дѣйствій Восточнаго отряда кроются въ трудныхъ условіяхъ мѣстности. Если бы нашими войсками руководили въ бою энергично, то они преодолѣли бы и не такія трудности. Изъ огромнаго превосходства въ силахъ, которое имѣлось на сторонѣ Восточнаго отряда, въ особенности въ первые дни операцій, не было извлечено никакой пользы, точно также остались безрезультатными многіе геройскіе подвиги нѣкоторыхъ выдвинутыхъ впередъ частей войскъ. Начальникомъ Восточнаго отряда дано было приказаніе овладѣть перевалами во что бы то ни стало; имъ указывалось, что отступленія не будетъ; тѣмъ не менѣе подчиненные ему начальники самовольно начали отступленіе и отказались продол-

жать бой въ то время, когда только часть ихъ войскъ участвовала въ бою. Мы одновременно ставили себѣ много задачъ, что приводило къ раздробленію силъ и дѣлало насъ слабыми на всѣхъ пунктахъ. Важное значеніе дѣйствій на лѣвомъ берегу Тайдзыхе не было оцѣнено нами вовсе. Мы дѣйствовали разными колоннами и отрядами безъ всякой взаимной связи. Мы не встрѣчаемъ вовсе въ этихъ дѣйствіяхъ, чтобы какая-нибудь колонна по собственному почину пошла на поддержку сосѣдней колонны.

Но главная причина неудачъ дѣйствій Восточнаго отряда заключается въ недостаткѣ рѣшимости довести бой до побѣднаго конца, вводя въ дѣло всѣ безъ исключенія силы и средства, которыми начальникъ могъ располагать въ ту минуту. Нѣкоторые мелкіе отряды имѣли часто успѣхъ въ ночныхъ бояхъ, но вынуждены бывали отступить, не встрѣчая своевременной поддержки отъ своихъ войскъ. Днемъ обыкновенно воздерживались отъ боевъ вовсе, такъ какъ мы опасались огромныхъ потерь; атаки поѣтому откладывались на ночь, но по разнымъ причинамъ также и ночью воздерживались отъ атаки. Трудно себѣ представить приблизительную картину, каковы бы были результаты, если бы дѣйствія Восточнаго отряда были успѣшны; но одно ясно, что наступленіе двухъ корпусовъ Восточнаго отряда во флангъ арміи Куроки, которая 11-го и 13-го октября дѣйствовала противъ 4-го Сибирскаго и 1-го армейскаго корпусовъ, имѣла бы благопріятное и рѣшительное значеніе для всей операціи Манчжурской арміи“.

Въ общемъ можно вполне согласиться съ этими сужденіями ген. Куропаткина. Одно только, что можно прибавить къ этому, заключается въ томъ, что всѣ эти ошибки, которыя онъ видитъ у своихъ помощниковъ, въ такой же степени, по меньшей мѣрѣ, свойственны ему самому. Самъ ген. Куропаткинъ обязанъ своими пораженіями у Ляояна и на Шахе недостатку рѣшимости довести до конца задуманную операцію, пользуясь для этого введеніемъ въ дѣло всѣхъ силъ и средствъ, которыми онъ располагалъ въ ту минуту.

Дѣйствія Западнаго отряда и резерва.

Если въ дѣйствіяхъ Восточнаго отряда мы видимъ попытки къ наступательнымъ дѣйствіямъ, хотя и мало цѣлесообразныя, то въ дѣйствіяхъ Западнаго отряда послѣ 9-го октября мы не видимъ даже никакихъ слѣдовъ наступательныхъ дѣйствій. Медленное движеніе впередъ совсѣмъ пріостанавливалось, какъ только обнаруживалась возможность столкновенія съ противникомъ. Выжидали все результатовъ охватывающихъ атакъ отряда ген. Штакельберга. Противника, находившагося передъ фронтомъ Западнаго отряда, хотѣли все приковать къ мѣсту тѣмъ, что войска зарывались поочередно то на одной позиціи, то на другой. Упущены были все выгоды быстроты и рѣшительности наступательныхъ дѣйствій. вмѣстѣ съ тѣмъ непріятелю предоставлена была полная свобода дѣйствій. Нѣкоторый подъемъ духа, который замѣтенъ былъ въ войскахъ съ начала наступленія, оказался снова подавленнымъ.

Мы уже видѣли выше, что командующій арміей приказалъ Западному отряду продвинуться 9-го октября еще на одинъ шагъ впередъ. Главныя силы 17-го и 10-го корпусовъ должны были занять линію передовыхъ постовъ Ченліутхангоу—Хунпаншанъ—Нингуантунъ, а передовымъ постамъ двинуться впередъ до Шахе на линію Нанвулитай—Фанкіапу и, конечно, тамъ окопаться. Это наступленіе въ едва ли 5 километровъ было обусловлено еще тѣмъ, „если войска готовы для этого наступленія“ и что „авангарды не ввяжутся въ серьезный бой“...

Изъ 17-го корпуса двинуть былъ впередъ авангардъ ген. Янжула въ составѣ 2-й бригады 3-й дивизіи на линію Нанвулитай—Шилихе: главныя силы двинулись правой колонной (1-я бригада 3-й дивизіи) до Ланцзытая, гдѣ поступили въ распоряженіе ген. Янжула; лѣвой колонной (35-я дивизія) до линіи Ченліутхангоу—Лютангоу. Отъ 10-го корпуса правый авангардъ ген. Рябинкина (2-я бригада 31-й дивизіи) передвинуть былъ въ Фанкіатунъ. Въ то же время главныя силы этого корпуса (9-я дивизія) заняли линію Панкіаупу—Нингуантунъ, которая раньше занималась авангардомъ; лѣвый аван-

гардь ген. Мау (1-я бригада 31-й дивизіи), который расположенъ былъ у Тунсанхо, былъ съ этого дня подчиненъ командующему 4-мъ Сибирскимъ корпусомъ, ген. Зарубаеву, и на время этихъ боевъ бригада эта вышла изъ состава 10-го корпуса.

Такимъ образомъ положеніе 9-го октября въ 17-мъ корпусѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ: вся 3-я и половина 31-й дивизіи окопались на позиціи на Шилихе; въ 3—4 километрахъ позади ихъ расположены были въ окопахъ 9-я и 31-я дивизіи; въ 6 километрахъ позади, въ тылу, южнѣе линіи Шахе, находилась „главная“ позиція, переименованная къ тому времени въ „тыловую“ позицію.

Вотъ какъ эти дѣйствія характеризуетъ полковникъ Грулевъ, одинъ изъ непосредственныхъ участниковъ этихъ событий, дающій яркое понятіе объ этомъ наступленіи: „Меня смѣнили другія части, которыя также энергично начали рыть землю и укрѣпляться... Впослѣдствіи я узналъ, что и части 35-й дивизіи укрѣплялись, копаясь въ землѣ до десятаго пота, даже еще далеко сѣвернѣе Лютангоу. Что за диковина такая! Собрались мы *наступать*, надо полагать, противъ японцевъ, значить, необходимо сѣпиться съ врагомъ, поскорѣй *добраться* до него, а вмѣсто этого мы, стоя на мѣстѣ, роемся и копаемся въ землѣ безъ конца. Положимъ, насъ всегда такъ учили, что при всякомъ наступательномъ планѣ необходимо подумать и объ оборонѣ. Но разъ мы начали наступать, то вѣдь мы никогда не дойдемъ до противника, если будемъ топтаться на мѣстѣ и окапываться. Вѣдь это, значить, не порывъ впередъ, а топтаніе на мѣстѣ, поглядываніе назадъ!..

„9-е октября. Къ 10 час. утра мы совершили уже весь переходъ, и я съ отрядомъ прибылъ на указанный мнѣ „ночлегъ“ въ дер. Улиге, на рѣчкѣ Шилихе, въ 3 километрахъ къ югу отъ мѣста прежняго ночлега. Итакъ, въ четыре перехода мы отмахали... 10 километровъ! Стыдно признаться, но надо сказать правду: эти самые 10 километровъ мы при отступленіи 12-го октября отмахали въ *остатокъ дня* послѣ упорнаго боя... И отступали, кажется, въ порядкѣ,—по крайней мѣрѣ въ 11-мъ и 12-мъ полкахъ я даже частаго шага не

видѣлъ. Вотъ что значать злосчастныя директивы, въ силу которыхъ требовалось при наступленіи топтаться на мѣстѣ. Развѣ можно такимъ наступленіемъ надѣяться привлечь на себя силы противника, какъ на это надѣялся ген. Куропаткинъ? Иное дѣло, если бы командующій арміей предоставилъ возможность ген. Бильдерлингу энергично наступать впередъ, тогда бы онъ дѣйствительно притянулъ на себя главные силы японцевъ, въ то же время не давъ имъ возможности сосредоточиться и атаковать насъ тамъ, гдѣ имъ захочется, какъ это для нихъ вполне облегчилось благодаря нашему пренаивному топтанію на мѣстѣ. Но командующій арміей дважды напоминалъ начальнику Западнаго отряда, 7-го и 8-го октября, не увлекаться впередъ, что это не входитъ въ планы командующаго арміей!..“

9-е октября употреблено было японцами на то, чтобы закончить свои передвиженія для производства задуманной атаки, такъ что въ этотъ день происходили только небольшія стычки между передовыми войсками обѣихъ сторонъ. Выдвинутыя впередъ передовыя части 17-го армейскаго корпуса выгѣснили японскіе передовые отряды изъ линіи деревень Тадусампу—Эртайцзы—Вулитайцзы; часть авангарда 10-го корпуса заняла въ этотъ день Кушудзы, а также высоты, простирающіяся къ востоку отъ этой деревни.

Вправо отъ войскъ Западнаго отряда выдвинулись впередъ части 6-го Сибирскаго корпуса, которыя заняли районъ селеній Шаукіалинцзы—Ланшаньпу—Пентіенцзы. Ген. Куропаткинъ по телеграфу разрѣшилъ ген. Бильдерлингу, что въ случаѣ, „если непріятель перейдетъ въ рѣшительное наступленіе противъ войскъ Западнаго отряда и 17-му корпусу понадобится подкрѣпленіе, то онъ можетъ обратиться къ командиру 6-го Сибирскаго корпуса, требуя содѣйствія его войскъ“. Весьма характерно для наступательныхъ операцій командующаго Манчжурской арміей, что онъ резервъ свой приберегаетъ не для нанесенія наступательнаго удара, но для отраженія рѣшительной атаки со стороны японцевъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что Куропаткинъ совершенно выпустилъ изъ рукъ инициативу дѣйствій и предоставилъ себя всецѣло волѣ противника.

Упомянутое выше разрѣшеніе ген. Бильдерлингу обратиться въ случаѣ необходимости за поддержкой къ 6-му Сибирскому корпусу не имѣло никакого значенія, разъ этотъ корпусъ не былъ ему подчиненъ. Какая польза могла быть начальнику Западнаго отряда обращаться за содѣйствіемъ къ ген. Соболеву. Въдь отъ послѣдняго тогда зависѣло, откликнуться ли на это желаніе ген. Бильдерлинга или нѣтъ. Ничего нѣтъ также удивительнаго въ томъ, что на другой же день ген. Соболевъ отклонилъ такую просьбу ген. Бильдерлинга о поддержкѣ, потому что самъ ген. Куропаткинъ постоянно напоминалъ ген. Соболеву: „Не забудьте, что вы составляете мой послѣдній стратегическій резервъ“. Какая польза была отъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ резервовъ, если ими не пользовались рациональнымъ образомъ въ надлежащую минуту. Но оцѣнить минуту для цѣлесообразнаго употребленія резервовъ ген. Куропаткинъ самъ не могъ, разъ онъ находился непосредственно за серединой арміи. Съ самаго начала требовалось, чтобы и 6-й Сибирскій корпусъ, а также и отрядъ ген. Дембовскаго были подчинены непосредственно ген. Бильдерлингу, который и явился бы отвѣтственнымъ лицомъ за своевременное использование этихъ силъ.

Эта неясность задачъ 6-го Сибирскаго корпуса, вызванная распоряженіемъ самого командующаго арміей, обуславливалась опасеніемъ ген. Куропаткина смѣлаго употребленія въ дѣло всѣхъ силъ 6-го Сибирскаго корпуса. За все это вмѣстѣ пришлось скоро жестоко расплатиться въ бою.

Далѣе, къ западу отъ войскъ 6-го Сибирскаго корпуса оставался въ бездѣйствіи отрядъ ген. Дембовскаго.

Между войсками Западнаго и Восточнаго отрядовъ народилась въ этотъ день новая группа войскъ, выдвинутая впередъ изъ резерва и образовавшая *центръ*, который долженъ былъ закрыть собою промежутокъ, образовавшійся между упомянутыми отрядами. Войска центра состояли сначала изъ 4-го Сибирскаго корпуса ген. Зарубаева, казачьей бригады ген. Мищенко и лѣваго авангарда 10-го корпуса подъ начальствомъ ген. Мау, который, какъ уже упомянуто было выше, вступилъ въ подчиненіе ген. Зарубаеву. Авангардъ 4-го Сибирскаго

корпуса, въ составѣ 8 батальоновъ 2-й Сибирской пѣхотной дивизіи, подъ начальствомъ ген. Левестамма, выдвинуть быль впередъ къ деревнѣ Сяліухедзы, откуда вытѣсниль японскіе передовые посты, прогнавъ къ дер. Саніюпизанъ; главныя силы корпуса заняли Хаматанъ. Отрядъ ген. Мау (8 батальоновъ 31-й дивизіи) занялъ дер. Нансанъ, а также высоты къ юго-западу, извѣстныя подъ названіемъ подковообразнаго массива. Бригада ген. Мищенко, производившая развѣдки по направленію Янтайскихъ каменноугольныхъ копей, возвратилась затѣмъ обратно въ Сяліухедзы. Всѣ войска окопались на занятыхъ ими мѣстахъ.

Позади центра расположены были войска 1-го армейскаго корпуса, служившаго стратегическимъ резервомъ командующаго арміей; главныя силы этого корпуса заняли линію Люанфантунъ—Эрдагоу, занявъ бригадой 37-й дивизіи дер. Тунсанхо. Такимъ образомъ мы видимъ, что распредѣленіе войскъ Западнаго отряда, центра и резерва къ вечеру 9-го октября представляется въ слѣдующемъ видѣ: передовые посты расположены по линіи Тадусанпу—Эртайдзы—Вулитайдзы—Кушидзы—Саніюпизанъ; авангарды—3-я дивизія, 2-я бригада 31-й дивизіи, 1-я бригада 31-й дивизіи (отрядъ ген. Мау), 1-я бригада 2-й Сибирской пѣхотной дивизіи (ген. Левестаммъ) и казаки ген. Мищенко—на Шилихе, между Панкіацзы и Сяліухедзы; главныя силы—35-я дивизія (17-й корпусъ), 9-я дивизія (10-й корпусъ), половина 37-й дивизіи (1-й армейскій корпусъ) и 3-я Сибирская пѣхотная дивизія (4-й Сибирскій корпусъ)—по линіи Ченліутхангоу—Хунпаншанъ—Тунсанхо—Хаматанъ. Стратегическій резервъ—отрядъ ген. Дембовскаго, $\frac{3}{4}$ 6-го Сибирскаго корпуса и $\frac{3}{4}$ 1-го армейскаго корпуса—быль расположенъ къ сѣверу отъ линіи Шахе у Синтайдзы, Шаукіалиндзы, Люанфантуня и Эрдагоу; наконецъ, 1 бригада 6-го Сибирскаго корпуса оставалась какъ гарнизонъ укрѣпленій Мукдена.

Характерной особенностью руководства войсками въ бояхъ какъ этого дня, такъ и послѣдующихъ дней, является опять постоянное вмѣшательство командующаго арміей въ распоряженія его помощниковъ: ген. Зарубаеву указаны были силы и составъ авангарда ген. Левестамма; обозначена

была даже и бригада, которой слѣдовало занять высоты между деревнями Сяліухедзы и Танхайши; для этой послѣдней задачи ему подчиненъ былъ отрядъ ген. Мау. „Общее руководство дѣйствіями обѣихъ этихъ бригадъ я поручаю вамъ“, указывалъ ген. Куропаткинъ ген. Зарубаеву; тѣмъ не менѣе ген. Мау вслѣдъ затѣмъ получилъ непосредственное приказаніе ген. Куропаткина занять подковообразный массивъ, при чемъ командующій арміей указываетъ подробно направленіе движенія и распределеніе войскъ для этой операціи. При такихъ условіяхъ какъ отъ ген. Зарубаева, такъ и отъ ген. Мау отнималась всякая возможность какихъ-нибудь самостоятельныхъ распоряженій. До атаки дѣло не доходило, но безпорядокъ и замѣшательство были бы неизбежны при такой путаницѣ распоряженій, если бы приходилось ими руководствоваться при атакѣ. Впрочемъ, не одинъ только командующій арміей грѣшилъ постояннымъ вмѣшательствомъ въ кругъ дѣйствій своихъ подчиненныхъ; это свойственно было большей части русскихъ войсковыхъ начальниковъ, которые постоянно также вмѣшивались въ распоряженія своихъ помощниковъ. Къ такому порядку привыкли еще въ мирное время, и многіе признавали такой порядокъ вполне понятнымъ, даже желательнымъ, потому что это освобождало отъ отвѣтственности за самостоятельное рѣшеніе. Конечно, на такой почвѣ не могли процвѣтать энергія дѣйствій и готовность нести отвѣтственность за самостоятельное рѣшеніе.

Совершенно иное мы видимъ на сторонѣ японцевъ. 9-го октября вечеромъ ген. Ойяма передалъ своимъ арміямъ соотвѣтствующія директивы для начала наступательныхъ дѣйствій на 10-е октября. 1-я армія должна была съ 12-й пѣхотной дивизіей и бригадой Умецавы отразить атаку войскъ Восточнаго отряда; для этого главныя силы должны были наступать на Фенкіяпу, выждавъ, однако, съ атакой, пока 4-я японская армія займетъ деревню Вулитайцы. Такимъ образомъ этимъ 1½ дивизіямъ дана была все же задача наступательная, такъ какъ онѣ должны были атаковать по направленію Сяшисяоцзы, но это оказалось невозможнымъ въ виду подавляющаго превосходства силъ на сторонѣ войскъ Восточ-

наго отряда. 4-й арміи указано было направленіе на Нингуантунь, 2-й арміи—на Панкіаопу—Тайпиншуань; здѣсь 2-я армія должна была предоставить своему лѣвому флангу быстро двинуться впередъ для того, чтобы охватить флангъ русской позиціи, но въ то же время резервъ этой арміи удерживается за правымъ флангомъ. Во всемъ прочемъ командующимъ арміями предоставлена была полная свобода дѣйствій для достиженія поставленной имъ общей цѣли. Точно также ген. Куроки со своей стороны предоставилъ такую же свободу дѣйствій начальнику 12-й дивизіи ген. Инуйе справиться со своей трудной задачей такъ, какъ онъ найдетъ лучшимъ. Какъ, дѣйствительно, обернулось бы положеніе на правомъ флангѣ японцевъ, если бы ген. Ойяма, по примѣру русскаго командующаго арміей, вздумалъ вмѣшиваться въ ходъ операцій на этомъ флангѣ и давать указанія издали, не зная обстановки! Японскій командующій арміей предпочелъ довѣриться своимъ помощникамъ, и это довѣріе было вполне умѣстно и оправдало себя.

Операція, задуманная японскимъ главнокомандующимъ, указываетъ на значительную съ его стороны рѣшимость, самоотверженность и готовность къ отвѣтственности. Если бы 20 батальонамъ ген. Инуйе, имѣвшему противъ себя въ 4—5 разъ превосходящія силы ген. Штапельберга и Ренненкампа, не удалось выйти побѣдителемъ, тогда арміямъ, выдвинутымъ далеко на сѣверъ, грозила гибель. Утверждаютъ, что ген. Ойяма не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ опасности, угрожавшей его правому флангу, въ противномъ случаѣ онъ бы оставилъ тамъ болѣе значительныя силы. Я полагаю, что онъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ вполне сознательно. Дѣло въ томъ, что ген. Ойяма вполне уже уяснилъ себѣ неподготовленность русскихъ войскъ для дѣйствій въ горахъ. Онъ имѣлъ полное право надѣяться, что на трудно доступныхъ горныхъ перевалахъ японцамъ удастся удержаться даже противъ значительно превосходныхъ русскихъ войскъ, а тѣмъ временемъ наступающимъ къ Мукдену арміямъ удастся одержать рѣшительную побѣду; поэтому надо признать вполне рациональнымъ его стремленіе собрать въ этомъ рѣшительномъ

направленіи все, чѣмъ онъ только могъ располагать въ это время.

Тѣмъ не менѣе въ этомъ планѣ дѣйствій видна большая смѣлость, тѣмъ болѣе, что на сторонѣ этихъ главныхъ силъ, направленныхъ на сѣверъ, къ Мукдену, никоимъ образомъ не имѣлось численнаго превосходства. Въ исторіи русскаго генеральнаго штаба говорится въ заключеніи 5-й главы о Шахейской операціи слѣдующее: „Такимъ образомъ японскій главнокомандующій оставилъ на своемъ правомъ флангѣ относительно весьма слабыя силы для отраженія атакъ Восточнаго отряда, а со всѣми остальными силами,—около 8 дивизій и 2 резервныхъ бригадъ,—рѣшилъ обрушиться 10-го октября на 5 дивизій Западнаго отряда“.

Выходитъ, такимъ образомъ, согласно приведенному изложенію русскаго генеральнаго штаба, что японцы въ указанномъ направленіи имѣли на своей сторонѣ значительное превосходство въ силахъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности здѣсь имѣлось у японцевъ 7 дивизій по 12 батальоновъ; кромѣ того въ составѣ 4-й арміи имѣлись 2^{1/2} резервныхъ бригады, въ числѣ 15 батальоновъ, а въ составѣ 1-й арміи имѣлся резервный полкъ въ числѣ 2 батальоновъ, затѣмъ въ общемъ резервѣ оставались 3 резервныхъ бригады съ 1 полевой батареей. Въ общемъ, всего японскихъ войскъ, направленныхъ на сѣверъ, было, такимъ образомъ, около 120 батальоновъ.

Этимъ войскамъ съ русской стороны противостояли 10-го октября слѣдующія силы: въ первой линіи не менѣе 5 дивизій по 16 батальоновъ; за этими дивизіями, въ резервѣ или для прикрытія фланговъ, находилось также не менѣе 5 дивизій, готовыхъ оказать немедленную поддержку. Такимъ образомъ, на русской сторонѣ, на которую „обрушивались“ японцы, имѣлось 158 батальоновъ, которые притомъ расположены были на укрѣпленныхъ позиціяхъ. Если даже признать, что японскіе батальоны сильнѣе были по числу штыковъ, то, во всякомъ случаѣ, общая численность русскихъ войскъ была здѣсь не меньше, чѣмъ у японцевъ. Но дѣло въ томъ, что японскій главнокомандующій не боялся принять рѣшеніе, въ результатѣ

котораго могла быть гибель, но съ честью. Онъ именно обладалъ душевной силой, безъ которой побѣда немислима.

10-го октября не произошло никакого рѣшительнаго сраженія. 2-я и 4-я японскія арміи ограничились въ этотъ день тѣмъ, что отбросили передовые посты русскихъ съ занятыхъ ими наканунѣ позицій. 2-я армія японцевъ, которая своей 3-й дивизіей наступала западнѣе желѣзной дороги, отгѣснила назадъ выдвинутыя передовыя части 17-го армейскаго корпуса изъ Тадусанпу, Эргайцзы и Шуантайцзы. Изъ 4-й арміи, наступавшей вдоль Мандаринской дороги, 5-я дивизія ввязалась въ серьезный бой съ передовыми отрядами полк. Грулева (17-й корпусъ) и полк. Соломко (10-й корпусъ), и только послѣ усиленія этой дивизіи бригадой 10-й японской дивизіи ей удалось овладѣть деревнями Улитайцзы, Кушунцзы и высотами, находящимися между этими деревнями. Русскія передовыя войска отступили на линію Шилихе, гдѣ заняла позицію 3-я пѣхотная дивизія на участкѣ между деревнями Ланцзытай и Шилихе; далѣе къ востоку до Факиатуня занималъ укрѣпленную позицію авангардъ ген. Рябинкина отъ 10-го корпуса. На правомъ флангѣ этой позиціи находился отрядъ полк. Стаховича (5 эскадроновъ 52-го драгунскаго полка, 1 батальонъ Пековскаго полка и 4 орудія), который отступилъ передъ тѣмъ изъ Тадусанпу въ Яндіавань. Далѣе къ западу, у Ликиатуня, находилась конница ген. Грекова.

Полк. Грулевъ въ своихъ воспоминаніяхъ выражается слѣдующимъ образомъ о результатахъ боевъ 10-го октября на фронтѣ 17-го корпуса: „Такимъ образомъ всѣ 3 авангарда Стаховича, де-Витта и мой, высланные впередъ 9-го октября, чтобы притянуть на себя силы японцевъ и облегчить положеніе Восточнаго отряда ген. Штакельберга, теперь отзываются назадъ, и мы уже отступаемъ. Какъ никакъ, а все же мы заняли *съ бою* цѣлый рядъ передовыхъ пунктовъ—Тадусанпу, Эльтхайза, Цунлунянтунь, Улитайцзы, которые мы теперь почему-то очищаемъ. Вѣдь намъ непременно придется опять завоевывать эти пункты цѣною новыхъ жертвъ“.

Въ расположеніи остальныхъ войскъ Западнаго отряда, точно также и войскъ 6-го Сибирскаго корпуса и отряда ген.

Дембовскаго, не произошло никакихъ измѣненій. Всѣ эти войска усердно заняты были укрѣпленіемъ своихъ позицій.

Японскія войска на ихъ правомъ флангѣ, гвардія и 2-я дивизія 1-й арміи оставались сначала на своей укрѣпленной позиціи между перевалами Ченгоулинъ и Янтайскими каменноугольными копами, вслѣдствіе чего на фронтѣ русскаго центра дѣйствія ограничивались только развѣдками и артиллерійской перестрѣлкой. Также и здѣсь русскія войска продолжали работать надъ укрѣпленіемъ своихъ позицій.

Главные силы 4-го Сибирскаго корпуса (3-я Сибирская пѣхотная дивизія) получили тѣмъ временемъ приказаніе подвинуться впередъ, южнѣ Сялүхедзы, и присоединиться къ авангарду ген. Левестамма, находившемуся на высотахъ у Саніюшизана. Ген. Зарубаеву ген. Куропаткинъ въ 11 час. вечера далъ приказаніе, въ которомъ, между прочимъ, указывалось: „Представить соображенія для овладѣнія высотой восточнѣ Тзянтуня, приложивъ къ этимъ соображеніямъ соответствующіе кроки и планъ необходимой подготовки этой атаки какъ по части артиллерійской, такъ и инженерной и генеральнаго штаба“. Это, пожалуй, совсѣмъ новое слово, чтобы въ разгаръ полевого боя, когда дорога каждая минута, мѣняется обстановка боя и можетъ привести къ необходимости новыхъ рѣшеній, требовать представленія памятныхъ записокъ и составленія кроки и плана атаки такихъ мѣстныхъ предметовъ, которые въ сущности не имѣютъ никакого важнаго значенія.

Какъ въ войскахъ Восточнаго отряда, такъ и на фронтѣ Западнаго отряда 11-е и 12-е октября явились рѣшительными. Русскія войска показали себя здѣсь стойкими при пассивной оборонѣ своихъ позицій. Но эти жертвы оказывались совершенно напрасными при недостаткѣ у войсковыхъ начальниковъ необходимой инициативы дѣйствій и рѣшимости доводить бой до побѣднаго конца.

Приостановка наступательныхъ дѣйствій на фронтѣ Западнаго отряда, рядомъ съ медлительнымъ, становившимся все болѣе вялымъ, наступленіемъ войскъ Восточнаго отряда, привела къ тому, что между обѣими этими группами войскъ, которыя должны были дѣйствовать въ тѣсной связи рука объ

руку, образовался большой промежутокъ, который точно приглашалъ японцевъ для производства соответствующаго прорыва.

За серединой этого интервала находился стратегическій резервъ командующаго арміей—4-й Сибирскій и 1-й армейскій корпуса и отрядъ ген. Мищенко,—который занялъ это мѣсто въ бою не для того, чтобы оказать поддержку своимъ войскамъ для производства рѣшительной атаки, а для того лишь, чтобы закрыть образовавшійся пустой интервалъ. Если бы всѣ эти войска были вполне цѣлесообразно употреблены въ дѣло, то атака японцевъ могла быть, по крайней мѣрѣ, побѣдно-отражена, но такое употребленіе резервовъ совсѣмъ не вяжется съ принципами русской тактики въ бою: русскимъ не свойственно было вводить въ бой весь резервъ безъ остатка, для достиженія побѣды. *Обыкновенное пользованіе резервомъ со стороны русскихъ войсковыхъ начальниковъ заключалось въ томъ, что заимствовались небольшія части резерва, которыя вводились въ бой то здѣсь, то тамъ, главнымъ образомъ, чтобы заткнуть гдѣ-нибудь образовавшуюся дыру, черезъ которую могъ прорваться непріятель, и израсходовать остатки резерва только тогда, когда войска боевой линіи были уже разбиты и являлась необходимость прикрыть отступленіе, принимая на себя разбитыя войска.*

Когда я въ этотъ день выразилъ мое недоумѣніе одному изъ высшихъ офицеровъ 10-го корпуса, что въ резервѣ держится сильная артиллерія, тогда какъ впереди, въ боевой линіи, небольшое число батарей уже почти разстрѣляно, то онъ совершенно не понялъ моего удивленія. Отвѣтъ его гласилъ приблизительно слѣдующее: „Что же изъ этого? Вѣдь въ этомъ-то и вся выгода, что у насъ имѣются еще свѣжія батареи въ то время, какъ въ боевой линіи артиллерія уже выведена изъ строя; если бы у насъ этихъ батарей въ резервѣ не было, то дѣло наше было бы плохо“. Таковъ былъ, вообще, духъ и принципъ пользованія резервами: они вводились въ дѣло малыми посылками для оказанія частной поддержки, смѣны разбитыхъ войскъ, прикрытія отступленія. Это тотъ же духъ и принципы, которые завоевали ген. Куропаткину репутацію

„мастера отступленія“, вмѣсто того, чтобы предпочесть репутацію „мастера побѣдъ“ на поляхъ сраженій...

Въ общемъ, русскіе войсковые начальники были не чужды правильныхъ взглядовъ на принципы руководительства войсками въ бою; но имъ недоставало свободы инициативы и готовности взять на себя отвѣтственность, чтобы примѣнить эти взгляды на практикѣ. Когда 9-го октября ген. Куропаткинъ предоставилъ командиру 6-го Сибирскаго корпуса ген. Соболеву оказать поддержку войскамъ Западнаго отряда, то онъ ему напомнилъ при этомъ, что эта поддержка должна быть оказана отнюдь не малыми частями, а непременно крупными, по возможности, не дробить бригады и дивизіи; но когда ген. Куропаткину приходилось вводить въ дѣло собственный стратегическій резервъ, то онъ постоянно ограничивался малыми посылками, нарушая всякую организаціонную связь частей войскъ.

Дѣйствія 11-го—13-го октября въ центрѣ. Мы видѣли выше, что къ 10-му октября въ интервалъ, образовавшійся между лѣвымъ флангомъ 10-го армейскаго корпуса у Фанкіа-туня и правымъ флангомъ 1-го Сибирскаго корпуса у Ченгоулинскаго перевала, постепенно введены были слѣдующія войска: отрядъ ген. Мау, подчиненный командиру 4-го Сибирскаго корпуса, занявшій высоты между деревней Танхайши и Сяліухедзы; авангардъ 4-го Сибирскаго корпуса подъ начальствомъ ген. Левестамма, расположившійся на позиціи у Санчжизана и Сяліухедзы и южнѣе этого пункта; казачья бригада ген. Мищенко, которая 11-го октября вступила въ бой восточнѣе позиціи ген. Левестамма; затѣмъ 4-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ, служившій вмѣстѣ съ тѣмъ фланговымъ прикрытіемъ для 1-го Сибирскаго корпуса, но отъ послѣдняго отошелъ къ Панкіяцзы; наконецъ конница 1-го Сибирскаго корпуса подъ начальствомъ ген. Грекова (Митрофана), которая должна была поддерживать связь между войсками обѣихъ отрядовъ Западнаго и Восточнаго, но во все время этой операціи ничѣмъ себя не проявила.

Къ этимъ войскамъ 11-го октября прибавилось 6 батальоновъ 3-й Сибирской пѣхотной дивизіи (10-й и половина 9-го

полка) подъ начальствомъ ген. Шилейко. Эти послѣдніе батальоны должны были по приказанію командующаго арміей двинуться черезъ Панкіадзы къ Ченгоулинскому перевалу съ цѣлью поддержать 1-й Сибирскій корпусъ въ его атакѣ переваловъ, но въ виду того, что 11-го октября послѣдовала атака японской гвардіи на высоты южнѣе дороги Сяліухедзы—Инченпу, то отъ упомянутой выше задачи пришлось отказаться и батальоны были задержаны для того, чтобы совмѣстно съ 4-мъ Восточно-Сибирскимъ стрѣлковымъ полкомъ отразить атаки японцевъ на высоты южнѣе Панкіадзы. Главныя силы 4-го Сибирскаго корпуса (10 батальоновъ 3-й Сибирской пѣхотной дивизіи) притянуты были на позицію сѣвернѣе Сяліухедзы. Главныя силы 1-го армейскаго корпуса (22-я дивизія и половина 37-й дивизіи) притянуты были на позицію сѣвернѣе Тунсанхо; въ то же время авангардъ этого корпуса (1-я бригада 37-й дивизіи) въ теченіе дня постепенно введенъ былъ въ бой.

На разсвѣтъ 11-го октября японская гвардія и 2-я дивизія повели свою атаку на русскій центръ. Жестокій бой разгорѣлся на позиціяхъ ген. Мау, на сопкѣ съ башней и на высотахъ южнѣе дороги Сяліухедзы—Инченпу, которыя оборонялись упомянутыми выше войсками 4-го Сибирскаго корпуса, казачьей бригадой ген. Мищенко и 4-мъ Восточно-Сибирскимъ стрѣлковымъ полкомъ. Русскія войска въ этомъ районѣ не уступали численностью японцамъ; кромѣ того оборонялись весьма мужественно, мѣстами переходили даже къ встрѣчнымъ ударамъ и въ отрядѣ ген. Мищенко достигали даже нѣкоторыхъ успѣховъ.

На сторонѣ японцевъ, дѣйствовавшихъ на фронтѣ 4-го Сибирскаго корпуса, положеніе временами было очень серьезное, такъ что если бы съ русской стороны послѣдовала энергичная встрѣчная атака, то едва ли японцы могли бы противостоять ей. Тѣмъ не менѣе все же русскіе вынуждены были въ концѣ концовъ очистить свои позиціи. Причина этой неудачи заключается въ отсутствіи съ русской стороны рациональнаго руководства боемъ. Батальоны разрозненно вступали въ бой то здѣсь, то тамъ; резервы вводились въ бой малыми дозами, нигдѣ мы не видимъ введенія въ бой значительныхъ

массъ войскъ. Въ результатѣ боя, при наступленіи темноты, оказалось, что японцы овладѣли въ общемъ всѣми высотами, но русскіе, однако, еще удерживались на сѣверныхъ склонахъ этихъ высотъ. Принимая во вниманіе значительныя потери, понесенныя войсками 4-го Сибирскаго корпуса, ген. Зарубаевъ приказалъ войскамъ ночью отступить на высоты сѣвернѣ долины Сяліухедзы—Инченпу.

Главные бои въ центрѣ вращались около сопки съ кумирней, которая оборонялась 8 батальонами 121-го и 122-го полковъ и 2 батареи подъ начальствомъ ген. Мау. Со стороны японцевъ на эту сопку вела атаку 15-я бригада 2-й японской дивизіи въ составѣ 6 батальоновъ. Въ этомъ бою мы снова встрѣчаемся съ своеобразными приѣмами командованія войсками со стороны командующаго Манчжурской арміей, т. е. его игнорированіе командной роли войсковыхъ начальниковъ. Дѣло въ томъ, что ген. Мау, какъ это упомянуто было выше, подчиненъ былъ ген. Зарубаеву; такъ какъ отрядъ ген. Мау съ утра отстрѣливался только отъ артиллерійскаго огня японцевъ, тогда какъ 4-й Сибирскій корпусъ, оборонявшійся на высотахъ южнѣ Сяліухедзы, былъ сильно тѣснимъ противникомъ, то ген. Зарубаевъ приказалъ ген. Мау наступать впередъ для того, чтобы атаковать непріяеля, охватывающаго правый флангъ ген. Левестамма у Санчжизана. Также и ген. Левестамъ самъ настоятельно просилъ ген. Мау „быстро двинуться впередъ“, чтобы прикрыть его флангъ. Но одновременно ген. Мау получилъ также *непосредственное* приказаніе отъ ген. Куропаткина „упорно обороняться на занятой позиціи, но воздержаться отъ наступленія впередъ“...

Ген. Мау, который, по выраженію исторіи русскаго генеральнаго штаба, „естественно тяготилъ къ своему 10-му корпусу“, предпочелъ, конечно, слѣдовать послѣднему приказанію, полученному отъ командующаго арміей. Подъ прикрытіемъ сильнаго артиллерійскаго огня около полудня начала свою атаку 15-я японская бригада. Полки ген. Мау не могли долго противостоять неистовымъ атакамъ японцевъ и въ концѣ концовъ вынуждены были отступить на сѣверные склоны подковообразнаго массива у Нанзана. Это отступленіе отряда ген.

Мау послужило также главной причиной тому, что и 4-й корпус не могъ дольше держаться на своей позиціи на высотахъ южнѣе дороги Сялѣхедзы—Инченпу и отступилъ.

Со стороны командующаго арміей и его штаба, между тѣмъ, ничего не предпринималось, чтобы поддержать свой центръ и предотвратить его пораженіе. Послѣ полудня ген. Мау получилъ указаніе отъ ген. Куропаткина, что 2 батальона 145-го полка направлены „не на сопку съ кумирней, а для лучшаго прикрытія его праваго фланга“ направляются на Санкайзекизанъ. Эта послѣдняя высота находилась, однако, въ разстояніи трехъ километровъ позади за правымъ флангомъ позиціи отряда ген. Мау, такъ что посланные войска не могли служить для его поддержки, а могли только заполнить собою промежутокъ, образовавшійся между флангомъ его отряда и позиціей 10-го корпуса. Нѣсколько позднѣе командующій арміей направилъ на поддержку ген. Мау еще три батальона 146-го полка, но прибыли эти батальоны только къ вечеру, когда на сопкѣ съ кумирней успѣли уже утвердиться японцы.

Въ ночь на 12-е октября 10-я японская дивизія повела атаку на Санкайзекизанъ, который оборонялся 5 батальонами 1-й бригады 37-й дивизіи съ двумя батареями подъ общимъ начальствомъ ген. Мандрыка. Послѣ жестокаго кровопролитнаго боя, который обѣимъ сторонамъ стоилъ значительныхъ жертвъ, позиціей этой овладѣли японцы, имѣвшіе на этотъ разъ въ видѣ исключенія превосходство въ силахъ на своей сторонѣ, при чемъ имъ удалось захватить также 2 русскихъ орудія.

Такимъ образомъ, къ утру 12-го октября русскія войска центра были вытѣснены изъ всѣхъ занимавшихся ими позицій. Отступление войскъ 4-го Сибирскаго корпуса, послѣдовавшее согласно полученному имъ приказанію, произведено было въ ночь на 12-е октября частью подъ сильнымъ натискомъ японцевъ.

Относительно критической оцѣнки боевъ центра 12-го октября, въ отношеніи русскихъ можно замѣтить, что мы встрѣчаемся здѣсь съ обычными недостатками: отсутствіе продуман-

наго, цѣлесообразнаго плана, отсутствіе твердаго руководства войсками въ бою, крайнее дробленіе войскъ, введеніе резервовъ въ бой ничтожными силами и т. д. Въ результатъ, пришлось сдать японцамъ также и высоты восточнѣе Сяліухедзы и сѣверную часть подковообразнаго массива (Нанзанъ). Однако и японцы (гвардія, 2-я и 10-я дивизіи) понесли большія потери, достигнувъ, между тѣмъ, незначительныхъ успѣховъ. Все же 1-й гвардейской бригадѣ удалось охватить у Какорейзана лѣвый флангъ русской позиціи, т. е. отрядъ ген. Мищенко и 4-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ. Такимъ образомъ и здѣсь получился прорывъ между войсками центра и Восточнаго отряда, но использовать для себя этотъ прорывъ японцы были не въ силахъ, тѣмъ болѣе, что, согласно полученнымъ ими свѣдѣніямъ, около Вайтаушаня и двугорбой сопки, находившейся за этимъ прорывомъ, сосредоточивались значительныя массы русскихъ войскъ.

Это были войска 2-го Сибирскаго корпуса, которыя ген. Штакельбергъ направлялъ туда по приказанію ген. Куропаткина для поддержки ген. Зарубаева. Опять мы встрѣчаемся въ этомъ случаѣ съ характернымъ образомъ дѣйствій со стороны командующаго Манчжурской арміей. Ген. Куропаткинъ все еще продолжалъ ожидать побѣдныхъ извѣстій отъ Восточнаго отряда, отъ успѣха котораго зависѣла, собственно, участь всей задуманной операціи, и несмотря на то, что для поддержки 4-го Сибирскаго корпуса ген. Куропаткинъ имѣлъ еще въ своемъ распоряженіи 1½ дивизіи 1-го армейскаго корпуса, онъ, тѣмъ не менѣе, отнимаетъ отъ ген. Штакельберга весь его резервъ. Изъ этого можно заключить, что теперь уже, хотя отъ ген. Штакельберга не было еще ни одного неблагоприятнаго донесенія, — ген. Куропаткинъ отказывается отъ достиженія побѣды, и всѣ его мѣропріятія клонятся только къ тому, чтобы предотвратить возможность пораженія.

Послѣ того, какъ утромъ 12-го октября введена была въ дѣло 2-я бригада 37-й дивизіи, чтобы поддержать отрядъ ген. Мандрыка, отступившій отъ Санкайзекизана, командующій Манчжурской арміей убѣдился, наконецъ, послѣ полудня въ трудномъ положеніи 4-го Сибирскаго корпуса и призналъ

необходимымъ ввести въ бой и 22-ю дивизию. 88-й полкъ этой дивизіи ген. Куропаткинъ удержалъ у себя въ видѣ резерва; остальные 3 полка вмѣсто того, чтобы воспользоваться всеми ими для производства сильного встрѣчнаго удара противъ японцевъ, были опять раздроблены и разбросаны по разнымъ направлѣніямъ.

Вечеромъ 12-го октября войска центра заняли линію Сан-кїяцзы—Хаматанъ—высоты восточнѣе Янзанзай.

13-го октября войска русскаго центра находились въ тяжеломъ положеніи. Вслѣдствіе отступленія Западнаго отряда за линію рѣки Шахе, а также вслѣдствіе начатаго отступленія войскъ Восточнаго отряда, позиціи центра оказались выдвинутыми впередъ и вполнѣ подверженными охвату съ обоихъ фланговъ. Правда, войска атакующихъ были значительно ослаблены тѣмъ, что 3-я бригада 2-й дивизіи Матсунага должна была быть отправлена для поддержки 12-й дивизіи, оборонявшей Чаусанлинскій перевалъ, гдѣ эта бригада производила безрезультатныя атаки противъ нѣкоторыхъ батальоновъ Восточнаго отряда, зато, съ другой стороны, пораженіе войскъ Западнаго отряда дало возможность японскому главнокомандующему обратить для дѣйствій противъ русскаго центра также и 5-ю дивизию изъ состава 4-й арміи; по всей вѣроятности въ этомъ направленіи, для дѣйствій противъ центра, двинуты были также нѣкоторыя резервныя войска бригады Коби.

Хотя на своемъ лѣвомъ флангѣ японцы и одержали извѣстный успѣхъ, противъ войскъ 37-й дивизіи 1-го корпуса, а также на фронтѣ позиціи отряда ген. Мау и 4-го Сибирскаго корпуса, тѣмъ не менѣе силы атакующаго все же слабѣли въ виду понесенныхъ значительныхъ потерь, а также въ виду наступавшаго утомленія войскъ. На правомъ флангѣ 1-я гвардейская бригада даже вынуждена была къ отступленію, благодаря 85-му пѣхотному полку, явившемуся на поддержку отряда ген. Мищенко. На этомъ флангѣ русскія войска могли бы одержать еще болѣе значительный успѣхъ, если бы въ этомъ направленіи произведена была энергичная атака со стороны войскъ 2-го Сибирскаго корпуса черезъ Вайтаушанъ на Како-

рейзанъ, гдѣ находилась 3-я японская гвардейская бригада, прикрывавшая флангъ японской гвардіи.

Но задачи этого корпуса непрерывно мѣнялись командующимъ арміей: то нѣкоторыя войска подчинялись ген. Зарубаеву, то они отходили въ подчиненіе ген. Штакельбергу, то войскамъ отдавалось приказаніе двинуться въ контръ-атаку противъ японцевъ, то имъ приказывалось оборонять занятыя позиціи, поэтому, когда, наконецъ, утромъ 13-го получено было приказаніе ген. Куропаткина двинуться въ атаку противъ праваго фланга японской гвардіи,—оставлены были въ разныхъ мѣстахъ на занятыхъ позиціяхъ слѣдующія части: полубатальонъ у Вайтаушаня, 1 батальонъ восточнѣе этого послѣдняго на двугорбой сопкѣ, 6 батальоновъ съ 1 батареей еще сѣвернѣе деревни Вайтаушань. Такимъ образомъ, изъ 14 батальоновъ, которыми можно было двинуться въ атаку, въ эту послѣднюю направились *только 6*, подъ начальствомъ ген. Алексѣева, по направленію черезъ Вайтаушань на Какорейзанъ. Находившійся у этого послѣдняго 3-й японскій гвардейскій полкъ атаки не принялъ и отступилъ, такъ что ген. Алексѣевъ очутился въ тылу японской гвардіи. Не трудно себѣ представить, какой оборотъ приняло бы здѣсь положеніе дѣла, если бы 2-й Сибирскій корпусъ со всѣми своими силами предпринялъ въ этомъ направленіи рѣшительную атаку. Въ дѣйствительности, однако, случилось слѣдующее: едва лишь 6 батальоновъ ген. Алексѣева достигли Какорейзана, какъ они получили приказаніе *возвратиться назадъ* и стать резервомъ у Вайтаушаня. Дѣло въ томъ, что какъ разъ въ это время ген. Штакельбергъ получилъ приказаніе командующаго арміей „сосредоточить всѣ войска Восточнаго отряда и занять ими такую позицію, которая могла бы служить прикрытіемъ для лѣваго фланга арміи“...

Около полудня 13-го октября ген. Зарубаевъ получилъ приказаніе отъ командующаго арміей, въ которомъ сообщалось объ отступленіи Западнаго отряда за линію рѣки Шахе и вмѣстѣ съ тѣмъ указывалось отойти на позицію къ сѣверу „по его усмотрѣнію“. Небольшой успѣхъ на лѣвомъ флангѣ центра далъ, однако, возможность 4-му Сибирскому корпусу

съ наступленіемъ темноты отступить на Фанкіяпу безъ помѣхи со стороны противника. Въ ближайшіе дни войска корпуса заняли позицію на высотахъ между Фанкіяпу и Эрдагоу, на которой уже не подвергались атакамъ японцевъ.

На южномъ берегу рѣки Шахе остались затѣмъ, въ связи съ лѣвымъ флангомъ позицій 10-го корпуса, части 1-го армейскаго корпуса (37-я дивизія и части 22-й дивизіи), занимавшія треугольникъ Новгородская сопка—Тунсанцзы—Хсинлунтунь, а также отрядъ ген. Мищенко, который 14-го октября перешелъ на сѣверный берегъ Шахе и примкнулъ къ войскамъ 4-го Сибирскаго корпуса. Изъ войскъ 1-го армейскаго корпуса, вошедшаго въ составъ резерва командующаго арміей, выдѣлены были затѣмъ 3 полка 22-й дивизіи, которые приняли участіе въ бою за Новгородскую сопку. Бригада ген. Мау 15-го октября присоединилась, наконецъ, къ своему 10-му корпусу, который, между тѣмъ, наканунѣ, 14-го октября, успѣлъ понести весьма чувствительное пораженіе.

Необходимо замѣтить, что въ центрѣ русской арміи командовали войсками ген. Зарубаевъ, Мищенко и баронъ Мейендорфъ, которые пользовались репутаціей лучшихъ генераловъ въ Манчжурской арміи. Быть можетъ русскія войска и имѣли бы здѣсь успѣхъ, если бы командующій арміей съ самаго начала подчинилъ извѣстную часть войскъ одному хотя бы заурядному генералу и предоставилъ ему самому выполнение опредѣленной задачи *безъ всякаго вмѣшательства въ его распоряженія*. Но въ томъ-то и дѣло, что частичное отступление въ центрѣ не было настолько причиной общей неудачи, сколько постоянныя противорѣчивыя приказанія ген. Куропаткина, путавшія дѣйствія Восточнаго и Западнаго отрядовъ.

11-е—13-е октября въ Западномъ отрядѣ. Подобно тому, какъ мы видѣли въ дѣйствіяхъ Восточнаго отряда, точно также мы находимъ повтореніе этого и въ войскахъ Западнаго отряда ген. Бильдерлинга, гдѣ 11-го—12-го октября также совершился *переходъ отъ наступленія къ отступленію*. Не лишнее, однако, возстановить въ памяти расположеніе русскихъ войскъ 11-го октября въ Западномъ отрядѣ. Послѣ оставленія передовыхъ позицій къ югу отъ Шилихе 10-го октября части

3-й дивизіи 17-го корпуса подъ начальствомъ ген. Янжула, а также 2-я бригада 31-й дивизіи 10-го корпуса подъ начальствомъ ген. Рябинкина расположены были на сильно укрѣпленной „авангардной“ позиціи на Шилихе, а именно: дивизіи ген. Янжула занимала окопы между Ланзытай и деревней Шилихе; бригада ген. Рябинкина расположена была восточнѣе. Правый флангъ участка позиціи на Шилихе прикрывался отрядомъ полк. Стаховича въ составѣ батальона, 5 эскадроновъ и 2 орудій и расположенъ былъ у Яндяваня; далѣе, къ западу, стояла казачья бригада ген. Грекова. Въ четырехъ километрахъ позади упомянутой авангардной позиціи расположены были 35-я дивизія 17-го корпуса и 9-я дивизія 10-го корпуса, которыя также занимали укрѣпленную позицію, носившую названіе „главной“ позиціи, которая простиралась по линіи Ченліутхангоу—Нингуантунъ; затѣмъ, южнѣе Шахе, находилась еще такъ называемая „тыловая“ позиція, которая въ ту минуту войсками не занималась. „Боже мой, сколько позицій!“—воскликаетъ по этому поводу въ своихъ воспоминаніяхъ полк. Грулевъ, „и все это при наступленіи“. За правымъ флангомъ Западнаго отряда расположены были уступами войска 6-го Сибирскаго корпуса, занимавшія треугольникъ Ланшанцу—Пентянцзы—Шаукіянлинцзы, а еще западнѣе находился отрядъ ген. Дембовскаго у Сянтайцзы.

Несмотря на то, что очищеніе передовыхъ позицій 10-го октября послѣдовало, вообще, согласно указаніямъ самого командующаго арміей „никоимъ образомъ не ввязываться въ упорный бой“,—тѣмъ не менѣе ген. Куропаткинъ приказываетъ 11-го октября обоимъ упомянутымъ корпусамъ „снова занять позиціи, которыя занимались передовыми частями наканунѣ“. При этомъ, однако, командирамъ корпусовъ предоставлено *подкрѣпить авангарды войсками главныхъ силъ*. Мы видимъ, такимъ образомъ, что, по разумѣнію командующаго арміей, командиры корпусовъ не могли, по собственному усмотрѣнію, подкрѣплять свои авангарды, когда они находили это нужнымъ. Помимо этого трудно понять, какой, вообще, смыслъ былъ во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ. Повидимому не предполагалось обороняться на этихъ передовыхъ позиціяхъ, такъ

какъ, по указаніямъ ген. Куропаткина, въ случаѣ общей атаки японцевъ авангардамъ ставилось задачей „задерживать наступленіе противника, принудить его къ развертыванію силъ, выяснитъ силы и составъ противника и затѣмъ подъ натискомъ превосходныхъ силъ непріятеля отступить на главную позицію, гдѣ принять рѣшительный бой“. Если бы эти указанія ген. Куропаткина пришлось осуществить на дѣлѣ, то пришлось бы указанныя выше позиціи между Тадусанцу и Кушущы атаковать снова и овладѣть ими цѣною новыхъ жертвъ и затѣмъ, согласно тѣмъ же указаніямъ командующаго арміей, очистить ихъ подъ натискомъ превосходныхъ силъ непріятеля—опять-таки цѣною еще болѣе значительныхъ жертвъ. По выраженію фонъ-Блуме („Стратегія“) „войска весьма чутки къ тому, руководятъ ли ихъ дѣйствіями въ бою цѣлесообразно или безтолково“. Въ данномъ случаѣ эти вѣчныя колебанія и противорѣчивыя приказанія со стороны главнаго руководителя не могли, конечно, никому внушить сколько-нибудь довѣрія и надежду видѣть успѣхъ въ результатѣ жертвъ, приносимыхъ подобнымъ образомъ.

Казалось бы, ген. Куропаткинъ могъ достаточно убѣдиться послѣ безконечнаго опыта предшествовавшихъ дѣйствій, что отступленіе подъ натискомъ превосходныхъ силъ противника никогда не совершается по собственному усмотрѣнію, а всегда подчиняясь волѣ непріятеля. Если ему въ настоящемъ случаѣ хотѣлось совсѣмъ отказаться отъ наступательныхъ дѣйствій и перейти къ оборонѣ, то ему надлежало собрать всѣ свои силы на одной позиціи, что, конечно, не исключало возможности имѣть впереди на извѣстныхъ пунктахъ передовые посты, отступленіе которыхъ на оборонительную позицію всегда возможно безъ большихъ потерь.

Впрочемъ, приведенное выше приказаніе ген. Куропаткина „снова овладѣть передовыми позиціями“ не пришлось вовсе приводить въ исполненіе, потому что японцы сами 11-го октября утромъ перешли въ атаку всѣми своими силами. Восточнѣе Мандаринской дороги противъ позиціи авангарда ген. Рябинкина, оборонявшейся 8 батальонами и 24 орудіями, наступала 5-я японская дивизія изъ состава 4-й арміи. Лѣвѣ

Мандаринской дороги, на фронтъ 3-й дивизіи 17-го корпуса, наступала 2-я японская армія,—именно 3-я и 6-я дивизіи этой арміи,—имѣя фронтъ наступленія между Мандаринской дорогой и Шахе; 4-я японская дивизія наступала западнѣе въ обходъ позицій 17-го корпуса.

Такимъ образомъ атака противъ авангардной позиціи Западнаго отряда предпринята была японцами въ значительно превосходныхъ силахъ. Ген. Куропаткинъ говоритъ въ своемъ отчетѣ, что „командующій 17-мъ корпусомъ ген. Волковъ допустилъ 11-го октября—не знаю на основаніи какихъ приказаній—принять бой не на главной позиціи, а на линіи авангардовъ“...

Съ этимъ трудно согласиться, такъ какъ дѣйствія ген. Волкова были вполнѣ обоснованныя: вѣдь самъ ген. Куропаткинъ приказалъ авангардамъ „задержать наступленіе непріятеля, принудить его къ развертыванію силъ, выяснитъ его силы и составъ“,—все это можно было выполнить только посредствомъ боя, а разъ бой разгорѣлся на этой позиціи, то нелѣпо было бы среди бѣлаго дня очистить эти укрѣпленныя позиціи и начать отступленіе по ровной открытой мѣстности. Ген. Волковъ тѣмъ болѣе имѣлъ право принять бой на передовой позиціи, зная хорошо, что армія предпринимаетъ наступательную операцію и что 17-й корпусъ для своей поддержки можетъ еще рассчитывать на находившіяся сзади войска 6-го корпуса и отряда ген. Дембовскаго.

По примѣру 17-го корпуса также и авангардъ 10-го корпуса остался на занятой имъ позиціи между Шилихе и Фанкїятунь, такъ какъ начальникъ этого авангарда находилъ нераціональнымъ отступать по открытой мѣстности среди бѣлаго дня.

Но что касается дальнѣйшаго образа дѣйствій командировъ 10-го и 17-го корпусовъ, то въ этомъ отношеніи мы видимъ существенную разницу. Командиръ 10-го корпуса генералъ-лейтенантъ Случевскій рѣшилъ пунктуально придерживаться приказаній командующаго арміей и рѣшительный бой принять на главной позиціи, т. е. онъ авангардъ ген. Рябинкина приносилъ цѣликомъ въ жертву на авангардной позиціи, тогда

какъ 9-я дивизія съ 48 орудіями находилась всего лишь на разстояніи трехъ километровъ позади, оставаясь у Хуннаушаня на главной позиціи простыми зрителями, какъ авангардь истекаетъ кровью. Только къ вечеру ген. Рябинкинъ получилъ подкрѣпленіе въ видѣ 2 батальоновъ 35-й дивизіи, которые пришли, однако, такъ поздно, что никакого участія въ бою принять не могли. Батареи ген. Рябинкина, вполнѣ разстрѣланныя японской артиллеріей 5-й и частью 10-й дивизіи, съ наступленіемъ ночи были сняты съ ихъ позиціи и замѣнены свѣжими батареями 9-й дивизіи.

Въ то время, какъ къ востоку отъ Мандаринской дороги авангардь 10-го корпуса, не встрѣчая никакой поддержки отъ своихъ главныхъ силъ, оборонялся противъ 5-й японской дивизіи,—на участкѣ между Ланцзытай и Шилихе, постепенно введены были въ бой всѣ войска 17-го корпуса, въ виду того, что когда разгорѣлся бой на позиціи 3-й дивизіи, то командующій 17-мъ корпусомъ счелъ необходимымъ поддержать эту дивизію своимъ резервомъ (35-й дивизіей), чтобы предотвратить возможность пораженія передовой позиціи. Трудно не согласиться съ такимъ образомъ дѣйствій. Но и въ настоящемъ случаѣ, какъ мы это видѣли въ другихъ мѣстахъ, введеніе въ бой резервовъ происходило не цѣлесообразно, не крупными частями,—чтобы имѣть возможность встрѣчнымъ ударомъ отразить непріятеля, вырвать изъ его рукъ побѣду,—а малыми дозами, по каплямъ то тутъ, то тамъ, гдѣ угрожала опасность прорыва со стороны японцевъ. Послѣдствіемъ такихъ приѣмовъ было то, что въ частяхъ 35-й дивизіи постепенно порвана была всякая организаціонная связь и онѣ постепенно совершенно смѣшались съ войсками 3-й дивизіи. Обстоятельство это гибельнымъ образомъ отразилось на слѣдующій день.

Тѣмъ временемъ 3-я и 6-я японскія дивизіи весьма близко подошли къ фронту позиціи 17-го корпуса,—настолько, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣло доходило до штыкового удара. Японцы овладѣли деревней Эндоніулу, которая снова въ ночь на 12-е октября была отбита 139-мъ и половиной 140-го полка (35-й дивизіи). Къ западу отъ Шахе 4-я японская дивизія начала свой охватъ. Отрядъ полк. Стаховича былъ отброшенъ

отъ Яндіянваня и отгѣсненъ до Цунлуянтуня, откуда, получивъ въ подкрѣпленіе 2 батальона, перешель въ наступленіе. Лѣвая колонна 4-й японской дивизіи наступала на Лидіятунь, откуда поспѣшно отступилъ на сѣверъ конный отрядъ ген. Грекова.

Такимъ образомъ начался охватъ русскаго праваго фланга. Но никогда этотъ маневръ японцамъ не могъ удаться, если бы только со стороны русскихъ войсковыхъ начальниковъ мы видѣли хоть малѣйшій слѣдъ какой-нибудь инициативы.

Въ 10 километрахъ позади праваго фланга русской позиціи находились эшелонированными въ уступномъ порядкѣ 24 батальона 6-го Сибирскаго корпуса, которые ежедневно подвигались впередъ только на 3—4 километра для того, чтобы дѣлать остановки и окапываться на каждой стоянкѣ. Но на лѣвомъ флангѣ и почти въ тылу предпринявшей обходъ 4-й японской дивизіи находились еще, кромѣ того, 12 батальоновъ и 16 сотенъ отряда ген. Дембовскаго, которые противъ себя около Сандепу имѣли только одну японскую кавалерійскую бригаду; требовалось только простое движеніе впередъ этихъ войскъ въ направленіе Яндіянванъ—Тадусанпу, чтобы совершенно уничтожить японскую дивизію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и охватить лѣвый флангъ наступающихъ японскихъ войскъ и дать счастливый оборотъ всему ходу сраженія.

Еще 10-го октября ген. Бильдерлингъ обратился къ командиру 6-го Сибирскаго корпуса ген. Соболеву, чтобы онъ двинулся впередъ для прикрытія фланга 17-го корпуса, основываясь на томъ, что командующій арміей ему предоставилъ, въ случаѣ необходимости, обратиться къ 6-му корпусу за поддержкой. Ген. Соболевъ, однако, отклонилъ просьбу ген. Бильдерлинга, въ виду того, что онъ получилъ отъ ген. Куропаткина определенное приказаніе, въ силу котораго онъ „составляетъ стратегическій резервъ арміи“ и поддержку Западному отряду долженъ оказать лишь тогда, „когда обнаружится рѣшительный переходъ японцевъ въ наступленіе“. Повидимому, ген. Соболевъ признакомъ „рѣшительнаго наступленія японцевъ“ считалъ положительное пораженіе 17-го корпуса. Въ высшей степени характерны также дальнѣйшія объясненія со стороны

командира 6-го Сибирскаго корпуса, которыми онъ мотивируетъ свой отказъ въ поддержкѣ ген. Бильдерлингу. Ген. Соболевъ считалъ движеніе впередъ своего корпуса потому „не-
нужнымъ и излишнимъ, что однимъ своимъ эшелонированнымъ положеніемъ въ разстояніи 6—8 километровъ за правымъ флангомъ Западнаго отряда вполне обеспечивалъ правый флангъ этого отряда отъ охвата“ и что „войска Западнаго отряда при своемъ отступленіи и безъ того должны были приблизиться къ позиціи, занятой 6-мъ Сибирскимъ корпусомъ“...

Такимъ образомъ мы видимъ, что ген. Соболевъ считалъ какъ бы отступленіе Западнаго отряда *совершенно неизбежнымъ* и задачу своего отряда видѣлъ только въ необходимости прикрыть это отступленіе. Командиру 6-го Сибирскаго корпуса, повидимому, и въ голову не приходитъ, что обязанность его заключается не только въ томъ, чтобы прикрыть, въ случаѣ необходимости, отступленіе 17-го корпуса, но и чтобы употребить всѣ свои силы для нанесенія *непріятелю пораженія*. Онъ оправдывается тѣмъ, что ген. Куропаткинъ напоминалъ ему о томъ, что корпусъ его „составляетъ его послѣдній стратегическій резервъ“. Но какое еще лучшее употребленіе можетъ быть для стратегическаго резерва, какъ не ударить всѣми силами во флангъ атакующаго непріятели и разбить его! Резервъ существуетъ вѣдь не для самого себя, а для того лишь, чтобы быть употребленнымъ въ дѣло въ надлежащую минуту. Конечно, оставаясь на мѣстѣ въ тылу, ген. Соболевъ однимъ своимъ эшелонированнымъ положеніемъ *не могъ* предотвратить ни охвата фланга 17-го корпуса, ни пораженія Западнаго отряда, какъ это вполне показало сраженіе 12-го октября.

Вообще, вся дѣятельность 6-го Сибирскаго корпуса 11-го октября заключалась въ томъ, что онъ главными силами продвинулся впередъ всего лишь на три километра до линіи Шаукіялинцы—Таліантунь, занявъ авангардомъ Ваншунанцы. Послѣ многократныхъ просьбъ, обращенныхъ со стороны полк. Стаховича и ген. Грекова, которые просили начальника авангарда ген. Болотова о поддержкѣ, ген. Соболевъ согласился, наконецъ, продвинуть впередъ въ Татай 3 батальона, кото-

рые передовыми постами заняли аванпостную линію на этой высотѣ, предполагая, что этого достаточно „для прикрытія отступленія отрядовъ Стаховича и Грекова“. На слѣдующій день, однако, эти батальоны, не будучи атакованы непріателемъ, отступили назадъ.

Отрядъ ген. Дембовскаго все это время оставался между Синтайцзы и Сандепу, имѣя противъ себя въ этомъ послѣднемъ пунктѣ кавалерійскій эскадронъ изъ бригады Акіама, съ передовыми развѣздами котораго онъ и поддерживалъ соприкосновеніе. Употребленіе отряда ген. Дембовскаго и, вообще, вся дѣятельность его во время этихъ боевъ ничѣмъ не можетъ быть оправдываема. Къ востоку отъ Лидіатуня изъ японскихъ войскъ находилась всего только 1 кавалерійская бригада, въ 6—8 эскадроновъ; чтобы прикрыть себя съ этой стороны противъ японской конницы, совершенно достаточно было той кавалеріи, которая имѣлась въ составѣ Западнаго отряда, такъ что весь отрядъ ген. Дембовскаго могъ быть свободно употребленъ для дѣйствій противъ фланга японцевъ. Трудно въ данномъ случаѣ оправдываться неясностью обстановки, что трудно допустимо при значительномъ превосходствѣ кавалеріи съ русской стороны на этомъ флангѣ, въ особенности, если принять во вниманіе, что далѣе къ западу находился еще сильный отрядъ ген. Косагоvsкаго въ составѣ 6^{1/2} батальоновъ, 9 сотенъ и др., который также прикрывалъ здѣсь флангъ русскихъ войскъ, не имѣя противъ себя никакого непріателя. Тѣмъ не менѣе, однако, мы видимъ, что во всѣ эти дни боевъ Западнаго отряда отрядъ ген. Дембовскаго остается въ полнѣйшей бездѣятельности.

Это отсутствіе инициативы и твердой воли со стороны командныхъ начальниковъ привели 12-го октября Западный отрядъ къ полному поражению. Самъ командующій арміей въ этотъ день подаетъ своими приказаніями примѣръ полнѣйшей нерѣшительности. Такъ, онъ 11-го октября приказываетъ— „12-го октября продолжать бой на позиціяхъ авангарда“. Затѣмъ 12-го утромъ ген. Бильдерлингъ получилъ приказаніе ген. Куропаткина: „Въ виду возможности обхода его праваго фланга немедленно отступить на главную позицію по

линіи Лютангоу—Хунпаушань“. Въ 11 час. дня опять представлено ген. Бильдерлингу „въ случаѣ, если онъ признаетъ отступленіе среди бѣлаго дня нецѣлесообразнымъ, то исполнить это по его собственному усмотрѣнію“. Наконецъ, около полудня получено было отъ командующаго арміей приказаніе по телеграфу 12-го октября „продолжать бой на позиціи авангардовъ и на главную позицію отступить не иначе, какъ только подъ натискомъ превосходныхъ силъ непріятеля“...

Впрочемъ, еще утромъ того дня ген. Бильдерлингъ рѣшилъ, вопреки приказанію командующаго арміей, обороняться на передовой линіи Шилихе, потому что отступленіе войскъ, втянутыхъ уже въ бой, по мѣстности открытой и при свѣтѣ дня было связано съ огромными потерями. Командиръ 10-го корпуса ген. Случевскій получилъ тѣмъ временемъ непосредственно отъ самого ген. Куропаткина приказаніе объ отступленіи авангарда на главную позицію и, какъ упомянуто было выше, вслѣдствіе представленія ген. Рябинкина, оставилъ его на линіи Шилихе по тѣмъ же мотивамъ, какъ это высказано было ген. Бильдерлингомъ.

Расположеніе русскихъ войскъ на авангардной позиціи было въ общемъ то же, что и наканунѣ. На фронтѣ 17-го корпуса войска 3-й и 35-й дивизій были совершенно перемѣшаны. Въ резервѣ оставались только 3 батальона 137-го полка. Въ 10-мъ корпусѣ отрядъ ген. Рябинкина былъ подкрѣпленъ 2 батальонами 35-го полка; кромѣ того на ихъ лѣвомъ флангѣ находился еще 34-й полкъ, введенный въ первую линію по приказанію ген. Куропаткина для поддержанія связи съ войсками центра.

Подъ прикрытіемъ ночной темноты японцы придвинулись къ русскимъ позиціямъ на разстояніе всего лишь въ нѣсколько сотъ метровъ; въ такомъ разстояніи они окопались и затѣмъ на разсвѣтѣ начали атаку по всей линіи. Главный ударъ японцы повели преимущественно на оба фланга 17-го корпуса—на *правый* флангъ, между Эндоніулу и на одинъ километръ западнѣе Ланцзытая, гдѣ позицію оборонялъ ген. Запукъ съ 9-мъ и 10-мъ полками и частью 12-го и 137-го полковъ, и

противъ *лѣваго участка* у Шилихе, гдѣ оборонялся полк. Грулевъ съ 11-мъ полкомъ и частью 138-го.

Такъ какъ отрядъ полк. Стаховича (2 батальона 35-й дивизіи, 1 батальонъ Псковскаго полка и 6 эскадроновъ) накануне отступилъ въ Цундунянтунъ, то 24-й бригадѣ 6-й японской дивизіи удалось продвинуться изъ Яндіяваня по долинѣ Шилихе и его праваго притока и охватить правый флангъ участка позиціи ген. Защука, выйдя ему въ тылъ въ то время, когда другія части 6-й японской дивизіи вели атаку на фронтъ. Послѣ того, какъ ген. Защукъ былъ раненъ, а командиръ 9-го полка убитъ, правый флангъ 17-го корпуса отступилъ, при чемъ японцамъ достались 2 батареи. Къ этому отступленію постепенно присоединились и другія войска 17-го корпуса съ потерей еще 6 орудій.

Для принятія начальствованія надъ войсками праваго участка начальникомъ 3-й дивизіи ген. Янжуломъ на мѣсто раненаго ген. Защука командированъ былъ полк. Ванновскій. Этотъ послѣдній пытался водворить какой-нибудь порядокъ, хотя исполнѣ безуспѣшно, остановить обратившіяся въ бѣгство войска и вернуть какъ-нибудь потерянные орудія. Нѣтъ сомнѣнія, что полк. Ванновскій старался въ эту критическую минуту дѣлать, что могъ. Но нельзя не согласиться въ этомъ случаѣ съ ген. Куропаткинымъ, когда онъ въ своемъ отчетѣ объ этомъ событіи говоритъ слѣдующее: „Почему самъ ген. Янжулъ, у котораго большая часть дивизіи введена была въ бой на правомъ флангѣ, у котораго въ резервѣ уже не имѣлось никакихъ войскъ, почему онъ самъ не принялъ начальство надъ частями праваго фланга, непонятно. Какъ замѣститель ген. Защука совершенно неожиданно назначается вдругъ дивизионеръ 52-го драгунскаго полка полк. Ванновскій, а ген. Янжулъ со всѣмъ своимъ штабомъ и бригаднымъ командиромъ ген. Якубинскимъ остаются посторонними зрителями... Шестъ генераловъ находились 11-го и 12-го октября въ составѣ частей 17-го корпуса, а между тѣмъ боемъ 12-го октября, не считая ген. Защука, руководили только полковники: правофланговымъ прикрытіемъ полк. Стаховичъ, правымъ участкомъ сначала полк. Крыштопенко, потомъ полк. Ванновскій, у Эндоніулу

полк. Мартыновъ, на желѣзной дорогѣ полк. де-Виттъ и, наконецъ, лѣвымъ участкомъ на Шилихе полк. Грулевъ. Дѣятельность начальниковъ дивизій, оказывается, ни въ чемъ себя не проявила. Гдѣ, однако, въ этотъ день находились бригадные командиры—ген. Гласко, Якубинскій, Степановъ? Передача командованія на важномъ правомъ флангѣ совершенно неизвѣстному войскамъ кавалерійскому штабъ-офицеру можно только объяснить полнѣйшимъ недоувѣрjemъ, которое питалось къ прямымъ начальникамъ—генераламъ этихъ войскъ“...

Послѣ неоднократныхъ просьбъ ген. Бильдерлинга о поддержкѣ, обращенныхъ къ ген. Соболеву, этотъ послѣдній разрѣшилъ, наконецъ, удовлетворить эту просьбу. Въ ночь на 12-е октября для подкрѣпленія резерва ген. Бильдерлинга направлена была въ Ченліутхангоу 2-я бригада 55-й дивизіи (полки 219-й и 220-й), которая прибыла туда къ полудню 12-го октября. Если принять во вниманіе, что позиція 17-го корпуса и безъ того была уже сильно занята войсками, то для дальнѣйшей обороны новая прибавка едва ли была необходима, хотя, тѣмъ не менѣе, могла все же принести нѣкоторую пользу. Но, такъ какъ этотъ резервъ на самомъ дѣлѣ былъ употребленъ въ дѣло, онъ принесъ только вредъ, а не пользу.

Когда начальство 17-го корпуса и Западнаго отряда получило „совершенно неожиданно“ донесенія объ отступленіи войскъ на правомъ флангѣ 17-го корпуса, имѣлось еще въ резервѣ 11 свѣжихъ батальоновъ (2-я бригада 55-й дивизіи и 3 батальона 137-го полка). Ген. Куропаткинъ въ своемъ отчетѣ даетъ слѣдующую оцѣнку этимъ событіямъ: „Въ нѣсколькихъ верстахъ позади въ тылу стояли эшелонированными 16 батальоновъ 6-го Сибирскаго корпуса, которые не приняли еще никакого участія въ бою. Въмѣсто того, чтобы всю эту силу ввести одновременно въ бой, мы опять допустили полное ихъ раздробленіе. Правому флангу 17-го корпуса оказана была поддержка 4-мя батальонами, тогда какъ можно было подкрѣпить его 11-ю. Но и этотъ полкъ, который былъ направленъ для поддержки, попалъ не туда, куда слѣдовало. Находившійся по сосѣдству полк. Мартыновъ съ 6 батальонами также не оказалъ поддержки встрѣчной атакѣ. Остальные

7 батальоновъ резерва были обращены на занятіе главной позиціи вмѣсто того, чтобы подкрѣпить ими передовыя войска. Но и эта задача, т. е. занятіе главной позиціи этими батальонами, выполнена не была, такъ какъ при отступленіи остальныхъ войскъ 17-го корпуса упомянутые 7 батальоновъ покинули свою позицію безъ упорнаго сопротивленія и вмѣстѣ съ другими войсками отступили за Шахе“.

Еще разъ можно выразить только удивленіе, какъ ген. Куропаткинъ правильно разсуждаетъ объ ошибкахъ и упущеніяхъ своихъ помощниковъ, упуская изъ виду, что эти недостатки встрѣчаются въ его собственныхъ дѣйствіяхъ. Всю эту войну можно считать потерянной только потому, „что недостаточно энергично использованы были всѣ силы, которыми могли располагать“. Всѣ ошибки его помощниковъ были, прежде всего, *тождественны съ его собственными...*

Предпринятая 219-мъ полкомъ встрѣчная атака совершенно не удалась. Полкъ принялъ невѣрное направленіе, повелъ наступленіе въ сомкнутыхъ колоннахъ подъ звуки музыки, понесъ ужасныя потери и въ полномъ безпорядкѣ отступилъ назадъ, увлекая съ собою нѣкоторыя части 17-го корпуса, которыя къ тому времени сохранили еще кой-какой порядокъ. Приказанія, отданныя командующимъ 17-мъ корпусомъ—35-й дивизіи занять главную позицію у Лютангоу, 3-й дивизіи собраться въ резервъ въ Шунлинцзы—оказались совершенно неисполнимыми, потому что войска обѣихъ дивизій оказались перемѣшанными и тѣснимыми противникомъ и безостановочно устремились на сѣверъ за Шахе.

На фронтѣ 10-го корпуса, который японцы тѣснили менѣе энергично, выжидая успѣха отъ главнаго удара—охвата праваго русскаго фланга—авангардъ получилъ приказаніе около 4-хъ час. дня, т. е. около того времени, когда происходило отступленіе 17-го корпуса, занять главную позицію у Хунпаушаня. Около того же времени ген. Случевскій, по приказанію ген. Бильдерлинга, направилъ въ его распоряженіе 6 батальоновъ 9-й дивизіи. Когда вечеромъ того же дня ген. Случевскій узналъ объ отступленіи войскъ 17-го корпуса за линію Шахе, то онъ призналъ для себя невозможнымъ удер-

жаться на главной позиціи съ остальными 18 батальонами и рѣшился поэтому отступить въ Шахену, „чтобы выровняться съ фронтомъ 17-го корпуса“. На крайнемъ правомъ флангѣ Западнаго отряда 4-я японская дивизія продолжала свой обходъ, предпринятый въ предшествующіе дни противъ отряда полк. Стаховича. Находившійся противъ лѣвой колонны этой дивизіи отрядъ ген. Грекова отступилъ на сѣверъ безъ всякаго сопротивленія. Полк. Стаховичъ вынужденъ былъ отступить на Хунлинцу, гдѣ онъ принятъ былъ резервомъ Западнаго отряда (220-й полкъ и части 137-го полка), который пытался задержаться на позиціи между Хунлинцу и Ченліутхангоу, но также отступилъ на сѣверъ.

Что же, однако, дѣлали войска 6-го Сибирскаго корпуса и отрядъ ген. Дембовскаго, чтобы предотвратить охватъ праваго фланга Западнаго отряда, послужившій причиной его пораженія? Самъ ген. Соболевъ высказываетъ объ этомъ слѣдующее: „Утромъ 12-го октября вступили въ бой съ неприятелемъ 1-я бригада 72-й дивизіи, находившаяся у Ванчуанцзы, а также 2-я бригада 55-й дивизіи, находившаяся въ районѣ 17-го корпуса. 1-я бригада имѣла задачей прикрыть отступление отряда полк. Стаховича, 2-я должна была прикрывать отступление совершенно разстроенныхъ войскъ 17-го корпуса. Несмотря на огромное превосходство силъ противника, несмотря также на продолжающіяся атаки, войска корпуса отразили всѣ натиски японцевъ и, обороняясь на своихъ позиціяхъ, дали возможность войскамъ 17-го корпуса отступить“.

Я уже указалъ выше, при обзорѣ боя 11-го октября, что обязанностью 6-го корпуса было отнюдь не прикрытіе отступления войскъ 17-го корпуса, а слѣдовало всѣми силами атаковать обходящую 4-ю японскую дивизію и разбить ее. Но и эта скромная задача, которую ставить себѣ ген. Соболевъ, была имъ не выполнена. Собственно прикрыть отступление войскъ возможно со своей стороны только производствомъ *встрѣчной атаки*. Между тѣмъ, мы уже видѣли выше, что нецѣлесообразное употребленіе 2-й бригады 55-й дивизіи и несоотвѣтствующій образъ дѣйствій 219-го полка при его встрѣч-

ной атакѣ только ухудшили положеніе 17-го корпуса, такъ какъ повели къ тому, что еще увеличили собою господствовавшій тамъ беспорядокъ.

Находившійся, однако, у Ванчуанцзы на укрѣпленной позиціи начальникъ авангарда 6-го Сибирскаго корпуса (1-й бригады 72-й дивизіи) ген. Болотовъ, послѣ неоднократныхъ просьбъ полк. Ванновскаго оказать поддержку его войскамъ, согласился, наконецъ, въ 3 часа пополудни подвинуться впередъ на 1—2 километра, чтобы занять находившіяся передъ его фронтомъ деревни Холянтай и Татай; между тѣмъ деревни эти заняты были уже частями 4-й японской дивизіи, которыя *слѣдовало оттуда выбить*, что въ исторіи русскаго генеральнаго штаба признается излишнимъ, такъ какъ занятіемъ Цунлунянтуня отрядомъ полк. Стаховича прикрывался уже лѣвый флангъ авангарда. Выходить, такимъ образомъ, что такое смѣлое рѣшеніе, какъ занятіе обѣихъ деревень, заслуживаетъ какъ будто бы осужденія. Между тѣмъ, натискъ японцевъ противъ войскъ 17-го корпуса могъ быть остановленъ даже и въ это время и даже могъ быть достигнуть серьезный успѣхъ противъ лѣваго фланга японцевъ, если бы только предпринято было наступленіе всей 72-й дивизіей (16 батальоновъ) и если бы эта встрѣчная атака была энергично поддержана отрядомъ ген. Дембовскаго. Но безъ этого какая польза могла быть отъ простаго занятія деревень Татай и Холянтай. Да это и не удалось вовсе, потому что это предпринято было съ недостаточными силами: на Татай повелъ наступленіе только 1 батальонъ 286-го полка, а противъ Холянтай такое же наступленіе поведено было 1 батальономъ 285-го полка. Предпріятіе это, конечно, не удалось, тѣмъ не менѣе ген. Болотовъ „счелъ свою задачу исполненной, видя въ этомъ наступленіи поддержку, оказанную имъ полк. Стаховичу, и признавъ излишнимъ настаивать на занятіи деревень и съ наступленіемъ ночи собралъ свой отрядъ на своей укрѣпленной позиціи“.

Конечно, о какомъ-нибудь значительномъ превосходствѣ въ силахъ, о которомъ говорить ген. Соболевъ, въ данномъ случаѣ *не можетъ быть и рѣчи*. Превосходство въ силахъ

было, наоборотъ, *на сторону 6-го Сибирскаго корпуса*, которое, правда, не нашло себѣ примѣненія: не считая 2 батальоновъ, которые производили бесплодную атаку, 72-я дивизія оставалась празднымъ зрителемъ, видя, какъ японцы разбивали 17-й корпусъ.

Въ ночь на 13-е октября 6-й Сибирскій корпусъ отступилъ на линію Ланшаньпу—Пентянцзы, гдѣ къ нему присоединилась также 2-я бригада 55-й дивизіи. Ген. Соболевъ мотивируетъ это отступление „категорическимъ приказаніемъ ген. Куропаткина держаться уступами позади праваго фланга Западнаго отряда“. Но развѣ уступное расположеніе, само по себѣ, могло служить въ данномъ случаѣ самодовлѣющей цѣлью?...

Съ другой стороны и ген. Куропаткинъ не правъ въ своихъ упрекахъ, по адресу 6-го Сибирскаго корпуса, потому что его собственныя указанія дали поводъ для такого страннаго пониманія расположенія 6-го корпуса. Дѣло въ томъ, что въ 12 час. дня черезъ посредство начальника штаба 6-го Сибирскаго корпуса, командующій Манчжурской арміей передать приказаніе ген. Соболеву, въ которомъ сообщалось „о предстоящемъ охватѣ со стороны японской арміи, на что обращалось его вниманіе и вмѣстѣ съ тѣмъ приказывалось 6-му Сибирскому корпусу *оставаться* въ уступномъ положеніи за правымъ флангомъ 17-го корпуса для того, чтобы *встрѣтить обходъ* непріятеля“. Такое уступное расположеніе резерва за правымъ флангомъ могло бы дѣйствительно служить могущественнѣйшимъ средствомъ для встрѣчи охвата противника, но, конечно, при условіи *двинуться навстрѣчу* противнику, а не оставаться на мѣстѣ въ такомъ положеніи.

Если бы съ русской стороны въ данномъ случаѣ дѣйствовали согласно общепринятымъ понятіямъ, то охватъ со стороны японцевъ былъ бы совершенно невозможенъ—даже независимо отъ того, что для отраженія этого охвата имѣлся еще отрядъ ген. Дембовскаго. Я повторю здѣсь то, что я утверждалъ въ 1-й части настоящаго труда,—что было бы ошибочно дѣлать общее заключеніе объ исключительной пользѣ охватывающихъ атакъ только на основаніи тѣхъ успѣховъ, которые достались

японцамъ въ эту войну во многихъ бояхъ и сраженіяхъ. Въ своей критической оцѣнкѣ дѣйствій японцевъ въ бояхъ на Шахе прусскій генеральный штабъ высказываетъ слѣдующее сужденіе: „На Шахе японцамъ не удалось бы произвести свой охватъ русскаго праваго фланга даже и въ томъ случаѣ, если бы они удержали за своимъ лѣвымъ флангомъ эшелонированные резервы, потому что русскіе за своимъ правымъ флангомъ имѣли въ уступномъ положеніи весьма сильныя резервы. Обнаженнымъ отъ всякихъ резервовъ оказался поэтому обходящій лѣвый флангъ японцевъ, которому самому угрожала большая опасность быть обойденнымъ; если же этого не случилось по ходу сраженія, то въ этомъ нельзя видѣть заслугу со стороны японцевъ, это явилось только слѣдствіемъ недостатка энергіи и инициативы со стороны русскихъ, которые не сумѣли оцѣнить выгоды своего положенія“.

Другими словами, мы встрѣчаемся здѣсь съ тѣми же фактами, которые я приводилъ въ 1-й части относительно охватывающихъ атакъ японцевъ подъ Вафангоу и въ другихъ бояхъ: успѣхъ японцамъ доставался, главнымъ образомъ, не благодаря ихъ особенно цѣлесообразному веденію атакъ, а единственно только благодаря нерѣшительности и инертности дѣйствій со стороны русскихъ начальниковъ. Повторяю еще разъ, что я отнюдь не отрицаю пользу охватывающихъ атакъ вообще, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ особенности, когда на сторонѣ атакующаго имѣется физическое и моральное превосходство въ силахъ. Я предостерегаю только противъ односторонняго увлеченія охватами, къ которому можно прійти при поверхностныхъ заключеніяхъ объ успѣхахъ, достававшихся японцамъ при охватывающихъ атакахъ во время русско-японской войны. Если принять во вниманіе расположеніе русскихъ войскъ 12-го октября, то можно бы признать, что японцамъ было бы весьма выгодно произвести планосообразный *прорывъ* русскаго фронта, что обѣщало вѣрный успѣхъ. Правда, такой прорывъ былъ произведенъ черезъ лѣвый флангъ русскаго центра, но для использованія этого прорыва у японцевъ не хватило силъ.

Что касается конницы ген. Грекова, а также отряда ген.

Дембовскаго у Синтайцзы, то оба эти отряда 12-го октября продолжали оставаться въ полномъ бездѣйствіи. Ген. Куропаткинъ говоритъ по этому поводу въ своемъ отчетѣ: „Оба эти отряда не оказали 17-му корпусу никакой поддержки. Что дѣлалъ все это время ген. Грековъ, совершенно неизвѣстно: о непріятелѣ онъ не представлялъ достаточныхъ свѣдѣній; точно также отрядъ ген. Дембовскаго, имѣвшій противъ себя ничтожныя японскія силы, оставался бездѣятельнымъ на своей укрѣпленной позиціи“.

Все это совершенно вѣрно. Непонятно, однако, почему самъ ген. Куропаткинъ, которому непосредственно подчиненъ былъ отрядъ ген. Дембовскаго, не далъ ему соответствующихъ приказаній, чтобы ввести его въ дѣло. Въ телеграммѣ, полученной 12-го октября ген. Бильдерлингомъ отъ начальника штаба арміи, сказано, что отрядъ ген. Дембовскаго движется на Тахантайцзы. Такимъ образомъ, главныя силы этого отряда, авангардъ котораго уже 11-го числа находился у Кукиацзы, продвинулся впередъ всего только на *2 километра*. Значитъ, отъ самого штаба арміи зависѣло сдѣлать своевременно соответствующее распоряженіе, если какой-нибудь отрядъ остается безъ дѣла въ сторонѣ отъ поля сраженія.

То, что ген. Куропаткинъ высказываетъ въ своемъ отчетѣ относительно дѣйствій конницы на правомъ флангѣ арміи, въ одинаковой степени справедливо и относительно всей русской конницы въ эту войну, какъ это говоритъ, между прочимъ, и самъ ген. Куропаткинъ: „Роль нашей многочисленной конницы, доброкачественной по своему составу, но плохо руководимой, нельзя не признать безславной, ни достойной вниманія. Кавалерія не доставляла намъ необходимыхъ свѣдѣній ни о намѣреніяхъ противника, ни о его силахъ. Точно также она оказывалась не въ силахъ выбить изъ поля слабую конницу противника и всегда слишкомъ поспѣшно отступала при появленіи пѣхоты и артиллеріи непріятеля. Въ то время, когда пѣхотные полки часто теряли въ бояхъ половину своего состава, кавалерійскіе подки отступали всегда при ничтожныхъ потеряхъ, а иногда даже безъ всякихъ потерь. За все время боевъ 8-го—18-го октября общія потери конницы въ арміи

составляютъ въ среднемъ всего лишь: 1 офицеръ и 12 нижнихъ чиновъ на каждый полкъ въ 6 эскадроновъ и сотенъ, при чемъ нужно замѣтить, что главная часть этихъ потерь падаетъ на конницу ген. Мищенко и Самсонова“.

Конецъ сраженія.

12-го октября окончательно выяснился неблагоприятный для русскихъ исходъ сраженія на Шахе. Правда, нѣсколько дней продолжались еще въ разныхъ мѣстахъ отдѣльные бои, но они не могли уже существеннымъ образомъ измѣнить положеніе сторонъ. Русская армія отступила за линію рѣки Шахе и заняла позицію, на которой оставалась въ одинаковомъ положеніи до начала сраженія подъ Мукденомъ, т. е. до марта 1905 г.

Дальнѣйшая дѣятельность войскъ, входившихъ въ составъ Восточнаго отряда, послѣ 13-го октября ничѣмъ себя не проявила и не представляетъ ничего замѣчательнаго. Нѣкоторые бои послѣднихъ дней этой операціи происходили, главнымъ образомъ, по обѣ стороны Мандаринской и желѣзной дорогъ.

13-го октября Западный отрядъ занялъ тыловую позицію на Шахе. 17-й корпусъ расположился между Линшинцу и Ламатунемъ; 10-й корпусъ южнѣе Шахепу. За правымъ флангомъ 17-го корпуса, въ уступномъ порядкѣ, расположенъ былъ 6-й Сибирскій корпусъ у Ланшаньпу. Только въ этотъ день, наконецъ, рѣшился ген. Куропаткинъ подчинить ген. Бильдерлингу 6-й Сибирскій корпусъ и отрядъ ген. Дембовскаго.

Японцы сначала преслѣдовали Западный отрядъ, но, какъ мы это видѣли выше, должны были оттянуть свою 5-ю дивизію и направить ее для поддержки войскъ, дѣйствовавшихъ противъ русскаго центра, такъ что противъ 100 батальоновъ ген. Бильдерлинга оперировали всего лишь 36 батальоновъ 3-й, 4-й и 6-й дивизій, входившихъ въ составъ 2-й японской арміи, при чемъ бригада 6-й дивизіи (11-я) дѣйствовала 13-го—14-го октября собственно противъ войскъ центра (части 37-й дивизіи), остававшихся въ это время къ югу отъ Шахе. Значить, оба эти дня ген. Бильдерлингъ имѣлъ на своей сторонѣ

тройное превосходство въ силахъ, сравнительно съ дѣйствовавшими противъ него японцами.

14-го октября на фронтѣ Западнаго отряда разыгрались оживленные бои. На разсвѣтъ этого дня 3-я японская дивизія атаковала къ югу отъ Шахепу позицію 10-го корпуса, которую японцамъ удалось прорвать и еще овладѣть тремя русскими батареями. Отъ 10-го корпуса, между тѣмъ, 6 батальоновъ командированы были въ распоряженіе ген. Бильдерлинга и, несмотря на приказаніе этого послѣдняго о командированіи ихъ обратно въ 10-й корпусъ, были неправильно задержаны начальникомъ 35-й дивизіи ген. Добржинскимъ; точно также не возвратилась еще въ составъ корпуса бригада ген. Мау. Въ виду слабости силъ 10-й корпусъ только съ большимъ трудомъ могъ удерживать свою позицію противъ натиска японцевъ. Части этого корпуса удержали въ своихъ рукахъ сѣверную часть деревни Шахепу, а также и Путиловскую и Новгородскую сопки, что оказалось возможнымъ только благодаря поддержкѣ, присланной изъ резерва командующаго арміей.

17-й корпусъ занялъ двѣ позиціи, расположенныя одна за другой между Ламатунемъ и желѣзной дорогой. Позиціи эти были атакованы 24-й бригадой 6-й японской дивизіи, которая пыталась прорваться на фронтѣ между Ламатунемъ и желѣзной дорогой и правымъ флангомъ 4-й дивизіи, которая повела атаку противъ Линшинпу; южная часть этой послѣдней попала въ руки японцевъ.

Въ то же время остававшійся бездѣятельнымъ во всѣ эти бои 6-й Сибирскій корпусъ предпринялъ, наконецъ, со своей стороны наступательныя дѣйствія на правомъ флангѣ Западнаго отряда. Рѣшеніе ген. Бильдерлинга отбросить наступающихъ японцевъ производствомъ противъ нихъ встрѣчной атаки было, вообще говоря, вполне цѣлесообразнымъ и отвѣчало обстановкѣ, но оно не было надлежащимъ образомъ осуществлено на дѣлѣ. Сначала ген. Бильдерлингомъ приказано было 6-му Сибирскому корпусу двинуться впередъ изъ Ланшанпу и занять линію Шаукіялинцзы—Даліантунь, т. е. выйти на одну высоту съ позиціей 17-го корпуса, вслѣдъ за этимъ было дано распоряженіе овладѣть Хунлинпу и Татай и было

объщано подкрѣпленіе изъ состава 17-го корпуса. Но это подкрѣпленіе вовсе не прибыло. 17-й корпусъ оставался бездѣятельнымъ въ виду того, какъ говоритъ исторія русскаго генеральнаго штаба, что „надѣялись на охватывающую атаку 6-го Сибирскаго корпуса, угрожавшаго лѣвому флангу японцевъ“. Все несчастье именно и состояло въ томъ, что въ Манчжурской арміи при всякомъ наступленіи надѣялись всегда на успѣхъ *другихъ* и ожидали удачи вмѣсто того, чтобы *самому* всѣми силами помогать его достиженію или, по крайней мѣрѣ, стараться притянуть возможно больше непріятельскихъ силъ на себя.

Атака такимъ образомъ была предоставлена одному 6-му Сибирскому корпусу.

Даже отрядъ ген. Дембовскаго не былъ притянутъ къ предстоящей атакѣ, онъ получилъ отъ ген. Бильдерлинга слѣдующую задачу: при наступленіи 6-го Сибирскаго корпуса прикрыть его правый флангъ, для чего занять районъ Паусентунъ—Фукианшунцы—Тахантайцы. Вся дѣятельность дивизіи ген. Дембовскаго ограничивалась тѣмъ, что онъ отгѣснилъ слабые кавалерійскіе отряды изъ Лидіятуня и Фукианшунцы, но, чтобы принять болѣе серьезныя наступательныя дѣйствія по направленію на Татай,—это ему, очевидно, и въ голову не приходило.

Наступленіе 6-го Сибирскаго корпуса, предпринятое двумя колоннами, привело къ столкновенію съ 4-й японской дивизіей на фронтѣ Ванчуанцы—Чанлипу, что заставило 6-й корпусъ поколебаться, приостановить наступленіе и ввязаться въ бой; на этомъ потерпѣло крушеніе все наступленіе корпуса. На поддержку 6-му Сибирскому корпусу отправленъ былъ 11-й полкъ подъ начальствомъ полк. Грулева, который возстановилъ бой на фронтѣ 2-й бригады 55-й дивизіи (лѣвая колонна 6-го Сибирскаго корпуса), при чемъ полк. Грулеву удалось отбить отъ японцевъ уже брошенную 6-мъ корпусомъ батарею. Наступленіе 6-го корпуса было произведено съ большимъ мужествомъ, но кончилось неудачей и повлекло за собою притомъ большія потери. Неудача, постигшая наступленіе 6-го

корпуса, объясняется тѣмъ, что оно не было своевременно поддержано сосѣдными войсками.

Ген. Соболевъ изображаетъ все это наступленіе своего корпуса какъ событіе исключительное,—что онъ „имѣлъ передъ собою всю 2-ю японскую армію, которая намѣревалась обойти нашъ правый флангъ“, и что онъ „эту армію атаковалъ и отбросилъ“. Эта, по словамъ ген. Соболева, „историческая истина, не подлежащая никакому сомнѣнію“, стоитъ въ прямомъ противорѣчій со всѣми источниками, какъ русскими, такъ и японскими. Дѣло въ томъ, что 6-й Сибирскій корпусъ имѣлъ передъ собою всего только 4-ю японскую дивизию, часть которой притомъ еще была прикована правымъ флангомъ 17-го корпуса на фронтѣ Линшинпу. Какъ храбро ни наступалъ 6-й Сибирскій корпусъ, все же это наступленіе никоимъ образомъ не привело къ „неожиданному большому успѣху“, о которомъ утверждаетъ ген. Соболевъ. Въ результатѣ 6-й Сибирскій корпусъ отступилъ обратно на линію Шаукіялинцзы—Даліантунъ и занялся укрѣпленіемъ своихъ старыхъ позицій.

15-го октября на всемъ фронтѣ установилась общая тишина. Замѣтно было съ обѣихъ сторонъ наступленіе полного утомленія войскъ. Къ войскамъ 10-го корпуса присоединилась наконецъ бригада ген. Мау; кромѣ того туда же на подкрѣпленіе прибылъ 85-й пѣхотный полкъ, командированный изъ состава резерва, сосредоточеннаго въ районѣ Куаншань—Санкяцзы изъ войскъ прежняго Восточнаго отряда и войскъ центра и образовавшаго собою резервъ командующаго арміей. Благодаря этой поддержкѣ 10-й корпусъ могъ удержаться къ сѣверу отъ Шахепу. На фронтѣ 17-го корпуса, который теперь опять имѣлъ передъ собою 6-ю японскую дивизию, вслѣдствіе ряда недоразумѣній и противорѣчивыхъ приказаній, послѣдовало очищеніе деревни Ламатунъ, которая занята была японцами.

Вечеромъ 15-го октября ген. Бильдерлингомъ получено было приказаніе командующаго арміей „*перейти къ рѣшительнымъ активнымъ дѣйствіямъ*“... Можно думать, что „рѣшительныя активныя дѣйствія“ были бы вполне умѣстны

еще съ 5-го октября, въ самомъ началѣ наступательной операціи, и совершенно непонятно, почему ген. Куропаткинъ выбралъ вдругъ такое время для перехода къ рѣшительнымъ активнымъ дѣйствіямъ, когда всѣ войска потерпѣли уже неудачу и когда во всей арміи чувствовалось полнѣйшее утомленіе.

Согласно полученному отъ командующаго арміей приказанію ген. Бильдерлингъ со своей стороны отдалъ приказъ о наступленіи на слѣдующій день. Предписывалось перейти въ наступленіе всѣмъ тремъ корпусамъ и отряду ген. Дембовскаго, которымъ для атаки указано было общее направленіе на фронтъ Цунлуиянтунь, Лютангоу, Хуншаушань. Здѣсь нелишнее замѣтить, между прочимъ, что въ приказѣ о наступленіи указываются для атаки не ближайшіе пункты, находящіеся передъ фронтомъ войскъ, а пункты, находящіеся далеко впереди за ближайшими позиціями непріятеля,—какъ мы встрѣчаемся съ этимъ характернымъ явленіемъ во всѣхъ подобныхъ приказахъ о наступленіи съ русской стороны.

Все же въ первый разъ за все время этой войны мы встрѣчаемся съ планомъ атаки, для которой предназначается такая значительная масса войскъ, какъ 3^{1/2} корпуса; при такомъ знатительномъ превосходствѣ силъ надъ противникомъ побѣдоносный исходъ этой русской атаки и въ данномъ случаѣ былъ вполне возможенъ. Въ дѣйствительности, однако, вся эта затѣя кончилась ничѣмъ. Дѣло въ томъ, что самъ ген. Куропаткинъ серьезно и не думалъ о переходѣ къ „рѣшительнымъ активнымъ дѣйствіямъ“: онъ отмѣнилъ предположенный начальникомъ Западнаго отряда переходъ въ наступленіе и утромъ 16-го октября сообщилъ ему письменно слѣдующее: „Всеобщій переходъ въ наступленіе сегодня совсѣмъ не отвѣчаетъ моимъ намѣреніямъ; предполагаю сегодня на разсвѣтѣ подготовить ваше наступленіе движеніемъ впередъ моего резерва. Всеобщая атака можетъ быть предпринята только всей арміей, но не частью ея“...

Мы видимъ, такимъ образомъ, изъ разныхъ письменныхъ документовъ, въ которыхъ выражаются взгляды командующаго Манчжурской арміей, что въ теоріи, вообще, онъ не чуждъ

былъ сознанія необходимости производить наступленіе и атаки всѣми силами, всей арміей, но какъ только дѣло касалось практическаго осуществленія, то какъ самъ ген. Куропаткинъ, такъ и его помощники не могли провести это на дѣлѣ во все время этой войны.

Причины, заставившія ген. Куропаткина отказаться отъ атаки въ этотъ день, заключаются въ томъ, что японцы въ ночь на 16-е октября овладѣли Новгородской сопкой (извѣстной тогда подъ названіемъ „сопки съ деревомъ“), отбросивъ оборонявшія эту сопку части 22-й дивизіи. Ген. Куропаткинъ опасался, что японцы намѣреваются прорвать здѣсь фронтъ его арміи, и рѣшилъ поэтому ввести въ дѣло весь свой резервъ, сосредоточенный у Санкьяцзы, для того только, чтобы отбить назадъ отъ японцевъ эту сопку.

Вопросъ о томъ—могли ли въ дѣйствительности войска Западнаго отряда осуществить предполагавшуюся атаку, представляется очень спорнымъ, потому что войска 10-го и 17-го корпусовъ были крайне утомлены предшествовавшими боями. На фронтѣ 10-го корпуса въ это время господствовало полное затишье. Предположенный штурмъ Линшинцу—Ламатунь и южной части Шахепу былъ отложенъ. Между тѣмъ 6-й Сибирскій корпусъ началъ уже свое наступленіе и авангардомъ своимъ занялъ деревню Вутчжанинъ, когда получено было приказаніе приостановить дальнѣйшее наступленіе.

Точно также и отрядъ ген. Дембовскаго началъ наступательныя дѣйствія 16-го числа послѣ того, какъ во всѣ предшествовавшіе бои, происходившіе на фронтѣ Западнаго отряда, онъ оставался въ полной бездѣятельности,—по примѣру того, какъ и 6-й Сибирскій корпусъ, остававшійся сначала зрителемъ издали, началъ затѣмъ свое изолированное наступленіе 14-го октября. Такимъ же образомъ и отрядъ ген. Дембовскаго пришелъ въ изолированное столкновеніе съ противникомъ въ виду того, что сообщеніе объ отмѣнѣ предполагающаго наступленія не было получено имъ своевременно. Отрядъ ген. Дембовскаго повелъ, такимъ образомъ, наступленіе по направленію на Ванчуанцзы, здѣсь онъ столкнулся съ лѣвымъ флангомъ 4-й японской дивизіи, такъ какъ въ бой ген. Дембовскій ввелъ только

4 батальона, то дальнѣйшее наступленіе не могло продвинуться дальше, отрядъ понесъ значительныя потери и въ 4 час. полудни получилъ, наконецъ, приказаніе пріостановить дальнѣйшее наступленіе.

Штурмомъ Путиловской и Новгородской сопокъ, произведеннымъ русскими войсками въ ночь съ 16-го на 17-е октября, закончилась Шахейская наступательная операція. Для штурма этихъ сопокъ командующій Манчжурской арміей назначилъ бѣольшую часть войскъ, входившихъ въ составъ прежняго Восточнаго отряда, и частей 1-го армейскаго корпуса, стянутыхъ въ Санкיאцзы въ видѣ резерва командующаго арміей. Въ штурмѣ этомъ участвовали съ русской стороны 25 батальоновъ, тогда какъ съ японской стороны обѣ эти сопки заняты были 5 батальонами подъ начальствомъ ген. Ямада. Эти японскіе батальоны были отброшены съ потерей 13 орудій и 1 пулемета. Если бы не это подавляющее превосходство въ силахъ съ русской стороны, то едва ли и въ этомъ случаѣ можно было ожидать успѣха, если принять во вниманіе полнѣйшій хаосъ въ командномъ отношеніи, а также и въ отдачѣ противорѣчивыхъ приказаній, который существовалъ во время этой атаки.

Штурмъ сопокъ сначала порученъ былъ ген. Новикову, которому даны были для этой цѣли 3 полка 22-й дивизіи и по 1 полку отъ 4-го Сибирскаго и 10-го армейскаго корпусовъ, при чемъ ген. Новиковъ былъ одновременно подчиненъ и командирамъ 1-го и 10-го армейскихъ корпусовъ, но въ то же время онъ получалъ непосредственно приказанія и распоряженія и отъ самого ген. Куропаткина; затѣмъ послѣдовало приказаніе о подчиненіи ген. Новикова съ его атакующими войсками начальнику правой атакующей колонны ген. Путилову (командиру 2-й бригады 5-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи), который въ то же время долженъ былъ получать приказанія отъ начальника армейскаго резерва ген. Гернгросса, но въ то же время ген. Путиловъ получалъ также непосредственныя приказанія и отъ командующаго арміей. Послѣ сего все атакующія войска были подчинены ген. Мейендорфу и въ заключеніе, послѣ овладѣнія сопками, часть этихъ войскъ,—а именно по 2 полка 2-го Сибирскаго, 1-го и 10-го армейскихъ

корпусовъ, образовавшихъ собою особый отрядъ, — подчинена была командующему 1-мъ Сибирскимъ корпусомъ ген. Гернгроссу.

Едва ли можно себѣ представить большей путаницы въ отношеніи командной подчиненности, чѣмъ та, которую мы видимъ здѣсь при этой атакѣ.

Этотъ штурмъ сопокъ, которыя ген. Ямада и безъ того рѣшилъ было 16-го вечеромъ очистить по собственной инициативѣ, вслѣдствіе своего изолированнаго и выдвинутаго положенія, стоилъ, однако, русскимъ потери 94 офицеровъ и 2,996 нижнихъ чиновъ. Потери японцевъ опредѣляются ими въ 32 офицера и 1,000 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными; по русскимъ же источникамъ, похоронено было японскихъ тѣлъ на Путиловской сопкѣ 900 чел. и на Новгородской 600; кромѣ того, значительная часть японскихъ тѣлъ, по увѣренію русскихъ, остались на полѣ сраженія непохороненными.

Въ общемъ итогѣ пораженія Манчжурской арміи этотъ мѣстный успѣхъ не внесъ никакихъ измѣненій. На обѣихъ сторонахъ чувствовалось полное утомленіе войскъ, которое привело къ окончанію сраженія. Поведенная японцами встрѣчная атака, которой они пытались снова овладѣть потерянными сопками, была отражена, точно также, какъ не удалась войскамъ 10-го корпуса предпринятая ими 17-го октября атака съ цѣлью овладѣть южной частью деревни Шахепу (черезъ два дня часть Шахепу была очищена японцами и занята войсками 10-го корпуса). 18-го октября снова должна была повториться попытка 10-го корпуса для овладѣнія Шахепу при поддержкѣ резерва командующаго арміей, но была отложена сначала на нѣкоторое время, а затѣмъ отмѣнена совсѣмъ.

Въ войскахъ не видно было никакого воодушевленія для продолженія боя, такъ что полученное отъ командующаго арміей приказаніе 19-го октября, что предполагавшееся наступленіе откладывается, не встрѣтило въ войскахъ особаго огорченія. Эта наступательная операція Манчжурской арміи въ началѣ октября возвѣщена была въ приказѣ по арміи громкими фразами и такими же громкими фразами теперь она была закончена въ приказѣ по арміи отъ 19-го октября. По поводу предпринятаго 16-го октября на обѣ сопки штурма, который долженъ

былъ произвести на японцевъ потрясающее впечатлѣніе, ген. Куропаткинъ говоритъ въ приказѣ по арміи: „Надо побольше дать японцамъ такихъ уроковъ. Мы имѣемъ теперь численное превосходство на нашей сторонѣ. У насъ теперь также больше боевого опыта для руководства войсками въ бою. Намъ необходимо использовать это пораженіе, нанесенное противнику. Необходимо разъяснить войскамъ, что для предстоящей вырочки Портъ-Артура намъ придется еще въ будущемъ дѣлать энергичное напряженіе всѣхъ силъ, чтобы не дать непріятелю времени укрѣпиться и пополнить свои ряды...

Хотя войскамъ и читался этотъ приказъ съ соответствующими поясненіями „не дать времени непріятелю подкрѣпиться“ и проч., тѣмъ не менѣе прошло больше трехъ мѣсяцевъ, пока русскіе снова собрались для наступленія.

Войска занялись укрѣпленіемъ своихъ позицій на фронтѣ отъ Куанлинпу черезъ Гуантунъ, Шахепу, Новгородская сопка, Эрдагоу, Кантолизанъ до Каутулинскаго перевала. Не считая удлиненія фронта позицій на правомъ флангѣ, войска занимали эту линію почти безъ измѣненія до сраженія подъ Мукденомъ.

Непосредственно передъ фронтомъ русскихъ позицій укрѣплялись японцы, передовыя позиціи которыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отстояли отъ русскихъ позицій на дистанціи не болѣе ружейнаго выстрѣла. Деревни Ламатунъ и Линшинпу заняты были японцами на фронтѣ 10-го и 17-го корпусовъ, укрѣплены ими и обращены въ опорные пункты своей позиціи.

Съ 19-го октября съ обѣихъ сторонъ возобновился уже артиллерійскій огонь. Впослѣдствіи съ обѣихъ сторонъ также выставлена была на позицію и осадная артиллерія, и затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не было дня, чтобы съ обѣими воюющими сторонами не производился постоянный артиллерійскій огонь, сопровождавшійся частыми боевыми стычками.

Вмѣсто отдыха обѣ стороны находились всю зиму въ полномъ напряженіи. Потери русскихъ въ сраженіи на Шахе опредѣляются въ 1,088 офицеровъ и 40,263 нижнихъ чина; въ числѣ послѣднихъ заключаются убитыми 4,900 и безъ вѣсти

пропавшихъ 5,833. Потери японцевъ составляютъ приблизительно половину потерь русскихъ.

Причины этого новаго пораженія Манчжурской арміи были въ свое время указаны мною въ разныхъ мѣстахъ и едва ли требуютъ повторенія. Вотъ какъ характеризуетъ эти причины полк. Грулевъ въ заключительномъ словѣ, которымъ онъ заканчиваетъ описаніе этого сраженія:

„Горе наше въ томъ, что мы во все время этой войны никогда не думали о томъ, чтобы наносить ударъ, а всегда только то и дѣлали, что закрывались отъ наносимаго удара. Подъ Ляояномъ сама судьба подставила намъ армію Куроки для нанесенія ей смертельнаго удара, который наша армія сдѣлать не сумѣла, замороженная своей пассивной обороной. Теперь на Шахе мы еще кое-какъ топтались и подвигались, пока японцы стояли на мѣстѣ и не мѣшали нашимъ планамъ, но какъ только противникъ тронулся и перешелъ въ наступленіе, мы остановились загишнотизированные и, собравшись наступать, начали обороняться. То же самое съ убійственной наглядностью повторилось впоследствии подъ Мукденомъ. Очевидно, мирные маневры противъ обозначеннаго противника пріучили насъ воевать только съ обозначеннымъ противникомъ.

„Наступленіе наше кончилось; мы вернулись на ту же линію, съ которой мы тронулись для нашего наступательнаго опыта 6-го октября. Опытъ оказался неудачнымъ и обошелся арміи нашей въ 40,000 убитыхъ и раненыхъ съ потерей 43 орудій“...

ГЛАВА X.

Отъ Шахе до Мукдена.

„Если ты начальникъ, то не вмѣшивайся въ распоряженія твоихъ подчиненныхъ, если видишь, что эти распоряженія сколько-нибудь соотвѣтствуютъ обстановкѣ. Кто слишкомъ много заботится о томъ, что должны исполнить другіе, — тотъ всегда упускаетъ то, что онъ самъ долженъ дѣлать. Каждый начальникъ имѣетъ право на самостоятельность и долженъ быть отвѣтственнымъ въ кругу опредѣленныхъ закономъ обязанностей“.

*Русскій уставъ полевой службы
1912 года.*

Положеніе послѣ сраженія на Шахе. Развитие русскихъ операціонныхъ плановъ.

Положеніе обѣихъ воюющихъ сторонъ послѣ сраженія на Шахе до конца февраля 1905 года весьма своеобразно и не находитъ себѣ примѣра въ военной исторіи. Тамъ, гдѣ конецъ сраженія засталъ войска обѣихъ сторонъ, тамъ они остались на своихъ мѣстахъ, зарылись въ землю и занялись непрерывно укрѣпленіемъ своихъ позицій. Такимъ образомъ получилось, что на восточномъ флангѣ, гдѣ на сторонѣ японцевъ ощущался недостатокъ въ силахъ, чтобы преслѣдовать отсту-

пающія войска Восточнаго отряда, тамъ между обѣими сторонами получилось разстояніе около 10 километровъ, тогда какъ на Западномъ флангѣ, гдѣ происходила борьба съ переменнымъ успѣхомъ за обладаніе линіей Шахе, тамъ стороны оказались расположенными другъ противъ друга въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не далѣе ружейнаго выстрѣла, а въ общемъ, на протяженіи всего фронта,—въ предѣлахъ артиллерійскаго выстрѣла.

Въ продолженіе 4^{1/2} мѣсяцевъ, до начала сраженія подъ Мукденомъ, обѣ воюющія стороны оставались въ такомъ взаимномъ положеніи другъ къ другу. Укрѣпленія на позиціяхъ русской стороны постепенно увеличивались и съ теченіемъ времени образовали собою непрерывную укрѣпленную линію, на которой чередовались стрѣлковые окопы, траншеи, ходы сообщенія, полевые укрѣпленія, деревни и мѣстные предметы, приведенные въ оборонительное состояніе, и т. п. Мѣстами эти укрѣпленныя позиціи имѣли нѣсколько линій укрѣпленій. Такъ эта позиція тянулась на 50 километровъ отъ Куанлинцу до Каутулинскаго перевала. Подступы къ этой позиціи съ фронта, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже съ тыла, были усилены искусственными препятствіями разнаго рода, черезъ которыя даже днемъ одиночные патрули могли пробраться съ трудомъ. Эта непрерывная линія укрѣпленій приковывала къ мѣсту значительныя массы войскъ и совершенно парализовала ихъ наступательную энергію. То же самое, однако, мы находимъ и на сторонѣ японцевъ, силы которыхъ были совершенно исчерпаны въ предшествовавшихъ бояхъ, а потому, чувствуя себя вынужденными перейти къ оборонѣ, они должны были стараться усилить себя укрѣпленными позиціями.

Такимъ образомъ въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ постепенно установилась своего рода крѣпостная война. На позиціяхъ обѣихъ воюющихъ сторонъ появилась осадная артиллерія, получила также развитіе сапная атака; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ, напримѣръ, у Линшинцу, гдѣ передовые посты противниковъ удалены были другъ отъ друга на разстояніе всего лишь 100 метровъ, дѣло доходило даже до минной войны. Такъ протекала вся зима 1904—1905 года, и хотя во весь

этотъ періодъ не совершилось никакихъ крупныхъ боевыхъ операцій, тѣмъ не менѣе войска обѣихъ сторонъ оставались въ постоянной тревогѣ, проводя время въ укрѣпленіяхъ, а подальше въ тылу живя въ землянкахъ. Не проходило дня, чтобы не слышна была артиллерійская канонада или не предпринимались какіе-нибудь поиски или нападенія въ передовыхъ линіяхъ.

Въ отношеніи организаціи и личнаго состава Манчжурской арміи произошли за это время крупныя перемѣны: 26-го октября намѣстникъ адмиралъ Алексѣевъ былъ освобожденъ отъ должности главнокомандующаго и отозванъ въ Петербургъ; вмѣсто него назначенъ былъ главнокомандующимъ ген. Куропаткинъ. Такимъ образомъ, изъ арміи отозванъ былъ человекъ, который служилъ единственнымъ импульсомъ для наступательныхъ дѣйствій. Въ глухой борьбѣ между ген. Куропаткинымъ и адм. Алексѣевымъ побѣдителемъ, такимъ образомъ, остался первый. Нѣтъ сомнѣнія, что, вообще говоря, было вполне цѣлесообразно объединить на театрѣ войны отвѣтственную власть въ однѣхъ рукахъ, но въ Петербургѣ, очевидно, ошибались относительно дѣйствительныхъ причинъ постоянныхъ поражений въ эту войну, если считали возможнымъ назначить главнокомандующимъ ген. Куропаткина. Вполнѣ возможно, что участь этой войны могла еще быть спасена, если бы рѣшили совершенно измѣнить систему веденія войны, а для этого необходимо было прислать новаго главнокомандующаго изъ Петербурга, придавъ ему дѣятельныхъ офицеровъ генеральнаго штаба для образованія новаго штаба арміи. Между тѣмъ въ томъ видѣ, въ какомъ дѣйствительно послѣдовала перемѣна—все, конечно, осталось по-старому, развѣ съ той лишь разницей, что ген. Куропаткинъ въ примѣненіи своей стратегіи замедлительныхъ и выжидательныхъ дѣйствій не встрѣчалъ теперь никакихъ препятствій со стороны намѣстника.

Точно также перемѣны произошли и съ реорганизаціей арміи: согласно приказу новаго главнокомандующаго Манчжурская армія была преобразована въ три арміи, но по существу все осталось по-старому, такъ какъ самъ ген. Куропаткинъ попрежнему вмѣшивался въ дѣйствія различныхъ частей

войскъ, обходя новыхъ командующихъ арміями и не давая имъ возможности свободнаго выбора средствъ для достиженія цѣлей, которыя имъ ставились.

Имена вновь назначенныхъ командующихъ арміями пользовались популярностью въ русской арміи: „папаша“ Линевичь, назначенный командующимъ 1-й арміей, командовалъ Манчжурской арміей еще до прибытія ген. Куропаткина на театръ войны, затѣмъ, будучи начальникомъ войскъ въ Уссурійскомъ краѣ (Владивостокъ), пользовался репутаціей смѣлаго вояки подъ названіемъ „маршала впередъ“. Ген. фонтъ-Каульбарсъ (командующій 3-й арміей) и ген. Гриппенбергъ (2-й арміей), которые прибыли изъ Россіи и приняли командованіе надъ своими арміями въ декабрѣ, считались выдающимися полководцами. При всемъ томъ, всѣ эти три генерала въ рѣшительную минуту оказались не на высотѣ своей задачи, не по винѣ только ген. Куропаткина, а потому, что имъ самимъ точно также, какъ всѣмъ другимъ русскимъ команднымъ начальникамъ, недоставало духа личнаго почина съ готовностью принять на себя при необходимости отвѣтственность за свои дѣйствія. Всѣ эти генералы послѣ войны, въ особенности ген. Гриппенбергъ, возводили на главнокомандующаго тяжкія обвиненія, взваливая на него всю вину за пораженія отъ Сандепу до Мукдена, между тѣмъ какъ со своей стороны ген. Куропаткинъ всю эту вину приписывалъ своимъ помощникамъ. Истинная причина въ томъ, что вина въ одинаковой мѣрѣ лежитъ на обѣихъ сторонахъ. Не только ген. Куропаткину, но и его помощникамъ не хватало силы воли и рѣшимости, чѣмъ единственно можетъ быть достигнута побѣда.

Раздѣленіе на арміи стало тѣмъ болѣе настоятельнымъ, что русская армія все болѣе усиливалась. Въ ноябрѣ изъ Европейской Россіи прибыли 61-я резервная бригада и 8-й армейскій корпусъ (14-я и 15-я дивизіи), за ними послѣдовали 1-я Донская казачья дивизія, затѣмъ еще недостающія части 1-й Сибирской пѣхотной дивизіи, 1-я Сибирская резервная бригада, стрѣлковый корпусъ, составленный изъ трехъ европейскихъ стрѣлковыхъ бригадъ, и, наконецъ, 16-й армейскій

корпусъ, такъ что въ началѣ января 1905 года, т. е. къ началу сраженія подъ Сандецу, русскія силы на театрѣ войны состояли изъ 372 батальоновъ, 172 эскадроновъ, 1,156 орудій, 48 пулеметовъ, 51 инженерной саперной роты и 2 осадныхъ артиллерійскихъ батальоновъ. Кромѣ того, въ декабрѣ прибывали еще многочисленныя команды запасныхъ для укомплектованія войскъ. Въ нѣкоторые дни изъ Европейской Россіи прибывало до 5,000 чел. въ день, такъ что въ началѣ января 1905 года части войскъ опять доведены были до полного штата военнаго времени. Около 200 позиціонныхъ орудій—старыя полевыя, стрѣляющія гранатами, мортиры и 15-ти сан. осадныя орудія прибыли къ этому времени въ армію и размѣщены были большей частью на передовыхъ позиціяхъ.

Силы и распредѣленіе войскъ 3-хъ армій подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ. Такъ, между прочимъ, 10-й корпусъ на своей позиціи на Шахе смѣненъ былъ войсками 6-го Сибирскаго корпуса и вмѣстѣ съ прибывшими изъ Европейской Россіи 8-мъ и стрѣлковымъ корпусами образовалъ 2-ю армію ген. Гриппенберга. Прежнія позиціи 6-го Сибирскаго корпуса занялъ 5-й Сибирскій корпусъ. Въ началѣ января 1905 года 1-я армія состояла изъ 1-го армейскаго и 2-го, 3-го и 4-го Сибирскихъ корпусовъ и занимала позицію по линіи Шахе отъ Путиловской сопки у Шахепу черезъ Фанкіяпу и Бяньяцуза до Каутулинскаго перевала; въ резервѣ находился 1-й Сибирскій корпусъ, затѣмъ въ 30 километрахъ восточнѣе Каутулинскаго перевала у Цинхенчена находился отрядъ ген. Ренненкампа (71-я дивизія). 3-я армія ген. Каульбарса занимала въ общемъ ту же позицію, на которой находился Западный отрядъ по окончаніи Шахейскаго сраженія—по обѣ стороны желѣзной дороги; въ составъ ея входили 5-й и 6-й Сибирскіе и 17-й армейскій корпуса. 2-я армія ген. Гриппенберга, которая составлена была изъ 10-го и 8-го армейскихъ и стрѣлковаго корпусовъ и кавалерійскаго отряда ген. Мищенко, должна была сначала образовать собою резервъ, который долженъ былъ быть расположенъ за 3-й арміей, но, какъ увидимъ ниже, армія эта передъ сраженіемъ подъ Сандецу была выведена ген. Гриппенбергомъ постепенно на одну линію съ про-

чими арміями, чтобы занять промежутокъ между правымъ флангомъ 3-й арміи у Санкіяцзы до линіи Хуньхе у Чжантана, который до того времени охранялся конницей.

Прирость японскихъ вооруженныхъ силъ не идетъ ни въ какомъ сравненіи съ русскимъ. Не считая 8-ю дивизию, которая на театръ войны прибыла уже къ началу дѣйствій, но участія въ дѣлахъ принять не успѣла,—до конца января прибывали лишь незначительныя резервныя части и запасныя команды. Почти треть своихъ силъ японцы вынуждены были держать подъ Портъ-Артуромъ, храбрая оборона котораго продолжалась до конца 1904 года, такъ что въ теченіе декабря 1904 года и января 1905 года на сторонѣ русскихъ имѣлось двойное превосходство въ силахъ, и все же русскій главнокомандующій находилъ все новыя и новыя препятствія для осуществленія того „выигрыша времени“, который самъ онъ себѣ ставилъ задачей въ приказѣ отъ 19-го октября. Пока ген. Куропаткинъ собрался, наконецъ, осуществить свои намѣренія, около Новаго года, палъ Портъ-Артуръ и, такимъ образомъ, освободилась осадная армія ген. Ноги, которую оказалось возможнымъ примѣнить въ полѣ на театрѣ войны. Все же вліяніе прибытія этой арміи не могло еще сказаться въ концѣ января въ сраженіи подъ Сандепу, такъ что русскіе въ это время все же имѣли на своей сторонѣ подавляющее превосходство въ силахъ.

Нѣтъ надобности останавливаться на описаніи боевой дѣятельности обѣихъ сторонъ въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ, хотя за все это время, какъ сказано, не было ни одного спокойнаго дня. Что касается сколько-нибудь болѣе крупныхъ операцій, то стоитъ упомянуть лишь о взятіи Вайтаушаня японцами вскорѣ послѣ сраженія на Шахе. Мѣсто это 18-го—27-го октября принадлежало къ позиціямъ 2-го Сибирскаго корпуса и оборонялось 6 ротами и 3 охотничьими командами 5-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизиі подъ начальствомъ полк. Липоваца, который сначала мужественно оборонялъ свою позицію противъ атакъ японской гвардіи, но затѣмъ, не будучи поддержанъ сосѣдними войсками, вынужденъ былъ очистить эту позицію, понеся большія потери. Далѣе, не считая без-

плодной атаки, предпринятой японцами противъ отряда ген. Ренненкампа у Цинхенчена, въ 30 километрахъ восточнѣе Каутулинскаго перевала, въ концѣ ноября 1904 года,—японцы, вообще, во все время зимняго періода, держались вполне пассивно. Впрочемъ, многочисленныя мелкія предпріятія, предпринимавшіяся русскими охотничьими командами, имѣвшія своей главной цѣлью поддерживать бодрость духа въ арміи, остались въ результатѣ вполне безплодными и ни разу не выяснили силъ и распредѣленія находившихся передъ фронтомъ войскъ противника.

Что касается развѣдывательной дѣятельности русской конницы, то она была столь же неудовлетворительна, какъ во все время этой войны, несмотря на ея значительное превосходство въ силахъ надъ конницей противника. Непосредственно послѣ сраженія на Шахе ген. Бильдерлингъ доносилъ ген. Куропаткину, что „нѣтъ возможности выяснить силы и расположеніе непріятеля между Шахе и Хуньхе на основаніи донесеній, получаемыхъ отъ кавалеріи“. Эта неудовлетворенность кавалерійской развѣдывательной службы оставалась безъ измѣненія до сраженія подъ Мукденомъ. Въ своемъ сочиненіи „Отъ Шахе до Мукдена“ полк. Новицкій говоритъ, что „если внимательно разсмотрѣть свѣдѣнія, получавшіяся о противникѣ въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1904 года, то мы увидимъ, какъ мало наша многочисленная конница доставляла свѣдѣній о расположеніи и дѣятельности японцевъ. Почти все, что мы знали о непріятелѣ получалось нами отъ шпіоновъ, отъ нашихъ военныхъ агентовъ, изъ иностранной прессы или изъ разныхъ другихъ источниковъ. Впрочемъ, что намъ могла дать наша конница, если она, какъ родъ оружія для стратегической развѣдки, оставалась совершенно бездѣятельной. Тѣ немногіе развѣзды, которые направлялись нами иногда въ тылъ противнику, не могли, конечно, добыть какихъ-нибудь существенныхъ свѣдѣній о его дѣятельности и намѣреніяхъ; можно даже сказать, что свѣдѣнія, которыя доставлялись этими развѣздами, имѣли большей частью поверхностный, случайный и отрывочный характеръ, и приносили только вредъ, такъ какъ затемняли общую картину, которую мы могли себѣ соста-

вить на основаніи свѣдѣній, полученныхъ изъ другихъ источниковъ... И вдругъ, мы видимъ, послѣ такой полнѣйшей бездѣтельности нашей конницы въ области стратегической развѣдки въ теченіе 3 мѣсяцевъ, главнокомандующій находитъ возможнымъ въ началѣ января довѣрить этой конницѣ такое предпріятіе, для котораго трудно найти подходящую характеристику "... Здѣсь, очевидно, подразумѣвается конный набѣгъ ген. Мищенко на Инкоу, о чемъ сказано будетъ ниже.

Если въ отношеніи боевой дѣятельности войскъ во время зимняго періода мы видимъ вполнѣ сонливый покой, то въ штабахъ и канцеляріяхъ замѣтно было полное оживленіе. Начиная съ послѣднихъ дней сраженія на Шахе 19-го октября до начала январскихъ боевъ подъ Мукденомъ и далѣе, во все это время, мы видимъ непрерывную разработку операціонныхъ плановъ, памятныхъ записокъ, составленіе разныхъ проектовъ, инструкцій и т. д., которые должны были образовать собою настоящій письменный потопъ, способный убить всякій порывъ энергіи.

Ген. Куропаткинъ, какъ указывается въ исторіи русскаго генеральнаго штаба, „сознавалъ для себя нравственной обязанностью предпринять что-нибудь для освобожденія Портъ-Артура, храбрая оборона котораго вызывала удивленіе общественнаго мнѣнія Россіи, а также и всего свѣта“. Но эта нравственная обязанность со стороны ген. Куропаткина встрѣчалась въ передовой линіи съ необходимостью уничтожить находившіяся передъ нимъ главныя силы противника.

Полная возможность для этого представлялась ген. Куропаткину еще подъ Ляояномъ и на Шахе; теперь послѣ прибытія значительныхъ подкрѣплений снова представлялась полная возможность справиться съ этой задачей. Это была обязанность главнокомандующаго совершенно независимо отъ хода обороны Портъ-Артура. Какъ бы то ни было ген. Куропаткинъ чувствовалъ необходимость предпринять что-нибудь, но такъ какъ у него самого не хватало силы воли, чтобы остановиться на какомъ-нибудь положительномъ рѣшеніи и принять на себя отвѣтственность за послѣдствія, то онъ поэтому обращался за совѣтами во всѣ стороны. Нѣсколько высшихъ ко-

мандныхъ начальниковъ и ихъ штабы были заняты выработкою разныхъ наступательныхъ плановъ. Образовался до нѣкоторой степени обширный военный совѣтъ, который въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ при участіи многихъ офицеровъ генеральнаго штаба и выработалъ, наконецъ, печальную операцію подъ Сандепу.

Особенно разросся этотъ письменный потопъ послѣ того, какъ въ декабрѣ 1904 года прибыли вновь сформированные штабы 3 армій. Чернила полились ручьями; много дѣльныхъ мыслей появилось, пожалуй, на бумагѣ, но ни одна изъ нихъ не была осуществлена на дѣлѣ. Если какой-нибудь планъ встрѣчалъ одобреніе, то еще требовалось затѣмъ разработать его въ подробностяхъ, потомъ представить на разсмотрѣніе разнымъ инстанціямъ, а между тѣмъ уходило много времени, въ теченіе котораго нарождались новые планы или новыя препятствія для осуществленія старыхъ плановъ.

Въ этихъ препятствіяхъ никогда недостатка не было. Всегда имѣлось налицо много причинъ, чтобы отсрочить задуманное наступленіе. Прежде всего силы противника, какъ всегда, изображались выше дѣйствительности. 25-го ноября ген. Куропаткинъ телеграфировалъ въ Петербургъ: „Выручка Портъ-Артура такъ необходима, что каждый день представляется очень важнымъ... Но до сего времени соотношеніе силъ нашихъ и японскихъ не было таково, чтобы мы могли ихъ разбить“... Далѣе ген. Куропаткинъ въ своей телеграммѣ прибавляетъ, что для скорѣйшей выручки Портъ-Артура онъ надѣется въ срединѣ декабря уже перейти въ наступленіе, не дожидаясь прибытія стрѣлковаго корпуса. „Рискъ великъ, но онъ оправдывается положеніемъ Портъ-Артура“(!)...

Но когда наступилъ декабрь мѣсяцъ, переходъ въ наступленіе былъ все же опять отсроченъ, чтобы дать возможность новымъ командующимъ арміями ознакомиться съ положеніемъ и принять участіе во всѣхъ подготовительныхъ мѣрахъ для выполненія задуманнаго наступленія. Затѣмъ опять казалось необходимымъ во вторую половину декабря дожидаться прибытія запасныхъ для укомплектованія частей, а потомъ хотѣлось

дождаться также прибытія стрѣлковаго корпуса и, наконецъ, въ концѣ января—прибытія 16-го армейскаго корпуса.

Почти всѣ операціонные планы, изъ какого источника они бы ни исходили, страдали всегда однимъ общимъ недостаткомъ — отсутствіемъ твердой воли для одновременнаго введенія въ бой всѣхъ безъ исключенія наличныхъ силъ, чтобы добиться побѣды; основныя черты русской стратегіи веденія войны остались неизмѣнными отъ начала до конца этой кампаніи—это опасеніе погибнуть хотя бы и съ честью, и это-то опасеніе служило всегда главной заботой русскихъ полководцевъ. Ни одинъ изъ этихъ операціонныхъ плановъ не предлагалъ атаковать японцевъ одновременно всѣми силами и со всей энергіей: основныя черты всѣхъ этихъ проектовъ сводились къ тому, чтобы атаковать либо уступами, либо обходомъ одного изъ фланговъ, „демонстрируя“ со всѣми остальными войсками на фронтѣ и т. п.,—что и привело въ заключеніе къ безпримѣрнымъ въ исторіи результатамъ, которые имѣли мѣсто въ сраженіи подъ Сандецу.

Проекты операціонныхъ русскихъ плановъ стремились также къ тому, чтобы использовать численное превосходство русской арміи для охвата японскихъ позицій; для этого нѣкоторые авторы предлагали охватить правый флангъ японцевъ и отбросить ихъ отъ путей отступленія въ Корею, другіе же предлагали дѣйствовать охватомъ лѣваго фланга японцевъ между Хуньхе и Шахе для того, чтобы имѣлась возможность использовать многочисленную русскую конницу въ простирающейся здѣсь равнинной мѣстности, тогда какъ со стороны японцевъ этотъ флангъ прикрывался только кавалерійской бригадой Акіяма, занимавшей рядъ населенныхъ пунктовъ, приведенныхъ въ оборонительное состояніе, какъ Лидіятунъ, Сандецу и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что охватъ этого фланга обѣщаль, безспорно, виды на успѣхъ, если бы только наступленіе было предпринято здѣсь достаточно быстро и неожиданно для противника, энергично атакуя его въ то же время съ фронта.

19-го декабря ген. Куропаткинъ предложилъ командующимъ арміями на ихъ разсмотрѣніе цѣлый рядъ вопросовъ пунктовъ, касающихся перехода въ наступленіе. Наибольшій

интересъ представляють отвѣты на эти вопросы, данные 24-го декабря ген. Гриппенбергомъ, такъ какъ именно его арміи предлагалось выполнить это наступленіе. Трудно впрочемъ составить себѣ ясное представленіе о планѣ этого наступленія, въ виду противорѣчивыхъ взглядовъ, высказанныхъ ген. Куропаткинымъ и Гриппенбергомъ и имѣвшихъ роковое значеніе для исхода злосчастной операціи подъ Сандепу. Ниже, впрочемъ, мы ближе коснемся этого вопроса. Во всякомъ случаѣ можно прійти къ заключенію, что ген. Гриппенбергъ въ своихъ отвѣтныхъ пунктахъ, данныхъ ген. Куропаткину, предпочиталъ дѣйствовать охватомъ лѣваго фланга японцевъ, такъ какъ простирающаяся передъ этимъ флангомъ равнинная мѣстность давала возможность развернуть значительныя силы, при чемъ возможно было отрѣзать японцевъ отъ ихъ сообщеній съ Ляояномъ и Инкоу, что „должно было рѣшить участь всей кампаніи“...

Это наступленіе должно было быть предпринято 2-й арміей, подкрѣпленной до состава 5 корпусовъ, и въ то же время 1-я и 3-я арміи, чтобы притянуть на себя вниманіе противника и отвлечь его силы отъ лѣваго фланга, должны были демонстрировать сильнымъ огнемъ, а послѣ развитія боевъ на фронтѣ 2-й арміи должны были сами перейти въ наступленіе. Наступленіе это должно было быть выполнено „быстро и энергично“. Послѣднее требованіе было, конечно, вполне умѣстно, хотя ему совершенно не соответствовало исполненіе этой операціи на дѣлѣ. Что касается демонстрированія огнемъ, что другими словами означаетъ оставаться безучастнымъ зрителемъ, то 1-я и 3-я арміи поставленной имъ цѣли достигнуть, конечно, не могли. Это возможно было лишь простымъ путемъ—*навалиться на непріятеля*, какъ японцы сами впоследствии и показали вполне успѣшно производство такой демонстраціи 1-го марта.

Въ отвѣтахъ ген. Гриппенберга мы встрѣчаемся также со слабымъ довѣріемъ съ его стороны къ собственнымъ силамъ. Въ его памятной запискѣ отъ 24-го декабря 1904 года онъ опѣниваетъ силы японцевъ въ 178 батальоновъ, 61 эскадронъ и 666 орудій, а силы русскихъ армій въ то же время онъ

принимаетъ въ 336 батальоновъ, 178 эскадроновъ и 1,088 орудій. Но такое превосходство въ силахъ на русской сторонѣ все же кажется ген. Гриппенбергу недостаточнымъ для перехода въ наступленіе, такъ какъ онъ въ своей запискѣ говоритъ, что „трудно разсчитывать на общій успѣхъ съ такими силами“. Вслѣдствіе этого онъ предлагаетъ обождать прибытія изъ Европейской Россіи стрѣлковыхъ бригадъ и 16-го армейскаго корпуса, что дастъ превосходство въ силахъ въ 160,000 штыковъ и 13,000 сабель. Такимъ образомъ ген. Гриппенбергъ полагаетъ возможнымъ надѣяться на успѣхъ только при условіи двойного превосходства въ силахъ на русской сторонѣ. Это до нѣкоторой степени объясняетъ его поведеніе въ сраженіи подъ Сандепу, которое, вообще, не отвѣчаетъ имъ самимъ же предложеннымъ „быстрымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ“...

Въ общемъ ген. Куропаткинъ вполне согласился съ планомъ ген. Гриппенберга, послѣ чего планъ наступательной операціи 2-й арміи, вмѣстѣ съ заключеніемъ главнокомандующаго, былъ еще разъ разсмотрѣнъ на общемъ военномъ совѣтѣ всѣхъ командующихъ арміями съ участіемъ генераль-квартирмейстера и начальника полевого штаба подъ предѣтельствомъ главнокомандующаго. Этотъ многоголовый „кригс-ратъ“ далъ въ результатѣ то, что численность войскъ, предназначенныхъ для охвата, общій характеръ всей этой наступательной операціи, а также содѣйствіе всѣхъ остальныхъ армій и т. д. мѣнялись безъ конца.

2-го января пала крѣпость Портъ-Артуръ. Слѣдовало ожидать, что японцы постараются возможно скорѣе притянуть осадную армію (3-ю армію Ноги) на Шахе и, по крайней мѣрѣ, первые эшелоны этой арміи придутъ на этотъ театръ дѣйствій никакъ не позже начала февраля. Въ виду этихъ соображеній рѣшено было не откладывать долѣе перехода въ наступленіе, а вслѣдъ за прибытіемъ стрѣлковаго корпуса, что ожидалось въ серединѣ января, начать наступленіе.

Опять выработаны были новыя памятные записки. Согласно плану генераль-квартирмейстера штаба главнокомандующаго и 2-й арміи ген. Эверта и ген. Флуга предполагалось это наступленіе выполнить въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, производя

болѣе глубокой обходъ въ тылъ расположенія непріятеля по направленію на Янтай, дѣйствуя въ то же время съ фронта и остальными арміями, тогда какъ ген. Куропаткинъ и Гриппенбергъ склонны были больше суживать наступательный планъ, такъ что въ концѣ концовъ ограничились овладѣніемъ укрѣпленныхъ пунктовъ, образовавшихъ собою лѣвый флангъ позиціи японцевъ—Лидіятунь, Сандецу, Хегоутай и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что въ соображеніяхъ ген. Куропаткина и въ этомъ случаѣ, какъ это неоднократно бывало и передъ тѣмъ, преобладающую роль сыграла боязнь неудачи, такъ какъ онъ постоянно больше думалъ не объ уничтоженіи противника, а о томъ, чтобы предохранить свою армію отъ пораженія. Такъ мы и въ настоящемъ случаѣ видимъ, что онъ изыскивалъ мѣры не для того, чтобы эту наступательную операцію привести къ рѣшительному успѣху, а старался сохранить за собою возможность перехода, въ случаѣ необходимости, къ оборонѣ или даже къ отступленію.

Повидимому и ген. Гриппенбергъ склонился къ тѣмъ же соображеніямъ, хотя самъ онъ это оспариваетъ; защитники его объясняютъ все вліяніемъ ген. Куропаткина. Однако, при отъѣздѣ впослѣдствіи съ театра войны, ген. Гриппенбергъ нисколько не заботился о мнѣніи главнокомандующаго и опирался всецѣло на предоставленныя ему права командующаго арміей. Почему же, въ такомъ случаѣ, ген. Гриппенбергъ не вспомнилъ про свои права, когда рѣчь шла о побѣдѣ или пораженіи вѣренной ему арміи?...

Большой интересъ, въ особенности въ смыслѣ психологической подкладки этихъ операцій, представляютъ собою взгляды, приводимые полк. Новицкимъ о развитіи наступательнаго плана арміи ген. Гриппенберга въ январѣ 1905 года. Онъ прежде всего указываетъ на то, что въ памятной запискѣ ген. Гриппенберга отъ 24-го декабря, о которой упомянуто было выше, представляющей собою отвѣтъ на многочисленные вопросы ген. Куропаткина, мы встрѣчаемся со значительной разницей противъ памятной записки, выработанной также ген. Гриппенбергомъ 8-го декабря: эта послѣдняя была изложена кратко и сжато и по своей простотѣ и ясности производила впечат-

лѣніе, что она вылилась сразу, хотя можно было и не согласиться съ нѣкоторыми деталями плана.

Вторая записка ген. Гриппенберга отъ 24-го декабря, содержаніе которой въ сущности является такимъ же, какъ и въ первой запискѣ, представляетъ собою, напротивъ, соображенія, изложенныя гораздо болѣе длинно и запутанно и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже противорѣчащія другъ другу и, вообще, представляющія собою совершенно неясный планъ предстоящаго наступленія. Повидимому, вопросные пункты главнокомандующаго по своей мелочности, бессистемности и отсутствію твердыхъ опредѣленныхъ взглядовъ относительно предстоящаго плана дѣйствій, неблагоприятнымъ образомъ повліяли и на командующаго 2-й арміей и, весьма естественно, втянули его въ лабиринтъ безконечныхъ вопросовъ, колебаній, вѣроятныхъ, а также даже и невѣроятныхъ комбинацій, въ которыхъ тоннула всякая простая мысль о предстоящей операціи. Замѣчательно, что обѣ эти записки ген. Гриппенберга, писанныя съ непродолжительными промежутками времени между ними, существенно отличаются между собою также и по приведеннымъ въ нихъ стратегическимъ соображеніямъ. Очевидно, что предписаніе главнокомандующаго отъ 19-го декабря до нѣкоторой степени даже парализовало творческую дѣятельность командующаго 2-й арміей: согласно первой запискѣ ген. Гриппенбергъ считалъ необходимымъ *одновременное* содѣйствіе фронтальныхъ армій вмѣстѣ съ обходомъ лѣваго фланга японцевъ, что, конечно, вполне соответствовало обстановкѣ; между тѣмъ, по второй запискѣ ген. Гриппенбергъ ограничивается уже только содѣйствіемъ фронтальныхъ армій *въ видѣ открытія огня*, допуская ихъ переходъ въ наступленіе лишь послѣ того, какъ 2-я армія втянется въ бой. Ясно, что при такомъ планѣ дѣйствій трудно было ожидать какихъ-нибудь рѣшительныхъ результатовъ отъ охвата лѣваго фланга, потому что хорошо извѣстно, что подобные обходы имѣютъ успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, если въ то же время съ фронта атака ведется со всей рѣшительностью и энергіей, которая дѣйствительно способна оттянуть силы и вниманіе противника отъ фланга, на который намѣченъ главный ударъ. Между тѣмъ, въ стратеги-

ческихъ соображеніяхъ второй записки сказывается та грубая ошибка, которая является характерной для всѣхъ манчжурскихъ операціонныхъ плановъ и заключается въ разрозненности дѣйствій и разрозненности атакъ. Какъ увидимъ далѣе, эта разрозненность въ русскихъ операціонныхъ планахъ постепенно развивалась и крѣпла и съ особенной силой проявилась на верхахъ команднаго состава во время январскихъ боевъ, приведя къ полной неудачѣ этого наступленія.

Кромѣ указаннаго выше ген. Гриппенбергъ въ первой своей запискѣ предлагалъ обходъ произвести болѣе глубокой, съ цѣлью отрѣзать японцевъ не только отъ ихъ сообщеній съ Яоюномъ, но и съ Кореей. Онъ мечталъ даже этимъ обходомъ „рѣшить участь всей кампаніи“. Но, вѣроятно, подъ влияніемъ осторожности и колебаній главнокомандующаго, въ своей второй запискѣ отъ 24-го декабря командующій 2-й арміей предлагаетъ уже глубокой обходъ ограничить тактическимъ охватомъ лѣваго фланга, объясняя это тѣмъ, что трудно было бы скрыть отъ противника производящійся глубокой обходъ. Это предложеніе ген. Гриппенберга, у котораго явно сказывается полная перемена взглядовъ, стоитъ въ полномъ противорѣчій не только со всѣми подготовительными мѣропріятіями, но также и съ собственными стратегическими соображеніями ген. Гриппенберга.

Полк. Новицкій указываетъ также на замѣчательную „медленность, съ которой происходила разработка операціонныхъ плановъ. Почти цѣлый мѣсяцъ потребовался на то, чтобы разработать простую мысль объ атакѣ лѣваго фланга японцевъ: помимо многочисленныхъ совѣщаній у главнокомандующаго происходилъ еще оживленный обмѣнъ письменными сношеніями между разными штабами, чтобы установить только основныя черты этого плана. И въ этихъ безконечныхъ письменныхъ соображеніяхъ командующихъ арміями, гдѣ иногда трудно было уловить какую-нибудь руководящую идею автора, получили зато полное развитіе всевозможныя схоластическія разсужденія, разныя сухія книжныя премудрости, чуждыя жизни, чуждыя обстановки, которыя являлись всегда злымъ рокомъ во всѣхъ нашихъ операціяхъ въ эту войну“.

Трудно объяснить эту медлительность главнокомандующаго ожидавшимся прибытіемъ 16-го армейскаго корпуса, какъ это часто указывалось въ запискахъ того времени: почему необходимо ждать прибытія именно этого корпуса, а не дожидаться также прибытія стрѣлковыхъ бригадъ и затѣмъ другихъ войскъ, которыя слѣдовали на театръ войны, и въ такомъ случаѣ гдѣ тогда былъ конецъ этимъ ожиданіямъ? Полк. Новицкій указываетъ также, что почти во всѣхъ письменныхъ соображеніяхъ зимняго періода и разныхъ операціонныхъ планахъ признается безспорнымъ численное превосходство на сторонѣ русскихъ, такъ что, несмотря на обычную склонность преувеличивать силы японцевъ, русская армія все же одѣнивалась въ полтора раза сильнѣе японской.

Почему же, спрашиваетъ полк. Новицкій, такое превосходство въ силахъ считалось все же недостаточнымъ, чтобы перейти въ наступленіе? Это отсутствіе довѣрія къ собственнымъ силамъ, которое является характернымъ для всѣхъ операціонныхъ соображеній этой войны, представляетъ собою знаменательное психологическое явленіе. Напрасно, однако, многіе склонны объяснять это боевыми качествами нашихъ войскъ, потому что недостатокъ довѣрія со стороны командныхъ начальниковъ объясняется скорѣе не ихъ сомнѣніемъ въ боевой годности ввѣренныхъ имъ войскъ, а скрывается больше въ ихъ собственныхъ колебаніяхъ и отсутствіи у нихъ твердой воли; въ такихъ случаяхъ всегда склонны искать поддержку въ матеріальныхъ факторахъ внѣшняго міра. Полк. Новицкій высказываетъ такое мнѣніе, что, несмотря на разные недостатки организаціи и снабженія войскъ, русская армія того времени была вполне пригодна для предпріятія перехода въ рѣшительное наступленіе. Къ сожалѣнію, армія эта не была примѣнима въ моральномъ отношеніи, въ смыслѣ усвоенія наступательной идеи и операціонной рѣшимости, которая скрывается только въ непреклонной волѣ, способной двигать людей къ намѣченной цѣли. Въ этомъ вотъ заключалась вся опасность положенія. Людей, пушки, пулеметы, патроны и все прочее, что требуется для веденія войны, можно было выписать изъ Россіи на театръ войны, но откуда было взять то,

чего доставало въ области идеи, характера и искусства высшего командованія войсками?

По мѣрѣ того, какъ приближалось время перехода въ наступленіе, все болѣе суживались область идей и широта намѣченнаго плана, который раньше имѣли въ виду главнокомандующій и командующій 2-й арміей. Подъ вліяніемъ безконечнаго множества разныхъ заботъ и опасеній совершенно исчезла главная цѣль, которая имѣлась въ виду. 10-го января въ штабъ 2-й арміи прибылъ ген. Флугъ, чтобы ознакомить ген. Грипценберга со взглядами главнокомандующаго „относительно послѣдовательности операцій по атакѣ лѣваго фланга непріятельскихъ позицій“. Въ этихъ соображеніяхъ главнокомандующаго оказалось, что вмѣсто предполагавшейся одновременной атаки всѣми тремя арміями, о которой до сихъ поръ говорили, имѣется уже въ виду только атака одного фланга японцевъ; эта частная операція, которая раньше предполагалась хотя и главной, но стоящей въ связи съ дѣйствіями остальныхъ армій, теперь по соображеніямъ главнокомандующаго превращалась уже въ отдѣльную и самостоятельную операцію.

Такъ, по выраженію полк. Новицкаго, „постепенно сокращались и урѣзывались наступательныя операціи. Помимо всего, это наступленіе представляетъ собою яркій образецъ той схоластической стратегіи, которая родилась на поляхъ Манчжуріи и которая привыкла принимать въ расчетъ боевую обстановку и волю противника лишь настолько, насколько эти факторы подчиняются нашимъ собственнымъ взглядамъ“.

Предложеніе, переданное ген. Куропаткинымъ, заключалось главнымъ образомъ въ томъ, что 2-я армія должна была сначала овладѣть Сандепу вводя въ дѣло только 2 корпуса. По имѣвшимся свѣдѣніямъ отъ разныхъ агентовъ деревня эта занята была 5 батальонами, 2 эскадронами, 44 орудіями и 5 пулеметами. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ въ началѣ сраженія подъ Сандепу, тамъ находилось всего только 4^{1/2} эскадрона, 6 орудій и 1 пулеметное отдѣленіе. По овладѣніи Сандепу 2-я армія должна была затѣмъ овладѣть линіей деревень Фукияшуанцзы—Лидіятунь—Худшугіянтунь, послѣ чего тотъ

корпусъ, который участвовалъ въ атакѣ Сандепу, долженъ былъ отойти и стать въ резервъ уступами, слѣдуя, такимъ образомъ, за правымъ флангомъ. Послѣ овладѣнія 2-й арміей упомянутой линіей деревень должна была перейти въ наступленіе 3-я армія, которая до того времени должна была заняться обстрѣливаніемъ непріятельскихъ позицій, при чемъ разнымъ частямъ артиллеріи даже точно указаны были цѣли для обстрѣливанія; задачей 3-й арміи было овладѣніе деревнями: Холянтай, Чаплинцу, Линшинпу, Ламатунь, и Хоутхайской сопкой къ югу отъ Шахепу. Послѣ этого должна была перейти въ наступленіе 2-я армія и большей частью своихъ силъ овладѣть Татусанпу. Содѣйствіе 1-й арміи должно было заключаться въ томъ, чтобы притянуть на себя возможно больше силъ противника.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что полк. Новицкій былъ правъ: во всемъ этомъ планѣ войсками дѣйствуютъ схематически, какъ фигурами на шахматной доскѣ, не принимая въ расчетъ волю противника. Вообще, о противникѣ не говорятъ вовсе, упоминаются только названія мѣстъ, которыми слѣдуетъ овладѣть. Но не овладѣніе деревнями даетъ побѣду, а уничтоженіе живой силы противника. А если одно изъ этихъ послѣдовательныхъ предпріятій не удастся? Тогда вся эта искусственная машина должна остановиться, какъ это и случилось на самомъ дѣлѣ въ послѣдствіи! Какая невѣроятная безжизненная схоластика лежитъ въ основѣ такого плана, чтобы напередъ опредѣлять, что оба армейскихъ корпуса послѣ взятія Сандепу должны слѣдовать за арміей эшелонированными за правымъ флангомъ! Такъ можно, пожалуй, распорядиться на учебныхъ плацахъ, дѣйствуя противъ обозначеннаго противника, но не на поляхъ сраженій, гдѣ приходится считаться съ независимой волей непріятеля, покореніе которой составляетъ главную цѣль въ бою, такъ какъ въ противномъ случаѣ она опрокидываетъ совершенно всѣ наши расчеты.

Ген. Гриппенбергъ былъ несогласенъ съ этимъ планомъ. Замѣчательно, однако, то, что онъ противился главнымъ образомъ содѣйствію 3-й арміи: фронтальная атака этой арміи по линіи Линшинпу—Ламатунь казалась ему слишкомъ смѣлой;

казалось ему также, что атака безцѣльна въ виду того, что даже въ случаѣ удачи японцы могутъ отступитъ на вторую линію укрѣпленій. Конечно, непріятель могъ это сдѣлать всегда, но въ такомъ случаѣ всякое наступленіе является, вообще, безцѣльнымъ. Для наступательной операціи 2-й арміи онъ считалъ необходимымъ, по крайней мѣрѣ, 7 корпусовъ, при чемъ направленіе наступленія онъ полагалъ необходимымъ болѣе вглубь непріятельскаго фланга, примѣрно на станцію Янтай. Онъ со своей стороны также предлагалъ схему послѣдовательности наступленія—сначала овладѣніе Сандепу 8-мъ корпусомъ, затѣмъ овладѣніе Лидіятунемъ 10-мъ и 8-мъ корпусами, потомъ движеніе обоихъ корпусовъ на Шахе и т. д.

Это предложеніе ген. Гришпенберга было занесено въ протоколъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что „вообще по мнѣнію командующаго 2-й арміей наступленіе въ данномъ случаѣ представляется предпріятіемъ труднымъ, вслѣдствіе чего онъ предполагаетъ.... болѣе выгоднымъ оборонительный образъ дѣйствія, чтобы предоставить японцамъ атаковать“. Впослѣдствіи начальникъ штаба 2-й арміи ген. Рузскій высказалъ, 22-го января, что „ген. Гришпенбергъ былъ того мнѣнія, что прибытіе арміи Ноги на театръ дѣйствій значительно измѣнило обстановку: *разсчитывать на успѣхъ при новой обстановкѣ невозможно, поэтому командующій арміей полагаетъ болѣе цѣлесообразнымъ ограничиться обороной... Командующій 2-й арміей высказалъ мнѣніе, что при данной обстановкѣ наилучшимъ рѣшеніемъ было бы даже отступление къ Мукдену, а если необходимо, то еще далѣе на сѣверъ, чтобы тамъ выжидать удобнаго случая для перехода въ наступленіе“.*

Правда, ген. Гришпенбергъ утверждалъ, что онъ былъ невѣрно понятъ начальникомъ штаба арміи и что содержаніе протокола не соответствовало дѣйствительности. Онъ отрицалъ приписываемую ему склонность къ оборонѣ и къ отступленію, утверждая, что это противорѣчитъ всѣмъ высказаннымъ имъ взглядамъ: „Я постоянно высказывалъ войскамъ моей арміи, говорить ген. Гришпенбергъ, что отступленія не будетъ, что

мы должны побѣдить японцевъ и побѣдимъ ихъ, что этого требуютъ честь и достоинство Россіи“.

Полк. Новицкій высказываетъ мнѣніе, что выраженный выше командующимъ арміей взглядъ о предпочтительности обороны и даже отступленія на сѣверъ относится собственно не къ данной операціи подъ Сандепу, а къ общему положенію на театрѣ войны вообще. Едва ли это, однако, такъ: если командующій 2-й арміей не относился безнадежно къ задуманной наступательной операціи, то почему же онъ такъ сомнѣвался въ успѣшномъ исходѣ всей кампаніи? Такъ постепенно, по словамъ полк. Новицкаго, суживалась и урѣзывалась задуманная наступательная операція 2-й арміи, которая въ концѣ концовъ свелась къ атакѣ группы укрѣпленныхъ деревень. Названіе „Сандепу“ постепенно заслонило собою всѣ прочія географическія названія и стало своего рода знаменемъ, подъ которымъ 2-я армія вела свою наступательную операцію въ январѣ. Наступательный планъ, такимъ образомъ, измѣнился по существу: преобладающее вліяніе получили оборонительныя тенденціи главнокомандующаго и вмѣсто наступательныхъ дѣйствій всѣхъ трехъ армій ограничили себя изолированной операціей одной 2-й арміи.

Прежде, однако, чѣмъ перейти къ очерку боевъ подъ Сандепу, мы должны коснуться еще одного событія, которое не стояло въ тѣсной связи съ этими боями, но послужило ему, до нѣкоторой степени, прелюдией.

Набѣгъ коннаго отряда ген. Мищенко на Инкоу.

Набѣгъ ген. Мищенко составляетъ одно изъ своеобразнѣйшихъ предпріятій не только Манчжурской кампаніи, но и, вообще, во всей военной исторіи. Особенность этого предпріятія заключается, прежде всего, въ численности конницы, принимавшей участіе въ этомъ набѣгѣ, которому дана была совершенно самостоятельная задача, стоящая особнякомъ отъ всѣхъ остальныхъ операцій арміи. Но что касается выполненія этой задачи, то оригинальность набѣга заключается развѣ лишь

въ крайнемъ пренебреженіи основныхъ положеній, требуемыхъ подобными предпріятіями. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи набѣгъ не отличается отъ прочихъ русскихъ наступательныхъ операций, потому-то и результатомъ этого набѣга была ставшая для нихъ обычной полнѣйшая неудача.

Въ серединѣ января силы русской конницы на театрѣ войны простирались до 172 эскадроновъ и сотенъ; кромѣ того большая часть пѣхотныхъ и стрѣлковыхъ полковъ имѣли еще при себѣ конно-охотничьи команды, въ составѣ почти эскадрона, которыя служили для ближней развѣдки, ординарческой службы при пѣхотныхъ дивизіяхъ и т. п. Этой огромной массѣ конницы японцы могли противопоставить всего только 50 эскадроновъ, изъ которыхъ выдѣлены были только двѣ отдѣльныя кавалерійскія бригады, остальная же кавалерія распределена была между пѣхотными дивизіями. Весьма естественно поѣтому, что съ русской стороны постоянно думали о необходимости использовать такое огромное превосходство конницы для производства рейда въ тылъ противника съ цѣлью дѣйствовать на его сообщенія. Удивительно лишь то, что давно не предпринято было что-нибудь въ этой области, что еще во время сраженія на Шахе не произведенъ былъ такой рейдъ въ тылъ лѣваго фланга японцевъ одновременно съ наступленіемъ Западнаго отряда ген. Бильдерлинга.

Вопросъ о производствѣ такого набѣга въ тылъ японцевъ поставленъ былъ еще въ ноябрѣ 1904 года, тогда уже многіе штабы пришли въ движеніе для разработки плана этого набѣга: предложены были разные планы—то въ обходъ лѣваго фланга, то въ обходъ праваго фланга; предлагалось также произвести набѣгъ въ обходъ обоихъ фланговъ. Въ общемъ, однако, преобладалъ взглядъ, что наиболѣе выгоднымъ является набѣгъ за лѣвый флангъ, съ запада, въ виду того, что мѣстность въ этомъ направленіи представлялась болѣе выгодной для дѣйствій конницы.

Послѣ того, какъ ген. Куропаткинъ рѣшилъ, наконецъ, на производство этого набѣга, снова началась разработка плановъ для *исполненія набѣга* въ обходъ непріятельскаго лѣваго фланга „одновременно съ переходомъ арміи въ наступленіе“.

Въ общемъ, всѣ сначала были согласны съ тѣмъ, что рейдъ этотъ будетъ имѣть успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ будетъ произведенъ одновременно съ наступленіемъ всей арміи, но такъ какъ это наступленіе все больше откладывалось, то и вопросъ о производствѣ набѣга постепенно заглохъ и выплылъ наружу снова лишь въ началѣ января.

Какъ мы видѣли выше, паденіе Портъ-Артура 2-го января 1905 года подвинуло русскую главную квартиру къ рѣшенію о необходимости перехода въ наступленіе немедленно послѣ прибытія на театръ войны стрѣлковаго корпуса, который ожидался въ серединѣ января,—для того, чтобы осуществить это наступленіе еще до прибытія арміи Ноги изъ-подъ Артура для подкрѣпленія арміи маршала Ойямы. Такъ какъ по расчетамъ русской главной квартиры для передвиженія всей арміи Ноги по желѣзной дорогѣ требовалось 20 дней, то представлялось весьма важнымъ разрушить, насколько возможно, желѣзную дорогу изъ Артура въ Ляоянь и тѣмъ воспрепятствовать подвозу арміи Ноги. Это разрушеніе желѣзной дороги представляло собою, такимъ образомъ, главную задачу набѣга отряда ген. Мищенко. Кромѣ того, надѣялись еще появленіемъ значительной кавалерійской массы въ тылу противника произвести извѣстный моральный эффектъ на японцевъ и тѣмъ заставить ихъ оттянуть побольше войскъ съ фронта для охраны ихъ сообщеній въ тылу.

Въ арміи давно уже знали, что для выполненія этого набѣга назначенъ будетъ генераль-адъютантъ Мищенко, хотя съ разныхъ сторонъ—между прочимъ и по мнѣнію начальника штаба арміи—признавалось необходимымъ, чтобы во главѣ стоялъ кавалерійскій генераль, „обладающій достаточнымъ опытомъ командованія значительными массами кавалеріи и воодушевленный настоящимъ кавалерійскимъ духомъ“. Были ли, вообще, такой кавалерійскій генераль на театрѣ войны, представлялось очень сомнительнымъ, такъ какъ до сего времени ни одинъ изъ генераловъ такого „настоящаго кавалерійскаго духа“ не обнаружилъ; также и ген. Мищенко ничего не обнаружилъ въ этомъ отношеніи, но его Забайкальская казачья бригада представлялась, пожалуй, наилучшимъ кон-

нымъ войскомъ на театрѣ войны; вмѣстѣ съ тѣмъ ген. Мищенко пользовался довѣріемъ какъ своихъ подчиненныхъ, такъ и главнокомандующаго и—хотя трудно сказать, на основаніи какихъ данныхъ—заслужилъ себѣ въ арміи репутацію энергичнаго и лихого кавалерійскаго начальника. Во всякомъ случаѣ въ его дѣйствіяхъ въ Корей мы не находимъ никакихъ слѣдовъ проявленія кавалерійскаго духа, а также и позже ген. Мищенко не показалъ ничего такого, что могло бы служить оправданіемъ установившейся за нимъ репутаціи.

Все же надо признать, что ген. Мищенко былъ болѣе способенъ на дѣйствія энергичныя и осторожныя, чѣмъ большая часть остальныхъ русскихъ кавалерійскихъ начальниковъ, и если этотъ набѣгъ все же совершенно не удался, то причины этого неуспѣха кроются во всякомъ случаѣ не въ томъ фактѣ, что Мищенко „не былъ корнетомъ“.

Можно, пожалуй, согласиться съ полк. Новицкимъ, который говорить, что—„многіе неудачу набѣга приписывали личности начальника, который никогда не проходилъ службу въ кавалеріи и былъ для нея совершенно случайнымъ человѣкомъ“. Нельзя, однако, забывать, что такое требованіе знанія кавалерійской службы необходимо лишь на низшихъ командныхъ ступеняхъ, но тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о выполненіи значительной военной операціи, тамъ болѣе важны общія свойства характера, требуется извѣстный полководческій талантъ, и если этого нѣтъ, то никакая спеціальная подготовка начальника не предотвратитъ пораженія. Зло заключалось не въ томъ, что ген. Мищенко не былъ кавалеристомъ, въ узкомъ значеніи этого слова, а въ томъ, что онъ призванъ былъ для выполненія такой задачи, которая требовала широкаго военнаго кругозора и смѣлыхъ, самостоятельныхъ дѣйствій полководца, чего у ген. Мищенко не было. Полк. Грулевъ со своей стороны опровергаетъ утвержденіе кавалеристовъ, пытающихся доказать, что неудача рейда кроется въ томъ, что ген. Мищенко не былъ кавалеристомъ: „Да, говорить полк. Грулевъ,—если бы все дѣло сводилось только къ краснымъ рейтузамъ, тогда задачу кавалерійскихъ набѣговъ можно было бы признать вполне несложной“.

Многіе склонны неудачу этого набѣга приписывать приказаніямъ и распоряженіямъ ген. Куропаткина для выполненія этого набѣга. Полк. Новицкій спрашиваетъ, однако, почему же ген. Мищенко согласился со всѣми этими распоряженіями, если онъ сомнѣвался въ цѣлесообразности ихъ на дѣлѣ? „Очевидно, ген. Мищенко самъ показалъ себя не выше уровня обычной солдатской подчиненности; между тѣмъ на высшихъ командныхъ ступеняхъ требуется иногда такое мужество, которое цѣнится выше, чѣмъ храбрость передъ непріателемъ... Впрочемъ, ген. Мищенко въ этомъ отношеніи раздѣляетъ участь всѣхъ прочихъ нашихъ командныхъ начальниковъ, которые воспитаны при условіяхъ, не способствующихъ развитію личнаго почина, твердости характера и самостоятельности сужденія. Всѣ, вообще, спѣшили исполнять приказанія главнокомандующаго, какъ бы иногда они ни казались непримѣнными и несвоевременными, и никому въ голову не приходило, что бываютъ на войнѣ случаи, когда критическое отношеніе къ приказанію начальника составляетъ военный долгъ подчиненнаго“.

Этотъ вопросъ, который ставитъ полк. Новицкій, затрагиваетъ весьма щекотливую тему. Какъ ни правъ полк. Новицкій въ своихъ сужденіяхъ, но при извѣстныхъ обстоятельствахъ заключеніе его можетъ привести къ весьма важнымъ послѣдствіямъ. Куда же это можетъ завести насъ на войнѣ, если подчиненные будутъ иногда считать своей обязанностью критически относиться къ приказанію начальства? Какъ ни цѣнна, вообще, самостоятельность мысли и характера, но при извѣстныхъ обстоятельствахъ это можетъ привести на войнѣ къ зловреднымъ послѣдствіямъ. Между тѣмъ, помимо этого, бываетъ на войнѣ не мало такихъ серьезныхъ обстоятельствъ, гдѣ подчиненный можетъ вполне проявить свою инициативу и силу воли, не выходя изъ общихъ рамокъ поставленной ему задачи. Это могли также и многіе русскіе начальники примѣнить на дѣлѣ, безъ особой критики мѣропріятій высшаго команднаго состава,—въ особенности это возможно было въ сраженіи на Шахе. Могъ также примѣнить это и ген. Мищенко въ своемъ набѣгѣ на Инкоу, если бы только всѣ русскіе начальники были сами проникнуты готовностью къ отвѣт-

ственности, ставя своимъ первымъ долгомъ добиться главной задачи на войнѣ—побѣдить, хотя бы цѣною собственной гибели. Во всякомъ случаѣ, что касается русскихъ операціонныхъ плановъ въ эту войну, то они представляются настолько своеобразными, что можно согласиться съ полк. Новицкимъ, что какъ на ген. Мищенко, такъ и, въ другихъ случаяхъ, на другихъ командныхъ начальниковъ, падаетъ извѣстная вина за то, что они принимали безъ возраженій все мѣропріятія главнокомандующаго, какъ бы они ни казались имъ нецѣлесообразными или даже опасными. Дѣло въ томъ, что эти операціонные планы являлись результатомъ не однихъ только взглядовъ верховъ арміи, а представляли собою итогъ безконечныхъ совѣщаній и письменныхъ проектовъ, въ которыхъ участвовали также и тѣ самые начальники, которые должны были ихъ осуществлять на практикѣ; такимъ образомъ этимъ послѣднимъ предоставлялась полная возможность высказать свое мнѣніе и отстоять его передъ главнокомандующимъ, какъ бы оно ни отличалось отъ взглядовъ послѣдняго. Если же при всемъ томъ они брали на себя исполненіе этихъ плановъ безъ возраженій, то объясняется это не столько духомъ военной подчиненности, сколько, въ большей мѣрѣ, пассивностью характера и желаніемъ отклонить отъ себя отвѣтственность за результаты.

Для выполненія набѣга ген. Мищенко дана была конная масса въ такой численности, употребленіе которой не находитъ себѣ примѣра въ новой военной исторіи. Послѣ сраженія на Шахе Забайкальская казачья бригада ген. Мищенко отведена была для отдыха за фронтъ арміи и сведена вмѣстѣ съ Уральской казачьей бригадой, съ которой и образовала, подъ начальствомъ ген. Мищенко, Уральско-Забайкальскую казачью дивизію. Когда затѣмъ возникъ вопросъ о производствѣ рейда, дивизія эта была переведена за правый флангъ арміи въ Сухудяпу на Хунхэ, гдѣ къ ней присоединена была Кавказская конная бригада князя Орбеліани. Когда, наконецъ, рѣшено было окончательно производство набѣга, ген. Мищенко приданы были еще 3 полка только что прибывшей на театръ войны Донской казачьей дивизіи (18 сотенъ), сводная драгун-

ская дивизія (18 эскадроновъ), 4 конно-охотничьихъ команды изъ 1-й арміи и нѣсколько сотенъ пограничной стражи, такъ что въ общемъ подъ начальствомъ его получилось: 72¹/₂ эскадрона и сотни, 4 конно-охотничьихъ команды, 3 конныхъ батареи (18 орудій) и полубатарея (4 орудія), стрѣляющая гранатами.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что составъ этой кавалерійской массы былъ очень пестрый. Къ этому необходимо добавить, что и большая часть начальниковъ была чужда подчиненнымъ имъ войскамъ. Самъ ген. Мищенко увидѣлъ въ первый разъ подъ своей командой эту массу кавалеріи; вмѣсто него командовать Уральско-Забайкальской дивизіей назначенъ былъ совершенно неизвѣстный ей командиръ 1-й бригады Донской казачьей дивизіи ген. Абрамовъ, а командиромъ Забайкальской казачьей бригады назначенъ былъ ген. Баумгартенъ, командированный въ распоряженіе ген. Мищенко только на время этого набѣга. Для командованія сводной драгунской дивизіей вызванъ былъ ген. Самсоновъ, начальникъ Сибирской казачьей дивизіи, съ которой онъ находился въ это время на крайнемъ лѣвомъ флангѣ арміи. Наконецъ, по случаю болѣзни князя Орбеліани командовать Кавказской конной бригадой назначенъ былъ также временный начальникъ. Въ общемъ выводѣ, такимъ образомъ, въ отношеніи команднаго состава остался на своемъ мѣстѣ только начальникъ Донской казачьей дивизіи.

Въ отношеніи внутренней организаціи назначенная для набѣга кавалерійская масса оставляла слѣдовательно желать многого. Было бы, однако, ошибочно печальный результатъ набѣга приписывать этому недостатку организаціи. Также неправильно полагають, что причиной неудачи является недостаточная подвижность казачьей лошади. Одинъ французскій писатель печальный исходъ этого набѣга окрестилъ даже названіемъ „банкротство казачества“. Казаки, пожалуй—въ особенности призванные изъ льготы 2-я и 3-я очереди—во все время Манчжурской войны показали себя, вообще, не на высотѣ боевой дѣятельности, требуемой отъ современной кавалеріи. Необходимо, однако, признать, что для производства подобнаго

набѣга казаки, а также ихъ лошади обладаютъ подходящими свойствами, благодаря ихъ выносливости и ограниченности въ потребностяхъ. Что касается подвижности и быстроты казачьей лошади на маршѣ, то едва ли казачья лошадь въ этомъ отношеніи много уступаетъ кавалерійской лошади. Если бы только искусство командованія русскихъ начальниковъ было на высотѣ этой задачи, если бы начальники были проникнуты вполне сознательнымъ пониманіемъ поставленной цѣли и воодушевлены надлежащей рѣшимостью достигнуть этой цѣли, то эта конная масса на второмъ же маршѣ находилась бы уже передъ Инкоу и могла основательно разрушить городъ и желѣзную дорогу. Неудачный исходъ набѣга на Инкоу представляетъ собою только одно изъ дальнѣйшихъ послѣдствій заранѣе проявившагося уже банкротства—банкротства русскаго военнаго искусства въ отношеніи командованія войсками въ бою.

Между тѣмъ, обстановка для выполненія задачи, поставленной этому набѣгу въ обходъ лѣваго фланга японцевъ была, вообще, благопріятна. Мѣстность къ западу отъ желѣзной дороги не представляла для движенія кавалеріи никакихъ препятствій; сама желѣзная дорога являлась главнымъ сообщеніемъ японцевъ съ Портъ-Артуромъ и Инкоу и потому могла служить важнымъ объектомъ для этого набѣга. Обширная равнина была слегка покрыта снѣгомъ и проходима по всѣмъ направленіямъ; дороги были въ хорошемъ состояніи, а водныя поверхности всюду были покрыты льдомъ. Весь районъ между Хунхе и Ляохе представляетъ собою наиболѣе плодородную мѣстность Манчуріи, можно было поэтому вполне рассчитывать на богатые мѣстные средства. Отсутствие въ этомъ районѣ телеграфныхъ и другихъ средствъ быстрыхъ сообщеній представляло собою также обстоятельство благопріятное, потому что давало возможность внезапнаго появленія кавалеріи. Мѣстные жители, если не были особенно дружественно расположены къ русскимъ, не могли также относиться къ нимъ и особенно враждебно. Наконецъ, само направленіе желѣзной дороги, служившей въ данномъ случаѣ предметомъ дѣйствій, идетъ здѣсь *на юго-западъ*, т. е. какъ бы навстрѣчу набѣгу конницы, и охранялось только слабыми этапными войсками.

Что же собственно должно было служить цѣлью этого набѣга? Имѣлось въ виду замедлить, насколько возможно, прибытіе арміи Ноги послѣ паденія Портъ-Артура для того, чтобы выполнить задуманную наступательную операцію до прибытія этой арміи на театръ дѣйствій. Эта цѣль могла быть достигнута только путемъ основательнаго разрушенія желѣзной дороги, что и должно было служить главной задачей этого набѣга. Значительныя силы этой кавалерійской массы допускали возможность выбрать себѣ цѣлью дѣйствій важнѣйшія искусственныя сооруженія этой дороги, какъ, напримѣръ, желѣзнодорожный мостъ у Хайчена, отбросивъ при этомъ японскія прикрывающія войска, и прервать, такимъ образомъ, ихъ сообщенія. Какъ побочныя цѣли дѣйствій могло служить разрушеніе магазиновъ и складовъ разныхъ запасовъ, захватъ транспортовъ, уничтоженіе этаповъ и т. п. для того, чтобы заставить непріятеля оттянуть побольше войскъ съ фронта для прикрытія своихъ сообщеній и, попутно, произвести также извѣстное моральное впечатлѣніе.

Во всѣхъ проектахъ исполненія этого набѣга, въ особенности предлагавшихся ген. Эвертомъ и Флугомъ, главной его цѣлью ставилось разрушеніе желѣзной дороги; съ этимъ соглашался также начальникъ штаба арміи ген. Сахаровъ. Ген. Куропаткинъ, однако, колебался и, повидимому, не могъ остановиться ни на какомъ рѣшеніи; такъ, 4-го января онъ, между прочимъ, пишетъ ген. Сахарову: „Подумайте, не выгоднѣе ли будетъ предпринять набѣгъ собственно на Инкоу и, *попутно*, разрушить желѣзную дорогу...

6-го января главнокомандующій далъ ген. Мищенко свои указанія относительно исполненія набѣга, при чемъ главную цѣль набѣга формулировалъ словами: „Основательное разрушеніе желѣзной дороги на участкѣ Хайченъ — Ташичао — Кайпингъ, съ разрушеніемъ мостовъ у Хайчена и Кайпинга въ особенности; затѣмъ овладѣть Инкоу, уничтожить тамъ всѣ запасы и вызвать панику въ тылу японцевъ“. Предоставляя ген. Мищенко изыскать мѣры по его усмотрѣнію относительно направленія набѣга, ген. Куропаткинъ прибавляетъ къ даннымъ имъ указаніямъ, что важнѣй-

шей цѣлью набѣга является разрушеніе желѣзной дороги на указанномъ участкѣ. Однако, уже на слѣдующій день ген. Куропаткинъ возвращается къ высказанному имъ 4-го января, гдѣ главной цѣлью ставится нападеніе на Инкоу „въ случаѣ, если гарнизонъ этого города окажется слабымъ“. Такимъ образомъ ген. Мищенко не указано было вовсе строго опредѣленной цѣли набѣга и для достиженія успѣха ему, вообще, предоставлялась полная свобода. Но въ памятной запискѣ, поданной генераломъ Мищенко главнокомандующему 5-го января, онъ развиваетъ уже полученные отъ главнокомандующаго указанія 4-го января, гдѣ главной цѣлью набѣга онъ ставитъ *нападеніе на Инкоу*, временное занятіе этого пункта и уничтоженіе тамъ желѣзнодорожной станціи и всѣхъ запасовъ, а для разрушенія желѣзной дороги между Аншанчжаномъ и Ташичао и уничтоженія здѣсь полотна дороги и искусственныхъ построекъ ген. Мищенко рѣшаетъ одновременно выдѣлить сотню охотниковъ.

Такимъ образомъ основная цѣль набѣга—затруднить подвозъ японскихъ подкрѣпленій изъ Портъ-Артура—отступаетъ на задній планъ, потому что заранѣе можно было предвидѣть, что основательный перерывъ желѣзнодорожнаго сообщенія едва ли могъ быть достигнутъ посредствомъ высылки, *по дороге*, составной сотни охотниковъ. Притомъ какая цѣль могла преслѣдоваться разрушеніемъ Инкоу, находящагося въ сторонѣ отъ главной артеріи японскихъ сообщеній? Уничтоженіе находившихся тамъ складовъ могло, пожалуй, нанести японцамъ извѣстный матеріальный вредъ, но развѣ онъ стоитъ затраченныхъ для достиженія этой цѣли силъ и средствъ? Уничтоженные запасы могли быть очень легко пополнены опять, въ особенности, если желѣзная дорога къ югу отъ Ташичао оставалась неразрушенной. Быть можетъ, русскіе командные начальники думали путемъ производства пожаровъ въ Инкоу и артиллерійской канонады въ тылу японцевъ заставить этихъ послѣднихъ оттянуть войска съ фронта? Но чему могъ служить даже такой временный моральный эффектъ, если армія не намѣревалась использовать его для перехода въ наступленіе?

Вполнѣ вѣрная мысль, высказанная генераль-квартирмейстеромъ ген. Эвертомъ о необходимости использовать конный набѣгъ одновременной атакой арміи съ фронта, оставлена была безъ вниманія. Подобно тому, какъ мы видимъ въ сраженіи подъ Сандепу, гдѣ наступленіе 2-й арміи обратилось въ изолированную операцію, вмѣсто совместнаго перехода въ наступленіе остальныхъ армій съ фронта, точно также и теперь, при набѣгѣ ген. Мищенко, отказались отъ первоначальнаго предположенія связать этотъ набѣгъ съ общимъ наступленіемъ войскъ. Чувствовалось, очевидно, что въ виду паденія Портъ-Артура придется, волей-неволей, выйти изъ пассивнаго положенія; но по мѣрѣ того, какъ приближалось это время, не хватало рѣшимости, чтобы сразу начать это наступленіе.

Набѣгъ, такимъ образомъ, превращенъ былъ въ самостоятельную операцію и поэтому едва ли могъ бы привести къ рѣшительнымъ результатамъ. Если, однако, пришли къ заключенію о необходимости предпринять всеобщее наступленіе арміи не ранѣе 25-го января, т. е. послѣ прибытія стрѣлковаго корпуса, то и самостоятельная операція съ набѣгомъ ген. Мищенко противъ сообщеній непріятеля могла бы принести пользу лишь при условіи, если бы была предпринята позже сообразно съ обстановкой на фронтѣ арміи.

Между тѣмъ, въ томъ видѣ, какъ произведенъ былъ набѣгъ, по своей несвоевременности, это было предпріятіе не только безцѣльное, но даже вредное. По мнѣнію полк. Новицкаго, набѣгъ на Инкоу ни въ коемъ случаѣ не могъ дать рѣшительныхъ результатовъ, не потому, что этотъ кавалерійскій корпусъ былъ организованъ не такъ, какъ слѣдуетъ, не потому также, что онъ двигался не съ надлежащей скоростью, а потому, что онъ произведенъ былъ совершенно несвоевременно—притомъ вмѣсто операціи вспомогательной получилъ характеръ предпріятія вполнѣ самостоятельнаго, поэтому въ концѣ концовъ оно превратилось въ предпріятіе безцѣльное, въ ударъ по воздуху, который могъ вызвать только много шума, безъ вреда для непріятеля. Даже основательное разрушеніе желѣзной дороги могло замедлить прибытіе арміи Ноги на театръ войны на какихъ-нибудь 3-4 дня. Такая задержка могла бы,

пожалуй, имѣть значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы одновременно съ этимъ набѣгомъ арміи съ фронта перешли въ наступленіе; тогда не только разрушеніе желѣзной дороги, но даже самый фактъ появленія конницы въ тылу противника могъ бы повліять на исходъ сраженія. Но при полнѣйшей бездѣятельности нашихъ армій, остававшихся въ это время спокойно въ своихъ укрѣпленіяхъ, не предпринимая даже никакихъ демонстративныхъ дѣйствій, всѣ успѣхи конницы противъ сообщеній противника лишены были практическаго значенія. Для достиженія какихъ-нибудь триумфовъ конницы для поднятія въ ней кавалерійскаго духа можно бы было ограничиться посылкой мелкихъ кавалерійскихъ отрядовъ, но никоимъ образомъ не превращать этого въ самостоятельную операцію стратегическаго характера, тѣмъ болѣе, что во всѣхъ указаніяхъ главнокомандующаго мы не находимъ вполне определенной общей цѣли для этого необычайнаго предпріятія: если пересмотрѣть всѣ письменныя распоряженія и указанія ген. Куропаткина, относяціяся къ этому набѣгу, то, по утверженію полк. Новицкаго, мы тамъ найдемъ множество мелочныхъ указаній административно-тактическаго характера, но напрасно стали бы искать тамъ общую руководящую идею главнокомандующаго.

Какъ бы, однако, несвоевременно ни былъ произведенъ этотъ набѣгъ, все же онъ могъ бы и долженъ былъ привести къ существеннымъ матеріальнымъ и моральнымъ успѣхамъ, если бы только онъ былъ выполненъ надлежащимъ образомъ и сообразно съ обстановкой. Первымъ условіемъ успѣха было производство этого набѣга вполне неожиданно для противника притомъ съ надлежащей быстротой и энергіей. Это же требованіе выражено было и ген. Куропаткинымъ въ его указаніи ген. Мищенко отъ 6-го января. Между тѣмъ, дѣйствительное выполненіе является полнѣйшей ироніей въ отношеніи только что выраженныхъ основныхъ требованій.

Оставляя открытымъ вопросъ о томъ, насколько японцы захвачены были врасплохъ этимъ набѣгомъ,—такъ какъ никакихъ мѣропріятій для отраженія набѣга ими предпріято не было,—все же представляется невѣроятнымъ, чтобы они зара-

нѣе не знали объ этомъ готовящемся предпріятіи, потому что русскими ничего не было сдѣлано, чтобы сохранить эту операцію въ должномъ секретѣ: начиная съ ноября 1904 года въ русской арміи уже говорили о готовящемся набѣгѣ. Во всѣхъ штабахъ и частяхъ войскъ, даже на вокзалѣ и на улицахъ Мукдена вопросъ о набѣгѣ обсуждался совѣмъ откровенно.

Назначенный въ набѣгъ кавалерійскій корпусъ собрался въ Сыфонтай уже 8-го января. Разстояніе отъ этого мѣста сбора до главной цѣли набѣга, Инкоу, составляетъ около 130 километровъ, которое могло быть пройдено въ два дня, между тѣмъ на самомъ дѣлѣ конницѣ потребовалось *четыре перехода*, чтобы добраться до Инкоу. Ежедневно конница дѣлала всего только 33 километра, двигаясь шагомъ съ ранняго утра до поздней ночи. Средняя скорость движенія составляла всего только 3 километра въ часъ. При такихъ условіяхъ конница являлась тутъ совершенно излишней—съ такимъ же успѣхомъ и пѣхота могла бы въ такое время достигнуть Инкоу, представляя собою еще ббльшую боевую силу.

Эта невѣроятная медленность движенія конницы, притомъ въ такой операціи, гдѣ быстрота и энергія выполненія являлись главнымъ залогомъ успѣха, объяснялась часто вмѣшательствомъ ген. Куропаткина въ организацію этого набѣга, такъ какъ по указанію главнокомандующаго конницѣ приданъ былъ продовольственный транспортъ на вьюкахъ, который чрезвычайно замедлялъ движеніе. Эта мѣра ген. Куропаткина вызвана была опасеніемъ, что отряду ген. Мищенко придется проходить по мѣстности, гдѣ продовольственные запасы уже исчерпаны японскими фуражировками.

Ген. Мищенко, однако, со своей стороны не возражалъ противъ этого указанія главнокомандующаго и въ своемъ докладѣ отъ 5-го января даже самъ призналъ необходимымъ имѣть при отрядѣ продовольственную колонну въ 1,500 вьючныхъ животныхъ, которыя должны были поднять двухдневный запасъ продовольствія. Передъ выступленіемъ изъ Сыфонтай нѣкоторые начальники высказывали мысль, что въ обозной колоннѣ нѣтъ никакой надобности въ виду богатства мѣст-

ныхъ средствъ района, черезъ который предстояло движеніе; также и ген. Самсоновъ высказывалъ мнѣніе о необходимости оставить на мѣстѣ этотъ транспортъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ отрядъ превратится въ прикрытіе къ транспорту. Ген. Мищенко, однако, никакъ не могъ рѣшиться отказаться совсѣмъ отъ услугъ транспорта.

Первый же переходъ 9-го января уже показалъ, что отрядъ можетъ вполнѣ питаться мѣстными средствами: во всѣхъ населенныхъ пунктахъ, гдѣ отрядъ по пути дѣлалъ остановки, находили въ избыткѣ запасы всякаго рода. Кромѣ того, какъ въ этотъ переходъ, такъ и въ послѣдующіе дни, отряду доставались въ добычу обозы и транспорты съ продовольствіемъ, которые направлялись къ японцамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ ген. Мищенко имѣлъ возможность убѣдиться, что дальнѣйшее удержаніе при отрядѣ вьючнаго транспорта приведетъ къ упущенію главной цѣли набѣга: 14¹/₂ часовъ потребовалось вьючному транспорту, чтобы пройти разстояніе изъ Сыфонтая въ Даванъ, между тѣмъ весь отрядъ волей-неволей долженъ былъ считаться съ этимъ движеніемъ транспорта. Вдобавокъ необходимо еще замѣтить, что двигаться приходилось по мѣстности, изобилующей хунхузами, поэтому нельзя было этотъ транспортъ оставлять безъ прикрытія, пришлось непосредственно тащить его за собою, такъ что въ концѣ концовъ отрядъ дѣйствительно превратился въ „прикрытіе къ транспорту“, какъ это предвидѣлъ ген. Самсоновъ. Не будетъ большой ошибкой и въ настоящемъ случаѣ, если скажемъ, что лишь боязнъ отвѣтственности удерживала ген. Мищенко возвратитъ транспортъ, предоставивъ его собственной участи, и именно вслѣдствіе этой боязни отвѣтственности пренебрегли участію главной цѣли, преслѣдуемой набѣгомъ.

Были, впрочемъ, еще и другія обстоятельства, замедлявшія движеніе, сдѣлавшія невозможнымъ неожиданное появленіе отряда. Дѣло въ томъ, что между Сыфонтаемъ и Инкоу нигдѣ не находилось сколько-нибудь значительныхъ японскихъ силъ, которыя могли бы задержать движеніе отряда; только въ нѣкоторыхъ пунктахъ, какъ въ Даванѣ и Килихе, находились шайки хунхузовъ, а въ другихъ мѣстахъ, какъ въ Санда-

кантъ и Ньючвантъ, находились только слабыя японскія пѣхотныя заставы, окарауливавшія склады запасовъ. Вмѣсто того, чтобы просто обойти эти пункты, они были атакованы отрядомъ, что вызвало потерю времени и силъ; въ особенности сильный бой разгорѣлся на второй день марша у Сандакана, гдѣ японцы засѣли въ окруженномъ каменной стѣнной винокуренномъ заводѣ. Атакованный кавалеріей въ конномъ строю заводъ продержался до вечера и только введенной въ дѣло артиллеріей японская застава была выбита. На третій день марша, 11-го января, отрядъ такимъ же безцѣльнымъ образомъ задержался у Ньючвана, который занять былъ японской этапной ротой. Послѣ того, какъ эта рота была прогнана боемъ, отрядъ расположился на ночлегъ у Цинцзатуня, всего лишь *въ 25 километрахъ отъ Инкоу*, главной цѣли всего набѣга.

На походѣ составлены были изъ охотниковъ разъѣзды (въ общемъ 5 сотенъ и 1 эскадронъ), которымъ дана была задача разрушить желѣзную дорогу. Два такихъ разъѣзда, каждый по 2 сотни, вечеромъ 10-го января отдѣлились отъ отряда у Лидіавозы. Обойдя этимъ разъѣздамъ удалось къ утру слѣдующаго дня безпрепятственно достигнуть желѣзной дороги и разрушить полотно дороги на нѣкоторомъ разстояніи, но разыскать важныя искусственныя сооруженія имъ не удалось, такъ что перерывъ движенія по желѣзной дорогѣ продолжался всего лишь 6 часовъ. Затѣмъ два другихъ разъѣзда, отправленные изъ Ньючвана 11-го января по направленію на участокъ желѣзной дороги между Ташичао и Хайченомъ, проблуждали всю ночь и никакъ не могли отыскать желѣзную дорогу. Впрочемъ, одному изъ этихъ разъѣздовъ все же удалось испортить полотно дороги и порвать телеграфное сообщеніе между Ташичао и Инкоу; хотя здѣсь перерывъ движенія по дорогѣ могъ продолжаться только нѣсколько часовъ, все же удовлетворительный результатъ достигался уже тѣмъ, что подкрѣпленіе изъ Ташичао въ Инкоу могло прибыть только не ранѣе 12-го послѣ полудня. Но и это благоприятное обстоятельство ген. Мищенко не сумѣлъ использовать.

Конный отрядъ, такимъ образомъ, къ вечеру 11-го января достигъ Цинцзатуня, около 100 километровъ отъ исходнаго

пункта. Хотя такая медленность никоимъ образомъ не соответствовала характеру набѣга, все же главная цѣль разрушенія Инкоу съ его складами запасовъ могла быть достигнута, если бы, наконецъ, отрядъ рѣшился дѣйствовать энергично, тѣмъ болѣе, что гарнизонъ Инкоу состоялъ въ это время, до полудня 12-го января, только изъ одной роты, а корпусъ ген. Мищенко находился всего въ разстояніи 25 километровъ отъ Инкоу. Хотя до японцевъ доходили уже, конечно, свѣдѣнія о движеніи коннаго отряда ген. Мищенко, тѣмъ не менѣе они до того времени не приняли никакихъ мѣръ къ усиленію гарнизона Инкоу—вѣроятно всего потому, что имъ въ голову не могло прійти, что цѣлью дѣйствій такой огромной кавалерійской массы будетъ служить такой, не имѣющей для русскихъ особаго значенія, этапный пунктъ, какъ Инкоу. „При видѣ огромныхъ таборовъ кавалеріи съ тысячами неуклюжихъ вьюковъ—ни одному кавалеристу не могло прійти въ голову, что это готовится молніеносный набѣгъ на глубокой тылъ противника“, какъ выражается по этому поводу въ своихъ воспоминаніяхъ полк. Грулевъ.

Не оправдалось также и предположеніе ген. Куропаткина, что для прикрытія своихъ сообщеній и тыла японцы вынуждены будутъ въ виду появленія отряда ген. Мищенко оттянуть значительныя силы съ фронта. Въ виду полученныхъ японцами свѣдѣній о движеніи отряда ген. Мищенко 11-го января отправленъ былъ по желѣзной дорогѣ изъ Ляояна въ Аншанчанъ 5-й резервный полкъ (8-й резервной бригады) для подкрѣпленія гарнизоновъ и этаповъ въ Хайченѣ и Аншанчанѣ. Когда же японцы узнали, что русская конница направилась въ Инкоу, то 12-го января туда направленъ былъ батальонъ этого полка изъ Хайчена. Батальонъ этотъ прибылъ только къ вечеру 12-го января, когда атака русскихъ была уже отбита въ виду того, что желѣзнодорожная вѣтвь Ташичао—Инкоу находилась подъ угрозой непріятельской кавалеріи. Только 2-мъ этапнымъ ротамъ изъ Ташичао удалось, послѣ исправленія полотна желѣзной дороги, въ 4 часа пополудни 12-го прибыть въ Инкоу до начала атаки русской конницы.

Но случилось нѣчто совершенно невѣроятное: послѣ того,

какъ русская конница 11-го вечеромъ прибыла почти къ цѣли своего назначенія, находясь всего лишь въ разстояніи 25 километровъ отъ Инкоу—*атака этого пункта вдругъ была отложена до 12-го вечеромъ*. Утромъ въ этотъ день конница продвинулась до Такаукена и здѣсь остановилась для отдыха съ тѣмъ, чтобы въ 4 часа дня продвинуться дальше въ Цзяншияоцзы, отсюда открыть артиллерійскій огонь, дѣйствуя съ этой стороны демонстративно противъ Инкоу, и одновременно съ этимъ направить штурмовую колонну, которая съ наступленіемъ темноты должна была атаковать и уничтожить желѣзнодорожную станцію Инкоу.

Описывая этотъ рейдъ на Инкоу, полк. Свѣшниковъ по поводу этихъ дѣйствій выражается слѣдующимъ образомъ: „Добрая судьба все дала намъ въ руки для успѣха дѣла; несмотря на движеніе отряда церемоніальнымъ маршемъ, несмотря на бесполезныя задержки въ пути ненужными боями, которые можно было избѣжать, мы счастливо добрались до мѣста отдыха передъ Такаукеномъ, который находился въ разстояніи всего лишь 11—12 километровъ отъ Инкоу—главной задачи нашего набѣга. Можно было думать, что мы теперь по крайней мѣрѣ бросимся сразу на Инкоу, чтобы уничтожить все, но вмѣсто этого мы дѣлаемъ остановку для отдыха на 4 часа“...

Такимъ образомъ дали противнику время притянуть подкрѣпленія и принять необходимыя мѣры для отраженія атаки. При всемъ томъ, гарнизонъ Инкоу не превышалъ одного батальона послѣ того, какъ часть этого гарнизона успѣла прибыть изъ Ньючвана благодаря медленнымъ дѣйствіямъ русской конницы и послѣ прибытія также на подкрѣпленіе 2 ротъ изъ Ташичао. Слѣдовательно къ началу атаки русской конницы противъ Инкоу тамъ не было полнаго батальона, безъ кавалеріи и артиллеріи, противъ котораго ген. Мищенко располагалъ 75 эскадронами и 22 орудіями; задача его, повидимому, не должна была поэтому казаться особенно трудной.

Но изъ этой огромной массы силъ для участія въ штурмѣ Инкоу назначено было всего только 15 эскадроновъ и сотенъ и 4 конно-охотничьихъ команды, тогда какъ 5 другихъ сотенъ подъ начальствомъ полк. графа Шувалова направлены были

восточнѣе Инкоу противъ желѣзной дороги, чтобы воспрепятствовать подвозу подкрѣпленій изъ Ташичао. Остальные 51 эскадроны и сотни назначены были для разныхъ дѣйствій демонстративныхъ, подготовительныхъ, для прикрытія и т. п.; такъ что въ общемъ участіе въ атакѣ не принимали.

Но самое характерное въ данномъ случаѣ это—составъ штурмовой колонны. Прошло только нѣсколько дней, которыми командные начальники могли воспользоваться, чтобы ознакомиться сколько-нибудь съ вновь подчиненными имъ войсками, и когда, наконецъ, этотъ конный корпусъ прибылъ къ цѣли своихъ дѣйствій, ген. Мищенко вдругъ счелъ возможнымъ снова порвать и нарушить все установившіяся организационныя связи. Штурмовая колонна составлена была изъ 4 эскадроновъ 1-го Приморскаго драгунскаго полка по одному эскадрону или сотнѣ отъ всѣхъ остальныхъ 11 драгунскихъ и казачьихъ полковъ и конно-охотничьихъ командъ 4-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи, т. е. всего изъ 16 различныхъ полковъ. Этотъ отрядъ ввѣренъ былъ совершенно неизвѣстному всѣмъ войскамъ полк. Хоранову, который только поздно вечеромъ 11-го января присланъ былъ изъ главной квартиры въ распоряженіе ген. Мищенко.

Этому отряду, лишенному всякой внутренней связи, ввѣрено было съ наступленіемъ темноты исполнить крайне трудную для кавалеріи задачу, какъ атака желѣзнодорожной станціи. Изъ этихъ 19 эскадроновъ, сотенъ и командъ три выдѣлены были для прикрытія коноводовъ, такъ что для штурма оставалось только 16 частей. Какъ и можно было предвидѣть, атака, лишенная цѣльности и единства дѣйствій, совершенно не удалась: съ потерей 24 офицеровъ и 263 нижнихъ чиновъ отрядъ полк. Хоранова отступилъ.

Но прежде, чѣмъ извѣстенъ сталъ результатъ штурма, ген. Мищенко рѣшилъ уже отступить на сѣверъ, несмотря на то, что значительная часть его отряда еще въ бою участія не принимала. На отступление это ген. Мищенко рѣшился въ виду полученныхъ имъ невѣрныхъ свѣдѣній о движеніи непріятельскихъ войскъ изъ Ташичао и о появленіи другого отряда японцевъ въ тылу у Ньючвана. Такое рѣшеніе является въ

высшей степени страннымъ со стороны начальника, пользующагося репутаціей человѣка съ выдающеюся энергіей. Не задавъ себѣ труда провѣрить эти свѣдѣнія, не выждавъ рѣшительныхъ дѣйствій, ген. Мищенко въ ту же ночь приказалъ уже своему отряду отступить на Лянсянтунь, чтобы 13-го утромъ начать обратное движеніе. Нельзя поэтому не согласиться со слѣдующими сужденіями полк. Новицкаго:

„Само по себѣ занятіе Инкоу было въ стратегическомъ отношеніи совершенно бесполезно, но разъ это было поставлено задачей отряду, то необходимо было обезпечить успѣхъ соотвѣствующими цѣлесообразными дѣйствіями. Подвижность конницы давала возможность угрожать японскому гарнизону въ Инкоу не только съ фронта, но также съ фланга и съ тыла, что при огромномъ численномъ превосходствѣ конницы было вполне возможно, въ особенности въ виду отсутствія кавалеріи у противника. Между тѣмъ начальникъ отряда большую часть своихъ войскъ 12-го вечеромъ оставилъ совершенно бездѣтельными и пассивными зрителями во время атаки нашей штурмовой колонны и даже увелъ вовсе эту значительную часть отряда на Лянсянтунь, опасаясь за свои сообщенія въ тылу.

„Это преждевременное отступленіе главныхъ силъ отряда, задача котораго еще не была исполнена, представляетъ собою характерное явленіе во всѣхъ нашихъ операціяхъ въ эту войну... Если ген. Мищенко считалъ занятіе Инкоу предпріятіемъ нецѣлесообразнымъ и труднымъ для выполненія, то не слѣдовало для этого также вводить въ дѣло и тѣ 15 сотенъ, которыя составляли штурмовую колонну, тогда ему слѣдовало со всѣми силами прорваться въ тылъ противника восточнѣе желѣзной дороги“. Вообще, по заключенію полк. Новицкаго, эта крайняя медленность и пассивный и даже сонливый характеръ дѣйствій этого отряда во все время его набѣга производять особенно неблагоприятное впечатлѣніе въ отношеніи дѣйствій 12-го января.

Рано утромъ 13-го января кавалерійскій корпусъ началъ свое обратное движеніе по правому берегу Ляохе, который онъ перешелъ въ Санчахе. Здѣсь 14-го утромъ произошелъ

бой между арьергардомъ отряда и двигавшимся съ востока неприятельскимъ батальономъ. Этотъ бой былъ также совершенно бесполезенъ, потому что у японцевъ конницы не было и конный отрядъ ген. Мищенко при желаніи могъ вполне избѣгнуть боя. 15-го января отрядъ прибылъ въ Даванъ. Хотя отрядъ отступалъ безъ всякаго преслѣдованія со стороны противника, тѣмъ не менѣе высланъ былъ въ Даванъ для встрѣчи отряда усиленный Ляохейскій отрядъ ген. Коссаговскаго.

Достоиню вниманія, что самъ ген. Мищенко въ своемъ донесеніи отъ 15-го января просилъ о высылкѣ ему навстрѣчу пѣхотной дивизіи, чтобы прикрыть его отступленіе. Трудно себѣ представить, откуда ему могла угрожать опасность, такъ какъ силы его коннаго отряда превосходили всю кавалерію японскую всѣхъ трехъ армій, а пѣхота противника не могла вѣдь преслѣдовать его конницу. Несмотря на это, ген. Куропаткинъ все же призналъ необходимымъ усилить еще отрядъ ген. Коссаговскаго 8 сотнями изъ разныхъ полковъ, 10 конно-охотничьими командами и 2 орудіями для того, чтобы двинуть его въ усиленномъ составѣ навстрѣчу ген. Мищенко. Передавъ своихъ раненыхъ въ отрядъ ген. Коссаговскаго, отрядъ ген. Мищенко перешелъ въ районъ Коляма, гдѣ онъ былъ расформированъ. Уральско-Забайкальская казачья дивизія ген. Мищенко и Кавказская конная бригада остались въ Сыфонтаѣ; остальные войска отошли въ мѣста прежняго расположенія.

Такимъ образомъ широко задуманное предпріятіе кончилось полнѣйшей неудачей, потому что оно выполнено было безъ достаточной быстроты и энергіи. Эта стратегія осторожности и медлительности дѣйствій, которыми проникнута была тактика всѣхъ русскихъ операцій въ эту войну, всего менѣе была умѣстна для кавалеріи, въ дѣйствіяхъ которой требуются порывъ и смѣлость. Каковы же были результаты этого набѣга? Эта огромная кавалерійская масса въ 8,000 всадниковъ произвела лишь незначительное поврежденіе желѣзной дороги, пользование которой было прервано только на нѣсколько часовъ, затѣмъ отбито было нѣсколько сотъ китайскихъ пово-

зокъ съ запасами, предназначавшимися для непріятельской арміи, и взято въ плѣнъ 19 японцевъ. Таковы матеріальные результаты восьмидневнаго набѣга. Выяснить силы и составъ непріятельскихъ войскъ, ихъ движеніе и намѣренія, въ особенности свѣдѣнія, касающіяся движенія арміи Ноги изъ Портъ-Артура—въ этой области никакихъ существенныхъ свѣдѣній добыто не было. Не удалось также заставить японцевъ оттянуть съ фронта побольше войскъ для прикрытія тыла. Да и для чего бы это сдѣлалъ противникъ? Именно результаты этого набѣга доказали, что нѣтъ никакой надобности расходовать силы для прикрытія тыловыхъ сообщений, когда есть возможность путемъ желѣзной дороги быстро перебросить силы отъ одного пункта къ другому.

Набѣгъ этотъ, однако, не только не принесъ никакой пользы, но онъ принесъ положительный вредъ, въ особенности въ моральномъ отношеніи. Неудача этого предпріятія, о которомъ задолго передъ тѣмъ уже говорили въ арміи, должна была произвести неблагопріятное впечатлѣніе именно въ средѣ самой кавалеріи. Повидимому, это пошатнуло довѣріе конницы къ собственнымъ силамъ, показавъ ей ея полное безсиліе. Это обстоятельство и является главной причиной еще большей бездѣятельности конницы въ сраженіи подъ Мукденомъ, чѣмъ мы это видѣли въ предшествовавшихъ бояхъ и сраженіяхъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что при болѣе энергичномъ и цѣлесообразномъ руководствѣ дѣйствіями конницы въ этомъ набѣгѣ могъ быть достигнутъ болѣе значительный успѣхъ, главнымъ образомъ въ моральномъ отношеніи. Какъ уже замѣчено выше, этому успѣху все благопріятствовало въ этомъ набѣгѣ. Еще во время сраженія на Шахе такой набѣгъ конницы, въ связи съ дѣйствіями арміи съ фронта, могъ принести огромную пользу. Другой вопросъ, представляется ли возможнымъ набѣгъ такой огромной кавалерійской массой при нынѣшнихъ условіяхъ на европейскомъ театрѣ войны? Нашъ уставъ для обученія конницы указываетъ на то, что предпріятіе сколько-нибудь продолжительныхъ дѣйствій значительными кавалерійскими силами противъ тыловыхъ сообщений противника отвлекаетъ кавалерію отъ ея ближайшихъ прямыхъ задачъ. „Такой

набѣгъ возможенъ только при значительномъ превосходствѣ въ силахъ кавалеріи. При этомъ необходимо обратить вниманіе на обеспеченность боевыми и другими запасами“. Такимъ образомъ, превосходство въ силахъ конницы является основнымъ условіемъ для производства набѣга значительной кавалерійской массой, а такое условіе едва ли будетъ выполнимо въ отношеніи европейскихъ армій. Кроме того, въ культурныхъ странахъ крайне трудно разсчитывать на внезапность появленія конницы, т. е. исключается возможность главнѣйшаго залого успѣха, потому что вездѣ сильно развита сѣть сообщеній всякаго рода.

Какимъ же образомъ исполнить требованія устава обученія конницы въ отношеніи необходимости для конницы имѣть при набѣгѣ достаточное количество продовольственныхъ и другихъ запасовъ.

Для выполненія такой задачи кавалерія должна проявить наибольшую стремительность и дѣйствовать быстро: ни при какихъ условіяхъ она не должна ставить свое движеніе въ зависимость отъ движенія обозныхъ колоннъ съ боевыми и продовольственными запасами, довольствуясь исключительно тѣмъ, что всадникъ можетъ имѣть лишь при себѣ, на собственной лошади, а такъ какъ при дѣйствіяхъ въ непріятельской странѣ трудно разсчитывать на добываніе продовольственныхъ запасовъ для обширныхъ массъ кавалеріи, то очевидно, что на европейскомъ театрѣ войны можетъ быть рѣчь лишь о набѣгахъ небольшихъ отрядовъ конницы и притомъ на короткое время, въ надеждѣ появляться всюду врасплохъ и находить кое-какіе запасы на мѣстѣ. Возможно, конечно, разсчитывать иногда на успѣхъ при набѣгѣ большой массы кавалеріи въ особенности въ страну, потрясенную уже пораженіями, когда можно надѣяться на успѣхъ при дѣйствіяхъ на сообщенія противника. Но, вообще говоря, важнѣйшая задача современной конницы можетъ быть выполняема только при содѣйствіи другихъ родовъ оружія.

Обсуждая исходъ набѣга ген. Мищенко на Инкоу, полк. Грулевъ высказываетъ, между прочимъ, слѣдующее сужденіе: „Въ началѣ 80-хъ годовъ мы съ храброй рѣшительностью мирнаго времени однимъ махомъ похѣрили всю нашу кавалерію“.

лерію, обративъ всѣхъ въ драгуны и основавъ идею всей обороны нашей западной границы на наводненіи Германіи нашими драгунами и казаками, съ цѣлью помѣшать мобилизаціи и стратегическому развертыванію германской арміи. Если эта задача оказалась не по плечу нашей кавалеріи на широкомъ просторѣ въ Манчжуріи, гдѣ намъ не мѣшали ни мѣстность, ни населеніе, ни войска противника, которыя почти совѣмъ отсутствовали въ районѣ набѣга, то въ какомъ положеніи очутились бы наши драгуны и казаки при своемъ набѣгѣ въ Германію, покрытую густой сѣтью желѣзныхъ дорогъ, телеграфныхъ и телефонныхъ сообщеній, испещренную укрѣпленными пунктами и наводненную собственной кавалеріей и другими войсками? Мы хорошо сдѣлали, что хоть теперь, четверть вѣка спустя, отказались отъ химерической фантазмагоріи и воскресили прежнюю кавалерію“.

Сандепу.

(25-го—28-го января).

Набѣгъ на Инкоу ген. Мищенко послужилъ также причиной выдвигенія впередъ, въ первую линію, 2-хъ корпусовъ 2-й Манчжурской арміи, что повліяло неблагоприятнымъ образомъ на стратегическую обстановку русской арміи.

2-я армія ген. Гриппенберга состояла сначала изъ прибывшаго изъ Европейской Россіи 8-го армейскаго корпуса, изъ 10-го корпуса, смѣненнаго 6-мъ Сибирскимъ корпусомъ, и изъ 5-го Сибирскаго. Послѣдній изъ этихъ корпусовъ до конца декабря занималъ крайній правифланговый участокъ русской позиціи къ западу отъ желѣзной дороги между Линшинпу и Сандіоза. Далѣе къ западу, между правымъ флангомъ 5-го корпуса и рѣкой Хуньхе, находилась только казачья бригада ген. Грекова, прикрывавшая правый флангъ. Еще далѣе, къ западу отъ Хуньхе, находился отрядъ ген. Коссаговскаго, прикрывавшій правый флангъ всей арміи. Также и на сторонѣ японцевъ между Шахе и Хуньхе находились только слабыя прикрывающія части.

До конца 1904 года 8-й и 10-й корпуса находились въ резервѣ къ югу отъ Мукдена. 3-го января 5-й Сибирскій корпусъ занялъ свою позицію въ передовой линіи арміи, войдя своимъ лѣвымъ флангомъ у Линшинцу въ связь съ правымъ флангомъ 3-й арміи, такъ какъ въ это время 2-я армія была усилена своднымъ стрѣлковымъ корпусомъ (1-я, 2-я и 5-я европейскія стрѣлковыя бригады), послѣдній эшелонъ котораго прибылъ изъ Европейской Россіи 19-го января. Кромѣ того, въ составъ 2-й арміи вошелъ 1-й Сибирскій корпусъ ген. Штакельберга, который до того времени стоялъ въ резервѣ 1-й арміи и 22-го января долженъ былъ прибыть въ Сухудіапу на Хуньхе, а также кавалерійскій корпусъ ген. Мищенко и, наконецъ, Ляохейскій отрядъ ген. Коссаговецкаго.

Въ своемъ отчетѣ ген. Куропаткинъ высказываетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Задача по атакѣ лѣваго фланга японцевъ поручена была 2-й арміи, которая усилена была до 120 батальоновъ и приняла сосредоточенное расположеніе, имѣя резервъ къ югу отъ Мукдена. Согласно имѣвшимся у насъ свѣдѣніямъ, на сторонѣ противника, между Шахе и Хуньхе, имѣлись только слабыя силы. Несмотря на отданное приказаніе 2-й арміи возможно долѣе сохранить свое сосредоточенное расположеніе на лѣвомъ берегу Хуньхе, ген. Гриппенбергъ 13-го января перевелъ 14-ю пѣхотную дивизію на правый берегъ Хуньхе у Сыфонтая и, кромѣ того, безъ разрѣшенія главнокомандующаго 16-го января перевелъ еще 10-й корпусъ въ передовую линію, гдѣ этотъ корпусъ долженъ былъ войти въ связь съ правымъ флангомъ 3-й арміи. Эти передвиженія войскъ обнаружили японцамъ наши намѣренія: противникъ и со своей стороны началъ усиливать свой лѣвый флангъ. 2-я же армія, вмѣсто своего сосредоточеннаго положенія, была вытянута по фронту болѣе чѣмъ на 20 километровъ.

Въ дѣйствительности, однако, 14-я дивизія въ началѣ января была переведена въ передовую линію, точно также какъ и 15-я дивизія, для усиленія кавалеріи ген. Грекова, а также для прикрытія постройки желѣзной дороги черезъ Сухудіапу на Таванканпу, такъ что въ серединѣ января 2 полныхъ корпуса 2-й арміи заняли укрѣпленную позицію между правымъ

флангомъ 3-й арміи у Сандіоза и Ляохейскимъ отрядомъ у Сыфонтая. Трудно, однако, сказать, на комъ лежитъ вина этого преждевременнаго развертыванія половины 2-й арміи: на генералѣ ли Гриппенбергѣ, какъ это утверждаетъ главнокомандующій, или на самомъ ген. Куропаткинѣ, вслѣдствіе его неясныхъ приказаній, имѣвшихъ всегда въ основѣ чрезмѣрную осторожность. Дѣло въ томъ, что какъ ген. Куропаткину, такъ и командующему 2-й арміей одинаково недоставало ясно сознанной цѣли дѣйствій и твердой воли, вмѣсто чего постоянно ихъ занимали всевозможныя заботы и опасенія въ виду поступавшихъ разныхъ свѣдѣній и проч.

Такъ и въ настоящемъ случаѣ,—едва лишь былъ посланъ кавалерійскій корпусъ ген. Мищенко въ набѣгъ, какъ уже всѣ заботы главнокомандующаго направлены были не на то, чтобы добиться отъ набѣга извѣстныхъ результатовъ, а на то, чтобы обезпечить отступленіе отряда ген. Мищенко. Результатомъ этого опасенія было слишкомъ поспѣшное составленіе изъ всѣхъ армій отряда, который подчиненъ былъ ген. Коссаговскому для движенія впередъ навстрѣчу ген. Мищенко. Это же опасеніе послужило также и причиной приказанія главнокомандующаго ген. Гриппенбергу держать наготовѣ 8-й корпусъ для движенія, если потребуется, на поддержку ген. Мищенко.

Всѣ эти бесполезныя, ничѣмъ не оправдываемыя, распоряженія вызвали, конечно, безпокойство и у ген. Гриппенберга, который повѣрилъ необоснованнымъ свѣдѣніямъ о появленіи значительныхъ японскихъ силъ передъ фронтомъ его арміи, т. е. между Шахе и Хуньхе, вслѣдствіе чего сталъ опасаться за безопасность своего праваго фланга. Въ особенности ген. Гриппенбергъ считалъ этотъ флангъ въ опасности, когда Ляохейскій отрядъ и 15-я дивизія, прикрывавшіе постройку желѣзной дороги южнѣ Таванканпу, были направлены на юго-западъ по указанію ген. Куропаткина на поддержку отряда ген. Мищенко. Вслѣдствіе этого командующій 2-й арміей испрашивалъ разрѣшеніе главнокомандующаго на выдвиненіе впередъ 14-й дивизіи на правый берегъ Хуньхе для подкрѣпленія Ляохейскаго отряда, а также на выдвиненіе впередъ и

10-го корпуса, чтобы заполнить пустое мѣсто между правымъ флангомъ 3-й арміи и 15-й дивизіей на Шахе, и когда на неоднократные запросы ген. Гриппенберга онъ не получилъ отвѣта, то онъ самъ распорядился объ этомъ передвиженіи войскъ.

Въ особенности рельефно сказывается недостатокъ ясно сознанной оперативной цѣли въ указаніяхъ, данныхъ ген. Куропаткинымъ ген. Коссаговскому при послыжкѣ его для встрѣчи возвращающагося отряда ген. Мищенко. Хотя ген. Коссаговскій располагалъ уже отрядомъ въ составѣ свыше 5 батальоновъ, 12 сотенъ и 16 орудій, ген. Куропаткинъ поручилъ ему помимо этого отряда послѣшно составленный новый отрядъ изъ 8 сотенъ и 11 конно-охотничьихъ командъ съ приказаніемъ двинуться съ этимъ отрядомъ навстрѣчу ген. Мищенко; свой же Ляохейскій отрядъ ген. Коссаговскій долженъ былъ передать начальнику 14-й дивизіи, выдвинутой въ Сыфонтай по приказанію ген. Гриппенберга.

Хотя японцы и не преслѣдовали ген. Мищенко и задача ген. Коссаговскаго была поѣтому очень нетрудная, ген. Куропаткинъ призналъ все же необходимымъ дать по телеграфу ген. Коссаговскому особую инструкцію черезъ командующаго 2-й арміей съ подробными указаніями о предстоящей ему дѣятельности. По словамъ полк. Новицкаго въ этой инструкціи главнокомандующаго весьма ярко сказалось его безпокойство: „Когда читаешь эту телеграмму, то можно подумать, что конному отряду ген. Мищенко угрожала тогда чрезвычайная опасность. Въ особенности характерны указанія, данныя ген. Куропаткинымъ ген. Коссаговскому: онъ долженъ въ одно и то же время оказать помощь конному отряду ген. Мищенко, но въ то же время не удаляться отъ Сыфонтая дальше одного полуперехода, такъ что ген. Коссаговскій долженъ былъ одновременно и наступать и обороняться, на что-то рѣшаться, ввязываться въ бой и вмѣстѣ съ тѣмъ не покидать своихъ укрѣпленій, — наглядный показатель нашей злосчастной Манчжурской стратегіи, которая была въ вѣчной погонѣ за тѣмъ, чтобы все прикрывать, все охранять, ни на что не рѣшаться, достигнуть

всего, но безъ потерь, и въ результатъ, конечно, ничего не достигая“.

16-го января, въ день возвращенія коннаго отряда ген. Мищенко, главнокомандующимъ дана была ген. Гриппенбергу директива, которая представляетъ собою прямую противоположность тому, что мы обыкновенно понимаемъ подъ этимъ терминомъ. Въ то время, какъ директива вообще должна оставлять начальнику свободу въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли, поставленной директивой, въ этой послѣдней, данной ген. Куропаткинымъ, мы видимъ, наоборотъ, стремленіе предусмотрѣть всевозможные и даже невозможные случаи, разнообразныя указанія и совѣты, оставляя совершенно безъ вниманія живую силу непріятеля, которая одна только является въ данномъ случаѣ важнѣйшимъ факторомъ. Въ директивѣ ген. Куропаткина трудно даже отыскать, вообще, главную цѣль, преслѣдуемую данной директивой. Главной своей заботой ген. Куропаткинъ, какъ видно изъ директивы, ставитъ не побѣду надъ противникомъ, а овладѣніе разными пунктами, какъ будто бы этимъ должна рѣшиться участь всей операціи. Достаточно привести одну строчку этой директивы, чтобы понять ея духъ: „Наступленіе на Лидіятунь можетъ быть успѣшно лишь въ томъ случаѣ, если: 1) оно будетъ подготовлено сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, 2) если мы заставимъ замолчать батареи противника, которыя онъ выставитъ къ югу отъ Лидіятуня, 3)...“ и т. д. Что необходимо заставить молчать батареи противника, русскимъ войскамъ было, казалось, такъ понятно, что едва ли объ этомъ стоило упоминать особо въ приказѣ главнокомандующаго. Но откуда ген. Куропаткинъ могъ знать, что бой за Лидіятунь, атака котораго, по собственному его выраженію, зависѣла не только отъ артиллерійской, но и отъ инженерной подготовки и должна была быть выработана заранѣе,—что бой за эту деревню будетъ имѣть такое рѣшающее значеніе? Откуда онъ могъ знать, что противникъ выставитъ батареи непременно къ югу отъ Лидіятуня? Вотъ въ подобныхъ заботахъ и мысляхъ большей частью о вещахъ совершенно несущественныхъ, въ этомъ ворохѣ всевозможныхъ мелочей, совершенно тонула главная цѣль, которая одна только должна служить путеводной звѣздой для полководца.

Объ этой главной цѣли трудно найти также что-нибудь въ окончательномъ операціонномъ планѣ главнокомандующаго отъ 19-го января. Правда, главной задачей наступленія ставится— отбросить армію японцевъ за Тайдзыхе и по возможности нанести имъ пораженіе. Что обозначаетъ такая задача? Казалось бы, что главная и единственная задача должна быть— разбить противника, а все остальное получится само собою. Тогда для использованія успѣха не должно быть и никакой рѣки Тайдзыхе, и никакихъ иныхъ границъ. Почему же непременно за Тайдзыхе, почему не дальше? Говорится, такимъ образомъ, о пораженіи живой силы непріятеля, какъ о какой-то побочной цѣли, какъ будто возможно отбросить 200-тысячную непріятельскую армію за сто километровъ, не нанося ей пораженія...

Кромѣ того въ приказѣ о наступленіи, какъ первоначальная цѣль дѣйствій, указывается лѣвый флангъ арміи Оку: за исключеніемъ этого указанія въ приказѣ о непріятельской арміи ничего не говорится. Собственнымъ арміямъ какъ цѣль дѣйствій указываются не войска противника, а опредѣленные, болѣе или менѣе удаленные пункты и мѣстные предметы, при чемъ категорически указывается, въ какой послѣдовательности предстоитъ овладѣніе этими пунктами. Точно непріятель со своей стороны ничего не можетъ сказать при этомъ! 2-й арміи предлагается начать наступленіе. Содѣйствіе 1-й арміи ограничивается тѣмъ, что она должна оказать поддержку 3-й арміи для овладѣнія Хоутхайской сопкой и высотами между двумя прилегающими деревнями (почему непременно только этими пунктами?), и только когда эта задача будетъ исполнена, когда 2-я и 3-я арміи достигнуть успѣха и когда поведеніе противника это позволитъ—лишь тогда „1-я армія, при поддержкѣ 3-й, должна наступать въ направленіи на позиціи по линіи Тапу—Салиухедзы, которыми мы владѣли отъ 10-го—12-го октября“.

Остается неяснымъ, почему нужно было двигаться впередъ только до этой линіи? Вѣдь это зависѣло отъ того, гдѣ находится противникъ. Какъ это хотѣли противника отбросить за линію Тайдзыхе, когда первой арміи указываются вполне опредѣленные условія для достиженія такой линіи, отъ

которой еще остается цѣлый переходъ до рѣки Тайцзыхе. Командующій 1-й арміей, повидимому, не далъ себѣ особеннаго труда для рѣшенія такой загадки, потому что онъ чувствовалъ, что вовсе не замышляется серьезное общее наступленіе. Поэтому въ своемъ приказѣ отъ 22-го января командующій арміей указываетъ своимъ войскамъ исключительно оборонительныя задачи. Въ дѣйствительности, какъ 1-я армія, такъ и 3-я оставались во время сраженія совершенно бездѣтельными, потому что для перехода ихъ въ наступленіе недоставало основного обстоятельства, которымъ ген. Куропаткинъ обусловилъ содѣйствіе этихъ армій—это успѣха 2-й арміи.

По мнѣнію полк. Новицкаго „ген. Куропаткинъ предпочелъ бы, чтобы японцы сами перешли въ наступленіе, упредивъ наступленіе 2-й арміи, такъ какъ это избавило бы его отъ необходимости принять отвѣтственное рѣшеніе, но японцы оставались спокойными на своихъ позиціяхъ, потому что они еще не успѣли свою Квантунскую армію перебросить на Шахе. Такимъ образомъ, волей-неволей, мы должны были начать наступленіе, вообще предпринять что-нибудь, чтобы прервать эту тягостную бездѣтельность, и такъ какъ главнокомандующій не обладалъ достаточной рѣшимостью и твердой волей, чтобы поставить себѣ ясную цѣль и добиться ея достиженія во что бы то ни стало, поставивъ все на карту, то онъ ограничился тѣмъ, что лишь *намѣтилъ* наступленіе, взявъ изъ нашего операціоннаго плана только одну голую идею наступленія, въ общихъ схематическихъ чертахъ. Все же, что было въ этомъ планѣ живого и рѣшительнаго, было исключено главнокомандующимъ, потому что ему казалось слишкомъ опаснымъ поставить насъ лицомъ къ лицу съ возможными рѣшительными результатами“.

Въ результатъ, по словамъ полк. Новицкаго, вмѣсто перехода въ рѣшительное наступленіе всѣми тремя арміями и глубокаго обхода лѣваго фланга японцевъ, получился робкій планъ послѣдовательнаго занятія разныхъ пунктовъ въ районѣ расположенія противника.

То, чего недоставало главнокомандующему въ области широты взглядовъ и рѣшимости полководца, онъ старался замѣ-

нить неутомимымъ трудомъ за письменнымъ столомъ. Рядомъ съ директивами и приказами по арміямъ появился цѣлый потокъ всевозможныхъ инструкцій, указаній и т. п., которыя умѣстны были для подготовки войскъ въ казармахъ и на учебныхъ плацахъ, но здѣсь, на театрѣ войны, производили впечатлѣніе, точно арміи недостаетъ элементарной тактической подготовки. Еще 16-го января въ дополненіе директивы отъ 15-го января штабомъ главнокомандующаго даны были указанія относительно артиллерійской подготовки наступленія, установки батарей и проч. Въ заключеніе своего приказа отъ 19-го января ген. Куропаткинъ призналъ необходимымъ указать, что „такъ какъ предстоящая операція должна повліять рѣшительнымъ образомъ на успѣшный исходъ всей этой войны, то требуется использовать наше численное превосходство въ кавалеріи и артиллеріи“, для чего ген. Куропаткинъ призналъ необходимымъ дать рядъ печатныхъ указаній точно также о способахъ атаки укрѣпленныхъ пунктовъ и т. п.

Воѣ эти указанія, предписанія и поученія казались все же главнокомандующему недостаточными, вслѣдствіе чего онъ двумя днями позже, 21-го января, призналъ необходимымъ дать еще „особое указаніе командующимъ 1-й, 2-й и 3-й арміями въ развитіе данной имъ директивы отъ 19-го января“... Не считая нѣкоторыхъ свѣдѣній о противникѣ, эти указанія заключали въ себѣ, въ сущности, повтореніе въ иной формѣ прежде данныхъ совѣтовъ относительно способовъ атаки и штурма укрѣпленій, руководства огнемъ, взаимной поддержки войскъ и разные другіе вопросы по руководству боемъ. Замѣчательно, однако, въ этихъ указаніяхъ то, что наступательная идея дѣлаетъ какъ бы шагъ назадъ: все болѣе выступаетъ нежеланіе рѣшительныхъ дѣйствій: 2-й арміи, которая должна была начать наступленіе овладѣніемъ Сандепу и Лидіятунемъ, предписывалось: „Дабы операція не приняла съ самаго начала нежелательнаго чрезмѣрнаго развитія до выясненія численности и намѣреній противника“, рекомендуется „безъ крайней необходимости не переходить линіи Хегоутай—Кученцы—Хоутшугуантунь“. Въ общемъ „признается излишнимъ удаляться больше, чѣмъ на 3—4 километра южнѣе указанной выше укрѣпленной линіи“.

Эти указанія главнокомандующаго были наиболѣе роковыми изъ всѣхъ, которыя имъ даны были до того времени, потому что ими убивалась въ зародышѣ всякая инициатива. Только безостановочное энергичное наступленіе 2-й арміи съ цѣлью атаковать и опрокинуть слабаго противника и добраться до его главныхъ силъ въ тылу на Шахе прежде, чѣмъ японцы успѣютъ принять какія-нибудь мѣры для отраженія этой атаки, могли бы привести къ рѣшительной побѣдѣ. Но такъ какъ указывалось въ директивѣ главнокомандующаго дѣлать остановку послѣ перваго же толчка для того, чтобы исполнѣ „выяснить силы и намѣренія противника“, то это значило выпустить изъ рукъ всѣ выгоды положенія и инициативы и снова отдать себя на волю противника. Это „выжиданіе полного выясненія“ представляетъ собою чистое порожденіе осторожной стратегіи ген. Куропаткина, который искалъ цѣль дѣйствій не впереди, а позади, который одухотворялся не смѣлымъ порывомъ впередъ, а математическими расчетами, не имѣвшими ничего общаго съ подлинной сущностью боевой обстановки.

Со своей стороны и ген. Гриппенбергъ призналъ необходимымъ за нѣсколько дней до наступленія дать своимъ войскамъ также и свои собственные указанія относительно тактическихъ приѣмовъ, въ особенности пѣхоты. Указанія эти заключались въ томъ, что ген. Гриппенбергъ рекомендовалъ русской пѣхотѣ, вмѣсто привычныхъ стрѣлковыхъ залповъ, чаще употреблять въ бою одиночный стрѣлковый огонь. Конечно, большой вопросъ, насколько умѣстно было непосредственно передъ боемъ предлагать войскамъ употреблять въ бою непривычный для нихъ родъ огня, но еще бѣльшая опасность заключалась въ томъ, что въ этихъ указаніяхъ ген. Гриппенбергъ придавалъ стрѣлковому огню слишкомъ преувеличенное значеніе. Онъ пытается доказать, что тѣ оба батальона, которые въ бою подъ Тюренченомъ должны были прикрывать лѣвый флангъ позиціи, могли съ полнымъ успѣхомъ совершенно уничтожить обходящую 12-ю японскую дивизію, если бы, вмѣсто залповаго огня изъ резервныхъ колоннъ, они прибѣгли къ оживленному одиночному стрѣлковому огню изъ развернутыхъ линій стрѣлковъ.

Это не было очень поощрительно для русскихъ войскъ, которымъ предстояло вести атаку, въ виду того, что японцы всегда употребляли стрѣлковый огонь. Въ остальномъ въ этой подробной инструкціи не было и рѣчи о какомъ-нибудь способѣ наступленія. По мнѣнію ген. Гриппенберга силой современнаго огня возможно побѣдить непріятеля, не двигаясь съ мѣста; въ этомъ ошибочномъ заблужденіи и лежитъ корень всѣхъ ошибокъ, которыя встрѣчаются въ тактическихъ директивахъ, данныхъ 2-й арміи.

До начала наступленія произошли два событія, которыя сами по себѣ были незначительны, но ихъ послѣдствія являются характерными для русскаго руководства боемъ. Японцы, которые замѣтили, конечно, передвиженія войскъ ген. Гриппенберга, начали шевелиться противъ обоихъ русскихъ фланговъ; они отлично знали уже, изъ предшествующихъ боевъ, что достаточно только одной угрозы дѣйствій, чтобы заставить русскихъ командныхъ начальниковъ отказаться отъ своихъ наступательныхъ намѣреній. На крайнемъ лѣвомъ флангѣ русскихъ армій, у Цинхенчена, въ 20 километрахъ южнѣе Далинскаго перевала, начали наступленіе 18-го января японскія войска противъ отряда ген. Ренненкампа; происходили пока лишь одни передвиженія войскъ, имѣвшія демонстративный характеръ, но этого уже достаточно было, чтобы заставить ген. Куропаткина отказаться почти окончательно отъ наступленія 2-й арміей, вслѣдствіе чего онъ приказалъ приданныя этой арміи 2 бригады стрѣлковаго корпуса, точно также какъ и находившуюся въ резервѣ 72-ю дивизію 16-го корпуса, направить на поддержку ген. Ренненкампа. Впрочемъ, на этотъ разъ удалось еще убѣдить его отказаться отъ этого намѣренія. вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующій послалъ ген. Ренненкампу — помимо командующаго 1-й арміей, которому онъ былъ подчиненъ, — длинное приказаніе по телеграфу, въ которомъ онъ даетъ подробное указаніе относительно назначенія и употребленія каждаго батальона, чуть ли не каждой роты отряда ген. Ренненкампа, чѣмъ, конечно, совершенно парализовалъ всякій починъ и самостоятельность дѣйствій этого энергичнаго начальника.

Спустя нѣсколько дней, именно 21-го января, главнокомандующій получилъ донесеніе по телеграфу отъ ген. Мищенко, который въ то время находился около Тахуанчипу, что японская колонна, силою въ 2^{1/2} тысячи пѣхоты, 3 эскадрона и нѣсколько орудій, направляется съ юго-востока на сѣверо-западъ, къ Ляохе, въ 12 километрахъ отъ мѣста расположенія конницы ген. Мищенко. Это вполне невѣроятное извѣстіе базировалось на показаніи китайцевъ, такъ какъ кавалерійскіе развѣзды замѣтили только слабые отряды непріятельской конницы. Помимо всего ген. Мищенко призналъ необходимымъ еще докончить свои донесенія слѣдующими словами: „Прибытіе Донской казачьей дивизіи представляется мнѣ крайне необходимымъ“.

Ген. Гриппенбергъ со своей стороны считалъ также излишнимъ выяснить сколько-нибудь обстановку, вмѣсто чего онъ телеграфировалъ ген. Мищенко, предлагая ему, „если представится удобный случай“, произвести нечаянное нападеніе на отрядъ непріятеля, для чего предоставляется въ его распоряженіе 3 полка пѣхоты 14-й дивизіи, при условіи, однако, что 24-го утромъ онъ эти полки возвратитъ обратно въ Сыфонтай, такъ какъ 25-го должно уже начаться наступленіе 2-й арміи. Что касается Донской казачьей дивизіи, то половина ея придана была ген. Мищенко, а другая половина Ляохейскому отряду ген. Коссаговекаго.

Само по себѣ такое распоряженіе ген. Гриппенберга, какъ откомандированіе пѣхотной дивизіи непосредственно передъ боемъ и основанное, притомъ, на непровѣренныхъ донесеніяхъ, доставленныхъ шпіонами, было вполне нераціонально, но помимо этого, это распоряженіе еще страдало половинчатымъ характеромъ: дѣйствія ген. Мищенко обуславливались только такой обстановкой, „если представится удобный случай“; но даже и въ такомъ случаѣ ген. Гриппенбергъ не рѣшается взять на себя отвѣтственность, такъ какъ еще въ тотъ же день, 21-го января, онъ посылаетъ ген. Мищенко телеграмму, въ которой говорится, что, въ виду ненадежнаго положенія кавалерійскаго отряда у Тахуанчипу,—отвести его на сѣверъ, „стараясь притомъ нанести ударъ противнику“.

Впрочемъ, дѣйствія эти опять совершенно были измѣнены, когда ген. Гриппенбергъ на слѣдующій день отправился въ главную квартиру, чтобы доложить ген. Куропаткину о полученныхъ донесеніяхъ и о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ. Узнавъ объ этомъ, главнокомандующій приказалъ предоставить ген. Мищенко полную свободу дѣйствій и располагать полками и артиллеріей 14-й дивизіи *на неопредѣленное время*. Это распоряженіе Ген. Куропаткина объясняется тѣмъ, что главнокомандующему хотѣлось, повидимому, разными второстепенными предпріятіями замѣнить задуманную наступательную операцію, а отчасти его склонностью отсрочивать, насколько возможно, сколько-нибудь рѣшительныя дѣйствія.

Самъ ген. Гриппенбергъ по поводу своего доклада главнокомандующему пишетъ слѣдующее: „Ген. Куропаткинъ развелъ руками и сказалъ тономъ упрека: помилуйте, что же вы сдѣлали! Это нападеніе важнѣе наступленія; мы можемъ отбить нѣсколько орудій и этимъ доставить большое удовольствіе Государю и Россіи. Это нападеніе надо исполнить во всякомъ случаѣ. Отложите ваше наступленіе дня на два. Сказавъ это, ген. Куропаткинъ сѣлъ за письменный столъ и написалъ слѣдующую телеграмму на имя ген. Мищенко: нападеніе на японцевъ надо исполнить во что бы то ни стало. Для сего предоставляю въ ваше распоряженіе 14-ю дивизію безъ ограниченія времени ея возвращенія“...

Такимъ образомъ ген. Мищенко выступилъ 24-го утромъ со своей конницей и 14-й пѣхотной дивизіей изъ Сыфонтая и направился на Вупаніюлу и Ашинліюлу, но нигдѣ ни около этихъ пунктовъ, ни къ югу отъ нихъ, не было обнаружено никакого присутствія войскъ противника. Получивъ объ этомъ донесеніе ген. Мищенко, ген. Гриппенбергъ приказалъ немедленно возвратитъ въ Сыфонтай полки 14-й дивизіи для того, чтобы 25-го утромъ начать свою наступательную операцію, какъ это предполагалось раньше. Послѣ утомительнаго ночного марша полки утромъ 25-го числа прибыли на сборный пунктъ къ западу отъ Чжантана вполне усталые, занявъ мѣсто, какое имъ было указано диспозиціей по 2-й арміи.

Весьма характерно, что ген. Гриппенбергъ никакъ не хо-

тылъ откладывать намѣченное наступленіе, но почему же онъ въ такомъ случаѣ самъ вызвалъ и содѣйствовалъ производству этой безцѣльной операціи, представляющей собою не что иное, какъ ударъ по воздуху. Если дѣйствительно находились какія-нибудь японскія войска между Хунхе и Ляохе, то производство надлежащей развѣдки и прикрытіе фланга съ этой стороны слѣдовало предоставить Ляохейскому отряду; 2-й же арміи слѣдовало всѣ свои силы направить для достиженія поставленной главной цѣли, не отвлекаясь ни вправо, ни влѣво, ни въ тылъ. Но въ этихъ незначительныхъ, но характерныхъ событіяхъ на правомъ флангѣ 2-й арміи сказалась, по отзыву полк. Новицкаго, полнѣйшая неспособность верховъ русской арміи въ сосредоточеніи всѣхъ силъ для достиженія какой-нибудь основной идеи. При постоянныхъ колебаніяхъ и непрерывномъ переходѣ отъ наступленія къ оборонѣ, въ вѣчной заботѣ о [всевозможныхъ мелочахъ, постоянно забывалась главная цѣль и часто упускалась изъ рукъ инициатива дѣйствій.

Расположеніе 2-й Манчжурской арміи 25-го января утромъ, т. е. непосредственно передъ началомъ операцій, было слѣдующее: къ западу отъ Хунхе, который въ это время былъ покрытъ льдомъ и доступенъ для движенія всѣхъ родовъ оружія, находился на крайнемъ правомъ флангѣ Ляохейскій отрядъ ген. Коссаговекаго, расположенный въ это время у Мачуенцзы. Здѣсь же находился и 1-й Сибирскій корпусъ ген. Штакельберга, который 22-го вечеромъ прибылъ изъ 1-й арміи съ крайняго лѣваго фланга и расположился въ районѣ Чаюта и Хумахулицзы. Эта группа войскъ, которая у Хегоутая на Хунхе своимъ положеніемъ охватывала лѣвый флангъ японцевъ, состояла изъ 33 батальоновъ, 29^{1/2} эскадроновъ и 112 орудій. Уступами за этой группой въ районѣ Вупаніюлу--Ашеніюлу расположенъ былъ кавалерійскій корпусъ ген. Мищенко, въ составѣ 45 сотенъ и 24 орудій. Вторую группу, на правомъ берегу рѣки Хунхе, составляла 14-я дивизія 8-го армейскаго корпуса, расположенная у Чжантана; за этой дивизіей находились 2-я и 5-я стрѣлковыя бригады, образовавшія вмѣстѣ сводный стрѣлковый корпусъ, расположенный

въ районѣ Тапуцзы, въ составѣ 25 батальоновъ и 96 орудій. Эта послѣдняя группа связывала между собою двѣ группы войскъ—охватывающую на крайнемъ правомъ флангѣ и расположенную на лѣвомъ берегу Хуньхе, предназначенную для дѣйствій съ фронта.

Къ востоку отъ Хуньхе на укрѣпленной позиціи между рѣкой и правымъ флангомъ 5-го Сибирскаго корпуса у Санкяцзы (Сандіоза) находилась 15-я дивизія, 10-й армейскій корпусъ, а за ними въ тылу у Таванганпу 1-я стрѣлковая бригада—всего 56 батальоновъ, 6 сотенъ и 180 орудій. Въ общемъ силы 2-й арміи составляли $118\frac{1}{4}$ батальоновъ, 89 эскадроновъ и сотенъ, 416 полевыхъ и осадныхъ орудій и 24 пулемета. Изъ этихъ войскъ больше половины, а именно 58 батальоновъ, $74\frac{1}{2}$ эскадроновъ и сотенъ и 232 орудія находились на правомъ берегу рѣки Хуньхе противъ лѣваго фланга японцевъ.

Что же японцы могли противопоставить здѣсь этой внушительной боевой силѣ въ 110,000 человекъ? Какъ всегда силы японцевъ значительно преувеличивались. Непосредственно передъ 2-й русской арміей, между Холянтаемъ и Хегоутаемъ, находилась одна только кавалерійская бригада ген. Окіяма, которая по даннымъ исторіи русскаго генеральнаго штаба въ своемъ усиленномъ составѣ имѣла всего 14 эскадроновъ, 2 батальона, 6 орудій и нѣсколько пулеметовъ. Этотъ слабый отрядъ долженъ былъ охранять все пространство между Шахе и Хуньхе отъ лѣваго фланга 2-й арміи Оку, у Татая до Хегоутая и отсюда далѣе по Хуньхе до Мамыкай, такъ что всего охранительный районъ этого отряда простирался на 35 километровъ. Всѣ деревни отъ Татая на Лидятунь и далѣе черезъ Лапатай, Сандепу, Хегоутай, Тупао и по Хуньхе черезъ Хуанлотоцзы и Мамыкай заняты были, вообще, слабыми конными частями и приведены въ оборонительное состояніе, имѣя выдвинутые впередъ окопы, усиленные проволочными сѣтями. Деревня Сандепу, которая служила центромъ всѣхъ боевъ, продолжавшихся здѣсь пять дней, въ самомъ началѣ этой операціи занята была только 1 ротой и $4\frac{1}{2}$ эскадронами, при 6 конныхъ орудіяхъ и 1 пулеметномъ отдѣленіи.

Еще набѣгъ ген. Мищенко на Инкоу, а также вызванныя этимъ набѣгомъ передвиженія русскихъ войскъ во 2-й русской арміи подвинули японскаго главнокомандующаго вызвать изъ Янтая 8-ю резервную бригаду и направить ее на западъ въ Ландегоу, гдѣ находился продовольственный магазинъ. Эта пѣхотная бригада служила единственной опорой кавалерійской бригадѣ Акіяма между Шахе и Хуньхе. Къ западу отъ Хуньхе находилась только усиленная 2-я японская кавалерійская бригада. Впослѣдствіи, въ виду значительныхъ передвиженій русскихъ войскъ на ихъ правомъ флангѣ, маршалъ Ойяма приказалъ также изъ состава 2-й японской арміи 3-ю пѣхотную дивизію перевести изъ передовой линіи въ резервъ, расположивъ его въ Яндіаванѣ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что 8-я резервная бригада и 3-я пѣхотная дивизія представляли собою единственныя пѣхотныя войска, на поддержку которыхъ могла рассчитывать кавалерійская бригада Акіяма; но и эти пѣхотныя войска въ началѣ боевъ были удалены, въ среднемъ, не менѣе какъ на 15 километровъ, такъ что атака арміи ген. Гриппенберга, начатая 25-го утромъ, наткнулась въ самомъ началѣ на нѣкоторые пункты, занятые только нѣсколькими эскадронами и ротами. Если бы, поэтому, наступленіе поведено было съ надлежащей энергіей, то еще въ тотъ же день русскія войска могли бы достигнуть Шахе и даже проникнуть и далѣе. Если бы, далѣе, эта фланговая атака 2-й арміи была своевременно поддержана переходомъ въ наступленіе съ фронта 1-й и 3-й русскихъ армій, то еще въ тотъ же день могло быть нанесено пораженіе японской арміи. Обстановка этой наступательной операціи представлялась, такимъ образомъ, весьма выгодной для русской арміи. Всѣ данныя были за то, чтобы одержать побѣду, если бы русскія войска ударили въ лѣвый флангъ японцевъ собранными нарочито для этой цѣли 58 батальонами, при многочисленной артиллеріи, направивъ въ то же время конную массу въ 45 сотенъ въ тылъ противнику.

Впрочемъ, въ самомъ расположеніи 2-й арміи скрывался нѣкоторый недостатокъ, который, по словамъ полк. Новицкаго, служилъ слабымъ мѣстомъ для ея наступательной боевой спо-

способности. Это—чрезмѣрно большое число укрѣпленій, возведенныхъ на обоихъ берегахъ рѣки Хунхе, заставившихъ войска больше думать объ оборонѣ, чѣмъ, о наступленіи. Этотъ поясъ укрѣпленій, пользовавшійся большимъ обстрѣломъ впередилежащей мѣстности, заставлялъ войска больше сидѣть за брустверами, выжидая приближенія противника. Чѣмъ ближе приближалось время перехода въ наступленіе, чѣмъ меньше времени оставалось сидѣть въ укрѣпленіяхъ, тѣмъ русскія войска все усиленнѣе занимались возведеніемъ новыхъ укрѣпленій, усовершенствованіемъ старыхъ и приведеніемъ въ оборонительное состояніе мѣстныхъ предметовъ. Эти занятія, по словамъ полк. Новицкаго, не обѣщали ничего добраго, въ особенности въ виду постоянныхъ колебаній, сказывавшихся во всѣхъ приказаніяхъ и распоряженіяхъ главнокомандующаго. И дѣйствительно, войска съ большой неохотой покидали свои укрѣпленія для перехода въ наступленіе.

Ни одно изъ всѣхъ предшествовавшихъ сраженій въ эту войну не показало съ такой ужасающей ясностью полнѣйшую несостоятельность русскаго командованія, какъ сраженіе подъ Сандепу. Огромная армія въ 100,000 человекъ оказывается безсильной поборотъ сопротивленіе нѣсколькихъ эскадроновъ и ротъ и пять дней стоитъ прикованной къ какой-то несчастной деревнѣ только потому, что въ командованіи этой массой не было достаточно рѣшительности, чтобы поставить себѣ надлежащую цѣль и направить всѣ силы для достиженія этой цѣли. Нѣтъ сомнѣнія, что значительнѣйшая часть вины во всемъ этомъ падаетъ на главнокомандующаго, который, несмотря на всѣ обстоятельства, благопріятствовавшія наступленію, все еще чего-то опасался и колебался, никакъ не рѣшаясь двинуть въ наступленіе всѣ свои арміи, потому что, какъ только ему приходилось стать лицомъ къ лицу съ мыслью о наступленіи, онъ сейчасъ же начиналъ бояться возможности пораженія; вслѣдствіе этой кажущейся опасности, онъ постоянно ограничивался вводомъ въ дѣло только части своихъ силъ. Такимъ образомъ, главнокомандующій во всѣхъ своихъ приказаніяхъ и распоряженіяхъ вліялъ парализующимъ образомъ на своихъ помощниковъ.

Ген. Гриппенбергъ пытается всю вину за неудачный исходъ наступательной операціи своей арміи свалить на ген. Куропаткина. Онъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „Главкомандующій претендовалъ изъ своего вагона, удаленнаго отъ мѣста боя на 30 километровъ, управлять сраженіемъ и вслѣдствіе этого каждые полчаса присылалъ мнѣ длинныя телеграммы, иногда даже шифрованныя, съ указаніями, что я долженъ дѣлать. Эти указанія, стоявшія иногда въ прямомъ противорѣчій съ обстановкой, порождали постоянныя недоразумѣнія и затрудненія. Главкомандующій, очевидно, забылъ про существованіе § 9 положенія о полевомъ управленіи войскъ, въ которомъ сказано, что „командующій арміей избираетъ средства для достиженія стратегическихъ задачъ, указанныхъ главнокомандующимъ“.

Правда, задачи, данныя главнокомандующимъ, были вполнѣ неясны и лишены внутренней силы и настойчивости. Что же, однако, сдѣлалъ со своей стороны ген. Гриппенбергъ, чтобы болѣе ясно опредѣлить эти задачи, чтобы энергичными дѣйствіями своихъ войскъ увлечь за собою также и главнокомандующаго? Между тѣмъ, всѣ мѣропріятія командующаго 2-й арміей въ дѣйствительности также клонились къ тому, чтобы достигнуть лишь частичныхъ успѣховъ: о постановкѣ сколько-нибудь важной цѣли мы не находимъ въ распоряженіяхъ ген. Гриппенберга ни малѣйшаго слѣда. Въ своихъ указаніяхъ о „последовательности атаки“, порожденной лишь нерѣшительностью главнокомандующаго, ген. Гриппенбергъ, очевидно, вполнѣ былъ согласенъ также и съ образомъ дѣйствій ген. Куропаткина. Въ приказаніяхъ и распоряженіяхъ, исходившихъ одинаково отъ нихъ обоихъ, нѣтъ и намека на необходимость достиженія важной, рѣшительной цѣли цѣною какихъ бы то ни было жертвъ. Командующій 2-й арміей хорошо помнилъ о своихъ правахъ, предоставленныхъ ему закономъ. Почему же онъ допускалъ, въ такомъ случаѣ, вмѣшательство главнокомандующаго въ его дѣйствія? Почему же онъ заявилъ о своихъ правахъ лишь послѣ того, когда дѣйствія его арміи окончились неудачей и когда спасать уже было нечего? Когда мы видимъ обоихъ этихъ генераловъ, спорящихъ между собою

о томъ, кто долженъ быть отвѣтственнымъ за неудачу этой наступательной операціи, то безпристрастный критикъ можетъ прийти только къ одному заключенію: что виноваты оба, и трудно сказать, кто изъ нихъ виноватъ больше или меньше. Извѣстная доля вины падаетъ также и на помощниковъ этихъ генераловъ—эти послѣдніе дѣлали только то, что давалось безъ особаго труда, что не требовало особеннаго напряженія воли, физическихъ и моральныхъ силъ. Поведеніе всѣхъ ихъ указываетъ снова лишь на то, что неудача этой наступательной операціи не можетъ быть отнесена на долю отдѣльныхъ личностей, но вытекаетъ изъ одной *общей системы*—всеобщаго отсутствія готовности къ отвѣтственности и самопожертвованію.

25-е января.

Утромъ 25-го января мы видимъ сильную армію въ 100,000 слишкомъ борцовъ, охватывающую нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ, занятыхъ только нѣсколькими эскадронами и ротами, составлявшими лѣвый флангъ расположенія японской арміи между Шахе и Хуньхе. Какъ съ русской стороны ни переоцѣнивали силы противника, все же во 2-й арміи были вполне убѣждены, что значительно превосходятъ своей численностью силы непріятеля. Если вдуматься въ положеніе сторонъ въ это время, то положеніе японцевъ нельзя не признать чрезвычайно критическимъ, потому что утромъ 25-го января 2-я русская армія могла легко одержать значительный успѣхъ, отбросивъ впереди находящагося непріятеля и атаковавъ затѣмъ во флангъ и въ тылъ главныя силы японцевъ. Невольно задается вопросомъ: какъ же это случилось, что армія ген. Гриппенберга вечеромъ того же числа оказалась спокойно стоящей на томъ же мѣстѣ, съ котораго она начала свою наступательную операцію утромъ того дня, и только на правомъ своемъ флангѣ продвинулась впередъ на 3—4 километра? вмѣсто того, чтобы конницу ген. Мищенко видѣть находящейся уже въ тылу противника между Шахе и Мандаринской дорогой, мы находимъ ее вечеромъ 25-го все еще стоящей къ западу отъ Хуньхе?...

Отвѣтъ на эти вопросы мы находимъ въ приказѣ по арміи на 25-е января. Приказъ этотъ имѣлъ рѣшающее значеніе не только для результата дѣйствій этого дня, но также и для исхода всей наступательной операціи, предпринятой 2-й арміей. Основная задача, указанная въ этомъ приказѣ, повела не къ выясненію важной цѣли и къ достиженію какихъ-нибудь рѣшительныхъ результатовъ, а направила все дѣйствія лишь къ постороннимъ предпріятіямъ, при которыхъ исключалась всякая возможность достиженія важнаго успѣха.

Казалось, въ данномъ случаѣ, при такомъ превосходствѣ въ силахъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо необходимы были быстрота дѣйствій, внезапность и введеніе въ бой всехъ силъ. Если бы дѣйствительно ген. Гриппенбергъ въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ такимъ образомъ, вводя всю свою армію въ энергичное и безостановочное наступленіе противъ линіи Шахе и далѣе по направленію на Цунлуныантунъ—Сяоянтай, а свою многочисленную конницу бросилъ бы черезъ Шахе далѣе въ тылъ японцамъ, тогда навѣрное и остальные двѣ русскія арміи, которыя должны были выждать наступленіе 2-й арміи, атаковали бы противника съ фронта и такимъ путемъ удалось бы увлечь и главнокомандующаго къ энергичнымъ дѣйствіямъ вопреки его собственной волѣ. Но, повидимому, все уроки боевъ 2-го сентября подъ Ляояномъ, а также сраженіе на Шахе, набѣгъ на Инкоу,—все это прошло безслѣдно.

Все еще не постигли, что осторожностью и медлительностью дѣйствій не можетъ быть достигнутъ успѣхъ и что только смѣлость и рѣшительныя дѣйствія ведутъ къ побѣдѣ. Малыми средствами достигаются лишь частичные успѣхи, которые, какъ себя утѣшали, немного приносили пользы, но въ случаѣ ихъ неуспѣха и не стоили большихъ жертвъ. Очевидно, русское командованіе было одержимо только мелочами и меркантильными задачами.

Задача, поставленная ген. Гриппенбергомъ своей арміи 25-го января, заключалась не въ стремленіи къ уничтоженію противника, а ограничивалась только тѣмъ, чтобы „укрѣпиться въ районѣ между лѣвымъ берегомъ Хуньхе и деревнями Пейтайцзы, Сяотайцзы и Хегоутай“ (т. е. въ окрестностяхъ Сан-

депу). Такимъ образомъ, о противникѣ, его живой силѣ ничего не говорится, а задачей ставится только занятіе нѣкоторыхъ деревень, которыя предполагаются занятыми непріателемъ. Этой задачи считается достаточно для арміи въ 110,000 человекъ, 90 эскадроновъ и свыше 400 орудій; цѣлью дѣйствій ей ставится овладѣніе нѣкоторыми мѣстными предметами, обороняемыми всего лишь 1 батальономъ, 8 эскадронами, 6 конными орудіями и 6 пулеметами. Такая купая задача, при которой приходится довольствоваться ничтожнымъ успѣхомъ, хотя и достигаемымъ безъ особаго риска, должна была повести къ тому, что упускался вѣрнѣйшій залогъ побѣды, *внезапность* дѣйствій, потому что давали возможность непріятелю принять со своей стороны необходимыя мѣры не только подготовиться къ отраженію наступленія, но и вырвать инициативу дѣйствій изъ рукъ противника. Необходимо, однако, замѣтить, что 2-й арміи оказалась не по плечу даже и та скромная задача, которая ей поставлена была приказомъ по арміи 25-го января.

Какъ извѣстно, ген. Гришпенбергъ въ своемъ полемическомъ трудѣ „Правда о Сандепу“, пытается всю вину за неудачный исходъ наступательной операціи свалить на ген. Куропаткина. Онъ, между прочимъ, говоритъ тамъ, что „сраженіе у Хегоутая—Сандепу, насколько возможно, велось по всѣмъ правиламъ тактики; задачи ставились простыя и ясныя, а дѣйствія велись съ соблюденіемъ необходимаго порядка и отдыха для войскъ. Поведеніе войскъ, участвовавшихъ въ этомъ сраженіи, выше всякой похвалы“. Совершенно вѣрно, что дѣйствія войскъ были вполне мужественны и самоотверженны: въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но чтобы сказать, что наступленіе на Хегоутай и Сандепу велось по всѣмъ правиламъ тактики—по меньшей мѣрѣ *тактики цѣлесообразной*—съ этимъ едва ли согласится кто-нибудь, задавшись цѣлью критическаго изслѣдованія этого сраженія. Правъ, вообще, и ген. Куропаткинъ, который по поводу упомянутыхъ дѣйствій говоритъ въ своемъ отчетѣ, „что, дѣйствительно, операціи подъ Сандепу представляютъ собою весьма яркій примѣръ употребленія войскъ въ бою совершенно несоответственно обстановкѣ“...

Это нераціональное употребленіе войскъ въ бою зависѣло,

однако, въ меньшей степени отъ тактической несостоятельности войскъ—по крайней мѣрѣ это послѣднее имѣло лишь второстепенное значеніе, а объясняется скорѣе недостаткомъ моральныхъ силъ командованія войсками, отсутствіемъ важной цѣли боя — уничтоженіе живой силы противника, употребивъ для этого всѣ доступныя средства безъ всякихъ колебаній и оглядки по сторонамъ. Но для такого нераціональнаго употребленія войскъ въ бою ген. Куропаткинъ самъ постоянно подавалъ примѣръ, какъ и въ данномъ случаѣ, предоставивъ 2-й арміи начать наступленіе въ то время, когда остальные двѣ арміи выжидали только успѣха, т. е. оставались бездѣйственными, а также и тѣмъ, что самъ онъ далъ ген. Гриппенбергу точное предписаніе о послѣдовательномъ наступленіи уступами съ праваго фланга. Ген. Гриппенбергъ и его помощники дѣйствовали только въ томъ же духѣ, какъ это указывалось имъ главнокомандующимъ, развивая только его же собственныя мысли о „*послѣдовательности атаки*“, гдѣ въ полной мѣрѣ скрывалось нераціональное употребленіе войскъ въ бою.

Что касается тактики ген. Гриппенберга, то она также не была „проста и ясна“, какъ онъ утверждаетъ въ приведенной выше книгѣ. Правда, задачи, поставленныя войскамъ, были въ высшей степени просты, но выполненіе этихъ задачъ было обставлено такими условіями и предположеніями, что онѣ дѣлались чрезвычайно сложными и искусственными.

1-му Сибирскому корпусу поставлено было задачей начать наступленіе противъ линіи Тутайцзы—Хуанлотоцзы, а послѣ овладѣнія этими пунктами занять деревню Хегоутай. По занятіи этой послѣдней слѣдовало одну бригаду съ пулеметной ротой и батареями мортирной и гранатной командировать въ распоряженіе командира 8-го корпуса ген. Мылова для атаки Сандепу, а съ остальными войсками прикрывать эту атаку съ праваго фланга.

8-му армейскому корпусу ставилась главная задача этой операціи—занятіе Сандепу. Но атака Сандепу должна была быть произведена только послѣ овладѣнія Хегоутаемъ войсками 1-го Сибирскаго корпуса; въ данномъ случаѣ, для дѣйствій

противъ Сандепу предполагалось ввести въ дѣло не всѣ войска корпуса, а только 14-ю дивизію со стороны Чжантана, тогда какъ 15-я дивизія должна была только поддерживать эту атаку съ сѣвера артиллерійскимъ и пулеметнымъ огнемъ.

Вся задача 10-го корпуса заключалась въ томъ, чтобы привлечь вниманіе противника на линію Хуанти — Фукиа-шуанцзы, дѣйствуя только артиллерійскимъ огнемъ.

Стрѣлковый корпусъ оставался въ резервѣ. Отрядъ ген. Коссаговекаго (8 батальоновъ, 21 сотня и 20 орудій) долженъ былъ прикрывать тылъ 8-го армейскаго и 1-го Сибирскаго корпусовъ.

Кавалерійскій корпусъ ген. Мищенко (45 сотенъ и 32 орудія) получилъ задачу—поддержать атаку 1-го Сибирскаго корпуса на деревню Хуанлотоцзы, которая, между прочимъ, занята была всего только 1 ротой и нѣсколькими кавалеристами, послѣ чего онъ долженъ былъ производить развѣдки въ юго-восточномъ направленіи.

Такимъ образомъ, изъ 120 батальоновъ 2-й арміи активная задача въ отношеніи предстоящей боевой дѣятельности указана была только 1-му Сибирскому корпусу (24 батальона) и 14-й дивизіи (16 батальоновъ) 8-го корпуса. Всѣ же прочія войска арміи прикрывали, охраняли, развѣдывали или демонстрировали, т. е., въ общемъ, оставались безучастными зрителями.

Задача 1-го Сибирскаго корпуса заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы атакой деревни Хегоутай прикрывалъ съ правой стороны атаку на Сандепу. Первая часть этой задачи, т. е. овладѣніе деревнями Хуанлотоцзы и Тутайцзы, которыя заняты были только слабыми постами, легко выполнена была еще на разсвѣтъ 25-го января, благодаря быстрой и внезапной атакѣ этихъ деревень. Дальнѣйшее наступленіе, однако, противъ сильно укрѣпленной деревни Хегоутай, происходило крайне медленно и недостаточно энергично, хотя хорошо извѣстно было, что главная задача этого дня—атака деревни Сандепу—можетъ быть произведена только послѣ занятія деревни Хегоутай. Несмотря на то, что 1-й Сибирскій корпусъ имѣлъ въ своемъ составѣ свыше 88 орудій и 2 пулеметныхъ отдѣленій, а японцы не имѣли вовсе артиллеріи въ

Хегоутаѣ и самая деревня занята была только 4 эскадронами. 1 ротой и пулеметомъ, которые только позже получили подкрѣпленіе въ 5 ротъ изъ состава 31-й резервной бригады изъ Кученцзы,—все же удалось овладѣть этой деревней только къ полуночи. Причины этого медленнаго успѣха, независимо отъ совершенно излишняго, повидимому, и продолжительнаго отдыха, „чтобы укрѣпиться въ занятыхъ пунктахъ“, заключались еще въ томъ, что все опасались ввести въ дѣло достаточное количество войскъ. Изъ 8 полковъ стрѣлковаго корпуса противъ Хегоутая сначала введенъ былъ въ дѣло только 1 полкъ, остальные находились въ резервѣ, прикрывали артиллерію, составляли гарнизоны вновь занятыхъ деревень или подвигались далѣе на югъ, чтобы прикрывать правый флангъ и т. д.

Заботы и опасенія за возможность прибытія японскихъ войскъ съ юга играли, вообще, значительную роль въ этой операціи: не только 1-му Сибирскому корпусу, но также и отрядамъ ген. Коссаго夫скаго и Мищенко предписывалось прикрывать съ праваго фланга дѣйствія противъ Сандепу. Въ дѣйствительности же съ южной стороны не угрожало никакой опасности: если же подлинно имѣлось основаніе ожидать отсюда появленія противника, то необходимо было, произведя въ этомъ направленіи быструю и энергичную развѣдку, ввести въ первую же линію всѣ силы, которыми располагали.

Наступавшія къ югу отъ Хегоутая войска встрѣчены были огнемъ спѣшенной японской кавалеріи изъ Тупау, вслѣдствіе чего они уклонились отъ указаннаго имъ направленія и только послѣ занятія Тупау присоединились для атаки деревни Хегоутая, которая поэтому произведена была только поздно вечеромъ.

Такимъ образомъ, для дѣйствій 8-го корпуса 25-го января не было налицо указаннаго имъ условія для атаки Сандепу. 2 полка 14-й дивизіи, которые напрасно ожидали все извѣстія о занятіи Хегоутая, послѣ полудня начали атаку противъ двухъ деревень къ западу отъ Сандепу безъ всякаго общаго руководства боемъ, тѣмъ не менѣе находившіеся въ этихъ деревняхъ слабые японскіе гарнизоны очистили эти пункты, полки же 14-й дивизіи по занятіи этихъ деревень возврати-

лись затѣмъ въ Ванкіявопу, остальные же два полка этой дивизіи оставались бездѣтельными въ резервѣ. Строго говоря, въ этотъ день особыхъ боевъ не происходило, такъ какъ русскимъ войскамъ приходилось занять деревни безъ особаго сопротивления со стороны противника, который по слабости своей безъ боя очищалъ атакованные пункты и отступалъ на востокъ. Вслѣдствіе этого является совершенно непонятнымъ, что при такихъ благопріятныхъ условіяхъ полки 14-й дивизіи, несмотря на то, что имъ оставалось до Сандепу всего только 1—1½ километра, еще въ тотъ же день не пытались овладѣть этимъ пунктомъ. Можно вполне удивляться, видя такія нерѣшительныя дѣйствія безъ общаго руководства, безъ вполне опредѣленной, ясно сознанный цѣли.

Полк. Новицкій указываетъ, что рядъ условій, поставленныхъ для боевой дѣятельности 14-й дивизіи,—какъ занятіе Хегоутая и вытекающія отсюда послѣдствія, необходимость успѣха праваго фланга для наступленія лѣваго,—имѣли парализующее вліяніе на дѣятельность этой дивизіи, потому что командные начальники не стремились къ достиженію какой-нибудь опредѣленной цѣли, выжидая для своихъ дѣйствій рядъ поставленныхъ условій. Полки и батареи то двигались впередъ, то дѣлали остановки, то открывали огонь, то прекращали его безъ особыхъ основаній. Занявъ какую-нибудь деревню, войска считали свою задачу на этотъ день оконченной и со спокойной совѣстью предавались отдыху. Вообще, боевая дѣятельность 8-го корпуса въ эти дни боевъ представляется въ высшей степени печальной: въ полной мѣрѣ проявилось отсутствіе воли и рѣшительности у руководителей боевъ. Какъ мало успѣшно ни велись операціи на правомъ флангѣ 2-й арміи, все же тамъ замѣтно было руководство одной общей направляющей воли, но что касается дѣйствій 8-го корпуса, то здѣсь мы видимъ совершенное отсутствіе руководства дѣйствіями войскъ: мы видимъ полки 14-й дивизіи двигающимися безъ всякой опредѣленной цѣли, иногда на востокъ, прямо противъ виднѣющихся въ туманѣ китайскихъ деревень, иногда въ другую сторону. Если бы полки 14-й дивизіи были съ самаго начала направлены съ надлежащей быстротой и рѣшительностью, то участь Хегоутая была бы рѣшена гораздо раньше.

Командиръ 8-го армейскаго корпуса ген. Мыловъ только къ вечеру прибылъ къ резерву 14-й дивизіи и приказалъ ему направиться на ночлегъ въ Чжантань. Предложеніе командующаго арміей овладѣть Сандепу ночнымъ нападеніемъ ген. Мыловъ отклонилъ, какъ „предпріятіе въ высшей степени опасное“. Не считая совершенно безцѣльное движеніе полковъ 14-й дивизіи въ разныя стороны, дѣятельность 8-го армейскаго корпуса 25-го января ограничилась тѣмъ, что вся артиллерія этого корпуса, включая двѣ мортирныя и одну 15-ти сант. осадную батареи, взяла подъ огонь китайскія деревни къ западу и востоку отъ Сандепу, поддерживая, между прочимъ, огонь весьма слабый. Единственный успѣхъ этого артиллерійскаго огня заключался въ томъ, что японцы очистили деревню Тейтайцзы, которая занята была охотничьей командой 15-й дивизіи. Многіе утверждаютъ, что этотъ крайне ничтожный успѣхъ огня 120 орудій, въ числѣ которыхъ имѣлось 12 мортиръ и 4 осадныхъ орудій, объясняется тѣмъ, что артиллерія по ошибкѣ огонь свой направила не на Сандепу, а на окружающія его съ сѣвера разныя мѣстности, которыя не заняты были вовсе японцами.

Пѣхота 15-й дивизіи оставалась тѣмъ временемъ въ полномъ бездѣйствіи. Невольно напрашивался вопросъ: какой смыслъ было требовать приказомъ по арміи отъ 1-го Сибирскаго корпуса, чтобы онъ направилъ одну бригаду на поддержку 8-го корпуса для овладѣнія Сандепу, когда еще цѣлая дивизія этого корпуса стояла безъ дѣла? Если овладѣніе Сандепу, вообще, признавалось необходимымъ и важнымъ, то это всего легче было ускорить всѣмъ 1-мъ Сибирскимъ корпусомъ, который затѣмъ вмѣстѣ съ Ляохейскимъ отрядомъ и кавалеріей ген. Мищенко можно было направить далѣе безостановочно на востокъ.

Подобно тому, какъ въ полной бездѣятельности пребывала 15-я дивизія, согласно приказу по арміи стоялъ также и 10-й армейскій корпусъ. Командиръ этого корпуса ген.-лейтенантъ Церпицкій пріобрѣлъ себѣ славу лихого начальника. Насколько это соответствовало дѣйствительности, сказать трудно. Вѣрно то, что ген. Церпицкій всегда въ началѣ боя оказывался въ

передовыхъ стрѣлковыхъ окопахъ, поэтому его всегда бывало очень трудно найти. Во всякомъ случаѣ какъ главнокомандующій, такъ и командующій 2-й арміей были почему-то въ высшей степени озабочены тѣмъ, что ген. Церпицкій непременно предприметъ что-нибудь такое, что заставитъ ихъ об-ихъ выйти изъ пассивнаго положенія, поэтому забота обоихъ заключалась въ томъ, чтобы въ этотъ день и во всѣ послѣдующіе „держать ген. Церпицкаго въ уздѣ“.

Когда же вечеромъ 24-го одна изъ охотничьихъ командъ 10-го корпуса заняла оставленную японцами деревню Хуанти, а утромъ 25-го 2 другія охотничьи команды такимъ же образомъ заняли очищенный японцами Чжиншантунъ и ген. Церпицкій просилъ о разрѣшеніи еще въ тотъ же день занять деревни Фукияшуанцзы и Холянтай, слабо занятые японцами, то безпокойство ген. Куропаткина и Гриппенберга достигло высшей степени, такъ какъ стали опасаться, что ген. Церпицкій можетъ освободиться отъ узды. Ген. Гриппенбергъ требовалъ даже сначала немедленнаго очищенія занятой охотниками деревни Хуанти и съ трудомъ только согласился впоследствии не очищать этой деревни. Когда главнокомандующій узналъ, что вслѣдствіе сношенія ген. Гриппенберга, артиллеріи 3-й арміи дана была задача на 26-е января подготовить атаку деревень Лидіятунъ и Холянтай войсками 10-го корпуса, то онъ крайне обезпокоился этими дѣйствіями и предложилъ командующему 2-й арміей никоимъ образомъ „не разбрасываться“ и не допускать одновременной атаки войсками 10-го корпуса упомянутыхъ пунктовъ вмѣстѣ съ операціями 2-й арміи. Ген. Гриппенбергъ по телеграфу успокоилъ главнокомандующаго, что онъ вовсе не думаетъ объ одновременной атакѣ деревень Холянтай и Лидіятунъ и что „вообще, дѣйствія войскъ протекаютъ вполне правильно и согласно обстановки“.

Большой вопросъ, слѣдовало ли, вообще, дѣйствія войскъ вести *правильно*, т. е. шаблонно, гораздо полезнѣе было бы направить ихъ вполне энергично и цѣлесообразно, но этимъ послѣднимъ требованіямъ совершенно не соответствовало оставленіе 10-го корпуса въ полной бездѣятельности. Насколько

велики были тревоги главнокомандующаго о возможномъ проявленіи активныхъ дѣйствій со стороны ген. Церпицкаго, видно изъ того, что утромъ 26-го онъ телеграфировалъ командиру 10-го корпуса, что согласно даннымъ указаніямъ ген. Гриппенбергу онъ въ этотъ день не долженъ предпринимать атаку 10-мъ корпусомъ. „Вы строго должны руководствоваться этимъ указаніемъ. Сначала мы должны утвердиться въ районѣ Сандепу“.

Такое указаніе главнокомандующаго являлось прямымъ вмѣшательствомъ въ дѣйствія ген. Гриппенберга и должно было убійственнымъ образомъ повліять на проявленіе какой-нибудь инициативы. Тѣмъ не менѣе, изъ всѣхъ распоряженій ген. Гриппенберга мы видимъ, что въ его понятіяхъ „правильно“ и „согласно обстановкѣ“ онъ во всемъ былъ совершенно солидаренъ съ ген. Куропаткинымъ.

Такимъ образомъ, дѣятельность 10-го корпуса ограничивалась только артиллерійской канонадой противъ впереди лежащихъ деревень, занятыхъ только слабыми передовыми постами японцевъ. Что касается стрѣлковаго корпуса, составлявшаго армейскій резервъ, то онъ совершенно спокойно и неподвижно оставался на своемъ мѣстѣ.

Весьма характерными являются дѣйствія отряда ген. Мищенко въ этотъ день, указывающія на полнѣйшее непониманіе задачъ въ бою значительныхъ массъ кавалеріи. Со своими 45 сотнями и 32 орудіями ген. Мищенко находился въ районѣ Ашиніюлу безъ всякаго соприкосновенія съ противникомъ, который, согласно его донесеніямъ, находился между Хунхе и Ляохе. Согласно приказу по арміи, задача отряда ген. Мищенко на 25-е января заключалась въ томъ, чтобы „поддерживать 1-й Сибирскій корпусъ въ его атакѣ деревни Хуанло-тоцзы, перейти затѣмъ Хунхе и развѣдать въ районѣ между Тайдзыхе и линіей Хегоутай—Ландунгоу“. Сама по себѣ такая задача является вполне своеобразной: значительной массѣ кавалеріи, вся сила которой заключается, главнымъ образомъ, въ быстротѣ движенія, дается вдругъ такая задача, какъ служить поддержкой армейскому корпусу при атакѣ деревни, что должно было неминуемо вести къ безвозвратной потерѣ вре-

мени. По выполненіи этой задачи этой массѣ кавалеріи указывается развѣдка, что также совершенно неправильно, такъ какъ для такой развѣдки совершенно достаточны кавалерійскіе развѣзды или развѣдочные эскадроны, но это никоимъ образомъ не могло служить задачей для кавалерійскаго корпуса. Такимъ образомъ задача, указанная въ приказѣ по арміи для кавалерійскаго отряда ген. Мищенко, была крайне неопредѣленная и исключала всякую возможность цѣлесообразнаго употребленія массы конницы. Ген. Мищенко, однако, не получилъ этого приказа своевременно; ему пришлось такимъ образомъ на 25-е число принять какое-нибудь рѣшеніе по собственной инициативѣ. Относительно дѣйствій 2-й арміи, вообще, на этотъ день онъ зналъ, что 25-го утромъ армія начинаетъ наступательную операцію противъ лѣваго фланга японцевъ, при чемъ ген. Мищенко имѣлъ офицеровъ для связи при 1-мъ Сибирскомъ корпусѣ и при Ляохейскомъ отрядѣ, которые могли его вполне ориентировать относительно дѣйствій сосѣднихъ войскъ.

При такихъ условіяхъ начальникъ, воодушевленный духомъ инициативы, ни одной минуты не медлилъ бы рѣшиться сейчасъ же на содѣйствіе операціи своей массой конницы. Сколько разъ уже въ эту войну русской кавалеріи открывалось обширное поле для заманчивой дѣятельности; на этотъ разъ опять представился такой случай, если бы только конный отрядъ ген. Мищенко въ 45 эскадроновъ и 32 орудія безъ колебаній бросился черезъ Хуньхе въ тылъ противника, находившагося передъ фронтомъ 2-й русской арміи, распространя тамъ разгромъ и ужасъ. Это было тѣмъ легче, что тамъ не находилось ни одного японскаго кавалериста. Такая задача представлялась бы крайне заманчивой для каждаго кавалерійскаго начальника. Необходимо при этомъ замѣтить, что ген. Мищенко былъ совершенно свободенъ въ своихъ предпріятіяхъ, такъ какъ ему не надо было заботиться объ обезпеченіи тыла и праваго фланга въ виду того, что задача эта была возложена на Ляохейскій отрядъ, который самъ имѣлъ въ своемъ составѣ свыше 21 эскадрона, 8 батальоновъ и 20 орудій.

Вмѣсто всего этого ген. Мищенко рѣшилъ направиться западнѣе Хуньхе въ южномъ направленіи. Трудно сказать, какую цѣль онъ при этомъ преслѣдовалъ. У Вукіяганцзы правая колонна ген. Мищенко ввязалась въ бой съ 2 спѣшенными японскими эскадронами. Бой затянулся до вечера и закончился занятіемъ этой деревни только послѣ введенія въ дѣло значительныхъ силъ. По занятіи деревни ген. Мищенко, согласно полученному къ этому времени приказу по арміи, приказалъ своему отряду направиться на Мамыкай, чтобы здѣсь войти въ связь съ правымъ флангомъ 1-го Сибирскаго корпуса. Попытка, предпринятая незадолго передъ тѣмъ лѣвой колонной отряда ген. Мищенко, овладѣть деревней Мамыкай, кончилась неудачей, вслѣдствіе чего ген. Мищенко объ колонны своего отряда отправилъ на ночлегъ въ деревню Шакуцзы. На слѣдующій день ген. Мищенко намѣревался обѣими колоннами своего отряда атаковать деревню Мамыкай, которая занята была только японскими передовыми постами (согласно исторіи русскаго генеральнаго штаба—2 ротами). Опять, значить, ген. Мищенко давалъ своей конницѣ задачу пѣхотнаго боя, теряя время на овладѣніе деревней, не имѣющей собственно никакого значенія, вмѣсто того, чтобы стремиться наверстать потерянное время быстрымъ движеніемъ впередъ черезъ Хуньхе. Сказать, что овладѣніе этой деревней было необходимо, чтобы обезопасить себѣ переходъ черезъ Хуньхе, было бы неправильно, потому что рѣка была покрыта льдомъ, допускавшимъ возможность движенія всѣхъ родовъ оружія, а если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были открытые забереги, то ихъ вполне можно было обойти въ другихъ мѣстахъ.

Счастливый случай, однако, освободилъ кавалерію ген. Мищенко отъ бесполезнаго боя за овладѣніе этимъ укрѣпленнымъ пунктомъ. Дѣло въ томъ, что ген. Коссаговскій, начальникъ Ляохейскаго отряда, принялъ въ это время рѣшеніе, которое указываетъ на дѣйствительное проявленіе нѣкоторой инициативы. Вопреки указанной ему задачѣ—направиться назадъ на Сыфонтай, чтобы прикрыть тылъ 8-го армейскаго и 1-го Сибирскаго корпусовъ,—онъ рѣшился овладѣть деревнями Чинтайцзы и Мамыкай въ виду того, что тылъ упомянутыхъ

корпусовъ и безъ того вполнѣ прикрывался движеніемъ отряда ген. Мищенко на югъ. Достоиню вниманія, что ген. Коссаговскій рѣшился по собственному почину проявить активныя дѣйствія вмѣсто того, чтобы оставаться въ пассивной бездѣятельности въ тылу борющихся войскъ. Къ вечеру того дня ген. Коссаговскому удалось овладѣть этими деревнями, которыя заняты были слабыми японскими заставами. Все это, однако, происходило чрезвычайно медленно и съ колебаніями, точно при постоянномъ опасеніи за уклоненіе отъ задачи, указанной приказомъ по арміи. Ни разу мы не видимъ въ эту войну проявленія быстроты и энергіи, этихъ главныхъ условій успѣха.

Послѣ того, какъ все время послѣ полудня и до вечера артиллерія обстрѣливала обѣ деревни, въ которыхъ находилось самое большее 2 роты, пѣхота двинулась въ атаку только съ наступленіемъ темноты. Когда японскіе передовые посты отступили, то русскіе ограничились занятіемъ деревень только передовыми войсками, тогда какъ главныя силы отряда ген. Коссаговскаго возвратились назадъ на свои мѣста. Въ этомъ ясно сказывается какое-то постоянное опасеніе дѣлать лишній шагъ впередъ, совершенно забывая о необходимости преслѣдовать отступающаго противника.

Насколько конница обоихъ отрядовъ, какъ ген. Мищенко, такъ и ген. Коссаговскаго, мало заботилась о поддержаніи связи съ сосѣдними войсками, видно изъ того, что ген. Мищенко только утромъ 26-го числа, непосредственно передъ тѣмъ, какъ онъ хотѣлъ атаковать деревню Мамыкай, узналъ, что деревня эта уже занята войсками отряда ген. Коссаговскаго, точно также эти послѣднія не подозрѣвали о движеніи противъ Мамыкай лѣвой колонны отряда ген. Мищенко, который бивакировалъ въ разстояніи всего нѣсколькихъ километровъ отъ Ляохейскаго отряда.

Въ заключеніе необходимо еще напомнить относительно дѣятельности 1-й и 3-й русскихъ армій, что согласно приказу главнокомандующаго онѣ должны были выжидать результата боевъ 2-й арміи, но такъ какъ никакихъ результатовъ пока еще не получалось, то обѣ арміи оставались въ полнѣйшей бездѣятельности. Приказомъ командующаго 3-й арміей этой

послѣдней предписывалась строго пассивная задача: она должна была оборонять свои позиціи, поддерживая артиллерійскимъ огнемъ наступленіе 10-го корпуса, но для открытія артиллерійскаго огня должно было послѣдовать особое приказаніе, котораго, однако, не послѣдовало вовсе. Такимъ образомъ, съ фронта японцевъ никто не беспокоилъ, ни со стороны 3-й арміи, ни со стороны 1-й, такъ что противникъ имѣлъ полную возможность, пользуясь спокойствіемъ съ фронта, оттянуть сколько возможно было силъ, чтобы поддержать свой слабый лѣвый флангъ.

Весь успѣхъ арміи въ 124 батальона, 90 сотенъ и 416 орудій, дѣйствовавшей противъ нѣсколькихъ эскадроновъ и ротъ на японскомъ лѣвомъ флангѣ, сводится, слѣдовательно, къ тому, что эта огромная армія продвинулась всего только на 3—4 километра впередъ и успѣла занять нѣсколько деревень, выгнѣсивъ оттуда слабые передовые посты японцевъ. Этотъ невѣроятный, по ничтожности, результатъ, при такомъ огромномъ неравенствѣ силъ, объясняется только полнѣйшимъ отсутствіемъ рѣшимости и готовности къ отвѣтственности и самоотверженію при ясно поставленной цѣли дѣйствій, а также — чрезмѣрной осторожностью и искусственностью дѣйствій, являвшихся тормозомъ всей этой операціи.

Вмѣсто того, чтобы атаковать слабого противника *одновременно* наступленіемъ всѣхъ силъ и отбросить его, не давая опомниться, за Шахе и далѣе, вмѣсто того, чтобы начать энергичную атаку также и 1-й и 3-й арміями и, вцѣпившись въ противника съ фронта, не давать ему возможности оттянуть какія-нибудь силы для подкрѣпленія лѣваго фланга, 2-я армія своимъ изолированнымъ наступленіемъ притянула только вниманіе японцевъ къ ихъ лѣвому флангу, давъ имъ полную возможность подкрѣпить его достаточными силами и, перейдя въ наступленіе, вырвать инициативу изъ рукъ русскихъ.

26-е января.

Едва ли во всю эту войну можно найти еще другой такой день, который былъ бы настолько характернымъ и поучитель-

нымъ для познанія русскаго командованія. Всѣ недостатки этого командованія — отсутствіе рѣшительности, неясность поставленной цѣли, пассивность, медлительность дѣйствій, постоянное поглядываніе назадъ, вмѣшательство въ распоряженіе подчиненныхъ — все это скопилось въ этотъ день совершенно небывалымъ до того времени образомъ. Необходимо, однако, напомнить еще разъ, что въ этомъ хаосѣ дѣйствій русскіе начальники не имѣютъ никакого основанія дѣлать другъ другу упреки. Всѣ они, въ сущности, дѣти одной и той же системы, одного и того же духа дѣйствій, выше котораго не могъ подняться ни одинъ изъ нихъ. Если они признаютъ этотъ основной пунктъ критическаго анализа ихъ дѣйствій, то они постараются изслѣдовать собственныя упущенія, что будетъ несомнѣнно болѣе поучительно и полезно для будущаго, чѣмъ критическій разборъ взаимныхъ дѣйствій.

Приказъ по арміи ген. Гриппенберга на 26-е число является настолько же неяснымъ, въ отношеніи преслѣдуемой цѣли и нерѣшительности, какъ и въ предшествующіе дни. Занятіе Сандепу ставится почему-то какъ главная цѣль всей операціи, точно овладѣніе этой деревней, занятой всего только 4¹/₂ эскадронами и 6 орудіями, означало собою уничтоженіе всей японской арміи.

Опять мы видимъ, что корпуса вводятся въ атаку не одновременно, а печальный урокъ 25-го января, полученный въ результатъ „преподанной послѣдовательности“ дѣйствій, для командованія 2-й арміи прошелъ безслѣдно.

На этотъ разъ 8-му корпусу указывается начать наступленіе атаккой деревень Сандепу, Пейтацзы и Сяотайцзы. „По овладѣніи этими деревнями 14-й дивизіей эта послѣдняя должна продолжать наступленіе вмѣстѣ съ 15-й дивизіей для овладѣнія деревнями Лапатай и Ханшатай“. 1-му Сибирскому корпусу предписывалось „послѣ занятія Сандепу войсками 8-го корпуса продолжать наступленіе въ юго-восточномъ направленіи съ цѣлью прикрытія праваго фланга 8-го корпуса, не переходя, однако, линіи Тотай—Каутаянтунъ“. Какъ увидимъ, однако, ниже, дѣятельность 1-го Сибирскаго корпуса вылилась въ совершенно иномъ направленіи, потому что непріятель, о

которомъ въ приказѣ по 2-й арміи ничего не упоминается и о которомъ своя многочисленная конница не давала никакихъ свѣдѣній—пожелалъ, конечно, и со своей стороны сказать свое слово. Согласно приказу ген. Гриппенберга 1-й Сибирскій корпусъ до занятія Сандепу долженъ былъ оставаться въ полной бездѣтельности и только послѣ занятія этой деревни,—которое, между прочимъ, не состоялось,—долженъ былъ наступать для прикрытія фланга, не переходя какой-то линіи, обозначенной весьма неопредѣленно.

10-му корпусу дана была до нѣкоторой степени активная задача: онъ долженъ былъ овладѣть деревнями Фукіяшуанца, Холянтай, но атаковать ихъ лишь послѣ того, когда атака эта будетъ подготовлена сильнымъ огнемъ не только артиллеріи 10-го корпуса, но также и сосѣдняго 5-го Сибирскаго корпуса изъ 3-й арміи. Необходимо при этомъ замѣтить, что Фукіяшуанца и Холянтай вовсе не были укрѣплены и заняты были только слабыми японскими передовыми постами; при самомъ началѣ наступленія 10-го корпуса деревни эти сами по себѣ были бы навѣрное очищены японцами, какъ это впоследствии и случилось на самомъ дѣлѣ, поэтому ни съ какой стороны нельзя было признать рациональнымъ эту трату артиллерійскихъ снарядовъ, а еще болѣе—трату времени.

Стрѣлковый корпусъ, согласно приказу по арміи, долженъ былъ и въ этотъ день оставаться въ резервѣ. Отряды ген. Мищенко и Коссаговекаго, о дѣятельности которыхъ 25-го, при выпускѣ упомянутаго приказа, не имѣлось никакихъ свѣдѣній, должны были продолжать выполненіе задачи, указанной въ приказѣ на 25-е число.

Такимъ образомъ, активная задача была указана только 8-му и 10-му армейскимъ корпусамъ, но только при извѣстныхъ условіяхъ и опять-таки безъ введенія въ дѣло всѣхъ силъ одновременно. 14-я дивизія должна была атаковать Сандепу, а 15-я должна была прикрывать эту атаку, затѣмъ 15-я должна была наступать и атаковать, а 14-я должна была ее поддержать. Всему Сибирскому корпусу въ видѣ задачи указано было прикрывать флангъ 8-го армейскаго корпуса. Отрядъ ген. Коссаговекаго долженъ былъ, какъ и накануне, прикры-

вать флангъ и тылъ 1-го Сибирскаго и 8-го армейскаго корпусовъ. Атака 10-го корпуса поставлена была въ зависимость отъ успѣха подготовки артиллерійскимъ огнемъ. Такимъ образомъ старались по возможности все обезопасить и прикрыть, мало думая собственно о достиженіи поставленной цѣли, а скорѣе о томъ, чтобы атакующія войска ставить въ безопасное положеніе, расходуя на это главную массу войскъ.

Несмотря на то, что приказъ о наступленіи 2-й арміи старательно предусматривалъ всякую опасность, которая могла угрожать флангу и тылу войскъ, и отличался, вообще, крайней осторожностью, нося въ этомъ одномъ уже зародышъ неудачи, главнокомандующимъ все же эти дѣйствія ген. Гриппенберга казались *черезчуръ смѣлыми*. Въ главной квартирѣ были больше озабочены этой отважностью дѣйствій 2-й арміи, чѣмъ возможностью неудачи въ достиженіи поставленной цѣли. Стали опасаться перехода японцевъ въ наступленіе противъ центра и лѣваго фланга русскихъ армій. Если бы дѣйствительно послѣдовало такое наступленіе со стороны японцевъ, то наилучшимъ способомъ отраженія этого наступленія должно было служить быстрое и рѣшительное выполненіе начатой уже наступательной операци. Но, несмотря на то, что японцы вовсе и не думали о переходѣ въ наступленіе, стараясь пассивное положеніе 1-й и 3-й русскихъ армій использовать въ томъ отношеніи, чтобы оттянуть что возможно было съ фронта для подкрѣпленія своего лѣваго фланга,—все же въ русской главной квартирѣ видѣли спасеніе только въ продолженіи пассивной обороны. Главнокомандующій положительно боялся проявленія какихъ бы то ни было, хоть малѣйшихъ, слѣдовъ инициативы и активности дѣйствій.

Наступленіе отряда ген. Коссаговскаго на Мамыкай 25-го января, это единственное проявленіе самостоятельности и личнаго почина со стороны русскихъ начальниковъ въ этотъ день, встрѣтило со стороны главнокомандующаго крайнее неодобреніе: онъ видѣлъ въ этомъ противодѣйствіе указаніямъ приказа по 2-й арміи, которое могло поставить въ опасное положеніе далеко выдвинутые полки. Наступленіе ген. Коссаговскаго онъ признаетъ совершенно несоотвѣтствующимъ обстановкѣ, тре-

буеть возвращенія отряда на правый берегъ Хуньхе, куда приказываетъ ему отступить при ближайшемъ удобномъ случаѣ. Впрочемъ, дѣятельность ген. Коссаговскаго встрѣтила неодобреніе также и со стороны ген. Гриппенберга. Когда вечеромъ 25-го числа командующій 2-й арміей получилъ донесеніе отъ ген. Коссаговскаго о его предположенной атакѣ деревень Мамыкай и Чинтайцзы, то онъ послалъ приказаніе начальнику Ляохейскаго отряда не двигаться впередъ, а остаться на своей прежней позиціи къ сѣверу отъ Чеуто, но приказаніе это было получено ген. Коссаговскимъ уже послѣ занятія обѣихъ деревень.

Въ особенности ген. Куропаткинъ встревоженъ былъ тѣмъ, когда увидѣлъ изъ приказа по 2-й арміи, что ген. Гриппенбергъ собирается въ *одинъ день*, 26-го числа, съ арміей свыше 100,000 чел., овладѣть *тремя* деревнями—Холянтай, Лидіятунъ и Сандепу. Это показалось ген. Куропаткину чрезмѣрной дерзостью, и онъ приказываетъ ген. Гриппенбергу 26-го января „ограничиться сегодня только занятіемъ Сандепу и ближайшихъ къ нему пунктовъ“ и только на слѣдующій день, 27-го января, указывалось командующему 2-й арміей, „если противникъ позволить ориентироваться, притянуть резервы, дать войскамъ, по возможности, необходимый отдыхъ“ и затѣмъ повести атаку на Лидіятунъ, „если вы для сего намѣтили день“, при чемъ атаковать эту деревню не только съ фронта, но также съ фланга; „наступленіе на Холянтай—Тотай не предпринимать безъ моего разрѣшенія“. Такія указанія главнокомандующаго являются полнѣйшимъ вмѣшательствомъ въ распоряженія командующаго арміей. Не ограничиваясь этимъ, ген. Куропаткинъ указываетъ далѣе: „При постановкѣ боевыхъ задачъ вашимъ корпусамъ предписываю представлять мнѣ ваше предположеніе, для утвержденія съ моей стороны въ той части, которая касается времени выполненія и опредѣленія пунктовъ, намѣченныхъ для атаки“...

Обратимся теперь къ очерку дѣйствій 26-го января.

Крайне нерѣшительныя и медлительныя дѣйствія русскихъ 25-го января вполнѣ раскрыли японскому главнокомандующему намѣренія и планы русскихъ войскъ и дали ему возможность

уже утромъ 26-го января подкрѣпить свой слабый лѣвый флангъ. Уже послѣ полудня 25-го января 8-й японской дивизіи, расположенной у Янтая, дано было приказаніе двинуться черезъ Ландунгоу и Хегоутай и отбросить появившіяся тамъ русскія войска. Начальнику 8-й дивизіи были при этомъ подчинены 8-я резервная бригада, стоявшая у Ландунгоу, а также слабый японскій отрядъ у Хегоутая. Согласно этому приказанію 8-я резервная бригада собралась къ югу отъ Сандепу около деревни Тотай уже къ вечеру 25-го января. Одинъ батальонъ направленъ былъ въ Кученцзы, гдѣ принять на себя отступавшія изъ Хегоутая слабыя передовыя части. 8-я дивизія послѣ утомительнаго ночного марша въ сильную мятель прибыла въ 7 час. утра 26-го января въ районъ къ востоку отъ Кученцзы и Цзянкапуцзы.

Получивъ донесеніе о появленіи русскихъ войскъ около Хегоутая, начальникъ 8-й японской дивизіи рѣшилъ тотчасъ же ихъ атаковать, назначивъ для этого 8-ю резервную бригаду (около 4 батальоновъ) для движенія изъ Кученцзы по направленію на Хегоутай, а 4-ю бригаду своей дивизіи онъ рѣшилъ двинуть изъ Цзянкапуцзы черезъ Сумапу. 16-я бригада 8-й дивизіи назначена была въ резервъ, для чего сначала расположена была около Кученцзы, впослѣдствіи же она направлена была на сѣверо-западъ для дѣйствія противъ русскихъ войскъ, атаковавшихъ Сандепу.

Войска 1-го Сибирскаго корпуса, какъ это упомянуто было выше, согласно приказу по арміи обречены были сначала на бездѣятельность. Главныя силы этого корпуса сосредоточились сначала около Хегоутая и Тоунао, чтобы здѣсь выждать результатовъ атаки Сандепу войсками 8-го армейскаго корпуса. Только одной 1-й бригадѣ (генераль-маіора Леша) 1-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи съ 4 батареями и 2 пулеметными ротами, которая не могла быть 25-го числа направлена на поддержаніе 8-го армейскаго корпуса въ виду поздняго занятія дер. Хегоутай, указано было въ 9 час. утра слѣдующаго дня направиться съ Хегоутая на сѣверъ въ распоряженіе командира 8-го армейскаго корпуса для участія въ атакѣ Сандепу.

Получилась крайне характерная картина. Во то время, какъ бригада ген. Леша двигалась фланговымъ маршемъ *на сѣверъ*, по восточному берегу рѣки Хуньхе, чтобы подкрѣпить 8-й армейскій корпусъ, 15-я дивизія котораго не принимала никакого участія въ бою.—одна бригада стрѣлковаго корпуса двигалась въ тотъ же день послѣ полудня по западному берегу Хуньхе, изъ Чжантана *на югъ*, на поддержку 1-го Сибирскаго корпуса ген. Штакельберга, въ виду полученной отъ него просьбы о поддержкѣ.

Ген. Лешъ со своей бригадой выбралъ для движенія не кратчайшую дорогу изъ Хегоутая на Сандепу, какъ это слѣдовало ожидать, чтобы во время самага движенія войти въ связь съ войсками 8-го армейскаго корпуса, а направился сначала на востокъ до Ляучіау и здѣсь остановился, выжидая приказаній командира корпуса.

Опять ушло не мало драгоценнаго времени, и когда, наконецъ, бригада ген. Леша двинулась на сѣверъ, то она неожиданно была обстрѣлена съ фланга. Батальоны 8-й японской резервной бригады двинулись изъ Кученцзы черезъ Ляучіау на Хегоутай; послѣ непродолжительной стычки между передовыми частями бригада ген. Леша продолжала свое движеніе на Маланцзу, куда прибыла въ 1 час. пополудни. Отсюда бригада должна была сначала направиться далѣе на западъ, чтобы съ этой стороны атаковать Сандепу совместно съ полками 14-й дивизіи, но когда получено было донесеніе, что съ юга наступаютъ японцы—повидимому это были слабыя части 8-й резервной бригады, двигавшіяся изъ Ляучіау по пятамъ бригады ген. Леша,—то командиръ 8-го армейскаго корпуса ген. Мыловъ, находившійся въ это время въ Маланцзу, приказалъ отряду ген. Леша остаться въ этомъ пунктѣ для обороны деревни. Въ результатъ этихъ безконечныхъ шатаній въ разныя стороны вмѣсто того, чтобы бригада ген. Леша могла неожиданно появиться съ юга для участія въ атакѣ Сандепу вмѣстѣ съ 14-й дивизіей,—бригада эта заняла позицію для пассивной обороны до слѣдующаго утра указанной выше деревни, не имѣя противъ себя сколько-нибудь значительнаго противника.

Послѣ командированія бригады ген. Леша ген. Штакельбергъ все же располагалъ около Хегоутая свыше 18 батальоновъ, 48 орудіями и 6 эскадронами, которые и были атакованы 4-й японской бригадой (6 батальоновъ) и нѣсколькими батальонами 8-й резервной бригады. Несмотря на то, что ген. Штакельбергъ все же былъ значительно сильнѣе такъ смѣло атаковавшаго его противника, онъ, тѣмъ не менѣе, дѣйствовалъ крайне пассивно и ограничился лишь тѣмъ, что отбилъ только атаку японцевъ между Хегоутаемъ и Тоупао, но имъ все же удалось занять Сумапу, выбивъ оттуда русскіе передовые посты; при всемъ томъ въ этомъ пассивномъ отраженіи атаки постепенно, малыми дозами, введены были въ дѣло всѣ войска Сибирскаго корпуса. Послѣ 1 час. пополудни ген. Штакельбергъ обратился уже къ командиру стрѣлковаго корпуса, находившемуся у Чжантана, съ просьбой о поддержкѣ, вслѣдствіе чего по приказанію ген. Гриппенберга на поддержку Сибирскаго корпуса направлена была 2-я стрѣлковая бригада (8 батальоновъ) въ Тутайцзы.

Нельзя не согласиться съ полк. Новицкимъ, что такое поспѣшное обращеніе начальниковъ съ просьбами о поддержкѣ очень предосудительно.

Такимъ образомъ на фронтѣ 1-го Сибирскаго корпуса бой оставался нерѣшительнымъ до вечера: японцы охватили позиціи этого корпуса съ сѣвера и сѣверо-запада, но тѣмъ не менѣе не могли добиться никакихъ рѣшительныхъ результатовъ, при чемъ сами понесли еще весьма чувствительныя потери. Атака японцевъ противъ праваго фланга корпуса у Тоупао около 3 час. пополудни становилась все менѣе и менѣе энергична въ виду того, что имъ начало угрожать съ лѣваго фланга движеніе коннаго корпуса ген. Мищенко со стороны Нюціанъ и Сюэрпу.

Какъ упомянуто было выше, ген. Мищенко со своимъ коннымъ отрядомъ ночевалъ у Шакуцзы, намѣреваясь утромъ 26-го числа атаковать Мамыкай. Въ 4 часа утра онъ, однако, узналъ, что деревня уже занята войсками отряда ген. Коссаговскаго. Вслѣдствіе этого онъ рѣшилъ перейти Хунъхе и правой колонной своего отряда, при которой онъ находился самъ,

а также съ резервомъ отряда, направиться черезъ Санкiяцзы, а съ лѣвой колонной двинуться черезъ Чжанвукiяцзы, чтобы войти въ связь съ войсками 1-го Сибирскаго корпуса. Хотя ген. Мищенко и говоритъ въ своемъ приказѣ: „Вчера мы не столкнулись съ противникомъ; мы должны дѣйствовать смѣло и энергично, памятуя, что идетъ большое сраженiе“,—тѣмъ не менѣе кавалерiя все же не торопилась. Высланы были сначала развѣзды, чтобы „войти въ связь съ отрядомъ ген. Коссаговскаго, а также для развѣдки переходовъ черезъ Хуньхе“, и только въ 8 час. утра конница двинулась въ путь. Въ 1 час. дня правая колонна отряда прибыла въ Санкiяцзы, а лѣвая въ Нюцианъ, такъ что въ 5 часовъ конница сдѣлала 15 километровъ...

Трудно сказать, какой собственно планъ дѣйствiй преслѣдовался ген. Мищенко. Надо полагать, что къ этому времени онъ, несомнѣнно, вошелъ уже въ связь съ войсками 1-го Сибирскаго корпуса и былъ поэтому вполне освѣдомленъ о положенiи этого корпуса. Въ такомъ случаѣ его ближайшая задача должна была заключаться въ томъ, чтобы всѣми своими силами оказать влiянiе на ходъ боя. Такое участiе отряда ген. Мищенко въ бою могло выразиться либо въ томъ, чтобы всѣми своими силами ввязаться въ бой непосредственно, или съ 48 эскадронами предпринять набѣгъ въ тылъ противнику. Повидимому, у ген. Мищенко носились въ головѣ оба плана, но онъ не остановился своимъ вниманiемъ и всѣми своими силами ни на одномъ изъ нихъ, вслѣдствiе этого, хотя казаки ген. Мищенко наступали мѣстами и вполне мужественно, все же это осталось безъ всякаго результата.

Лѣвая колонна въ составѣ 3 полковъ и 2 казачьихъ батарей подъ начальствомъ ген. Телешева отбросила кавалерiйскiе посты изъ Нюциана и намѣревалась двинуться дальше черезъ Чжанвукiяцзы противъ лѣваго фланга 4-й японской бригады, атаковавшей 1-й Сибирскiй корпусъ, но ген. Мищенко, находившiйся при правой колоннѣ, приказалъ колоннѣ Телешева присоединиться къ нему, такъ что поддержка 1-му Сибирскому корпусу оказалась вполне ничтожной. Что касается правой колонны, въ составѣ 2 бригадъ и 2 конныхъ

батарей, то вмѣсто того, чтобы безъ малѣйшей потери времени, обходя всѣ населенные пункты, двинуться прямо въ тылъ противнику, она занялась тѣмъ, что ввязалась въ бой при всѣхъ лежащихъ по пути деревняхъ: Санкіяцзы, Сюэрпу, Тахуанти, гдѣ находились японскіе передовые посты,—поставивъ себѣ цѣлю очистить сначала эти деревни отъ японцевъ и, наконецъ, встрѣтила сильное сопротивленіе у деревни Тунхепу, такъ что ген. Мищенко оказался вынужденнымъ притянуть лѣвую колонну, чтобы совмѣстными силами овладѣть этой деревней, но еще до присоединенія этой колонны японцы сами очистили ее безъ боя съ наступленіемъ темноты. Такимъ образомъ дѣятельность кавалеріи и въ этотъ день осталась безъ всякихъ результатовъ въ отношеніи общаго хода операцій, что объясняется тѣмъ, что начальникъ конницы не задалъ себѣ вполне опредѣленной цѣли дѣйствій.

Ляохейскій отрядъ ген. Коссаго夫скаго, положеніе котораго было особенно благоприятно для того, чтобы атаковать японцевъ, дѣйствовавшихъ противъ лѣваго фланга ген. Штакельберга, долженъ былъ, однако, остаться 26-го числа въ полной бездѣятельности, согласно точнымъ указаніямъ приказа по армии и инструкціямъ командующаго арміей; главныя силы этого отряда занимали въ этотъ день Сяотамень и Сантайцзы, а передовыми частями отрядъ занималъ Мамыкай и Чинтайцзы.

Главная задача этого дня—занятіе деревни Сандепу, выпала на долю 8-го армейскаго корпуса. Командиръ корпуса для выполненія этой задачи опять-таки назначилъ все ту же многострадальную 14-ю дивизию, которая должна была получить поддержку съ юга отъ 1-го Сибирскаго корпуса, откуда ожидалось прибытіе пѣхотной бригады. Находившейся къ сѣверу отъ Сандепу 15-й дивизиі опять назначена была роль быть праздною зрительницей этой операціи; только послѣ занятія Сандепу дивизиі эта должна была наступать по направленію на Лапатай и Ханшантай. По мнѣнію полк. Новицкаго для атаки и занятія Сандепу предназначенъ былъ весь 8-й корпусъ, и только послѣ выполненія этой задачи обѣимъ дивизиямъ корпуса давалось различное назначеніе, поэтому онъ всю вину пассивнаго положенія 15-й дивизиі относитъ на долю ген. Мылова. Но это не

такъ: ген. Мыловъ дѣйствовалъ вполне въ духѣ указаній, полученныхъ отъ ген. Гриппенберга, и если 15-я дивизія не приняла надлежащаго участія въ атакѣ Сандепу, то это объясняется только неясностью задачи, указанной 8-му корпусу командующимъ арміей. Если бы это было не такъ, то нѣтъ сомнѣнія, что ген. Гриппенбергъ сдѣлалъ бы непремѣнную поправку въ распоряженіяхъ командира корпуса. Это подтверждается также свидѣтельствомъ ген. Баженова: когда этотъ послѣдній выразилъ удивленіе въ виду полной бездѣятельности 15-й дивизіи и ея артиллеріи, то ему возразили, что ген. Мыловъ обязанъ былъ такъ дѣйствовать въ виду приказанія командующаго арміей.

Со своей стороны ген. Гриппенбергъ обвиняетъ ген. Куропаткина въ томъ, что онъ препятствовалъ ему ввести въ бой 15-ю дивизію, ссылаясь на то, что главнокомандующій въ письменномъ приказаніи командующему 2-й арміей писалъ: „Не разрѣшаю вамъ расходовать 15-ю дивизію и 10-й корпусъ“. Однако это приказаніе главнокомандующаго не встрѣчается ни въ исторіи генеральнаго штаба, ни въ другихъ мѣстахъ, а находимъ его только въ полемической брошюрѣ ген. Гриппенберга „Изнанка Сандепу“. Если дѣйствительно такое приказаніе было отдано, то все же ген. Гриппенбергъ не придавалъ ему обязательнаго для себя значенія, потому что въ своемъ приказѣ по арміи онъ все же указываетъ 15-й дивизіи, послѣ занятія Сандепу, направиться на Лапатай и Ханшантай. Вѣдь онъ просилъ главнокомандующаго 26-го вечеромъ о подкрѣпленіи 2-й арміи; однако онъ не просилъ предоставить въ его распоряженіе 15-ю дивизію. Изъ этого слѣдуетъ, что ген. Гриппенбергъ, очевидно, считалъ себя въ правѣ располагать 15-й дивизіей, такъ что полная бездѣятельность этой дивизіи 26-го января должна быть отнесена всецѣло на отвѣтственность командующаго 2-й арміей.

Такимъ образомъ, для атаки Сандепу направилась изъ Чжантана только одна 14-я дивизія. До вечера этого дня Сандепу все еще занято было только слабымъ кавалерійскимъ гарнизономъ съ нѣсколькими орудіями и пулеметами. Бригада ген. Леша изъ состава 1-го Сибирскаго корпуса, которая должна была атаковать Сандепу съ юга, занята была въ это

время пассивной обороной деревни Маланцзу противъ слабыхъ частей 8-й японской резервной бригады, двигавшихся вслѣдъ за бригадой Леша изъ Ляочіау. 15-я дивизія оставалась бездѣятельной не только своей пѣхотой, но также и своей артиллеріей не оказывала никакого содѣйствія этой атакѣ въ виду того, что командиръ этой артиллеріи опасался своимъ огнемъ поражать также и свои войска, которыя должны были атаковать деревню съ запада. Приданная 8-му корпусу осадная батарея, расположенная у Чукуанпу, выпустила послѣ полудня 31 гранату, которыя, однако, не попали въ Сандепу, потому что огонь направленъ былъ въ нѣкоторые пункты къ сѣверу отъ этой деревни. Изъ состава своднаго стрѣлковаго корпуса направлены были на Чжантанъ, подъ начальствомъ командира корпуса ген. Кутневича, 2 стрѣлковыя бригады, которыя должны были служить ближайшей поддержкой атакующему, но, какъ мы видѣли выше, одна изъ этихъ бригадъ, именно 2-я, направлена была въ Тутайцзы по требованію ген. Штапельберга для оказанія поддержки 1-му Сибирскому корпусу; другая же, 5-я бригада, дѣйствительно переведена была на лѣвый берегъ Хуньхе, но только 1 своимъ полкомъ (18 стрѣлковымъ) слѣдовала за правымъ флангомъ 14-й дивизіи для атаки Сандепу.

Атака Сандепу окончилась полнѣйшей неудачей, причина которой, главнымъ образомъ, заключается въ отсутствіи всякаго руководства боемъ, а также въ виду недостатка твердой воли атаковать непріятеля всѣми своими силами. Въ 7^{1/2} часа утра 14-я дивизія начала свою атаку со стороны Ванкіявопу и въ 4 часа дня она все еще находилась въ разстояніи одного километра къ западу отъ Сандепу, несмотря на то, что въ своемъ наступленіи до того времени она не встрѣтила никакого сопротивленія.

Какъ на причину этого необъяснимо медленнаго движенія дивизіи указывается на крайне неблагопріятное состояніе погоды въ этотъ день. Стояла крайне холодная туманная погода, при чемъ до полудня временами свирѣпствовала снѣжная вьюга, вслѣдствіе этого деревня, а также другіе мѣстные предметы обрисовывались крайне неясно или были совершенно затуманены.

Ориентированіе представлялось, такимъ образомъ, крайне затруднительнымъ, чѣмъ и объясняется ничтожное дѣйствіе шрапнельнаго огня артиллеріи 14-й дивизіи, такъ какъ батареи, очевидно, перебрасывали свой огонь на болѣе далекія дистанціи, чѣмъ это соотвѣтствовало дѣйствительности. Съ другой стороны, однако, такая туманная погода вполне благопріятствовала скрытому наступленію пѣхоты, если бы только каждая часть войскъ была дѣйствительно воодушевлена порывомъ впередъ и стремленіемъ кратчайшимъ путемъ скорѣе достигнуть пункта атаки. вмѣсто этого мы видимъ только, что части войскъ поглядывали другъ на друга, стараясь только равняться на сосѣдей при движеніи въ атаку, а для этого погода дѣйствительно не была вполне благопріятна.

14-я дивизія двинулась въ атаку, имѣя 2 полка, 55-й и 56-й, въ первой линіи и 2 полка во второй линіи. Назначенный для атаки сѣверо-западной части Сандецу 55-й полкъ вслѣдствіе тумана взялъ неправильное направленіе и вмѣсто того, чтобы двинуться на востокъ, направился на юго-востокъ. Когда около 9 час. утра командиръ полка замѣтилъ свою ошибку, онъ переимѣнилъ направленіе, двинулся по компасу на востокъ и въ разстояніи около тысячи шаговъ отъ Сандецу или, вѣрнѣе сказать, отъ находившейся къ сѣверо-западу отъ Сандецу деревни Баотайцзы, былъ обстрѣленъ. вслѣдствіе чего онъ остался на этомъ мѣстѣ до 4 час. пополудни, т. е. въ теченіе 7 часовъ въ непосредственной близости съ непріателемъ; такъ полкъ простоялъ въ бездѣятельности только потому, „что 56-й полкъ еще не успѣлъ къ тому времени выйти на одну высоту съ нимъ“. Благодаря неправильному направленію, взятому этимъ полкомъ, и продолжительной его остановкѣ, получилось то, что слѣдовавшій за нимъ во второй линіи 53-й полкъ также остановилъ свое движеніе, когда вышелъ на эту высоту. По словамъ ген. Куропаткина слѣдовавшій за 55-мъ полкомъ 53-й полкъ преспокойно притянулъ свои полевые кухни и занялся обѣдомъ, но въ это время полкъ сталъ поражаться шрапнельнымъ огнемъ. Такъ какъ полкъ еще только въ первый разъ участвовалъ въ бою, то внезапный огонь вызвалъ полный беспорядокъ и полкъ бросился назадъ, ища

закрытія. Чтобы успокоить людей и водворить порядокъ, командиръ полка снова повелъ его впередъ, но въ это время навстрѣчу полку стали попадаться отступавшія уже цѣпи 55-го полка. 53-й полкъ продолжалъ движеніе впередъ, принялъ на себя отступающія части 55-го полка и, такимъ образомъ, остановилъ отступленіе. Тѣмъ не менѣе 8 батальоновъ, имѣя передъ собою только спѣшенную японскую кавалерію, оставались въ полной бездѣтельности въ теченіе нѣсколькихъ часовъ только для того, чтобы возстановить потерянную связь съ сосѣдними полками.

По примѣру упомянутаго выше 55-го полка сбился съ дороги и взялъ невѣрное направленіе также и 56-й полкъ, слѣдовавшій за 54-мъ для атаки юго-западной части Сандепу. Этотъ полкъ также двинулся на юго-востокъ, попалъ въ промежутокъ между южной окраиной Сандепу и деревней Тотай, и въ 10 час. утра послѣ перехода черезъ оврагъ сталъ поражаться съ лѣваго фланга огнемъ изъ Сандепу. вмѣсто того, однако, чтобы обойти Сандепу и повести атаку съ юга по кратчайшей дорогѣ, полкъ этотъ, по приказанію начальника дивизіи генераль-лейтенанта Русанова, направленъ былъ назадъ и затѣмъ двинулся по руслу ручья на сѣверъ для того, чтобы войти въ связь съ 55-мъ полкомъ и вмѣстѣ съ нимъ начать атаку. Пока 56-й полкъ въ этихъ безконечныхъ движеніяхъ въ разныя стороны блуждалъ для возстановленія связи съ сосѣдними полками, онъ сталъ поражаться также огнемъ и справа, со стороны Тотая. Здѣсь находились части 16-й японской бригады, которая, какъ мы это видѣли выше, по приказанію начальника 8-й японской дивизіи, расположена была у Кученцзы въ видѣ резерва. Хотя впослѣдствіи 2 батальона отъ этой бригады двинулись противъ праваго фланга русскихъ войскъ, атаковавшихъ Сандепу, все же, въ общемъ, дѣятельность этой бригады была очень невидная, такъ что никакого вліянія не имѣла на неудачный исходъ русской атаки противъ Сандепу.

Въ 4 час. пополудни вошли, наконецъ, въ связь 55-й и 56-й полки; 54-й полкъ построился уступами справа, позади 56-го полка. Такимъ образомъ все полки дивизіи построились,

наконецъ, въ боевую линію. Цѣлый день до наступленія темноты ушелъ на непроезжихъ движенія въ разныя стороны безъ того, чтобы кто-нибудь изъ командировъ двинулся по собственному почину впередъ для энергичной атаки.

Все дальнѣйшее послѣдовало безъ всякаго участія кого-нибудь изъ вышихъ начальниковъ. Ген. Куропаткинъ утверждаетъ, что на мѣстѣ боя не было ни одного генерала; а о бригадныхъ командирахъ нигдѣ не упоминается ни слова ни въ одной изъ реляцій. Что касается начальника дивизіи генералъ-лейтенанта Русанова, то послѣ того, какъ онъ направилъ 56-й полкъ на одну высоту съ 55-мъ, онъ самъ отправился къ командиру корпуса, чтобы доложить ему о положеніи дѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ просить о поддержкѣ. Командиръ корпуса отказалъ ему въ подкрѣпленіи въ виду опасности, угрожающей правому флангу корпуса со стороны японцевъ, которые „могутъ предпринять обходъ, чтобы остановить атаку“. Прежде чѣмъ начальникъ дивизіи успѣлъ вернуться назадъ къ своимъ полкамъ, эти послѣдніе въ 4^{1/2} час. сами, по собственному почину, двинулись на Сандепу.

Послѣдовавшая атака на Сандепу изображается въ исторіи русскаго генеральнаго штаба какъ веденная въ чрезвычайномъ порядкѣ „точно образцовый маневръ“. Это вполне возможно, тѣмъ болѣе, что полки не встрѣчали никакого сопротивленія, такъ какъ наступленіе велось противъ неукрѣпленныхъ деревень, которыя оборонялись слабыми частями спѣшенной конницы. Результатомъ этой атаки было то, что полки 14-й дивизіи съ сѣвера, съ запада и юго-запада проникли въ деревню, которую они приняли за Сандепу. Возвратившись отъ командира корпуса, начальникъ дивизіи наблюдалъ это съ артиллерійской позиціи и сейчасъ же послалъ донесеніе, что Сандепу взято, прося въ то же время о подкрѣпленіи его дивизіи. Ген. Мылова нельзя было нигдѣ найти, но командиръ стрѣльковаго корпуса направилъ въ Сандепу, на подкрѣпленіе, 18-й стрѣлковый полкъ, который расположенъ былъ за правымъ флангомъ 14-й дивизіи уступами, чтобы отразить возможность атаки со стороны Тотая.

Такимъ образомъ, извѣстіе о взятіи Сандепу постепенно

распространялось все далѣе, но ничего не предпринимали, чтобы оказать поддержку 14-й дивизіи; тѣмъ временемъ полки этой дивизіи, проникшіе въ деревню, постепенно убѣдились въ томъ, что это вовсе не Сандепу. Полки атаквали и заняли неукрѣпленныя деревни и постройки, которыя образовали собою западную окраину, отстоящую собственно въ разстояніи 500 — 600 метровъ отъ Сандепу. Полки неожиданно очутились, такимъ образомъ, передъ редюитомъ, окруженнымъ каменными стѣнами съ наружнымъ рвомъ и искусственными препятствіями, представлявшимъ собою самую деревню Сандепу, откуда они стали поражаться ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Около этого времени съ востока, отъ находившейся тамъ 3-й японской дивизіи, въ виду того, что дѣйствовавшій противъ этой дивизіи 10-й армейскій корпусъ оставался въ полной бездѣятельности, оказалось возможнымъ взять 2 батальона и 1 батарею и спѣшно направить ихъ въ Сандепу для усиленія оборонявшагося тамъ гарнизона, состоявшаго до того времени только изъ спѣшенной конницы и 1 батареи.

Положеніе 14-й дивизіи было дѣйствительно очень затруднительно, потому что наступила темнота, японцамъ удалось зажечь кругомъ всѣ постройки деревни, занятой полками подъ видомъ Сандепу, что привело полки во всеобщее замѣшательство. Такъ какъ при войскахъ не находилось ни одного генерала, то полковые командиры собрались между собою на военный совѣтъ, въ результатѣ котораго въ 9 час. вечера отправлено было донесеніе начальнику дивизіи о положеніи дѣла, при чемъ указывалось на необходимость или немедленнаго подкрѣпленія полковъ или отдачи приказанія объ отступленіи изъ занятой деревни. По полученіи этого донесенія ген. Русановъ намѣревался сначала продолжать бой, но когда онъ получилъ подробный докладъ отъ посланнаго въ деревню корпуснаго инженера полк. князя Баратова, что представляется невозможнымъ овладѣть редюитомъ Сандепу безъ предварительнаго уничтоженія искусственныхъ препятствій и соотвѣствующей подготовки атаки, вообще, и такъ какъ ген. Русановъ не зналъ мѣстонахожденія командира корпуса, то онъ рѣшилъ со своей дивизіей отступить отъ Сандепу. Отступление

это совершилось ночью безъ всякой помѣхи со стороны японцевъ.

Тѣмъ временемъ ген. Мыловъ по полученіи невѣрныхъ свѣдѣній о занятіи Сандепу, не сдѣлавъ никакихъ распоряженій объ удержаніи занятаго пункта или объ использованіи достигнутаго успѣха, поспѣшилъ со своимъ штабомъ отправиться въ Тутайцзы въ 8 километрахъ къ сѣверу отъ Сандепу для того, какъ онъ доносилъ затѣмъ ген. Гриппенбергу, чтобы быть поближе къ 15-й дивизіи. Во время этихъ событій въ Сандепу оставались въ полной бездѣятельности не только 15-я дивизія, но и 10-й корпусъ. Этотъ послѣдній имѣлъ задачу послѣ сильной артиллерійской подготовки овладѣть деревнями Фукіяшуанцзы, Холянтай и Лидіятунь. Выше уже упомянуто было, что крайне озабоченный этой смѣлой операціей главнокомандующій никакъ не рѣшался на это предпріятіе до занятія Сандепу, но касающійся этого вопроса приказъ главнокомандующаго полученъ былъ въ 10-мъ корпусѣ только около 1 час. дня, влѣдствіе чего ген. Церпицкій долженъ былъ въ своихъ дѣйствіяхъ руководствоваться приказомъ командующаго 2-й арміей, который полученъ былъ имъ въ 5¹/₂ час. утра. Во всякомъ случаѣ командиръ 10-го корпуса предупрежденъ былъ ген. Гриппенбергомъ не вести одновременно атаку противъ Холянтай и Лидіятуня; согласно его указаніямъ операція 10-го корпуса должна была быть направлена сначала на овладѣніе Холянтаемъ и Фукіяшуанцзы, которые совершенно не были укрѣплены и заняты были только японскими передовыми постами.

Хотя, такимъ образомъ, ген. Церпицкій былъ сильно ограниченъ въ своей инициативѣ дѣйствій, тѣмъ не менѣе вялость дѣйствій 10-го корпуса не можетъ быть ничѣмъ оправдана. Въмѣсто того, чтобы использовать время до 10 час. дня, когда стоялъ густой туманъ, чтобы приблизиться незамѣтно къ намѣченнымъ для атаки пунктамъ и отбросить находившіеся тамъ японскіе посты, ген. Церпицкій выжидалъ, пока разсѣется туманъ для того, чтобы начать затѣмъ артиллерійскую подготовку атаки всей артиллеріей не только 10-го корпуса, но и сосѣдняго 5-го Сибирскаго корпуса. Только около полудня на-

чала свое наступленіе 9-я пѣхотная дивизія противъ Фукіяшунанцы и Холянтая, но, не дойдя до предмета атаки на 1 километръ, остановилась, вѣроятно выжидая результатовъ артиллерійской подготовки. Это чрезвычайно медленное наступленіе имѣло результатомъ то, что войска 10-го корпуса не успѣли еще овладѣть этими деревнями, когда въ 1 час. 5 мин. получено было приказаніе ген. Куропаткина, которымъ предписывалось командующему 2-й арміей „сегодня, 26-го января, воздержаться отъ атаки войсками 10-го корпуса. Предлагаю точно руководствоваться этимъ приказаніемъ. Сначала мы должны утвердиться въ Сандепу“.

Независимо отъ этого непосредственнаго приказанія главнокомандующаго, ген. Церпицкій получилъ велѣдъ затѣмъ еще сообщеніе начальника штаба 2-й арміи, изъ котораго ясно видно было, что взгляды ген. Грипшенберга, вообще, совпадали со взглядами ген. Куропаткина. Это сообщеніе гласило: „Спѣшно. Еще разъ напоминаю вамъ приказаніе командующаго арміей, что наступленіе вашего корпуса до овладѣнія Сандепу признается несвоевременнымъ. Главнокомандующій считаетъ необходимымъ наступленіе вести послѣдовательно съ запада на востокъ“.

Такимъ образомъ дѣятельность 10-го корпуса была во всякомъ случаѣ парализована. Но если бы этотъ корпусъ съ утра 26-го января дѣйствовалъ не такъ медленно, то упомянутое приказаніе ген. Куропаткина было бы получено послѣ занятія деревень, и весьма вѣроятно, что этотъ успѣхъ заставилъ бы и ген. Куропаткина перейти къ болѣе активнымъ дѣйствіямъ. Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что когда послѣ полудня отправлена была на развѣдку охотничья команда и стало извѣстно объ отступленіи японцевъ изъ Холянтая и Фукіяшунанцы и охотникамъ удалось занять эти деревни, то изъ главной квартиры получено было приказаніе утвердиться въ Холянтаѣ, „укрѣпиться тамъ и стараться удержать въ своихъ рукахъ какъ эту деревню, такъ и другіе занятые пункты“. Несмотря на такое приказаніе, считая выдвинутое положеніе войскъ въ Холянтаѣ и Фукіяшунанцы нѣсколько опаснымъ, ген. Церпицкій призналъ необходимымъ оставить тамъ только

передовые посты, а остальные войска отвести на ночь на прежнія мѣста. Эта пассивность дѣйствій 10-го корпуса дала возможность японцамъ изъ состава 3-й дивизіи, дѣйствовавшей передъ фронтомъ 10-го корпуса, отправить 2 батальона и 1 батарею изъ Яндяваня въ Сандепу, куда эти части и прибыли безпрепятственно. Хотя главная вина за эту бездѣтельность 10-го корпуса должна быть отнесена на долю главнокомандующаго и командующаго 2-й арміей, тѣмъ не менѣе нельзя также упрекнуть войсковыхъ начальниковъ 10-го корпуса въ избытокъ инициативы.

Весьма характерны, для взглядовъ высшихъ русскихъ начальниковъ, являются приказанія на 27-е января, которыя три раза мѣнялись въ зависимости отъ положенія, которое рисовалось воображенію начальниковъ.

Послѣ полудня 26-го января ген. Гриппенбергъ, на основаніи полученныхъ донесеній, придерживался рѣшенія, что атаку на Сандепу въ виду угрожающаго обхода праваго фланга 8-го корпуса значительными силами японцевъ, необходимо остановить и въ этотъ день не возобновлять вовсе. Въ дѣйствительности наступленію 14-й дивизіи со стороны Тотая угрожала опасность только отъ нѣсколькихъ батальоновъ 16-й бригады, которые могли дѣйствовать во флангъ этой дивизіи. Но если бы такое предположеніе было исполнено основательно, то и тогда обязательно было бы подкрѣпить 14-ю дивизію и тѣмъ энергичнѣе продолжать атаку какъ этой дивизіей, такъ и остальными войсками. Въмѣсто этого ген. Гриппенбергъ посылаетъ приказаніе командиру 1-го Сибирскаго корпуса „ни подъ какимъ видомъ не переходить въ наступленіе, а ограничиваться только оборонной занятой позиціи“. Если же корпусъ началъ уже наступленіе, то предписывается отступить назадъ въ Хегоутай. Мы знаемъ; однако, что 1-й Сибирскій корпусъ вовсе не думалъ о наступленіи, тѣмъ не менѣе какое невѣроятное понятіе скрывается въ такомъ приказаніи, которымъ предписывается отказаться отъ достигнутаго уже успѣха и отъ дальнѣйшаго наступленія только потому, что сосѣднимъ войскамъ угрожаетъ возможность обхода. Если дѣйствительно была какая-нибудь опасность обхода праваго фланга 8-го корпуса, то наилучшимъ

средствомъ парализовать эту опасность была именно энергичная атака со стороны 1-го Сибирскаго корпуса.

Еще болѣе своеобразнымъ представляется взглядъ ген. Гриппенберга, выраженный въ донесеніи главнокомандующему, который заканчивается слѣдующими словами: „Подкрѣпленіе 2-й арміи является необходимымъ“. Такъ послѣпно командующій 2-й арміей проситъ уже о подкрѣпленіи. Своими 120 батальонами ему приходилось дѣйствовать противъ 20 батальоновъ японскихъ, не считая вовсе подавляющаго превосходства въ кавалеріи и артиллеріи: 10-й корпусъ, сводный стрѣлковый и половина 8-го корпуса (15-я дивизія) еще никакого участія не принимали въ бою, а ген. Гриппенбергъ уже сомнѣвается въ возможности справиться съ противникомъ собственными силами. Ген. Куропаткинъ былъ вполне правъ, когда отклонилъ просьбу о подкрѣпленіи, но мотивы, которыми онъ обосновалъ этотъ отказъ, — что „силы 2-й арміи вполне достаточны, чтобы отразить атаку японцевъ“, — указываютъ на то, что главнокомандующій уже отказывается отъ мысли о наступленіи. Это подтверждается также и его директивой отъ 26-го вечеромъ, въ которой на 27-е января указывается 2-й арміи въ видѣ главной задачи „задержать наступленіе японцевъ“.

Но всѣ данныя указанія пришлось отмѣнить, когда вечеромъ получено было извѣстіе о взятіи Сандепу. Ген. Гриппенбергъ получилъ объ этомъ донесеніе около 6 час. вечера отъ штаба стрѣлковаго корпуса — въ виду того, что посланный съ этимъ донесеніемъ офицеръ генеральнаго штаба не могъ разыскать командира 8-го корпуса, когда же послѣдній получилъ объ этомъ донесеніе, то, какъ упомянуто было уже выше, онъ вмѣстѣ со своимъ штабомъ отправился въ Тутайцзы, не сдѣлавъ со своей стороны никакихъ распоряженій о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ или о томъ, чтобы освѣдомиться о положеніи дѣлъ.

Что же, однако, дѣлалъ ген. Гриппенбергъ по полученіи донесенія о занятіи Сандепу? Теперь, когда, казалось, такъ необходимо использовать достигнутый успѣхъ и напрямъ всѣ силы для преслѣдованія противника и не дать ему ни минуты

опомниться для организаціи дальнѣйшаго сопротивленія—ген. Гриппенбергъ всей своей арміи на 27-е января назначаетъ *отдыхъ*. Не говоря уже о томъ, что въ это время отдыхъ былъ невозможенъ, онъ и не требовался войскамъ, такъ какъ 1-й Сибирскій корпусъ и 15-я дивизія въ этотъ день не воевали вовсе. Ген. Гриппенбергъ въ своемъ распоряженіи руководствовался упомянутымъ выше приказомъ ген. Куропаткина, въ которомъ на 27-е января указано было „дать войскамъ, по возможности, въ этотъ день отдыхъ“. Но какой же полководецъ, отдающій себѣ сколько-нибудь отчетъ въ положеніи дѣлъ, цѣнящій сколько-нибудь самостоятельность дѣйствій, сталъ бы руководствоваться условнымъ совѣтомъ въ такую минуту, когда сдѣланъ уже первый шагъ къ достиженію цѣли? Если же ген. Гриппенбергъ послѣдовалъ этому совѣту, то это указываетъ лишь на то, что самъ онъ весьма охотно придерживался чрезмѣрно осторожной и медлительной стратегіи ген. Куропаткина, поэтому на него самого въ равной мѣрѣ падаетъ доля вины за этотъ образъ дѣйствій.

Когда ген. Куропаткинъ получилъ отъ дежурнаго генерала 2-й арміи донесеніе изъ Матулана о взятіи Сандецу въ 10 час. вечера, то онъ тотчасъ же послалъ одно за другимъ не менѣе четырехъ приказаній ген. Гриппенбергу; въ первомъ изъ этихъ приказаній заключалось поздравленіе съ достигнутымъ успѣхомъ; всѣ остальные приказанія переполнены были разными указаніями, которыя совсѣмъ не входили въ кругъ обязанностей главнокомандующаго. Замѣчательно то, что ни въ одномъ изъ этихъ приказаній мы не находимъ и слѣда какого-нибудь стремленія использовать предполагаемый достигнутый успѣхъ въ видахъ дальнѣйшаго наступленія; всѣ приказанія говорятъ только объ одномъ: о необходимости утвердиться на занятыхъ пунктахъ, укрѣпить ихъ, о весьма вѣроятной атакѣ со стороны японцевъ, о необходимости поэтому образовать сильные резервы, но тамъ, гдѣ вопросъ касается дальнѣйшаго наступленія, тамъ мы встрѣчаемся только съ общими фразами и неясными указаніями въ родѣ слѣдующаго: „Если бы завтра, или, по вашему усмотрѣнію, послѣ завтра удалось овладѣть линіей деревень Холянтай—Лидіатунъ и утвердиться въ этихъ

пунктахъ, то это значительно облегчило бы наступленіе 2-й и 3-й армій въ послѣдующіе дни“. Мы видимъ, такимъ образомъ, что ген. Куропаткинъ не думаетъ торопиться съ наступленіемъ и мало заботится о томъ, чтобы поощрить свои войска къ сколько-нибудь активной дѣятельности; совершенно наоборотъ—онъ боится проявленія этой активности и старается напоминать объ этомъ, какъ мы видѣли выше въ отношеніи ген. Церпицкаго: „держите ген. Церпицкаго въ уздѣ“.

Утвержденіе ген. Гриппенберга, что онъ назначилъ отдыхъ своимъ войскамъ на основаніи приказанія главнокомандующаго, опровергается, между прочимъ, тѣмъ, что во всѣхъ безцѣльныхъ приказаніяхъ и разныхъ расплывчатыхъ указаніяхъ ген. Куропаткина, данныхъ послѣ полученія донесенія о занятіи Сандепу, онъ ничего не говоритъ о назначеніи отдыха войскамъ и только въ четвертомъ приказаніи послѣ полученія донесенія о назначенномъ отдыхѣ отъ ген. Гриппенберга, онъ разрѣшаетъ это слѣдующими словами: „Войскамъ сегодня, 27-го января, предоставить отдыхъ, согласно вашему намѣренію“.

Несмотря на то, что очищеніе предполагаемой деревни Сандепу рѣшено было начальникомъ дивизіи вечеромъ 26-го января, ген. Гриппенбергъ объ этомъ никакихъ донесеній не получилъ до 6 час. 10 мин. 27-го января. Это видно изъ того, что около этого времени командующій 2-й арміей послалъ приказаніе 15-й дивизіи, чтобы находящіяся при этой дивизіи осадную, мортирную и гранатную батареи, предназначавшіяся для подготовки атаки Сандепу, немедленно отправить въ распоряженіе командира 10-го корпуса, если это не сдѣлано еще до сего времени, для того, чтобы приготовить артиллерійскую атаку на Лидіятунь. Только нѣкоторое время спустя послѣ послышки этого приказанія ген. Гриппенбергъ получилъ донесеніе отъ командира стрѣлковаго корпуса, которое не оставляло никакого сомнѣнія о печальной ошибкѣ. Причина, по которой штабъ арміи до утра 27-го января оставался въ полной неизвѣстности о томъ, что дѣлалось въ 14-й дивизіи, заключалась въ томъ, что командиръ 8-го корпуса ген. Мыловъ, вмѣстѣ со своимъ штабомъ, послѣ полученія перваго

донесенія о занятіи Сандепу, исчезъ въ Тутайцзы, и не было никакой возможности его разыскать.

Такимъ образомъ послѣ полученія свѣдѣній о подлинной обстановкѣ народилось новое положеніе вещей, потребовавшее отъ командующаго арміей новаго указанія.

Во все время дѣйствій 26-го января 1-я и 3-я русскія арміи оставались въ полной бездѣтельности, что дало возможность японскому главнокомандующему воспользоваться также и 5-й дивизіей, расположенной у Шилихе въ видѣ резерва, и къ утру 27-го января притянуть ее въ Ландунгоу въ распоряженіе начальника 8-й дивизіи.

Дѣйствія 27-го января.

Когда утромъ 27-го января извѣстно стало, что Сандепу еще не взято, то командующій 2-й арміей счелъ необходимымъ, какъ это упомянуто было выше, отмѣнить прежнія указанія, данныя на 27-е января, и дать новыя приказанія. Можно было думать, что русскіе полководцы убѣдились, наконецъ, опытомъ предшествовавшихъ дней, что вся наступательная операція базируется на неправильной постановкѣ цѣли дѣйствій, — что необходимо стремиться, прежде всего, къ тому, чтобы разбить непріятеля, уничтожить его живую силу, а не къ тому, чтобы непременно овладѣть деревней Сандепу.

Но русское командованіе было до такой степени поглощено идеей о необходимости овладѣнія Сандепу, что никакъ не могло отдѣлаться отъ этой предвзятой мысли, и занятіе этой деревни сдѣлало важнѣйшей цѣлью всей наступательной операціи 2-й арміи. Нѣкоторое объясненіе этого факта мы находимъ въ утверженіи полк. Новицкаго, что ген. Куропаткинъ, вообще, не склоненъ былъ вести рѣшительную операцію и готовъ былъ воспользоваться каждымъ представившимся предлогомъ, чтобы насколько возможно ограничить боевую дѣятельность своихъ армій и замедлить, вообще, все наступленіе. Такой предлогъ представился въ видѣ Сандепу, занятіе котораго онъ поставилъ необходимымъ условіемъ для дальнѣйшаго наступленія 2-й арміи. Однако, и ген. Грипшенбергъ, повиди-

тому, придерживался такихъ же взглядовъ; въ противномъ случаѣ онъ воспользовался бы, вѣроятно, предоставленнымъ ему закономъ правомъ, чтобы настоять на иномъ образѣ дѣйствій, такъ что можно предположить, что оба эти полководца одинаково не были расположены къ наступательной операціи и склонны были пользоваться всякимъ предлогомъ, чтобы отложить или замедлить наступленіе, а затѣмъ и отказаться отъ него совсѣмъ.

Такимъ образомъ командующій 2-й арміей рѣшилъ 27-го января повторить атаку на Сандецу. Хотя изъ предшествовавшихъ дѣйствій 25-го и 26-го января ген. Гриппенбергъ могъ уже убѣдиться, что въ прежнемъ видѣ дѣйствія оказались безцѣльными, что японцы, въ виду медленнаго образа дѣйствій русскихъ, должны были за это время усилиться, тѣмъ не менѣе мы видимъ, что командующій 2-й арміей не вноситъ никакихъ существенныхъ измѣненій въ приказаніе на 27-е января по сравненію съ тѣми указаніями, которыя даны имъ были въ предшествующіе дни. Опять мы видимъ, что для атаки Сандецу назначается только четверть арміи, въ то время, какъ три четверти расходуются для прикрытія, для демонстрированія, для поддержки огнемъ, короче сказать, остаются бездѣтельными.

На этотъ разъ главная или, вѣрнѣе сказать, единственная задача этого дня, атака Сандецу, ввѣрена была сводному стрѣлковому корпусу подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Кутневича. Какъ извѣстно, 2-я и 5-я бригады этого корпуса еще 26-го января направлены были въ Чжантанъ для поддержки 14-й дивизіи; 2-я бригада направлена была въ Тутайцзы въ распоряженіе ген. Штакельберга, 5-я бригада двинулась на Маланцзу по направленію къ бригадѣ ген. Леша 1-го Сибирскаго корпуса и расположилась въ районѣ Ятзицао—Ванкіявоцу; къ вечеру 26-го января направлена была на Чжантанъ также и 1-я стрѣлковая бригада. Такимъ образомъ въ распоряженіи ген. Кутневича, для атаки Сандецу, имѣлись 1-я и 5-я стрѣлковыя бригады, бригада ген. Леша и бригада 15-й дивизіи, которая прибыла въ Чжаншунцзы. Силы этихъ войскъ, предназначенныхъ для атаки, составляли 30 батальо-

новъ и 104 орудія, значительно превосходя гарнизонъ Сандепу, который и въ это время состоялъ только изъ 2 батальоновъ, 1 кавалерійскаго полка и 2 батарей. Тѣмъ не менѣе и на этотъ разъ атака Сандепу поставлена была въ зависимость отъ основательной подготовки атаки артиллерійскимъ огнемъ.

Задача по части энергичной подготовки артиллерійскимъ огнемъ атаки Сандепу была возложена на 8-й армейскій корпусъ; 14-я дивизія этого корпуса отведена была въ резервъ въ Чжантанъ, а половина 15-й дивизіи опять оставалась праздною зрительницей атаки Сандепу, находясь на своей позиціи къ сѣверу отъ Сандепу. 10-му корпусу дано было приказаніе ни подъ какимъ видомъ не предпринимать никакихъ наступательныхъ дѣйствій до полученія на то особеннаго приказанія. 1-му Сибирскому корпусу сообщено было только о послѣдовавшемъ рѣшеніи повторить атаку на Сандепу, при чемъ ген. Штакельбергъ запрашивался, не признаетъ ли онъ возможнымъ возвратить ген. Кутневичу 2-ю стрѣлковую бригаду. Во всемъ остальномъ въ отношеніи Сибирскаго корпуса оставлено было въ силѣ прежнее приказаніе, отданное при полученіи перваго извѣстія о занятіи Сандепу, въ которомъ указывался отдыхъ на 27-е января, „сохраняя, однако, полную готовность оказать непріятелю упорное сопротивленіе на случай его перехода въ атаку“. Отрядъ ген. Коссаговецкаго долженъ былъ своими главными силами перейти на линію Мачуенцзы—Чеуто, т. е. отряду указывалось отступить назадъ на 8 километровъ, что признавалось необходимымъ для прикрытія тыла арміи.

Такимъ образомъ активная дѣятельность указана была только центру арміи силою въ 30 батальоновъ, тогда какъ оба фланга арміи должны были оставаться въ полной бездѣятельности. Въ дѣйствительности, однако, получилось какъ разъ наоборотъ: бездѣятельнымъ остался центръ арміи, тогда какъ на правомъ флангѣ ген. Штакельбергъ проявилъ совершенно необычайную въ эту войну личную инициативу.

Ген. Куропаткинъ одобрилъ всѣ распоряженія ген. Грипенберга, выразивъ, между прочимъ, надежду, что сегодня войска овладѣютъ Сандепу. Въ его приказѣ, отданномъ въ 12 час.

дня 27-го января, мы не находимъ никакихъ указаній на необходимость наступательныхъ дѣйствій. Опять имѣется въ виду дневка для войскъ, при чемъ все болѣе проявляется опасеніе о возможности прорыва центра со стороны японцевъ. Принимается въ расчетъ даже отступление 10-го корпуса, который не участвовалъ еще ни въ какомъ бою и не имѣлъ передъ собою никакого противника.

Когда въ исторіи русскаго генеральнаго штаба говорится, что „благодаря только стеченію неблагоприятныхъ обстоятельствъ большая часть войскъ 2-й арміи 27-го января осталась бездѣятельной“, то такое утвержденіе надо ограничить въ томъ смыслѣ, что неблагоприятныя обстоятельства всегда оказывались налицо и вліяли отрицательно на боевую дѣятельность войскъ, когда у начальниковъ не хватало рѣшимости и твердой воли для болѣе активной дѣятельности. И это случалось всегда у большей части войскъ. Но тамъ, гдѣ у начальниковъ была вполне сознанныя цѣль дѣйствій и не чуждались энергіи—какъ, напримѣръ, въ этотъ день у ген. Штакельберга,—тамъ эти неблагоприятныя обстоятельства не играли ни малѣйшей роли.

Что касается стрѣлковаго корпуса, то назначенная ему на этотъ день наступательная задача не только не была выполнена, но къ ней просто даже и не приступали. Въ исторіи русскаго генеральнаго штаба стараются находить причины этой бездѣятельности то въ выраженіи приказа по 2-й арміи, гдѣ сказано было, что командующій арміей „*намъ* *прева*ется повторить сегодня атаку на Сандецу“, то въ опредѣленномъ требованіи приказа объ „основательной“ артиллерійской подготовкѣ этой атаки. Однако, ген. Кутневичъ вѣдь хорошо зналъ, что отъ него въ этотъ день, 27-го января, ждуть занятія Сандецу; если же онъ встрѣчалъ какія-нибудь сомнѣнія, то онъ за разъясненіямъ ихъ могъ обратиться къ командующему 2-й арміей, который находился въ Чжантанѣ.

Относительно же необходимости основательной артиллерійской подготовки, то командиръ стрѣлковаго корпуса располагалъ для этой цѣли свыше 104 полевыхъ орудій и столько же имѣлось въ составѣ 8-го корпуса. Такого количества артиллеріи.

казалось бы, было вполне достаточно, чтобы поддержать атаку пѣхоты. Но вотъ въ приказѣ по арміи сказано было, что эта артиллерійская подготовка должна быть *основательная*, а это, по мнѣнію русскихъ начальниковъ, требовало участія въ подготовкѣ осадной артиллеріи. Имѣвшіяся же осадная, мортирная и гранатная батареи, какъ это видно было выше, по распоряженію командующаго арміей, немедленно по полученіи невѣрнаго донесенія о занятіи Сандепу, должны были быть отправлены изъ 15-й дивизіи въ распоряженіе 10-го корпуса, чтобы тамъ начать подготовку атаки Лидіятуня. Но, когда выяснилось недоразумѣніе съ Сандепу и послѣдовало приказаніе о повтореніи атаки на этотъ пунктъ, оказалось необходимымъ потребовать назадъ батареи на позицію 15-й дивизіи. Но пока эти батареи возвратились назадъ на старое мѣсто и пока ихъ установили на позиціи, наступилъ вечеръ, такъ что въ этотъ день онѣ стрѣлять уже не могли. Вотъ это-то и были „неблагоприятныя обстоятельства“, съ которыми, по мнѣнію исторіи генеральнаго штаба, ген. Кутневичу приходилось бороться. Но если бы у командира стрѣлковаго корпуса была твердая рѣшимость атаки Сандепу, то едва ли онъ обратилъ бы вниманіе на это обстоятельство. Дѣло было не въ томъ, что необходимо было услышать выстрѣлы нѣсколькихъ лишнихъ орудій, а необходимо было безъ дальнѣйшей потери времени взять Сандепу, передъ которымъ войска уже три дня стояли безъ всякихъ результатовъ. Но такая безповоротная рѣшимость и энергія дѣйствій вовсе не входили въ намѣренія ген. Кутневича, поэтому запозданіе батарей было для него только благопріятнымъ предлогомъ, чтобы отложить атаку.

Въ приказѣ по стрѣлковому корпусу, отданному въ 12 час. дня, ни однимъ словомъ не говорится о наступательной задачѣ, указанной въ этотъ день корпусу. Войска распределены были на три участка (бригада Леша, 5-я стрѣлковая бригада и половина 1-й стрѣлковой бригады) по линіи деревень Маланцзу — Ядзышао — Ванкіявоцу — Чжаншуанцзы, которыя войскамъ указано было укрѣпить и оборонять; въ резервѣ оставлена была половина 1-й стрѣлковой бригады и бригада 15-й дивизіи. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы свои 30 батальоновъ двинуть въ

атаку на Сандепу, пользуясь поддержкой многочисленной артиллерии, командиръ стрѣлковаго корпуса держитъ свои войска въ полной бездѣятельности, выжидая содѣйствія пары лишнихъ орудій, которыя въ это время блуждали между 10-мъ корпусомъ и 15-й дивизіей. И все это происходило при молчаливомъ одобреніи командующаго 2-й арміей! Правъ поэтому полк. Новицкій, когда онъ говоритъ, что можно удивляться, какъ при системѣ полного обезличенія всякаго почина и личной инициативы, при постоянномъ вмѣшательствѣ высшихъ начальниковъ въ распоряженія подчиненныхъ, — какъ, при такихъ условіяхъ, ген. Грипшенбергъ, находившійся всего только въ разстояніи одного километра отъ штаба стрѣлковаго корпуса, оставался хладнокровнымъ зрителемъ полной бездѣятельности корпуса въ этотъ день. „Можно предположить поэтому, что вмѣшательство свыше происходило всегда лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда подчиненные проявляли какое-нибудь стремленіе къ активной дѣятельности, когда хотѣлось ограничить и урѣзать всякій порывъ впередъ, но когда рѣчь шла о пассивной бездѣятельности, то какъ со стороны главнокомандующаго, такъ и командующаго арміей никакихъ препятствій не встрѣчалось“.

Впрочемъ, и со стороны самихъ частей войскъ мы не видимъ ни малѣйшей склонности къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Занятіе, напримѣръ, указанныхъ войскамъ участковъ происходило съ удивительной медленностью: 1-я стрѣлковая бригада, которая съ 26-го вечеромъ находилась у Чжантана, т. е. всего лишь въ разстояніи $1\frac{1}{2}$ —2 километровъ отъ участка, указанного ей для обороны, только къ 3 час. пополудни заняла свою позицію между лѣвымъ флангомъ 5-й стрѣлковой бригады у Ванкіявопу и деревней Чжаншуанцзы; 2-я бригада 15-й дивизіи, которая назначена была въ резервъ, прибыла въ Чжаншуанцзы еще позже, хотя отъ мѣста своей стоянки у деревни Чукуанцу бригадѣ надо было пройти всего только 3 километра. Такая крайняя медленность въ дѣйствіяхъ войскъ, по мнѣнію полк. Новицкаго, объясняется не только происходившей перемѣной приказаній, но находитъ себѣ, несомнѣнно, объясненіе и въ томъ, что въ войскахъ сложилось убѣжденіе, что нѣтъ, вообще, никакихъ основаній торопиться съ занятіемъ позиціи для

обороны, которой никто не угрожаетъ, и что до тѣхъ поръ, пока артиллерія еще не открыла огня, не потребуется отъ пѣхоты никакихъ дѣйствій вообще.

Такимъ образомъ, корпусъ ген. Кутневича весь день оставался бы въ полной бездѣятельности, если бы только японцы сами не перешли въ наступленіе, начавъ неоднократныя стычки и атаки, въ особенности утромъ этого дня, сначала противъ праваго фланга, гдѣ находилась бригада Леша, а затѣмъ послѣ полудня и вечеромъ противъ 5-й стрѣлковой бригады, находившейся въ центрѣ у деревни Ванкіявопу. При послѣдней атакѣ послѣ 8 час. вечера простой случай доказалъ, что при энергичной атакѣ, направленной противъ Сандепу, возможно было овладѣть этимъ пунктомъ безъ особыхъ затрудненій. Дѣло въ томъ, что въ силу недоразумѣнія или неправильно понятаго приказанія 19-й стрѣлковый полкъ пошелъ противъ японцевъ въ контръ-атаку и безъ особаго сопротивленія проникъ до Баотайцзы и отсюда предпринялъ цѣлый рядъ попытокъ штурмовать Сандепу, притомъ выполнилъ это настолько успѣшно, что добрался до стѣнъ редюита и чуть не захватилъ находившіеся здѣсь пулеметы. Къ сожалѣнію, начальникъ бригады вмѣсто того, чтобы оказать полку надлежащую поддержку и развить успѣхъ, призналъ за лучшее остановить полкъ и затѣмъ приказалъ ему возвратиться назадъ на свое мѣсто.

Въ войскахъ 8-го корпуса въ этотъ день никакихъ боевъ не происходило вовсе. 14-я дивизія отдыхала въ Чжантанѣ, а въ 15-й дивизіи дѣйствія ограничивались артиллерійскимъ огнемъ.

Пока въ центрѣ 2-й арміи, гдѣ въ этотъ день должна была рѣшаться главнѣйшая задача, на самомъ дѣлѣ господствовалъ полный покой при молчаливомъ поощреніи командующаго арміей, — на правомъ флангѣ событія получили иной оборотъ, вопреки планамъ главнокомандующаго и командующаго арміей. На фронтѣ 1-го Сибирскаго корпуса, находившагося на правомъ флангѣ, разыгрался сильный бой, вызванный инициативой командира корпуса. Хотя въ распоряженіяхъ ген. Штапельберга во время сраженія подъ Вафангоу, у Ляояна и 2-го сентября на Шахе можно усмотрѣть не мало слабыхъ

мѣсть, тѣмъ не менѣе надо признать, что онъ, пожалуй, является единственнымъ русскимъ генераломъ среди начальниковъ, который опытомъ предшествовавшихъ боевъ пришелъ къ убѣжденію, что осторожностью и медлительностью дѣйствій и отсутствіемъ рѣшимости, которыми характеризуется русское командованіе, трудно надѣяться на побѣду. Если, при всемъ томъ, дѣйствія ген. Штакельберга подъ Сандецу не увѣнчались успѣхомъ, то въ этомъ не его вина, а объясняется только тѣмъ, что онъ не встрѣчалъ ни малѣйшей поддержки ни со стороны командующаго арміей, ни главнокомандующаго, ни со стороны остальныхъ командующихъ генераловъ: во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ трудно найти какіе-нибудь слѣды рѣшимости и твердой воли; даже въ собственныхъ войскахъ ген. Штакельбергъ не встрѣчалъ отклика своей инициативѣ и активности дѣйствій— настолько, очевидно, для войскъ это были явленія необыкновенныя.

Согласно приказу по арміи на 27-е января, 1-му Сибирскому корпусу предписывался отдыхъ, но при соблюденіи полной боевой готовности, чтобы оказать противнику полное сопротивленіе въ случаѣ, если съ его стороны послѣдуетъ атака; при этомъ корпусу указано было расположиться въ районѣ Хегоутай—Сумапу—Ляучау. Однако, штабу 2-й арміи, повидимому, и въ голову не приходило, что обѣ послѣднія деревни находятся въ рукахъ японцевъ; еще менѣе командующій 2-й арміей имѣлъ въ виду требовать отъ командира 1-го Сибирскаго корпуса, чтобы онъ съ бою занялъ эти деревни, чтобы расположить тамъ свои войска для отдыха.

Но ген. Штакельбергъ еще 26-го января пришелъ къ заключенію, что ему трудно будетъ удержаться въ Хегоутаѣ, если Сумапу останется во владѣніи японцевъ, вслѣдствіе этого онъ рѣшилъ атаковать противника, выбросить его изъ Сумапу и утвердиться въ этомъ пунктѣ. Весьма печально, что ген. Штакельбергъ не пришелъ къ такому заключенію еще днемъ раньше, потому что тогда эта цѣль его могла быть достигнута гораздо легче. Дѣло въ томъ, что, какъ мы это видѣли выше, пользуясь полнымъ бездѣйствіемъ 1-й и 3-й армій, маршалъ Ойяма получилъ полную возможность расположенную въ ре-

зервѣ у Шилихе 5-ю дивизию притянуть еще въ ночь на 27-е января къ Ландунгоу и предоставить ее тамъ въ распоряженіе начальника 8-й дивизіи. Когда 5-я дивизія въ 8 час. 30 мин. утра прибыла въ Ландунгоу, то оттуда направленъ былъ одинъ полкъ на югъ для прикрытія лѣваго фланга 8-й дивизіи противъ конницы ген. Мищенко; остатокъ дивизіи въ 12 час. дня двинуть былъ далѣе въ Тотай къ югу отъ Сандецу. Это дало возможность начальнику 8-й дивизіи находившуюся у Тотая 16-ю бригаду притянуть къ себѣ и ввести ее въ промежутокъ между 4-й пѣхотной и 8-й резервной бригадами для общихъ дѣйствій противъ 1-го Сибирскаго корпуса. Такимъ образомъ, атака 1-го Сибирскаго корпуса послѣ полудня 27-го января наткнулась на 1½ дивизіи японцевъ.

Можно было, пожалуй, принять чуть ли не за насмѣшку когда въ 8 час. утра командиръ 1-го Сибирскаго корпуса, которому на 27-е января предписывался отдыхъ, доносилъ командующему арміей, что, „во исполненіе приказа по арміи отъ 26-го января“, онъ рѣшилъ овладѣть съ бою деревнями Ляочіау и Сумапу. Нельзя не согласиться поэтому съ полк. Новицкимъ, который говоритъ, что мы встрѣчаемся въ этомъ случаѣ съ обыкновеннымъ явленіемъ, что когда человекъ рѣшается добиться поставленной цѣли всѣми имѣющимися средствами, то все прочее представляется ему въ видѣ благопріятныхъ обстоятельствъ. Рѣшивъ во что бы то ни стало занять линію Сумапу—Ляочіау, ген. Штакельбергъ повидимому пожелалъ использовать не вполне ясно выраженное приказаніе командующаго арміей, истолковавъ его въ желательномъ для себя смыслѣ, т. е. въ необходимости атаковать японцевъ и выбросить ихъ изъ занятыхъ деревень. „Такъ дѣйствуютъ люди дѣйствительно склонные къ активнымъ дѣйствіямъ. Они не ждуть, пока обстановка выяснится до послѣднихъ мелочей, они не жалуется на недостатокъ свѣдѣній о противникѣ, не теряютъ цѣннаго времени, а стараются обратить обстановку въ выгодную для себя сторону. Такими качествами въ этотъ день ген. Штакельбергъ доподлинно отличался отъ остальныхъ русскихъ начальниковъ, которые старались использовать всякія обстоятельства, вынуждавшія ихъ къ пассивной дѣятельности,

но никогда не пытались обратить ихъ въ пользу дѣятельности активной“.

Ген. Штакельбергъ приказалъ ген. Лешу, который ему въ сущности не былъ подчиненъ, двинуться въ атаку изъ Санкунцы на Ляочіау и въ то же время самъ намѣревался атаковать Сумапу. Когда, однако, ген. Лешъ хотѣлъ исполнить это приказаніе, онъ утромъ 27-го января самъ былъ атакованъ, охваченъ съ лѣваго фланга и въ заключеніе отступилъ опять на линію Санкунцы—Маланцу, гдѣ онъ остатокъ дня оставался на правомъ флангѣ стрѣлковаго корпуса ¹⁾.

Атака на деревню Сумапу начата была на разсвѣтѣ, но, къ сожалѣнію, какъ всегда, начата была слабыми силами; постепенно пришлось подкрѣплять 4-й стрѣлковый полкъ, который сначала былъ назначенъ для овладѣнія этой деревней, всѣми другими войсками, которыя входили въ составъ корпуса.

Достоинъ вниманія тотъ фактъ, что ген. Штакельбергъ не отказался отъ атаки Сумапу даже и послѣ того, какъ онъ утромъ этого дня получилъ извѣщеніе, что Сандецу находится еще въ рукахъ японцевъ. Вопреки приказу по арміи, которымъ указывался корпусу въ этотъ день отдыхъ, ген. Штакельбергъ придерживался того взгляда, что со своей стороны принятому рѣшенію о необходимости второй атаки Сандецу онъ можетъ оказать наилучшее содѣйствіе, ведя энергичную атаку противъ находящагося передъ нимъ непріятеля, а не оставаясь безучастнымъ зрителемъ. И эта цѣль дѣйствительно достигалась генераломъ Штакельбергомъ, такъ какъ ему удалось приковать въ этомъ районѣ 8-ю японскую дивизію, 8-ю резервную бригаду и, частью, также и 5-ю пѣхотную дивизію, такъ что противъ корпуса ген. Кутневича остались только слабыя части.

¹⁾ Согласно приложеніямъ къ „Военно-Историческимъ выпускамъ“ № 47 (источники герм. ген. шт.), атаку противъ бригады Леша производила, будто бы, 5-я японская дивизія, но такъ какъ по тому же источнику дивизія эта прибыла только въ 2½ часа дня къ Тотаю, а бригада Леша, согласно исторіи русск. ген. штаба, начала свое движеніе на Ляочіау въ 8 час. утра и тогда же атакована была японцами, то слѣдуетъ принять, что упомянутыя атаки японцевъ до полудня 27-го противъ войскъ ген. Кутневича были выполнены только 16-й бригадой 8-й дивизіи.

Того же обстоятельства, что стрѣлковый корпусъ, какъ и другіе, все же остался бездѣятельнымъ, ген. Штакельбергъ, конечно, предвидѣть не могъ.

Какъ упомянуто выше, ген. Штакельбергъ и среди подчиненныхъ ему войскъ не встрѣчалъ достаточной поддержки своимъ взглядамъ. Хотя около полудня всѣ 6 полковъ его корпуса развернулись на линіи Сумапу—Ляочіау и въ видѣ резерва имѣли за собою еще 2-ю бригаду стрѣлковаго корпуса, несмотря на то, что бой поддерживался 48 орудіями, все же атака подвигалась впередъ крайне медленно. Полк. Новицкій объясняетъ это „крайней чувствительностью нашихъ войскъ ко всякимъ дѣйствіямъ противника, угрожающимъ флангамъ. Зная по опыту предшествовавшихъ боевъ объ этой слабости своего противника, японцы старались использовать эту нашу чувствительность къ флангамъ съ удивительнымъ упорствомъ, чѣмъ они прекрасно уравнивали свою численную слабость и такимъ путемъ въ теченіе всего дня приковали войска 1-го Сибирскаго корпуса къ линіи Хегоутай—Таупа“¹⁾.

Эта чувствительность русскихъ войскъ ко всякимъ угрожающимъ дѣйствіямъ во флангъ говоритъ въ пользу тактическихъ охватовъ. Но эти тактическіе охваты и въ данномъ случаѣ требовали превосходства охватывающаго именно въ моральномъ отношеніи. Если же у охватывающаго и охватываемаго имѣется въ одинаковой мѣрѣ запасъ моральныхъ силъ, то послѣдній не окажется чувствительнымъ къ своимъ флангамъ, а будетъ стараться использовать слабость охватывающаго противника.

Когда командующій арміей получилъ донесеніе о намѣреніяхъ ген. Штакельберга атаковать противника, то онъ послалъ начальнику Оренбургской дивизіи, ген. Грекову, приказаніе удержать командира 1-го Сибирскаго корпуса отъ

¹⁾ Какъ уже упомянуто выше, полк. Новицкій считаетъ силы японцевъ, дѣйствовавшихъ противъ ген. Штакельберга, ниже дѣйствительности. До полудня онѣ могли состоять только, какъ и 26-го числа, изъ 4-й бригады 8-й дивизіи и 8-й рез. бригады—около 12 батальоновъ—уступая значительно силамъ ген. Штакельберга (18 бат. 1-го Сиб. корп. и 2-я бриг. стр. корпуса), но послѣ полудня японцы получили подкрѣпленіе изъ 16-й бригады.

наступательныхъ дѣйствій и подвинуть его возвратить назадъ въ составъ стрѣлковаго корпуса 2-ю стрѣлковую бригаду. Ген. Штакельбергъ, однако, упорствовалъ въ своемъ рѣшеніи. Около 2-хъ часовъ пополудни полки, атакующіе Сумапу, выбили японцевъ штыковымъ ударомъ изъ окоповъ впереди деревни, но затѣмъ подъ вліяніемъ фланговаго огня со стороны Хувукіяцзы не могли продвинуться дальше, вслѣдствіе этого ген. Штакельбергъ рѣшилъ штурмовать деревню Сумапу ночью. Назначены были для этого 12 батальоновъ, въ томъ числѣ 6-й стрѣлковый полкъ (2-й бригады стрѣлковаго корпуса) былъ назначенъ для атаки. Удалось еще къ вечеру овладѣть сѣверной частью деревни, но вмѣсто того, чтобы немедленно использовать успѣхъ и выбросить японцевъ совершенно изъ деревни, войска, по обыкновенію, пріостановились, чтобы утвердиться въ занятой части деревни и выждать прибытія подкрѣпленій. Это замедленіе дало возможность японцамъ, которые въ это время нигдѣ атакваны не были, притянуть подкрѣпленія въ южную часть Сумапу, гдѣ они успѣли удержаться и около 4 час. утра 28-го января предприняли энергичную контръ-атаку, при которой имъ опять удалось вытѣснить русскихъ изъ деревни Сумапу и принудить ихъ къ отступленію на всѣхъ пунктахъ между Таушау и Хегоутай.

1-й Сибирскій корпусъ во время своей атаки на Сумапу понесъ ужасныя потери: одинъ только приданный корпусу 6-й стрѣлковый полкъ потерялъ 21 офицера и 1150 нижнихъ чиновъ, въ томъ числѣ 500 пропавшихъ безъ вѣсти; остальные части, которыя участвовали въ атакѣ Сумапу, потеряли около 50—66% своего боевого состава. Жертвы эти, однако, не пропали бы даромъ и вполнѣ окупились бы успѣхомъ, если бы только остальные начальники Манчжурской арміи были воодушевлены такими же стремленіями, какъ ген. Штакельбергъ. Нельзя, однако, удивляться, если мы у другихъ не встрѣчаемъ этихъ стремленій, что вполнѣ понятно, если принять во вниманіе, что бездѣятельность начальниковъ легко прощается и даже одобряется, тогда какъ дѣйствія самостоятельныя, въ особенности если они сопряжены съ жертвами, считаются преступными. За это проявленіе инициативы ген.

Штакельбергъ послѣ сраженія подъ Сандепу былъ отрѣшенъ отъ командованія корпусомъ.

Вправо отъ 1-го Сибирскаго корпуса въ ночь на 27-е января въ районѣ Тунхенпу находилась конница ген. Мищенко, начальникъ которой, повидимому, въ это время, какъ и въ предшествовавшіе дни, не могъ прійти къ какому-нибудь опредѣленному рѣшенію. Весьма характерно для дѣятельности кавалеріи, что даже теперь, на третій день сраженія, обстановка для нея представлялась все еще вполне неясной. Для производства „точной развѣдки“ этотъ кавалерійскій корпусъ долженъ былъ двинуться тремя колоннами вѣеромъ въ разныя стороны на сѣверъ, востокъ и югъ. Послѣ успѣшной развѣдки и выясненія обстановки ген. Мищенко намѣревался сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія. Отъ своихъ казаковъ онъ, однако, не получалъ никакихъ извѣстій, но отъ своего офицера для связи, бывшаго при 8-мъ армейскомъ корпусѣ, онъ въ 9 час. утра получилъ невѣрное донесеніе о взятіи Сандепу, вслѣдствіе этого ген. Мищенко принялъ вполне правильное рѣшеніе двинуться черезъ Ландунгоу въ сѣверо-восточномъ направленіи для того, чтобы отрѣзать, по его мнѣнію, путь отступленія противника изъ Сандепу на Тадусанпу. Ген. Гришпенбергу онъ въ 8 час. утра послалъ слѣдующее донесеніе: „По полученіи въ 7 час. 30 мин. утра извѣстія о взятіи Сандепу я со всѣмъ отрядомъ двинулся изъ Сюэрпу въ сѣверо-восточномъ направленіи для преслѣдованія отступающихъ конницы и пѣхоты противника“. Хотя, собственно, о преслѣдованіи не могло быть и рѣчи, тѣмъ не менѣе движеніе конницы въ сѣверо-восточномъ направленіи вело въ тылъ противнику и сдѣлало бы невозможнымъ появленіе къ полудню на полѣ сраженія находившейся въ походѣ на Ландунгоу 5-й пѣхотной японской дивизіи.

Рѣшеніе это, къ сожалѣнію, не было приведено въ исполненіе надлежащимъ образомъ. Дѣло въ томъ, что, получивъ отъ ген. Штакельберга просьбу о поддержкѣ его атаки на Сумапу, ген. Мищенко преслѣдовалъ заодно достиженіе нѣсколькихъ различныхъ задачъ, вслѣдствіе чего совершенно раздробилъ свои силы и не достигъ ничего. 18 сотенъ и 6

орудій (Забайкальская казачья бригада и 4-й полкъ уральскаго каз. войска) онъ двинулъ на сѣверъ, чтобы войти въ связь съ 1-мъ Сибирскимъ корпусомъ, хотя для этого достаточно было нѣсколькихъ разъѣздовъ. Донская казачья бригада съ 2 батареями должна была въ видѣ резерва расположиться у Цзянкявопу. Это приказаніе совершенно непонятно и указываетъ лишь на то, что ген. Мищенко не пришелъ ни къ какому опредѣленному рѣшенію. Самъ ген. Мищенко съ Кавказской конной бригадой и 1 батареей (12 сотенъ и 6 орудій) двинулся на востокъ, чтобы наступать далѣе на Ландунгоу.

Направленные на сѣверъ 18 сотенъ подъ начальствомъ ген. Павлова видѣли свою задачу въ томъ, чтобы овладѣть деревнями Цзанкяпуцзы и Чукияпу. Почему это „потребовалось“, какъ утверждаетъ исторія генеральнаго штаба, не вполне ясно. Конница очень скоро овладѣла деревней Цзанкяпуцзы, которая занята была только японскими разъѣздами, и, вмѣсто того, чтобы далѣе двинуться въ тылъ японцевъ, обратилась для атаки деревни Чукияпу, гдѣ, повидимому, находилось японское боковое прикрытіе. Здѣсь ген. Павловъ встрѣтилъ уже сопротивленіе, вслѣдствіе чего онъ притянулъ сюда изъ Цзянкявопу, для поддержки, Донскую казачью бригаду, такъ что къ упомянутой выше деревнѣ оказались прикованными 30 сотенъ и 18 орудій. Батареи ввязались въ артиллерійскій бой, казаки спѣшились и ворвались въ деревню, но были скоро вытѣснены оттуда, а вслѣдъ за тѣмъ вся эта атака была пріостановлена, потому что получено было приказаніе ген. Мищенко двинуться послѣпно на Хсюкятай для соединенія съ Кавказской бригадой.

Ген. Мищенко съ Кавказской бригадой послѣ того, какъ онъ занялъ деревню Хсюкятай, столкнулся съ непріателемъ у Ландунгоу, куда только что прибыла 5-я японская пѣхотная дивизія. Вмѣсто того, чтобы совсѣмъ оставить эту деревню и обойти ее съ юга, оказалось, что и ген. Мищенко былъ прикованъ къ этому пункту; онъ приказалъ своимъ батареямъ стать на позицію и, когда изъ деревни показалась пѣхота, то приказалъ Дагестанскому полку атаковать ее. Эта кавалерійская атака, почти единственная въ эту войну, не удалась,

потому что непріятельская пѣхота была расположена за оврагомъ. Самъ ген. Мищенко былъ раненъ въ ногу. Кавказская бригада отступила на Цзянкіявоцу, гдѣ она была принята двумя другими колоннами кавалерійскаго корпуса. Въ 2 час. пополудни прибылъ посланный ген. Грипшенбергомъ ген. Грековъ, который передъ этимъ побывалъ въ 1-мъ Сибирскомъ корпусѣ и лично передалъ ген. Мищенко приказаніе командующаго арміей, „дѣйствовать въ тѣсной связи съ 1-мъ Сибирскимъ корпусомъ, вслѣдствіе чего отойти на правый флангъ корпуса“.

Хотя это приказаніе опять привело къ крайнему ограниченію инициативы кавалерійскихъ начальниковъ, да и послѣдовало оно безъ знанія обстановки, такъ что съ этой стороны оно могло бы и не имѣть обязательнаго значенія, тѣмъ не менѣе начальникъ конницы быстро подчинился этому приказанію и немедленно отступилъ черезъ Тунхенцу на Сюэрпу и Пахуанти, гдѣ конный корпусъ сосредоточился и расположился на ночь. Благодаря этому обстоятельству 5-я пѣхотная японская дивизія могла вполне безпрепятственно продолжать свой маршъ изъ Ландунгоу къ полю сраженія.

Дѣятельность кавалерійскаго корпуса 27-го января опять заключалась, такимъ образомъ, въ борьбѣ за мѣстные предметы, въ которой трудно было бы найти какую-нибудь цѣль дѣйствій. Полк. Новицкій говоритъ по этому поводу слѣдующее: „Удивительно до какой степени, вслѣдствіе постоянныхъ поражений, потеряли всякую вѣру въ возможность какого-нибудь общаго успѣха—потеряли способность преслѣдовать какую-нибудь существенную цѣль, а также всякое чутье для какихъ-нибудь боевыхъ предпріятій. Сражались только для того, чтобы сражаться, чтобы достигнуть какого-нибудь частичнаго успѣха, даже если бы такой успѣхъ и не соответствовалъ общему положенію вещей,—даже если такой успѣхъ вредить дѣлу“.

Ляохейскій отрядъ на правомъ флангѣ арміи оставался въ полной бездѣятельности въ теченіе 27-го января. Съ главными силами своей пѣхоты отрядъ этотъ находился въ Мамыкаѣ и въ Чинтайцзы, а большей частью конницы къ западу

отъ Хуньхе у Сіяотамыня. Несмотря на то, что отрядъ этотъ передъ собою не имѣлъ никакого противника, положеніе его, тѣмъ не менѣе, безпокоило командующаго арміей. Вопреки представленіямъ ген. Коссаговскаго, который указывалъ на то, что на правомъ берегу Хуньхе не находится ни одной части японскихъ войскъ и расположенію его отряда ни съ какой стороны не угрожаетъ никакая опасность, ген. Гриппенбергъ, тѣмъ не менѣе, приказалъ ему отступитъ на Сантайцзы, оставивъ на Хуньхе только одну конницу, такъ что Ляохейскій отрядъ вынужденъ былъ, такимъ образомъ, предпринять отступленіе, во всякомъ случаѣ, противъ воли своего начальника. Трудно, однако, согласиться съ утвержденіемъ ген. Коссаговскаго, который въ своемъ донесеніи командующему арміей утверждалъ, что при расположеніи его отряда на линіи Мамыкай—Чинтайцзы онъ „наилучшимъ образомъ прикрываетъ правый флангъ арміи“. У Мамыкай нечего было прикрывать. Охраненіе и развѣдываніе на флангъ были дѣломъ сильной конницы его отряда, но главныя силы его отряда только тогда могли выполнить свою задачу, если бы онъ изъ Мамыкай двинулся на Сумапу для атаки лѣваго фланга японцевъ, завязавшихъ бой съ 1-мъ Сибирскимъ корпусомъ.

Такая же бездѣятельность господствовала на фронтѣ 10-го армейскаго корпуса. Этому корпусу послано было приказаніе командующимъ арміей, послѣ полученнаго имъ донесенія о предположенномъ занятіи Сандепу, одной бригадой занять деревню Хуанти и вмѣстѣ съ тѣмъ приступить къ артиллерійской подготовкѣ атаки на Лидіятунъ; для этой цѣли въ распоряженіе командира корпуса предоставлялась вся тяжелая артиллерія, которая дѣйствовала на фронтѣ 8-го армейскаго корпуса. Артиллерія эта открыла огонь въ 7 час. 30 мин. утра, но когда затѣмъ командующій арміей получилъ донесеніе, что Сандепу еще находится въ рукахъ японцевъ, то, какъ упомянуто было выше, приказано было артиллерію возвратитъ назадъ въ распоряженіе командира 8-го армейскаго корпуса; ген. же Церпицкому въ 10 час. утра приказано было воздержаться въ этотъ день отъ всякихъ наступательныхъ предпріятій, а посланныя на Хуанти войска возвратитъ назадъ.

Въ результатѣ, дѣятельность 10-го корпуса въ теченіе всего дня ограничилась только артиллерійскимъ огнемъ, направленнымъ противъ Лидіатуня, не имѣвшимъ, однако, никакихъ послѣдствій, и одиночными мелкими стычками и развѣдками со стороны охотничьихъ командъ. Во всякомъ случаѣ командиръ корпуса, благодаря сдерживающимъ приказаніямъ, мѣнявшимся непрерывно, крайне ограниченъ былъ въ своей дѣятельности. Если бы, однако, ген. Церпицкій дѣйствительно обладалъ столь прославившей его инициативой дѣйствій, то онъ воспользовался бы какими-нибудь благоприятными обстоятельствами, въ особенности если принять во вниманіе, что за исключеніемъ вышеупомянутаго приказанія онъ никакихъ другихъ указаній не получилъ. Какъ видно изъ донесеній штаба корпуса, отправленныхъ въ 2 час. въ штабъ арміи, корпусное начальство убѣждено было, что какъ Лидіатунь, такъ и Тотай весьма слабо заняты японцами. Требовалось поэтому, вѣроятно, лишь небольшихъ усилій, чтобы овладѣть деревнями и такимъ путемъ воспрепятствовать японцамъ перевести часть своихъ силъ въ Сандепу чуть ли не передъ фронтомъ 10-го корпуса. Однако ничего подобнаго не случилось. Уже около 3 час. пополудни ген. Церпицкій счелъ свою задачу на этотъ день уже исполненной и отдалъ приказъ о расположеніи корпуса на ночь. Деревни Хуанти, Чиншантунь, Фукиясжуанцзы, Холянтай заняты были только передовыми постами, но приказано было привести эти деревни въ оборонительное положеніе, по возможности такъ, чтобы можно было стрѣлять изъ нихъ двухъяруснымъ огнемъ, подступы къ деревнямъ фланкировать огнемъ изъ люнетовъ и т. д. Въстѣ съ тѣмъ ген. Церпицкій призналъ необходимымъ сообщить своимъ войскамъ, что „главнокомандующій считаетъ весьма вѣроятнымъ, что японцы въ эту ночь произведутъ атаку на 10-й корпусъ, вслѣдствіе чего приказано 5-му Сибирскому и 8-му армейскому корпусамъ, въ случаѣ необходимости, оказать намъ поддержку одной дивизіей отъ cadaго корпуса“. Въ случаѣ атаки противника обѣимъ дивизіямъ корпуса указаны были соответствующіе участки для обороны.

Такимъ образомъ, также и „лихой“ ген. Церпицкій, котораго главнокомандующій считалъ необходимымъ „держать въ уздѣ“, былъ далекъ отъ всякой мысли о наступательныхъ дѣйствіяхъ. Несмотря на то, что онъ противъ себя не имѣлъ, вообще, никакого непріятели, онъ приказалъ своимъ войскамъ укрѣпиться съ головы до ногъ и утѣшалъ себя тѣмъ, что въ случаѣ нападенія японцевъ онъ будетъ поддержанъ сосѣдними корпусами.

О какой-нибудь дѣятельности со стороны 1-й и 3-й армій, какъ и въ предшествующіе дни, говорить не приходится. „Онѣ выжидали результатовъ наступленія 2-й арміи“, хотя ген. Куропаткинъ обращалъ вниманіе командующихъ арміями на необходимость „демонстрировать противъ фланговъ противника“, онъ запрашивалъ даже ген. Линевича, „не признаетъ ли онъ своевременнымъ, вмѣстѣ съ отрядомъ ген. Ренненкампа, перейти къ активнымъ дѣйствіямъ“. Но надо полагать, что ген. Линевицъ призналъ это несвоевременнымъ, такъ какъ 1-я армія не тронулась съ мѣста.

Такъ закончился и третій день сраженія безъ малѣйшихъ результатовъ. На разсвѣтъ 28-го января русскія войска находились совершенно на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и за сутки передъ тѣмъ. Три дня и три ночи дѣлались, по словамъ полк. Новицкаго, бесплодныя попытки сдвинуться съ мѣста. „Трое сутокъ прошли въ нерѣшительности и бездѣятельности, что должно было привести къ печальнымъ размышленіямъ. Что непріятель думаетъ объ этомъ? Какъ онъ используетъ это время, чтобы улучшить свое стратегическое положеніе?“. Полнѣйшая бездѣятельность 10-го корпуса, а также 1-й и 3-й армій дали возможность японскому главнокомандующему снова оттянуть войска съ фронта для подкрѣпленія 8-й дивизіи, которая вела бой къ югу отъ Сандену. Уже утромъ 28-го января туда, на мѣсто боя, прибыла 15-я бригада въ составѣ 8 батальоновъ, 1 эскадрона и 3 батарей; оказалось возможнымъ также притянуть въ теченіе этого дня и другія войска съ позицій на Шахе, которыя не были атакованы русскими войсками. Наконецъ, также и 3-ю дивизію изъ Ян-

дѣянія оказалось возможнымъ передвинуть въ районъ Кудзьянъ къ сѣверу отъ Ландунгоу.

Такъ, благодаря нерѣшительности русскихъ начальниковъ, съ каждымъ днемъ измѣнялось соотношеніе силъ къ невыгодѣ русскихъ. Во всякомъ случаѣ еще и теперь армія ген. Гриппенберга въ три раза превосходила численностью японцевъ, такъ что атака, предпринятая всѣми силами, и теперь еще могла имѣть всѣ виды на успѣхъ. Но, какъ мы это видѣли выше, русскій главнокомандующій былъ озабоченъ только тѣмъ, чтобы затормозить и задушить, насколько возможно, всякое наступательное движеніе, а ген. Гриппенбергу со своей стороны не хватало нравственной силы воспротивиться этому пагубному вліянію; напротивъ, онъ такъ мало довѣрялъ себѣ и своей арміи, что считалъ даже необходимымъ просить о подкрѣпленіи.

28-е и 29-е января. Конецъ наступленія.

Командующій 2-й арміей теперь, какъ и прежде, все еще, повидимому, придерживался идеи о необходимости наступательныхъ дѣйствій,—именно необходимости взять Сандепу, считая это главной задачей своей арміи. Въ этомъ смыслѣ заключались его распоряженія на 28-е января, въ основѣ которыхъ ставилась атака все той же злосчастной деревни. Но когда въ исторіи русскаго генеральнаго штаба говорится объ „удвоенной энергіи“, проявленной въ штабѣ 2-й арміи, что „старались наверстать потерянное время“, и „въ то время, когда ген. Гриппенбергъ отдавать свои приказанія объ атакѣ, главнокомандующій клонилъ къ тому, что необходима осторожность“,—то мы въ правѣ спросить себя, въ чемъ же собственно проявили себя эта энергія и всѣ эти мѣропріятія, касающіяся атаки. Ни въ приказѣ по арміи на 28-е, ни во всѣхъ прочихъ распоряженіяхъ, касающихся этого дня, мы не находимъ ничего подобнаго.

Въ приказѣ по арміи активная задача указана только стрѣлковому корпусу, усиленному бригадой 15-й дивизіи, при чемъ эта задача должна была заключаться въ „заботливой под-

готовкѣ артиллерійскимъ огнемъ“ предстоящей атаки на Сандепу.

1-му Сибирскому корпусу, занимавшему позицію у Хегоутая, указано было оборонять свои позиціи и прикрывать атаку Сандепу съ юга. Конница ген. Мищенко должна была прикрывать правый флангъ арміи и производить развѣдки въ восточномъ направленіи, „дѣйствуя въ тѣсной связи съ 1-мъ Сибирскимъ корпусомъ.“ Отрядъ ген. Коссаговекаго оставленъ былъ на своей позиціи къ западу отъ Хунхе и долженъ былъ „прикрывать тылъ правофлангового участка арміи“. 14-я дивизія 8-го корпуса должна была остаться у Чжантана въ видѣ резерва, а о 2-й бригадѣ 15-й дивизіи, вообще, ничего не сказано. 10-й корпусъ долженъ былъ послать одинъ пѣхотный полкъ съ 2 батареями на Хуанти, чтобы обстрѣлять редюитъ Сандепу, а также непріятельскую артиллерію и ея прикрытіе, находившіяся между Сандепу и Лапатай, привести ихъ къ молчанію и такимъ путемъ оказать поддержку атакѣ стрѣлковаго корпуса на Сандепу.

Опять мы видимъ, что изъ 120 батальоновъ, 92^{1/2} сотенъ и 420 орудій, входившихъ въ составъ 2-й арміи, активная дѣятельность указана только 32 батальонамъ и 120 орудіямъ, тогда какъ три четверти состава опять заняты прикрытіемъ, охраной, поддержкой и т. д., т. е. остаются бездѣтельными. Впрочемъ, событія въ этотъ день, какъ и въ предшествующіе дни, разыгрались совѣмъ не такъ, какъ это предполагалось въ приказѣ по арміи.

Командиръ стрѣлковаго корпуса ген. Кутневичъ, войска котораго занимали линію Ятцзыпау—Ванкіявопу—Чжаншуанцзы, имѣя резервъ на Хунхе, а вправо отъ себя у Санкуцзы и Маланцзу бригаду ген. Леша изъ 1-го Сибирскаго корпуса, съ крайнею неохотой взялся за исполненіе возложенной на него задачи. Это видно изъ всѣхъ его донесеній, посланныхъ имъ командующему арміей, въ которыхъ говорится о всевозможныхъ мелочахъ, но нѣтъ ни слова относительно возложенной на его войска атаки: то ген. Кутневичъ жалуется, что предоставленныя въ его распоряженіе 2 мортирныя батареи 8-го корпуса, а также 2 саперныя роты, не прибыли по назначенію, то онъ

указываетъ, что не знаетъ, гдѣ находится подчиненное ему отдѣленіе артиллеріи 8-го корпуса, что вчерашняя подготовка атаки скорострѣльной артиллеріей оказывается недостаточной, что деревня Ванкіявопу ошибочно еще не приведена въ оборонительное состояніе, что 2 стрѣлковыхъ полка, которые наканунѣ вечеромъ въ силу недоразумѣнія предприняли атаку на Сандепу, нуждаются въ отдыхѣ, что охотничьи команды стрѣлковыхъ полковъ еще недостаточно развѣдали положеніе редюита и мѣстность, окружающую Сандепу, что нѣкоторыя батареи едва ли въ состояніи будутъ вступить въ бой раньше 11 час. дня и что, наконецъ, для открытія огня необходимо обождать, пока разсѣется утренній туманъ.

Все это, однако, были вещи второстепенныя, которыя не могли имѣть ни малѣйшаго вліянія на исполненіе возложенной на корпусъ задачи. Зачѣмъ требовалось укрѣпленіе деревни Ванкіявопу, когда сами собирались предпринимать атаку. Почему это въ туманѣ все видѣли какого-то врага, вмѣсто того, чтобы видѣть въ немъ союзника, способствующаго скрытому приближенію къ атакуемому предмету? Всѣ эти донесенія имѣли только одну цѣль, навести командующаго арміей на мысль о необходимости отказаться отъ атаки Сандепу, и эта цѣль была достигнута. Крайній пунктъ жалобъ ген. Кутневича проявился въ № 4 его донесеній отъ 7 час. утра, въ которомъ онъ жалуется, что командиръ 8-го корпуса ген. Мыловъ не далъ ему никакихъ сообщеній объ опытѣ, вынесенномъ 14-й дивизіей по одолѣнію искусственныхъ препятствій, потому что при своихъ атакахъ на Сандепу 14-я дивизія не натолкнулась ни на какія искусственныя препятствія.

Пока стрѣлковый корпусъ оставался такимъ образомъ въ полнѣйшей нерѣшительности, японцы сами перешли въ наступленіе, нисколько не смущаясь туманомъ. Артиллеріи японской удалось уже въ 8 час. утра удивительнымъ образомъ нащупать цѣль и открыть сильный огонь противъ деревни Ванкіявопу, вслѣдъ затѣмъ начала наступленіе и пѣхота съ юга и съ востока. Силы противника, дѣйствовавшаго на фронтѣ стрѣлковаго корпуса, едва превышали 8 батальоновъ, противъ которыхъ дѣйствовали 32 батальона стрѣлковаго корпуса.

Между Сандепу и Тотай находилось 2 полка 5-й японской пѣхотной дивизіи. Въ самомъ Сандепу находилось 2 батальона 3-й дивизіи. Всѣхъ этихъ слабыхъ частей, атаковавшихъ стрѣлковый корпусъ съ большой энергіей, выполнившихъ противъ него въ теченіе дня цѣлый рядъ атакъ, оказалось достаточно, чтобы заставить командира стрѣлковаго корпуса и командующаго 2-й арміей отказаться совершенно отъ всякой мысли объ атакѣ.

Ген. Гриппенбергъ съ своей стороны ничего не сдѣлалъ, чтобы понудить стрѣлковый корпусъ къ активнымъ дѣйствіямъ. Онъ поддакъ вліянію донесеній, полученныхъ отъ командира корпуса, о неблагопріятномъ положеніи его войскъ и въ 1 час. 30 мин. пополудни послалъ ему приказаніе „безъ особаго указанія не переходить въ наступленіе“, вслѣдъ за этимъ первымъ приказаніемъ ген. Гриппенбергъ послалъ второе, въ которомъ предписывалось стрѣлковому корпусу „остаться на занимаемыхъ позиціяхъ и приготовиться для отраженія ночной атаки японцевъ“...

Впрочемъ, ген. Кутневичъ и не нуждался въ этихъ приказаніяхъ командующаго арміей объ отказѣ отъ наступательныхъ дѣйствій. Какъ онъ доносилъ въ три часа командующему арміей, ген. Кутневичъ не только не далъ никакихъ указаній своимъ войскамъ для атаки, но дважды указывалъ начальнику 5-й стрѣлковой бригады, чтобы онъ остался на своей позиціи и чтобы онъ не увлекался наступленіемъ даже и въ томъ случаѣ, если наступательныя дѣйствія начнетъ 1-я Восточно-Сибирская стрѣлковая дивизія (т. е. бригада ген. Леша).

Какъ мы это видѣли выше, при описаніи дѣйствій 27-го января, 1-й Сибирскій корпусъ 28-го января утромъ контръ-атакой японцевъ былъ вытѣсненъ изъ деревни Сумапу. Причина этой неудачи корпуса, какъ уже упомянуто было, заключалась въ томъ, что послѣ овладѣнія сѣверной частью деревни Сумапу русскія войска не постарались использовать успѣхъ и дали японцамъ время притянуть подкрѣпленія въ южную часть Сумапу и перейти самимъ въ наступленіе. Вытѣсненныя изъ деревни Сумапу войска 1-го Сибирскаго корпуса отступили на свою прежнюю позицію между Тоуцау, Хе-

гоутай и Чюцзяхоцзы, гдѣ у деревень Санкуцзы и Маланцзу примкнули къ позиціи бригады ген. Леша.

Японцы не замедлили постараться использовать достигнутый успѣхъ и всѣми своими силами атаковали войска 1-го Сибирскаго корпуса, въ особенности его лѣвый флангъ у деревни Чюцзяхоцзы, гдѣ они намѣревались прорвать фронтъ корпуса между позиціей 33-го Восточно-Сибирскаго полка и бригадой ген. Леша.

Соотношеніе силъ было слѣдующее: ген. Штакельбергъ располагалъ, включая бригаду ген. Леша, свыше 24 батальоновъ своего корпуса и 8-ю батальонами 2-й стрѣлковой бригады; эту послѣднюю онъ частью ввелъ уже въ бой при атакѣ Сумапу, вслѣдствіе чего онъ получилъ приказаніе возвратить эту бригаду къ ея корпусу, но счелъ для себя невозможнымъ исполнить это приказаніе. Противъ этихъ силъ 1-го Сибирскаго корпуса находились: 8-я японская дивизія (12 батальоновъ), 8-я резервная бригада, 11-й пѣхотный полкъ 5-й дивизіи, а также прежніе гарнизоны Хегоутая и другихъ пунктовъ—въ общемъ около 21—22 батальоновъ. 21-й пѣхотный полкъ 5-й дивизіи (отрядъ Мураяма) стоялъ въ Тунхепу противъ конницы ген. Мищенко, а усиленная 15-я пѣхотная бригада, въ составѣ 8 батальоновъ, только около полудня прибыла на поле сраженія. Около того же времени ген. Штакельбергъ получилъ подкрѣпленіе въ видѣ присланнаго въ его распоряженіе командующимъ арміей 56-го полка (4 батальона) изъ 15-й дивизіи. Во всякомъ случаѣ къ полудню 28-го января на сторонѣ русскихъ было значительное превосходство силъ, такъ что строго пассивный образъ дѣйствій, принятый ген. Штакельбергомъ, едва ли можетъ быть оправданъ. По всей вѣроятности командиръ 1-го Сибирскаго корпуса переоцѣнивалъ силы противника, атаковавшаго его такъ энергично.

На правомъ флангѣ 1-го Сибирскаго корпуса велъ бой конный отрядъ, начальство надъ которымъ, вмѣсто раненаго ген. Мищенко, принялъ ген. Телешевъ, начальникъ 4-й казачьей дивизіи. Дѣятельность этого отряда, какъ и въ предшествующіе дни, заключалась въ безплодныхъ атакахъ про-

тивъ разныхъ деревень. Утромъ 28-го января казачьими разъѣздами обнаружено было, что деревни Тунхепу и Санчянцу, находившіяся въ близкомъ сосѣдствѣ отъ бивака коннаго отряда у дер. Сюэрцу и Пахуанти, заняты непріателемъ. Это открытіе пришло нѣсколько поздно и указываетъ на то, что конница потеряла соприкосновеніе съ непріателемъ (отрядъ Мураяма), который преслѣдовалъ ихъ отъ Ландунгоу до Тунхепу. Ген. Телешевъ атаковалъ сначала Тунхепу, но безъ успѣха. Когда онъ затѣмъ получилъ приказъ по арміи, дѣйствовать въ тѣсной связи съ 1-мъ Сибирскимъ корпусомъ, то онъ эту бригаду оставилъ противъ Тунхепу, а съ главными силами атаковалъ Санчянцу, но такъ же безуспѣшно. Здѣсь послѣ полудня на пути къ полю сраженія изъ Ландунгоу проходила 15-я японская пѣхотная бригада, отъ которой, повидимому, слабыя пѣхотныя части обратились противъ русской конницы, послѣ чего эта послѣдняя отступила на Нюцянъ.

Общія потери русской конницы въ теченіе шести часового боя въ этотъ день ограничиваются всего только 1 чел. убит. и до 29 ранен. Изъ этого одного уже видно, что непріятельскія силы, дѣйствовавшія противъ русской конницы, не были такъ значительны, какъ это утверждалъ ген. Телешевъ. Дѣятельность конницы опять оказалась безрезультатной. Ген. Телешевъ говоритъ, что онъ намѣревался на слѣдующій день двинуться на Ляоянъ, „въ районъ главной квартиры японскаго главнокомандующаго“. Если дѣйствительно ген. Телешевъ принялъ такой смѣлый планъ дѣйствій, то почему же онъ не исполнилъ его уже 28-го января? Добрыя намѣренія ничего не стоятъ, когда не хватаетъ рѣшимости для осуществленія ихъ на дѣлѣ. Впрочемъ, набѣгъ русской конницы въ тылъ противника могъ бы имѣть успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, если бы одновременно японцы были атакованы съ фронта всѣми русскими арміями, но такъ какъ арміи оставались бездѣтельными, предоставляя инициативу непріателю, то и смѣлыя кавалерійскія предпріятія въ тылъ японцевъ ни въ чемъ не могли измѣнить общаго положенія дѣлъ.

Полнѣйшее крушеніе кавалерійской дѣятельности со сто-

роны русской конницы въ эту войну, въ особенности при набѣгѣ на Инкоу, а также при сраженіи на Сандепу и позднѣе при Мукденѣ, наводитъ на многія размышленія. Было бы ошибочно приписывать это обстоятельство недостаткамъ матеріальной части конницы, точно также было бы неправильно такое заключеніе, что кавалерія, вообще, уже отжила свое время. Дѣятельность конницы въ настоящее время стала только труднѣе. Для исполненія кавалерійскихъ задачъ въ настоящее время недостаточно одного только „кавалерійскаго духа“, а теперь требуется въ большей мѣрѣ, чѣмъ прежде, широкое пониманіе обстановки, а также болѣе широкіе взгляды въ тактическомъ и стратегическомъ отношеніи со стороны кавалерійскихъ начальниковъ; только въ такомъ случаѣ они въ состояніи будутъ быстро ориентироваться, оцѣнить обстановку и принять соотвѣтствующее рѣшеніе. Затѣмъ кавалерійскіе начальники въ особенности не должны быть связаны въ своей дѣятельности разными ограничительными приказами, какъ это было подѣ Сандепу, такъ какъ для кавалерійскихъ начальниковъ въ особенности требуются полная самостоятельность характера, сила воли и смѣлость дѣйствій, т. е. качества, которыя могли бы проявить себя при быстрыхъ перемѣнахъ обстановки для дѣйствій самостоятельныхъ, быстрыхъ и энергичныхъ безъ всякихъ опасеній за отвѣтственность, а имѣя въ виду лишь содѣйствіе къ достиженію важныхъ общихъ цѣлей. Вотъ та кавалерія, которая будетъ имѣть начальниковъ, одаренныхъ такими свойствами характера, воодушевленныхъ такимъ духомъ дѣйствій и готовыхъ притомъ къ самопожертвованію, — но только именно такая кавалерія — окажется вполне примѣнимой и въ будущихъ войнахъ и всегда найдетъ себѣ мѣсто для выполненія своей роли рядомъ съ другими родами оружія.

Вернемся, однако, къ дѣйствіямъ 28-го января. Когда ген. Грипшенбергъ около полудня получилъ донесеніе о переходѣ японцевъ въ наступленіе по всей линіи между Сандепу и Суману, то онъ принялъ новое въ высшей степени своеобразное рѣшеніе, которое заключалось въ томъ, чтобы на фронтѣ 1-го Сибирскаго, стрѣлковаго и 8-го армейскаго кор-

пусовъ—вообще тамъ, гдѣ войска вошли въ соприкосновеніе съ противникомъ,—ограничиться только пассивной обороной, но на обоихъ флангахъ перейти въ наступленіе. Стрѣлковый корпусъ, какъ мы уже знаемъ, въ 1 час. 30 мин. дня получилъ приказаніе „безъ особыхъ указаній въ наступленіе не переходить“; 1-му Сибирскому корпусу указано было отойти на линію Хегоутай—Санкуцзы, гдѣ онъ уже находился, и „оборонять Хегоутай до послѣдней возможности“. 15-я дивизія 8-го корпуса должна была открыть огонь противъ Сандепу. Въ чемъ же, однако, заключались наступательныя дѣйствія? На правомъ флангѣ ген. Коссаговскій съ 4 батальонами долженъ былъ двинуться въ наступленіе черезъ Хуанлотоцзы и атаковать лѣвый флангъ японцевъ, дѣйствовавшихъ противъ 1-го Сибирскаго корпуса; на лѣвомъ флангѣ ген. Церпицкій долженъ былъ двинуться изъ Хуанти на Сяотайцзы, „если это окажется соотвѣтствующимъ обстановкѣ“, и „притянуть на себя силы противника, дѣйствуя, по возможности, противъ его фланга“.

Наступленіе 4 батальоновъ отряда ген. Коссаговскаго осталось совершенно невыполненнымъ, такъ какъ указаніе объ этомъ прибыло только въ 8 час. 15 мин. вечера, а вслѣдъ затѣмъ получено было приказаніе пріостановить наступательныя дѣйствія и перейти въ отступленіе. Для атаки деревень Сяотайцзы и Лапатай ген. Церпицкій назначилъ по 2 батальона на каждую изъ этихъ деревень, но едва лишь онъ сдѣлалъ первый шагъ для этого наступленія, какъ онъ сейчасъ же получилъ напоминаніе изъ штаба арміи, „не увлечься при этой атакѣ, а тотчасъ же отступить для обороны своей позиціи, какъ только противникъ перейдетъ въ наступленіе“. Тѣмъ временемъ упомянутые 4 батальона успѣли овладѣть уже деревнями, которыя оказались занятыми только японскими передовыми постами. Этотъ небольшой успѣхъ, который безъ особаго труда могъ быть достигнутъ еще за четыре дня до того, не былъ, однако, использованъ, потому что вслѣдъ затѣмъ получено было приказаніе, которымъ запрещалось всякое дальнѣйшее наступленіе.

Въ исторіи русскаго генеральнаго штаба эти распоряже-

нія ген. Гриппенберга, въ особенности его приказанія о прекращеніи атакъ противъ Сандепу, представляются соотвѣтствующими обстановкѣ; часто повторяется и подчеркивается мысль, что „атака Сандепу, вообще, не могла быть предпринята, потому что японцы сами перешли въ наступленіе“. Довольно характерный мотивъ. Если нѣсколько непріятельскихъ батальоновъ атаковали корпусъ, то этотъ послѣдній долженъ остаться прикованнымъ на мѣстѣ и отказаться отъ всякихъ наступательныхъ предпріятій. Такой образъ дѣйствій, вообще, соотвѣтствовалъ русской стратегіи въ Манчжуріи, въ силу которой быстро подчинялись волѣ противника, какъ только онъ начиналъ грозить пальцемъ. Въ исторіи русскаго генеральнаго штаба говорится далѣе: „Всѣ эти распоряженія относительно перехода къ активнымъ дѣйствіямъ остались безъ положительныхъ результатовъ, потому что въ штабѣ главнокомандующаго въ это время стали опасаться, что японцы могутъ перейти въ наступленіе на фронтѣ 3-й арміи“. Трудно, однако, въ распоряженіяхъ ген. Гриппенберга обнаружить какіе-нибудь замыслы о „переходѣ къ активнымъ дѣйствіямъ“. Независимо наступленія 4 батальоновъ 10-го корпуса на Сяотайцзы и Лапатай, которое штабъ арміи, насколько возможно, парализовалъ, а также предполагавшагося, но не выполненнаго наступленія 4 батальоновъ отряда ген. Коссаговскаго противъ лѣваго фланга японцевъ,—всѣ распоряженія ген. Гриппенберга только препятствовали всѣмъ активнымъ дѣйствіямъ. Не только не слѣдовало удерживать отъ наступленія стрѣлковый корпусъ, а надо было подтолкнуть его введеніемъ въ дѣло всего резерва (14-я дивизія), а прежде всего не слѣдовало ограничиваться для 15-й дивизіи только обстрѣливаніемъ деревни Сандепу, а для 10-го корпуса овладѣніемъ деревней Сяотайцзы: эти войска, остававшіяся все время въ полной бездѣятельности, должны были ввязаться въ бой до послѣдняго человѣка. Вотъ, если бы со стороны ген. Гриппенберга послѣдовали такія распоряженія, тогда только могла быть рѣчь о какихъ-нибудь „активныхъ дѣйствіяхъ“.

Правъ полк. Новицкій, что на двухъ наиболѣе важныхъ участкахъ, гдѣ съ русской стороны требовались именно ак-

тивныя дѣйствія, это—на фронтѣ стрѣлковаго и 1-го Сибирскаго корпусовъ, тамъ ген. Гриппенбергъ переходитъ къ дѣйствіямъ оборонительнымъ, въ виду активности, проявленной со стороны противника, тогда какъ на флангахъ, гдѣ никакого непріятеля не было, тамъ командующій арміей рѣшается переходить въ наступленіе. Пожалуй, наступательныя дѣйствія со стороны Хуанти и на Сяотайцзы, а также изъ Хуанло-тоцзы на Сумапу, могли бы имѣть большое значеніе, если бы они были связаны съ переходомъ въ наступленіе всѣхъ остальныхъ войскъ по всему фронту. Самостоятельнаго значенія эти дѣйствія имѣть не могли, въ особенности, если принять во вниманіе, что они были предприняты съ такими ничтожными силами. „Совершенно ясно говоритъ полк. Новицкій, что ген. Церпицкому и Коссаговскому потому было предписано перейти въ наступленіе, — что передъ ихъ фронтомъ непріятель не проявлялъ никакой дѣятельности. Если бы японцы, въ силу какихъ-нибудь обстоятельствъ отказались отъ атакъ на фронтѣ стрѣлковаго и 1-го Сибирскаго корпусовъ и обратились противъ нашихъ фланговъ, то не подлежить сомнѣнію, что и ген. Церпицкому и ген. Коссаговскому предписали бы ограничиться обороной... Храбры мы были только тамъ, гдѣ насъ не видѣлъ противникъ и гдѣ мы могли урвать что-нибудь, не привлекая на себя вниманія японцевъ. Но достаточно было непріятелю оглянуться въ эту сторону или хотя бы сколько-нибудь пригрозить намъ въ этомъ направленіи, — какъ мы тотчасъ же отказывались отъ своихъ намѣреній и думали только о томъ, чтобы сохранить то, чѣмъ владѣемъ“.

Вечеромъ 28-го января ген. Гриппенбергъ призвалъ на совѣщаніе въ штабъ арміи командира стрѣлковаго корпуса, а также начальниковъ артиллеріи стрѣлковаго и 8-го корпусовъ для выработки операціоннаго плана на послѣдующіе дни. На этомъ совѣщаніи пришли къ заключенію, что „въ виду выяснившихся событій послѣднихъ дней, послѣ того, какъ непріятель получилъ подкрѣпленіе и обнаруживаетъ вездѣ стремленіе къ переходу въ наступленіе, деревня Сандепу потеряла свое прежнее значеніе и необходимо поѣтому сначала разбить жи-

вую силу непріятели, оставивъ противъ Сандепу лишь слабый заслонъ. Не вполне ясно, почему подкрѣпленіе противника измѣнило значеніе Сандепу; во всякомъ случаѣ мы видимъ, что только къ вечеру четвертаго дня сраженія пришли къ заключенію, что цѣлью наступательныхъ дѣйствій должно служить не овладѣніе какой-нибудь деревней, а уничтоженіе живой силы непріятели. При всемъ томъ вполне сомнительно, чтобы и послѣ того принятія мѣропріятія соответствовали этому принципиальному рѣшенію. Живая сила непріятели была повсюду: если хотѣли атаковать его, то необходимо было ввести въ бой всю армію, до послѣдняго батальона, а что намѣренія ген. Гриппенберга совершенно не клонились въ эту сторону, видно изъ того, что послѣ принятія рѣшенія командиру 10-го корпуса отдано было приказаніе „завтра, 29-го января, ограничиться исключительно огневымъ боемъ и ни при какихъ обстоятельствахъ не переходить въ наступленіе“. Если бы 29-го опять разыгрался бой, то повторилась бы та же картина, какую мы видѣли въ предшествующіе дни, съ той лишь разницей, что японцамъ, подкрѣпленнымъ въ это время еще 10-й резервной бригадой, вѣроятно, удалось бы прорвать въ одномъ или двухъ мѣстахъ фронтъ противника, придерживавшагося строго пассивнаго образа дѣйствій.

Но дѣло не дошло до продолженія боя. Еще во время совѣщанія у ген. Гриппенберга въ 8 час. вечера получено было приказаніе ген. Куропаткина, „немедленно отступить всей арміей и принять сосредоточенное расположеніе на линіи Сыфантай—Чжантанъ—Ямантапу“. Очевидно ген. Куропаткинъ нашелъ удобный предлогъ, чтобы прервать наступательную операцію 2-й арміи. Многочисленныя приказанія и сообщенія главнокомандующаго, которыя онъ съ ранняго утра присылалъ ген. Гриппенбергу, а также и непосредственно командиру 10-го корпуса, заключались единственно въ томъ, чтобы подавить всякое проявленіе какой бы то ни было инициативы. Ген. Куропаткинъ былъ въ высшей степени недоволенъ наступательными дѣйствіями ген. Гриппенберга 27-го января. Еще болѣе его безпокоило извѣстіе объ энергичномъ наступленіи ген. Церпицкаго, котораго онъ путемъ разныхъ прика-

заній старался все время „держать въ уздѣ“, т. е. дѣйствовать на него запугивающимъ образомъ, съ цѣлью парализовать его дѣятельность. Наконецъ, полученное донесеніе объ усиленіи японскихъ войскъ передъ фронтомъ 3-й арміи, къ западу отъ желѣзной дороги, дало главнокомандующему желанный поводъ пріостановить наступательную операцію, которую онъ не симпатизировалъ. Телеграмма ген. Куропаткина, посланная ген. Гриппенбергу, въ которой главнокомандующій утверждалъ, что „въ виду появленія значительныхъ непріятельскихъ силъ передъ фронтомъ 3-й арміи, а частью также и передъ фронтомъ 10-го армейскаго корпуса, здѣсь слѣдуетъ ожидать главную атаку“, не имѣла никакого основанія ¹⁾.

Отступленіе арміи ген. Гриппенберга послѣдовало безъ всякихъ препятствій. 30-го января войска заняли указанныя имъ мѣста. Конница и отрядъ ген. Коссаговскаго отступили къ западу отъ Хуньхе, къ Сыфантаю. Стрѣлковыи корпусъ занялъ оборонительную позицію у Чжантана и Чжантанхенана. 8-й корпусъ перешелъ на восточный берегъ Хуньхе и расположился въ районѣ, гдѣ раньше стояла 15-я дивизія. 10-й корпусъ расположился на занятыхъ мѣстахъ, имѣя передовые посты по линіи Хуанти, Чиншантунъ и Холянтай. Японцы послѣдовали за 2-й арміей, что привело къ новому бою у Чжантанхенана 31-го января и 1-го февраля, во время котораго японцы нѣсколько разъ овладѣвали этимъ пунктомъ, но затѣмъ онъ окончательно остался во владѣніи стрѣлковаго корпуса.

Никакой атаки со стороны японцевъ противъ 3-й арміи не послѣдовало вовсе, потому что совѣмъ не было въ ихъ интересахъ переходить въ наступленіе до прибытія осадной арміи изъ-подъ Артура. Полнѣйшая пассивность дѣйствій 1-й

¹⁾ Активная дѣятельность японцевъ противъ III арміи, такъ сильно встревожившая ген. Куропаткина, заключалась въ томъ, что японскія батареи открыли огонь по всему фронту противъ русскихъ укрѣпленій отъ Шахепу до Ханшантая, такъ какъ японскій главнокомандующій хотѣлъ удостовѣриться, не оттянули ли русскіе также и съ этого фронта войска на Хуньхе. Русская артиллерія тотчасъ же отвѣтила на огонь, что дало возможность японцамъ убѣдиться въ томъ, что число батарей на этомъ фронтѣ существенно не измѣнилось.

и 3-й арміи вполнѣ соответствовала планамъ японцевъ—избѣжать общаго сраженія до прибытія на театръ дѣйствій арміи Ноги.

Потери русскихъ въ четырехдневномъ сраженіи простирались круглымъ числомъ до 12,000 чел. Жертва эта оказалась совершенно напрасной, потому что не хватило твердой воли добиться извѣстной цѣли. Еще болѣе значителенъ былъ упадокъ моральныхъ силъ послѣ этого сраженія, въ особенности если принять во вниманіе, что это случилось наканунѣ послѣдняго рѣшительнаго сраженія, которое въ то время ожидалось.

За этой трагедіей подъ Сандену послѣдовалъ еще эпилогъ, который по своему исходу имѣлъ на армію еще болѣе деморализующее значеніе, чѣмъ результаты этого сраженія. Ген. Гриппенбергъ испросилъ непосредственно изъ Петербурга разрѣшеніе о возвращеніи въ Россію, въ виду того, что „Я совершенно лишенъ закономъ предоставленной мнѣ самостоятельности и свободы дѣйствій и при такомъ угнетенномъ состояніи духа не могу принести пользы. Прошу разрѣшить мнѣ возвратиться въ Петербургъ, чтобы я могъ совершенно откровенно доложить о положеніи вещей“. Помимо главнокомандующаго ген. Гриппенбергу дано было разрѣшеніе немедленно вернуться въ Петербургъ.

Ген. Куропаткинъ указываетъ на этотъ образъ дѣйствій ген. Гриппенберга, какъ на примѣръ антидисциплинарный для арміи. Съ формальной точки зрѣнія ген. Гриппенбергъ можетъ быть и былъ правъ, такъ какъ по закону ему принадлежало право непосредственнаго доклада въ Петербургъ, но съ нравственной и чисто военной точки зрѣнія поведеніе его заслуживаетъ только осужденія. Какъ уже упомянуто было выше, ген. Гриппенбергъ ссылается на § 9-й Положенія о полевомъ управленіи войскъ, согласно которому „командующему арміей предоставляется по своему усмотрѣнію изыскать мѣры для достиженія цѣли, указанной главнокомандующимъ“. Конечно, никто не станетъ оправдывать вмѣшательства ген. Куропаткина въ права командующаго арміей; нѣтъ сомнѣнія также, что это вмѣшательство привело къ высшей степени

печальному ходу событій во время операцій подъ Сандепу. Что же, однако, ген. Гриппенбергъ самъ дѣлалъ, чтобы сохранить за собою право самостоятельныхъ дѣйствій, предоставленное ему закономъ? Въдѣ § 9-й былъ ему извѣстенъ также и во время сраженія и онъ зналъ, что главнокомандующій не можетъ отмѣнить этого §. Почему же онъ, въ такомъ случаѣ, тогда, подъ защитой этого §, не настоялъ на принятіи энергичныхъ мѣръ для достиженія предписанной ему цѣли? Развѣ мы видимъ гдѣ-нибудь въ распоряженіяхъ ген. Гриппенберга проявленіе болѣе сильной воли, большей готовности къ отвѣтственности, чѣмъ со стороны главнокомандующаго? Конечно, нѣтъ. Если бы ген. Гриппенбергъ дѣйствительно обладалъ качествами настоящаго полководца, онъ бы легко могъ освободиться отъ опеки главнокомандующаго и еще 25-го января привелъ бы свою армію къ побѣдѣ. Недостатки главнокомандующаго были одинаково присущи всему русскому командному составу и не въ меньшей степени должны быть отнесены на долю ген. Гриппенберга. Поэтому командующій 2-й арміей не имѣлъ никакого права совершить такой необычайный шагъ, посредствомъ котораго онъ хотѣлъ всю отвѣтственность за неудачу своей арміи свалить на главнокомандующаго. Во всякомъ случаѣ для него должно было быть ясно, что своимъ образомъ дѣйствій онъ еще болѣе долженъ былъ пошатнуть и безъ того упавшее довѣріе войскъ къ своимъ вождямъ.

Сраженіе у Сандепу представляетъ собою совершенно исключительный примѣръ въ военной исторіи, въ которомъ мы видимъ, что при недостаткѣ твердой воли и отсутствіи готовности къ отвѣтственности и самопожертвованію армія численностью свыше 100,000 чел., 100 эскадроновъ и 450 орудій, не могла одолѣть слабую охранительную линію изъ нѣсколькихъ эскадроновъ и ротъ. Съ другой стороны, наоборотъ, мы видимъ, какого успѣха въ этомъ примѣрѣ достигли японцы, когда небольшая горсточка войскъ могла одолѣть противника сильнаго, но лишенаго инициативы, разъ только на сторонѣ японцевъ были начальники, воодушевленные смѣлой рѣшимостью и энергіей.

ГЛАВА XI.

Отъ Мукдена до Сыпингая.

„Не бойся гибели, какъ бы тяжело тебѣ ни приходилось: тогда ты навѣрное побѣдишь“.

(Введеніе къ русскому уставу о полевой службѣ 1912 года).

Какъ уже упомянуто было въ предисловіи, подобное изслѣдованіе сраженія подъ Мукденомъ не входило въ рамки этого труда. Упомяну только объ общемъ ходѣ событій и о тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя имѣли вліяніе на общіе результаты войны. Такого очерка будетъ достаточно, чтобы доказать, что, какъ во всѣхъ предшествовавшихъ сраженіяхъ, такъ и въ послѣднемъ рѣшительномъ сраженіи подъ Мукденомъ, причины поражений русскихъ войскъ кроются не въ недостаткахъ боевой подготовки, боевыхъ формъ строя или недостаткахъ матеріальной части, а единственно только въ томъ, что командному составу не доставало того нравственнаго духа, который въ введеніи къ русскому уставу о полевой службѣ обозначены словами „не бойся гибели, какъ тяжело бы тебѣ ни приходилось: тогда ты навѣрное побѣдишь“. Русскіе начальники не могли мириться съ мыслью о гибели и поэтому они были разбиты.

Всѣ ошибки и упущенія русскихъ командныхъ начальниковъ, которыя встрѣчаются во всѣхъ предшествовавшихъ сраженіяхъ, мы видимъ объединившимися въ сраженіи подъ Мукденомъ: пренебреженіе всякой активной дѣятельностью при малѣйшемъ угрожающемъ положеніи со стороны противника и

упорное пребываніе на позиціяхъ въ пассивной оборонѣ; чувствительность къ флангамъ и тылу, куда постоянно обращены были взоры въ бою, вмѣсто того, чтобы всѣ стремленія обратить впередъ къ достиженію преслѣдуемой цѣли; переоцѣнка силъ противника, недоувѣріе къ собственнымъ силамъ, вслѣдствіе чего—поспѣшное обращеніе за поддержкой; введеніе силъ въ бой малыми частями и употребленіе значительныхъ силъ для разныхъ постороннихъ цѣлей; боязнь жертвъ со стороны конницы и т. д. Всѣ эти ошибки и упущенія вытекали изъ одного общаго зла—отсутствія силы воли и бодрой, смѣлой рѣшимости.

Медлительный и робкій образъ дѣйствій 2-й арміи и крайняя пассивность дѣйствій 1-й и 3-й армій во время сраженія подъ Сандепу дали возможность японцамъ отстрочить рѣшительное сраженіе до прибытія на театръ дѣйствій осадной арміи изъ-подъ Портъ-Артура. Въ началѣ февраля за лѣвый флангъ японской арміи, въ районъ Пейдагоу, прибыла 3-я армія Ноги, въ составѣ 3 дивизій (1-й, 7-й и 9-й) и 1 кавалерійской бригады. Входившая раньше въ составъ этой арміи 11-я дивизія и резервныя войска образовали новую 5-ю армію въ составѣ всего 28 батальоновъ, которая направлена была на крайній правый флангъ для дѣйствій противъ отряда ген. Ренненкампа. Такъ какъ послѣ сраженія подъ Сандепу русская армія была усилена только 16-мъ армейскимъ корпусомъ (25-й и 41-й дивизіями), то соотношеніе силъ воюющихъ сторонъ во вторую половину февраля въ значительной степени обратилось въ пользу японцевъ; хотя относительно числа тактическихъ единицъ русскіе все еще значительно превосходили своихъ противниковъ, а именно: противъ 377¹/₂ русскихъ батальоновъ, съ 56 пулеметами, 150¹/₄ эскадроновъ, 1089 полевыхъ и 240 осадныхъ орудій и 11¹/₂ саперныхъ батальоновъ—японцы имѣли всего только 263 батальона, около 200 пулеметовъ, 66 эскадроновъ, 892 полевыхъ и около 170 осадныхъ орудій и 18 піонерныхъ батальоновъ. Утвержденіе исторіи русскаго генеральнаго штаба, что силы японской арміи съ численностью около 300,000 чел. были приблизительно одинаковы съ русской арміей,—около 306,000—ни на чемъ не основано.

Если даже принять, что наличный составъ японскихъ ротъ былъ сильнѣе, чѣмъ русскихъ, то все же это не могло уравновѣсить собою плюсъ на сторонѣ русской арміи въ 114 батальоновъ и 89 эскадроновъ.

Изъ результатовъ сраженія подъ Сандепу русскіе командные начальники не извлекли никакихъ уроковъ. Предполагалось повторить тотъ же маневръ, какъ и подъ Сандепу, притомъ еще разъ все той же 2-й арміей, командующимъ которой послѣ отъѣзда ген. Гриппенберга назначенъ былъ ген. Каульбарсъ, при чемъ обѣ другія арміи опять-таки должны были остаться праздными зрителями. Опять начались непрерывныя военныя совѣщанія, разработка операціонныхъ плановъ и памятныхъ записокъ, цѣлью которыхъ поставлено было опять овладѣніе Сандепу. На эту задачу направлены были всѣ стремленія. Можно было думать, что на всѣхъ прочихъ мѣстахъ никакого непріятеля нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, онъ ничѣмъ тамъ не проявитъ своего существованія. Такъ, ген. Ренненкампфъ взять былъ съ крайняго лѣваго фланга для того, чтобы поручить ему командованіе конницей 2-й арміи; ген. Ивановъ взять былъ отъ командуемаго имъ корпуса съ Каутулинскаго перевала только для того, чтобы онъ руководилъ дѣятельностью артиллеріи. Къ 21-му февраля противъ Сандепу сосредоточено было не менѣе 100 осадныхъ орудій, а въ общемъ, на позиціяхъ 2-й и 3-й армій, 240 осадныхъ орудій готовы были открыть огонь. Овладѣнію Сандепу стали придавать какое-то особое моральное значеніе для того, чтобы, какъ выразился ген. Эвертъ въ своей докладной запискѣ, „показать, наконецъ, японцамъ, что мы можемъ добиться разъ поставленной цѣли“. Доказать это японцамъ, во всякомъ случаѣ, было всегда необходимо,—не только относительно овладѣнія Сандепу, но также и для достиженія главной цѣли—уничтоженіе живой силы непріятеля; однако, въ этомъ направленіи никакія попытки не дѣлались.

Непосредственно передъ началомъ предположеннаго наступленія ген. Куропаткинъ опять, какъ и въ предшествующіе бои, пренебрегъ основнымъ требованіемъ,—чтобы для рѣшительнаго сраженія притянута было все, что возможно. При постоян-

ныхъ работахъ о своемъ тылѣ ген. Куропаткинъ ослабилъ свои силы непосредственно передъ сраженіемъ. Изъ командированныхъ людей изъ полковъ 1-й и 3-й армій образована была составная бригада, которая совмѣстно со 2-й арміей должна была участвовать въ штурмѣ Сандепу и затѣмъ, по возвращеніи въ свои части, люди должны были служить инструкторами въ будущихъ бояхъ. Атака на Сандепу стала разсматриваться какъ „поучительный маневръ“, изъ котораго всѣ прочія войска должны были извлечь для себя необходимый опытъ. Замѣчательная мѣра, которая стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ дѣйствующими факторами на войнѣ. Едва только эта бригада была собрана при 2-й арміи, какъ уже 16-го февраля, на основаніи свѣдѣній, полученныхъ изъ китайскихъ источниковъ объ отправленіи японскихъ войскъ въ Пріамурскій округъ, бригада эта была отправлена въ Никольскъ-Уссурійскій, чтобы тамъ послужить ядромъ для формировація новой дивизіи.

Вслѣдъ затѣмъ получены были новыя свѣдѣнія, которыя въ высшей степени встревожили главнокомандующаго,—о появленіи японцевъ въ тылу армій. Смѣлый короткій набѣгъ 2 японскихъ эскадроновъ на желѣзную дорогу къ сѣверу отъ Тѣлина и нападеніе нѣсколькихъ шаекъ хунхузовъ достаточно были для того, чтобы ген. Чичаговъ, которому поручено было общее командованіе надъ охраной желѣзной дороги, сталъ доносить фантастическія и тревожныя свѣдѣнія о появленіи въ тылу арміи японо-хунхузскихъ отрядовъ, силы которыхъ онъ оцѣнивалъ въ десятки тысячъ человекъ съ многочисленной артиллеріей. Ген. Чичаговъ даже указывалъ, „что хунхузскія шайки дѣйствуютъ совмѣстно съ китайскими войсками, притянули къ себѣ также мирныхъ жителей и направляются на сѣверъ“. Хотя эти донесенія лишены были всякаго основанія и базировались только на непровѣренныхъ донесеніяхъ китайскихъ шпионовъ, „которые за хорошую плату готовы были сообщить все, что угодно“, тѣмъ не менѣе этихъ донесеній было достаточно для главнокомандующаго, чтобы сдѣлать распоряженіе о немедленномъ подкрѣпленіи войскъ, прикрывавшихъ желѣзную дорогу 8 батальонами (2-я бригада 71-й

дивизіи 16-го корпуса), 34^{1/2} сот. (4-я Донская казачья дивизія) и 36 орудіями, которые были направлены на сѣверъ. Кромѣ того, въ распоряженіе начальника пограничной стражи предоставлено было еще 10,000 чел. запасныхъ, которые только что прибыли изъ Европейской Россіи. Всѣ эти войска, около 25,000 чел., оказались совершенно потерянными для сраженія подъ Мукденомъ.

Атака Сандепу назначена была на 25-е февраля, при чемъ артиллерійская подготовка должна была начаться въ 6 час. 30 мин. утра. Въ резервъ 2-й арміи у Таванганпу кромѣ 1-го Сибирскаго корпуса находилась еще бригада 6-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи (изъ состава 3-го Сибирскаго корпуса 1-й арміи), которой ген. Куропаткинъ призналъ необходимымъ усилить 2-ю армію вмѣсто откомандированной на сѣверъ составной бригады. Хотя распоряженія, сдѣланныя барономъ Каульбарсомъ, носили чисто оборонительный характеръ,—еще 24-го февраля онъ указалъ стрѣлковому корпусу цѣлый рядъ тыловыхъ позицій, которыя надлежало подготовить для упорной обороны, — тѣмъ не менѣе онъ все же рѣшился атаковать Сандепу, его приказъ по арміи отъ 24-го вечеромъ кончается словами: „Царь и русскій народъ молятся за насъ и надѣются на насъ. Исполнимъ же свой долгъ, товарищи! Богъ на помощь!“

Дѣло, однако, опять не дошло до атаки. Несмотря на то, что на правомъ флангѣ русской арміи находилась многочисленная конница, не имѣлось никакихъ свѣдѣній о томъ, гдѣ находится осадная японская армія, которая, между тѣмъ, уже находилась у Пейдагоу противъ праваго фланга русской арміи въ полной готовности къ атакѣ. Поэтому, когда ген. Куропаткинъ 24-го февраля получилъ донесеніе о движеніи японцевъ противъ его крайняго лѣваго фланга, т. е. противъ войскъ 3-го Сибирскаго корпуса и Цинхенченскаго отряда, и объ отступленіи этого послѣдняго черезъ Далинскій переваль, то онъ тотчасъ же готовъ былъ отказаться отъ задуманнаго наступленія для того, чтобы отразить обходъ его лѣваго фланга, положеніе котораго казалось ему чрезвычайно опаснымъ.

Въ высшей степени характернымъ представляется образъ

дѣйствій ген. Куропаткина, чтобы остановить предстоящее наступленіе 2-й арміи. Отъѣздъ ген. Гриппенберга, а можетъ быть еще и приказанія, полученные изъ Петербурга, вынуждали его отказаться отъ прямого вмѣшательства въ послѣдовавшія уже приказанія ген. Каульбарса объ атакѣ Сандепу. Ему приходилось поэтому выбрать иной путь. Главнокомандующій избралъ для этой цѣли начальника транспортовъ арміи ген. Ухачъ-Огоровича, котораго онъ направилъ къ ген. Каульбарсу съ „секретнымъ порученіемъ“. Дѣло въ томъ, что ген. Ухачъ завѣдывалъ руководствомъ шпионства и, также какъ ген. Чичаговъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя надѣлялись главнокомандующаго невѣроятными свѣдѣніями, получившимися ими отъ китайскихъ шпионовъ. Вотъ этотъ ген. Ухачъ-Огоровичъ, который вечеромъ 24-го февраля прибылъ въ штабъ 2-й арміи, имѣлъ задачей въ достаточной мѣрѣ „напугать“ ген. Каульбарса: онъ нарисовалъ ему, насколько только возможно было, мрачную картину обстановки, въ которой находилась его армія, стараясь доказать командующему арміей, что японцамъ извѣстно уже о предполагаемомъ наступленіи и что они навѣрное ему противопоставятъ двойное превосходство силъ. Когда же ген. Каульбарсъ по телефону запросилъ объ этомъ ген. Куропаткина,—не предполагаетъ ли онъ поэтому отложить задуманное наступленіе, — то главнокомандующій уклонился отъ отвѣта, предоставивъ рѣшеніе этого вопроса ген. Каульбарсу—„какъ будетъ, такъ и ладно“. При дальнѣйшихъ же затѣмъ запросахъ ген. Каульбарса, можно ли ему будетъ рассчитывать на поддержку стратегическаго резерва главнокомандующаго, послѣдній отвѣтилъ, что онъ „не можетъ дать ни одного штыка изъ своего резерва“, вслѣдствіе чего ген. Каульбарсъ донесъ, что отказывается отъ атаки на Сандепу.

Такимъ образомъ ген. Куропаткину удалось безъ вмѣшательства въ права командующаго арміей достигнуть того, что ему нужно было, не принимая на себя отвѣтственности за послѣдствія, а дѣйствуя такъ, что съ одной стороны напугалъ какъ слѣдуетъ ген. Каульбарса, а съ другой стороны отклонилъ всякую возможность поддержки со своей стороны.

Однако и ген. Каульбарсъ тоже не хотѣлъ брать на себя отвѣтственность за отказъ отъ атаки Сандепу. Такимъ образомъ былъ сдѣланъ первый зловѣщій шагъ, послѣдствія котораго, точно снѣжная лавина, накапливались все больше и больше и привели къ несчастному исходу сраженія подь Мукденомъ.

Въ дѣйствительности 2-я русская армія была значительно сильнѣе японскихъ войскъ, которыхъ имѣла передь собою. За лѣвымъ флангомъ непріятели около Пейдагоу (Сяобейхе) въ разстояніи двухъ переходовъ позади находились 3 дивизіи арміи Ноги, подстерегавшія благоприятную минуту для перехода въ наступленіе противъ праваго фланга русской арміи. Если даже включить эти дивизіи въ японскія войска въ этомъ районѣ, то и въ такомъ случаѣ армія Каульбарса превосходила ихъ численностью—совершенно независимо отъ подавляющаго превосходства въ артиллеріи. Кромѣ того, къ югу отъ Мукдена имѣлся еще резервъ главнокомандующаго силою въ 52 батальона и 144 орудія.

Такимъ образомъ положеніе русскихъ на правомъ флангѣ, которому угрожалъ главный ударъ со стороны японцевъ, было, вообще, благоприятно, при условіи, что главнокомандующій готовъ будетъ въ этомъ направленіи принять рѣшительное сраженіе всѣми своими силами. Но въ дѣйствительности здѣсь произошло событіе, чреватое важными послѣдствіями, въ результатѣ которыхъ не только отказались отъ предполагаемаго наступленія, но въ опасеніи за свой лѣвый флангъ, которому японцы только пригрозили маленькимъ пальцемъ, ген. Куропаткинъ весь резервъ 2-й арміи (1-й Сибирскій корпусъ и половина 6-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи) и большую часть своего стратегическаго резерва (72-я дивизія и 146-й полкъ) поспѣшно направилъ на крайній лѣвый флангъ 1-й арміи, чтобы отразить здѣсь предполагавшійся имъ прорывъ японцевъ на Тѣлинъ.

1-й Сибирскій корпусъ направленъ былъ на востокъ усиленными переходами, а бригада 6-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи двинута была по желѣзной дорогѣ на Фущунъ. Ген. Ренненкампфъ и Ивановъ должны были поспѣшно

возвратиться къ своимъ войскамъ. 72-я дивизія и 146-й полкъ были выдѣлены изъ состава резерва главнокомандующаго.

Получилось въ результатъ именно то, что японцы имѣли въ виду, атакуя лѣвый флангъ русскихъ. Очевидно, они хорошо изучили своего противника. Достигнувъ своей цѣли и оттянувъ русскіе резервы отъ праваго фланга ихъ арміи, японцы начали обходъ этого фланга арміей Ноги. Поистинѣ смѣлое предпріятіе, на которое можно было рѣшиться, только имѣя передъ собою противника, совершенно лишеннаго всякой инициативы. Японцы не ошиблись въ расчетѣ.

Обратимся, однако, къ дѣйствіямъ 1-й арміи, которой подчиненъ былъ отрядъ ген. Ренненкампа. Какъ же воспользовался ген. Линевицъ, этотъ маршалъ „Впередъ“, присланнымъ имъ значительнымъ подкрѣпленіемъ въ 54 батальона и многочисленной артиллеріей? Въ дѣйствительности лѣвому флангу его арміи не угрожало никакой опасности. Въ противоположность дѣйствіямъ русскихъ, японцы предприняли здѣсь энергичную атаку, съ цѣлью отвлечь сюда силы русскихъ и такимъ путемъ облегчить обходъ праваго фланга русской арміи. Послѣ прибытія резервовъ къ 1-й арміи ген. Линевицъ располагалъ огромнымъ превосходствомъ силъ, и ген. Куропаткинъ ожидалъ отъ него, что онъ даже перейдетъ въ наступленіе, хотя главнокомандующій и не настаивалъ энергично на переходѣ въ наступленіе. Тамъ, гдѣ нужно было парализовать наступательный образъ дѣйствій, у главнокомандующаго всегда имѣлось для этого не мало средствъ, но никогда со стороны ген. Куропаткина не проявлялось сколько-нибудь настойчивости, чтобы заставить своихъ помощниковъ перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, очевидно не желая принять на себя извѣстную долю отвѣтственности за могущія быть послѣдствія.

Во всякомъ случаѣ ген. Линевицъ ни въ чемъ не былъ связанъ своей дѣятельностью. Онъ намѣревался 1-го марта предпринять наступленіе съ 1-мъ Сибирскимъ корпусомъ въ промежуткѣ между позиціями 3-го Сибирскаго корпуса и Каутулинскимъ переваломъ съ цѣлью принять на себя отрядъ ген. Ренненкампа у Мадзюдана. Но едва только корпусъ двинулся въ наступленіе, какъ получено было приказаніе ген.

Линевича: „Во вниманіе къ обстановкѣ на Каутулинскомъ перевалѣ, прекратить наступленіе и возвратиться назадъ“. При этомъ противъ 51 батальона, сосредоточенныхъ на позиціи 3-го Сибирскаго корпуса и около Каутулинскаго перевала, у японцевъ имѣлось по расчету русскаго генеральнаго штаба никоимъ образомъ не болѣе 15 батальоновъ, такъ что атака на нихъ, произведенная 1-мъ Сибирскимъ корпусомъ, могла бы оказаться гибельной для японцевъ. Еще болѣе значительнымъ былъ бы успѣхъ, если бы ген. Линевичъ перешелъ въ наступленіе всей своей арміей. Разъ резервы оказались уже стянутыми здѣсь на лѣвомъ флангѣ, то переходъ въ наступленіе 1-й арміи представлялъ бы собою единственный правильный отвѣтъ на обходъ, предпринятый арміей Ноги. Но ген. Линевичъ вовсе не думалъ о такомъ наступленіи; онъ ни въ малѣйшей степени не оказался выше остальныхъ командныхъ начальниковъ въ отношеніи рѣшительности и способности къ активнымъ дѣйствіямъ. Онъ вовсе не думалъ о томъ, чтобы побѣдить, а занятъ былъ только мыслью о томъ, какъ бы избѣжать пораженія. И такъ какъ это ему, по его мнѣнію, удалось, то онъ съ гордостью говорилъ о своей арміи какъ о „непобѣдимой“. Но развѣ это можетъ служить славой для арміи, которая при незначительномъ хотя бы напряженіи своихъ силъ сама могла бы стать побѣдительницей!

Въ то время, когда русскія арміи на фронтѣ были прикованы къ своимъ мѣстамъ, благодаря энергичнымъ атакамъ со стороны японцевъ, начала свое обходное движеніе армія Ноги въ обходъ праваго фланга русскою арміи, нисколько не заботясь о бояхъ, которые происходили на ея собственномъ правомъ флангѣ. Въмѣсто того, чтобы всѣми тремя арміями отвѣтить общимъ наступленіемъ на этотъ обходъ японцевъ и ударить во флангъ арміи Ноги всѣми резервами, которые имѣлись въ распоряженіи главнокомандующаго, здѣсь началось совершенно безпримѣрное въ военной исторіи полное разрушеніе всякихъ организаціонныхъ связей и импровизированное формированіе новыхъ отрядовъ къ западу отъ Мукдена, которыми, главнымъ образомъ, имѣли въ виду прикрыть путь отступленія Манчжурской арміи на сѣверъ. Многочисленная тяжелая

артиллерія, которая установлена была на позиціи 2-й и 3-й армій съ огромными усиліями, была поспѣшно снята съ позицій, хотя изъ этихъ орудій не успѣли сдѣлать ни одного выстрѣла, лишь для того, чтобы какъ только японцы начали шевелиться поскорѣе отправить пушки въ безопасное мѣсто.

Ген. Куропаткинъ самъ говоритъ въ своемъ отчетѣ: „Японцы въ своемъ наступленіи приняли чрезвычайно рѣшительный планъ—одновременно съ атакой съ фронта они начали обходить обоихъ нашихъ фланговъ. Для выполненія такого плана требовались значительныя силы или крайнее ослабленіе ихъ войскъ съ фронта. Повидимому, японцы, полагаясь на свои укрѣпленія, воздвигнутыя съ фронта, оставили здѣсь очень мало войскъ. При такихъ условіяхъ съ нашей стороны вполнѣ соответствующимъ обстановкѣ являлся переходъ въ наступленіе съ фронта для того, чтобы, прорвавъ здѣсь цѣпь японскихъ позицій, обратиться затѣмъ противъ обходящихъ войскъ. Но такой образъ дѣйствій въ случаѣ неудачи могъ бы привести къ весьма рѣшительнымъ послѣдствіямъ“... Пожалуй, ген. Куропаткинъ до нѣкоторой степени правъ, если имѣть въ виду примѣръ у Сандепу, гдѣ армія въ 120 батальоновъ, въ пятидневномъ сраженіи не могла овладѣть злосчастной деревней; при такихъ условіяхъ трудно было имѣть большое довѣріе къ успѣху такого прорыва. Въ виду этого необходимо было одновременно съ фронтальной атакой связать обходъ фланга, для чего весьма соответствующимъ было воспользоваться арміей ген. Линевича, усиленной до 175 батальоновъ. Конечно, неудача такого плана могла бы привести къ гибельнымъ послѣдствіямъ, но развѣ образъ дѣйствій японцевъ не былъ еще болѣе смѣлымъ? Вѣдь въ своемъ обходномъ движеніи армія Ноги обрекла себя на уничтоженіе, если бы русскій полководецъ имѣлъ свои резервы на надлежащемъ мѣстѣ и ударилъ бы ими во флангъ обходящей арміи и вмѣстѣ съ тѣмъ, производя атаку съ фронта, постарался бы затѣмъ и въ этомъ направленіи охватить обходящую армію. Почему именно такой образъ дѣйствій оказался неподходящимъ для русской арміи, поясняетъ полк. Добропольскій слѣдующими словами: „Мы оказались неспособными, подобно японцамъ, поставить все на карту съ цѣлью побѣдить или погибнуть“...

Ни у одного изъ русскихъ начальниковъ во время всего этого сраженія подъ Мукденомъ мы не находимъ и слѣдовъ какого-нибудь активнаго образа дѣйствій: хотя необходимо замѣтить, что собственно войска во многихъ мѣстахъ дрались съ чрезвычайнымъ мужествомъ. 3-я и 1-я арміи держались на своихъ позиціяхъ совершенно пассивно противъ всѣхъ атакъ японскихъ и, наконецъ, 7-го марта отступили за рѣку Хунхэ.

Относительно дѣятельности 4-го Сибирскаго корпуса, которымъ командовалъ ген. Зарубаевъ, одинъ изъ лучшихъ генераловъ Манчжурской арміи, ген. Куропаткинъ говоритъ въ своемъ отчетѣ: „Противъ сильныхъ позицій этого корпуса неприятель не предпринималъ никакихъ атакъ. Силы японцевъ были здѣсь очень незначительны. 32 прекрасныхъ батальона 4-го Сибирскаго корпуса, на участкѣ этого корпуса, могли бы перейти въ наступленіе по приказанію командующаго 1-й арміей, совмѣстно съ 1-мъ армейскимъ или со 2-мъ Сибирскимъ корпусомъ, или совмѣстно со всѣми остальными войсками арміи. Такое благопріятное обстоятельство представлялось 4-му Сибирскому корпусу для контръ-атаки, когда японцы производили сильныя атаки противъ сосѣдняго 2-го Сибирскаго корпуса. Такимъ наступленіемъ 4-й Сибирскій корпусъ могъ вполне ударить во флангъ или даже въ тылъ атакующимъ насъ японцамъ. Японской гвардіи угрожало полное уничтоженіе. Мы, однако, нисколько не использовали эти благопріятныя обстоятельства“.

Уже 2-го марта голова арміи Ноги проникла безпрепятственно къ западу отъ Мукдена на высотѣ деревни Санлинцу, и къ 4-му марта обходъ былъ уже законченъ. Но и русскіе со своей стороны успѣли сосредоточить на сѣверномъ берегу Хунхэ, къ западу отъ Мукдена, довольно значительныя силы съ пестрымъ организаціоннымъ составомъ войскъ, собранныхъ изъ разныхъ дивизій и корпусовъ подъ начальствомъ ген. Каульбарса. Силы эти значительно превосходили по численности обходящихъ японцевъ и при рѣшительномъ образѣ дѣйствій могли разбить это смѣлое предпріятіе японцевъ. Но русскими начальниками овладѣла, повидимому,

полнѣйшая суетливость. Вмѣсто того, чтобы быстро и рѣшительно ударить всѣми силами во флангъ обходящему противнику, оторвать его отъ остальныхъ силъ японскихъ и поставить въ безвыходное положеніе, ему предоставили нѣсколько дней, давъ возможность безпрепятственно закончить обходъ и постепенно собраться съ силами на правомъ берегу рѣки Хуньхе. Когда русскіе, наконецъ, рѣшились на атаку, то она произведена была такъ робко и съ столь недостаточными силами, что успѣхъ оказался невозможнымъ.

Ген. Каульбарсъ имѣлъ полную возможность 5-го и 6-го марта располагать свыше 126 батальоновъ, тогда какъ со стороны японцевъ къ сѣверу отъ Хуньхе имѣлось всего только 76 батальоновъ, вытянутыхъ притомъ тонкой линіей отъ Хуньхе къ сѣверу и далѣе черезъ дорогу на Синминтинъ. Прорывъ этой арміи японцевъ на Хуньхе, какъ это сначала предполагалъ ген. Каульбарсъ, оторвалъ бы армію Ноги отъ остальныхъ главныхъ силъ японцевъ и поставилъ бы ее въ критическое положеніе. Но такъ какъ всѣ мысли главнокомандующаго прикованы были, главнымъ образомъ, къ охранѣ своего пути отступленія, то онъ приказалъ произвести охватывающую атаку на лѣвый флангъ японцевъ для того, чтобы отбросить ихъ отъ дороги на Синминтинъ и отъ желѣзной дороги. И такой образъ дѣйствій могъ бы привести къ рѣшительному успѣху, если бы только онъ предпринять былъ одновременно всѣми силами и связанъ былъ также съ атакой съ фронта. Вмѣсто этого, русскіе приняли тотъ же злосчастный образъ дѣйствій, какъ и при Сандепу, „атаку уступами съ праваго фланга“, представляющую собою порожденіе господствовавшаго въ русскомъ командованіи начала „отнюдь безъ риска“. И когда какой-то одинъ японскій батальонъ рѣшился остановить наступленіе праваго фланга, то и вся армія ген. Каульбарса остановилась въ бездѣятельности, предоставивъ непріятелю полную свободу дѣйствій.

Ген. Куропаткинъ, однако, не имѣетъ особыхъ основаній всю вину за бездѣятельность войскъ на западномъ фронтѣ сваливать на ген. Каульбарса. Онъ утверждаетъ въ своемъ отчетѣ, что онъ не желалъ вмѣшиваться въ распоряженія командующаго

арміей, въ предѣлахъ предоставленныхъ ему закономъ правъ. Откуда это вдругъ такая осторожность? Вѣдь онъ до того времени нисколько не считался съ этимъ обстоятельствомъ, постоянно вмѣшиваясь въ распоряженія своихъ подчиненныхъ. Вѣдь много разъ онъ это дѣлалъ, и отнюдь не съ пользой для операций. А теперь, когда по его собственнымъ словамъ судьба всей войны зависѣла отъ исхода атаки арміи ген. Каульбарса, онъ остается совершенно спокойнымъ зрителемъ безцѣльныхъ распоряженій ген. Каульбарса, которыя должны были вести къ гибели! Необходимо помнить, что главнокомандующій и ген. Каульбарсъ находились одинъ около другого въ двухъ поѣздахъ на станціи Мукденъ; казалось бы, поѣтому, что была полная возможность лично объяснить по этому вопросу. А если ген. Куропаткинъ неожиданно проникся вдругъ такой осторожностью по вопросу о вмѣшательствѣ въ права своихъ подчиненныхъ, то что же ему мѣшало лично принять командованіе надъ войсками, предназначенными для атаки?

Какъ держался въ эти дни „лихой“ ген. Церпицкій, котораго подъ Сандепу ген. Куропаткинъ считалъ необходимымъ „держать въ уздѣ“? Онъ завоевалъ бы себѣ безсмертную заслугу, если бы на своей позиціи къ сѣверу отъ Мадяпу со своими силами, значительно превосходившими японцевъ, сорвался „съ узды“ и со всѣми силами атаковалъ противника въ юго-западномъ направленіи и оттѣснилъ бы здѣсь армію Ноги, увлекая съ собою въ наступленіе и всю 2-ю армію. Трудно, конечно, упрекнуть его за то, что онъ этого не сдѣлалъ, потому что въ Манчжурской арміи того времени не очень цѣнили такую самостоятельность дѣйствій, какъ это вполне показалъ примѣръ ген. Штакельберга подъ Сандепу. Но ген. Церпицкій проявилъ дѣйствія какъ разъ обратнаго направленія. Озабоченный присутствіемъ передъ своимъ фронтомъ японцевъ, которыхъ онъ опредѣлялъ въ 3—4 дивизіи, а на самомъ дѣлѣ тамъ была только одна, ген. Церпицкій старался притянуть къ себѣ возможно больше войскъ, чтобы отразить возможную атаку японцевъ. Своими постоянными просьбами помощи, которыя у высшихъ начальниковъ, склон-

ныхъ къ медлительному и робкому образу дѣйствій, находили всегда сочувственный откликъ, ген. Церпицкій препятствовалъ остальнымъ войскамъ переходить въ наступленіе.

Если такъ дѣйствовалъ начальникъ, который пользовался славой выдающагося по своей энергіи, то ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что мы у остальныхъ русскихъ начальниковъ не замѣчаемъ никакого проявленія инициативы. Указываютъ на свою „непобѣдимость“ только потому, что, пользуясь укрѣпленными позиціями, при численномъ превосходствѣ надъ противникомъ имъ удавалось отбить его атаки; но оставить свои позиціи и перейти самимъ въ наступленіе, чтобы нанести ударъ противнику, — на это рѣшимости не хватало. Не лишнее напомнить здѣсь еще разъ поведеніе кавалерійскихъ начальниковъ, въ особенности ген. Грекова, которые ограничивались всегда пассивнымъ образомъ дѣйствій, проявляя полнѣйшее отсутствіе пониманія задачъ кавалеріи и общей оцѣнки обстановки.

Все тѣснѣе и тѣснѣе охватывалъ кругъ, замыкавшій русскія войска, остававшіяся все время въ пассивномъ положеніи; наконецъ, арміи Ноги удалось своимъ лѣвымъ флангомъ приблизиться къ желѣзной дорогѣ къ сѣверу отъ Мукдена; въ то же время съ востока японскимъ войскамъ удалось прорвать русскія позиціи у Кіюзаня. 10-го марта русскія войска начали свое отступленіе на сѣверъ при жестокихъ бояхъ и, частью, въ большомъ безпорядкѣ. Потери русскихъ въ этомъ отступленіи простираются до 90,000 чел., въ томъ числѣ 30,000 пропавшихъ безъ вѣсти. Въ руки непріятели досталось 32 орудія и около 6,000 различныхъ повозокъ. Потери японцевъ составляютъ около половины потери русскихъ.

Какъ и во всю эту войну, послѣднее рѣшительное сраженіе было также потеряно не вслѣдствіе какихъ-нибудь затруднительныхъ обстоятельствъ или, тѣмъ менѣе, недостаточной численности войскъ, а исключительно только благодаря отсутствію у русскихъ командныхъ начальниковъ способности къ инициативѣ и рѣшительному образу дѣйствій, готовности къ самопожертвованію и принятію на себя отвѣтственности въ случаѣ необходимости.

Какъ уже упомянуто было выше, ген. Куропаткинъ въ этомъ случаѣ дѣлаетъ себѣ упрекъ только въ томъ, что онъ отступленіе отъ Мукдена не началъ днемъ раньше, тогда бы это отступленіе вышло такимъ же образцовымъ, какъ подъ Ляояномъ. „Поэтому, говоритъ ген. Куропаткинъ, будущіе историки относительно сраженія подъ Мукденомъ будутъ упрекать меня не въ недостаточномъ, а въ чрезмѣрномъ упорствѣ при руководствѣ этимъ сраженіемъ. Это упорство привело къ тому, что приказъ объ отступленіи я отдалъ только 10-го марта, тогда какъ на основаніи дѣйствій войскъ и донесеній моихъ помощниковъ я еще 9-го марта долженъ былъ отдать такое приказаніе“. Такое опасеніе со стороны бывшаго главнокомандующаго совсѣмъ неосновательно: никто не можетъ упрекнуть его въ чрезмѣрной стойкости; едва ли также кто-нибудь изъ будущихъ историковъ упрекнетъ его въ этомъ.

Манчжурская армія отступила черезъ Тѣлинъ далеко на сѣверъ до Сыпингая, на разстояніе 180 километровъ, гдѣ она заняла новую позицію, которая постепенно была укрѣплена и дополнялась впослѣдствіи по мѣрѣ того, какъ изъ Европейской Россіи прибывали новые корпуса. На этой позиціи армія оставалась въ теченіе 5½ мѣсяцевъ въ полнѣйшей бездѣятельности, пока не былъ заключенъ миръ. Къ концу войны численность арміи достигла 700,000 бойцовъ. Также и личный составъ, изъ котораго состояла армія, сталъ лучше, чѣмъ съ начала войны... Армія была пополнена не старыми запасными, а молодыми людьми обязательнаго срока службы, взятыми изъ дѣйствующихъ частей войскъ, оставшихся въ Европейской Россіи. Доставлена была на театръ войны горная артиллерія, пулеметы и полевая гаубица. Полагаютъ, что правы, пожалуй, были тѣ, которые говорили: „Пускай приходятъ японцы, они разобьются о нашу позицію“. Но японцы вовсе не думали о томъ, чтобы разбить себѣ лобъ объ эти позиціи; если бы они дѣйствительно перешли въ наступленіе, то по всей вѣроятности они обошли бы эти позиціи, какъ и прежде, и повторилась бы старая исторія. Однако, какая польза была бы въ томъ, что японская атака была бы отражена: вѣдь остались бы на томъ же мѣстѣ. Для того, чтобы отнять отъ японцевъ то, чѣмъ

они уже владѣли, надо было самимъ перейти въ наступленіе, а на это русская армія была неспособна. Это мое твердое убѣжденіе. Если армію въ теченіе года вели отъ пораженія къ пораженію, то ее невозможно такъ легко двинуть впередъ, давъ, по желанію, какъ машинѣ „ходъ впередъ“. Духъ арміи, довѣріе къ собственнымъ силамъ, которые одни только способны успѣшнымъ образомъ направить наступательныя дѣйствія, были убиты. Но прежде всего армія не имѣла вождя, къ которому она могла бы имѣть довѣріе. вмѣстѣ съ тѣмъ продолжала господствовать та же система, которой обязаны были предшествовавшими пораженіями.

Въ высшемъ командованіи арміи послѣдовала личная пере-
мѣна. Послѣ отступленія арміи отъ Мукдена къ Сыпингаю ген. Куропаткинъ былъ отставленъ отъ своей должности. Главнокомандующимъ назначенъ былъ ген. Линевиичъ, при чемъ ген. Куропаткину разрѣшено было остаться командующимъ 1-й арміей. Произошла поэтому только нѣкоторая пере-
мѣна безъ вливанія новой жизни въ командованіе русской арміей. Осталось все по-старому. Ген. Баженовъ выражается слѣдующимъ образомъ о назначеніи ген. Линевиича главнокомандующимъ: „Почти всѣ безъ исключенія находили выборъ главнокомандующаго неудачнымъ, и нельзя было не сожалѣть, что въ высшемъ командномъ составѣ замѣчается такое отсутствіе способныхъ лицъ, что на постъ главнокомандующаго приходится назначить человѣка, совершенно неподготовленнаго для такой роли“.

Затѣмъ на должность командующаго 3-й арміей прибылъ изъ Россіи ген. Ботьяновъ, который, подобно ген. Линевиичу и Церпицкому, пользовался репутаціей лихого начальника. Въ своемъ первомъ словѣ, съ которымъ онъ обратился къ арміи, ген. Ботьяновъ увѣрялъ, что онъ присланъ на театръ войны, „чтобы принять участіе въ уничтоженіи японскихъ войскъ“. Между тѣмъ, 17-го мая, т. е. два мѣсяца спустя послѣ отступленія отъ Мукдена, на военномъ совѣщаніи, бывшемъ у главнокомандующаго, ген. Ботьяновъ высказался за то, чтобы на позиціи у Сыпингаю не принимать рѣшительнаго сраженія, а только арьергардное, такъ что онъ готовъ былъ собственно

къ дальнѣйшему отступленію. И вотъ такой арміи, которой во время январскихъ боевъ не удалось вырвать изъ рукъ японцевъ одну единственную деревню, духъ которой упалъ до крайней степени, вопреки всѣмъ утвержденіямъ противоположнаго характера, вожди которой держались все той же системы пассивнаго образа дѣйствій и предлагали и въ будущемъ держаться отступленій и медлительныхъ дѣйствій,—вотъ такая-то армія должна была выбросить японцевъ изъ всей Манчжуріи и Кореи! Это могли утверждать лишь только тѣ, кто либо не знали обстановки, либо хотѣли другимъ пустить пыль въ глаза, чтобы такимъ путемъ скрыть собственную вину, прикрываясь несчастнымъ исходомъ войны. Когда извѣстно стало о предстоящемъ заключеніи мира, то стали бряцать оружіемъ и бить въ тимпаны. Конечно, нельзя ставить въ вину арміи, что она не хотѣла признать себя побѣжденной. Удивительно только то, что теперь, уже много лѣтъ спустя, находятся еще серьезные люди, которымъ хочется доказать, что преждевременное заключеніе мира лишило русскую армію возможности уничтожить японцевъ. Еще болѣе удивительно то, что бывший главнокомандующій ген. Куропаткинъ въ своемъ отчетѣ пытается доказать, что ко времени заключенія мира армія находилась на своемъ мѣстѣ, согласно заранѣе предусмотрѣнному операціонному плану, что все, вообще, обстояло въ лучшемъ видѣ. „Еще въ основномъ планѣ войны принято было, что мы не въ состояніи будемъ въ первый періодъ войны удержать южную Манчжурію, если туда вторгнется вся японская армія. Это и случилось на самомъ дѣлѣ. Но сопротивленіе, оказанное нашей арміей у Ляояна, на Шахе и у Мукдена, было настолько значительно, что, овладѣвъ большей частью южной Манчжуріи, японцы въ теченіе шести мѣсяцевъ не могли рѣшиться продолжать противъ насъ наступательныя дѣйствія... Даже терпя неудачи, мы ослабляли непріятеля, а сами собирались съ силами... Ко времени заключенія мира русская армія имѣла численность почти въ миллионъ человекъ, стояла несокрушимой на своей позиціи, которую заняла послѣ сраженія подъ Мукденомъ, и готова была не только къ оборонѣ, но и къ рѣшительнѣйшему на-

ступленію... Въ нашихъ неудачахъ мы обрѣли силу, приобрѣли надлежащій боевой опытъ, притянули подкрѣпленія и лѣтомъ 1905 года армія обладала такой матеріальной и моральной силой, что побѣда была намъ обезпечена. Японцы же, разстроенные у Мукдена, потеряли затѣмъ полгода, оставаясь на своемъ мѣстѣ и выжидая нашего перехода въ наступленіе“...

Опровергать эти утвержденія ген. Куропаткина представляется излишнимъ. Послушаемъ, что говоритъ серьезный и вдумчивый русскій участникъ войны о положеніи сторонъ при заключеніи мира. Полк. Новицкій на вопросъ о томъ, возможно ли было продолженіе войны, отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: „Успѣхъ для насъ былъ невозможенъ. Правда, у насъ перемѣнились начальники, начиная отъ главнокомандующаго, мы заняли другіе позиціи и районы сосредоточенія войскъ; численность войскъ увеличилась, матеріальная часть улучшилась, но система веденія войны осталась та же. Сущность положенія заключалась не въ томъ, будетъ ли во главѣ арміи Куропаткинъ или Линевиичъ, укрѣпили ли мы позицію на Шахе или у Сыпингайя, собрали ли мы десять или пятнадцать корпусовъ, а въ томъ, что общій характеръ нашихъ взглядовъ на способы веденія войны также мало благопріятствовалъ побѣдѣ, какъ и во все предшествовавшее время. Склонность къ позиціонной войнѣ, вѣра въ спасительную силу оборонительныхъ линій, переоцѣнка значенія мѣстныхъ предметовъ, нерасположеніе къ энергичному употребленію войскъ и многое другое, которое указано было раньше, остались тѣ же, что и прежде. Но самое главное,—безнадежное колебаніе въ рѣшеніяхъ и недостатокъ твердой воли, которые такъ ярко обнаружили въ время зимняго періода, остались безъ всякой перемѣны“.

Полк. Грулевъ выражается еще рѣшительнѣе, ссылаясь при этомъ на письмо ген. Кондратенко, доказывавшаго необходимость заключенія почетнаго мира еще въ концѣ сентября 1904 года, т. е. за три мѣсяца до паденія крѣпости Портъ-Артура.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Уроки войны.

„Влія на нравственный духъ арміи, духъ народа является важнымъ факторомъ успѣха войны“.

ф. Блуме—„Стратегія“.

„Всегда во всѣхъ положеніяхъ, не исключая и чрезвычайныхъ, офицеръ долженъ отдать себя цѣликомъ дѣлу, не опасаясь послѣдствій“.

„Всѣ начальники должны стремиться къ тому, чтобы поддерживать у подчиненныхъ любовь къ дѣлу“.

Введеніе къ Уставу о полевой службѣ.

Каковы же уроки этой великой борьбы на Дальнемъ Востокѣ, разыгравшейся въ первый разъ четверть вѣка спустя послѣ послѣдней войны нашего времени? Относительно причинъ пораженія русскихъ войскъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Не лучшая подготовка войскъ или матеріальная сторона японской арміи дали побѣду японцамъ, а превосходный нравственный духъ ихъ войскъ и начальниковъ сдѣлалъ ихъ побѣдителями.

Это не значить, однако, что японцы не обязаны успѣхомъ также и нѣкоторымъ тактическимъ формамъ, благодаря которымъ, въ особенности, у нихъ замѣчается небольшое число убитыхъ и раненыхъ. На это я указалъ еще въ предисловіи къ I-й части, что необходимо изъ опыта каждой новой войны извлечь

уроки для боевой подготовки войскъ, въ противномъ случаѣ, при пренебреженіи такими уроками, можно въ послѣдствіи дорого поплатиться. Но необходимо указать при этомъ (и это я въ особенности долженъ подчеркнуть въ настоящемъ заключеніи), что рѣшающаго значенія эта тактическая подготовка въ отношеніи результатовъ войны не имѣла: во всякомъ случаѣ вліяніе этого обученія войскъ было мимолетное по сравненію съ выдающимся значеніемъ нравственнаго духа командованія войсками. Всюду, гдѣ замѣчалось превосходство японскаго солдата надъ русскимъ, оно обнаруживалось преимущественно въ области моральныхъ качествъ.

Если бы мы спросили какого-нибудь участника войны, — какъ японцы производили свои атаки, то при безпристрастномъ отношеніи онъ навѣрное отвѣтилъ бы намъ: „Они шли въ атаку съ твердой непоколебимой волей сдѣлаться съ непріателемъ, чего бы это ни стоило“. Форма строя играла при этомъ всегда второстепенную роль и постоянно мѣнялась. Нравственный духъ войскъ, твердая воля побѣдить или умереть — вотъ чѣмъ японскій солдатъ превосходилъ русскаго.

Точно также нельзя изъ успѣховъ японцевъ въ эту войну дѣлать какіе-нибудь общіе выводы относительно значенія нѣкоторыхъ методовъ веденія войны. Безспорно, японцы обязаны большей частью своихъ побѣдъ обходамъ и охватамъ. Изъ этого можно лишь вывести заключеніе, что *охватъ* представляетъ собою наилучшую форму атаки противъ непріятеля, пребывающаго въ пассивной оборонѣ. Но такъ какъ нельзя всегда разсчитывать на такого противника, то успѣшные охваты японцевъ доказываютъ очень мало. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что такія охватывающія атаки противъ непріятеля болѣе дѣятельнаго могли бы привести къ совершенно иному обороту.

Тѣмъ не менѣе, какъ неоднократно уже указывалось, нельзя не признать, что при извѣстныхъ условіяхъ охватывающая форма атаки наиболѣе надежнымъ образомъ ведетъ къ успѣху, затѣмъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ начальникъ долженъ рѣшить — имѣются ли налицо эти условія. Было бы крайне ошибочно — и эта ошибка обошлась бы очень дорого, —

если бы, не взирая на обстановку, вздумали охватывающую форму атаки превратить въ схему.

Со стороны русскаго солдата, когда онъ былъ подъ начальствомъ энергичныхъ командировъ, мы видимъ проявленіе той же стойкости, которая отличаетъ его изстари, но относительно стремленія *впередъ*, чтобы сойтись съ непріателемъ, у русскаго солдата было не больше порыва, чѣмъ у его начальниковъ. Относительно готовности къ самопожертвованію русскій солдатъ всегда, при всѣхъ обстоятельствахъ, уступалъ японскому. Не столько искусное веденіе боя, сколько нравственный импульсъ далъ японской пѣхотѣ превосходство надъ противникомъ.

Также и полнѣйшее банкротство многочисленной русской конницы обуславливается, главнымъ образомъ, не подготовкой, не моральной стороной, а только присущимъ этой конницѣ опасеніемъ потерь и недостаткомъ у начальниковъ „кавалерійскаго духа“, заключающагося въ быстромъ оріентированіи и энергичныхъ дѣйствіяхъ, безъ боязни всякой отвѣтственности за послѣдствія.

Скорѣе всего можно извлечь нѣкоторые тактическіе уроки изъ дѣятельности полевой артиллеріи, которая въ началѣ войны оказалась болѣе искусной въ веденіи боя по сравненію съ русской артиллеріей. Но и въ этомъ случаѣ важнѣйшая причина кроется въ области моральной—въ боязни русскихъ начальниковъ жертвовать своей артиллеріей и въ стремленіи вслѣдствіе этого иногда большую часть своей артиллеріи не вводить въ дѣло до конца боя.

Короче сказать, общій выводъ о тактическихъ поученіяхъ этой войны будетъ неособенно значительный, потому что одинъ изъ противниковъ держался всегда полнѣйшей пассивности и часто считалъ свое дѣло потеряннымъ прежде, чѣмъ наступало тактическое рѣшеніе боя. Если бы русскіе примѣняли даже наиболѣе цѣлесообразныя формы строя, то при такомъ нравственномъ духѣ войскъ и при такихъ начальникахъ они все равно были бы разбиты.

Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что нравственный духъ войскъ базируется, главнымъ образомъ, на довѣріи къ соб-

ственнымъ силамъ и на взаимномъ довѣрїи войскъ и ихъ начальниковъ; хорошо подготовленная армія будетъ обладать этимъ довѣрїемъ въ высокой степени. Необходимо, однако, выяснитъ, что слѣдуетъ понимать подъ словомъ подготовка войскъ. Само собою разумѣется, что эта подготовка должна обнимать собою также и обученіе цѣлесообразнымъ формамъ строя. Было бы, однако, ошибочно видѣть въ этомъ главную цѣль обученія войскъ. Несравненно важнѣе въ этомъ случаѣ подготовка головы и сердца солдата, воспитаніе его нравственнаго духа. Доказательство этого, если эта истина требуетъ еще доказательствъ, — мы находимъ въ Русско-Японской войнѣ. Побѣду въ эту войну одержалъ нравственный духъ народнаго патріотизма, самоотверженная дѣятельность войскъ и готовность къ отвѣтственности ихъ начальниковъ.

Чѣмъ болѣе армія становится народной, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, тѣмъ болѣе въ ней отражается нравственный духъ націи. По словамъ ф. Блуме, при всеобщей воинской повинности духъ націи сильнѣе всего отражается въ арміи во время войны. Явленіе это замѣчается не только во время Русско-Японской войны, но проявилось также въ Балканскую войну 1912—1913 гг.

Въ японской арміи оказался духъ патріотизма, воодушевляющій также и народъ японскій, въ которомъ замолкала всякая партійность, когда рѣчь шла о благополучіи и чести государства. Народъ японскій видѣлъ въ своей арміи цвѣтъ націи и ея гордость. За спиной арміи стояла единодушно вся нація, печать и семья, ожидая отъ нея подвиговъ; воодушевляя армію, нація и сама готова была на всякія жертвы. „*Со щитомъ или на щитѣ*“—вотъ что служило лозунгомъ, съ которымъ японскіе родители, а также и японскія жены провожали на войну своихъ дѣтей и мужей. Воодушевленные такимъ духомъ японскіе солдаты оказывали чудеса храбрости, а ихъ начальники не страшились принимать отвѣтственныя рѣшенія. Этотъ духъ и велъ японскую армію побѣдоноснымъ наступленіемъ по горамъ и равнинамъ Манчжуріи.

Что же мы видимъ въ этомъ отношеніи на сторонѣ рус-

скихъ? Народъ въ этой войнѣ видѣлъ не предметъ гордости, а напротивъ—считалъ ее тяжелой обузой. Всѣ событія на театрѣ военныхъ дѣйствій русскіе принимали совершенно равнодушно, почти враждебно. Въ письмахъ съ родины солдата спрашивали падить себя и возможно скорѣе возвращаться домой. На родинѣ въ это время господствовалъ духъ вражды и неудовольствія, который отравлялъ также и армію. Это обстоятельство служило одной изъ причинъ, влѣдствіе которыхъ нельзя было продолжать войну. Послѣ заключенія мира это настроеніе выразилось въ многочисленныхъ бунтахъ среди возвращавшихся запасныхъ. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что русскій солдатъ часто не проявлялъ никакой готовности къ жертвамъ, что его вожди боялись всякой ответственности за какой-нибудь смѣлый поступокъ.

Повторяю, народный національный духъ отражался въ обѣихъ арміяхъ, и это онъ, именно, въ высокой степени повлиялъ на исходъ войны. Это подтверждается опытомъ Балканской войны: ея уроки еще не выяснены, но одно ясно, что арміи Балканскихъ государствъ обязаны своими побѣдами не лучшему обученію и снаряженію, не прорывамъ или охватамъ, а прежде всего воодушевлявшему эти народы духу патриотизма.

Русско-Японская война настойчиво предостерегаетъ насъ не пренебрегать духомъ народа, который и теперь, и въ будущемъ явится наиболѣе важнымъ факторомъ военныхъ успѣховъ. Нельзя, конечно, силою создать нужное настроеніе народа. Могутъ представиться случаи, когда государство, въ силу обстоятельствъ, должно будетъ начать войну, цѣли которой народу непонятны и не дороги. Такая война можетъ только тогда привести къ побѣдѣ, если недостающее національное воодушевленіе будетъ замѣщено любовью и довѣріемъ въ нѣдрахъ арміи, если сердце народное будетъ биться тамъ, гдѣ развѣваются знамена арміи.

Поэтому дѣлать и поощрять чувство тѣсной связи между народомъ и арміей является задачей, достойной всякихъ трудовъ и жертвъ. Еще и понынѣ нашъ германскій народъ большей частью съ гордостью взираетъ на свою армію, но уже

орудуютъ все возрастающія силы, которыя пытаются сѣять ненависть и сдѣлать армію чуждой своему народу. Какимъ путемъ армія можетъ побороть эти стремленія, чтобы въ дни радости и печали сохранить довѣріе своего народа? Только тѣмъ, что она сочтетъ своей главной задачей сохранить въ своей душѣ этотъ національный духъ. Вѣдь въ такой же мѣрѣ, какъ на армію отражается духъ народа, такъ и та же нравственная сила, которая живетъ въ арміи, потечетъ широкимъ потокомъ обратно въ націю.

„Одно изъ наилучшихъ и благородныхъ свойствъ офицера — это неустанное заботливое попеченіе о благѣ своихъ людей“, говорится въ уставѣ о полевой службѣ. Тамъ, гдѣ каждый офицеръ считаетъ такое попеченіе своей первой обязанностью, тамъ не будетъ надобности ни въ какихъ теоретическихъ поученіяхъ относительно цѣлей, преслѣдуемыхъ силами враждебными родинѣ. Эти поученія чаще приносятъ вредъ, чѣмъ пользу; только положительными примѣрами, т. е. заботливостью и личнымъ примѣромъ, можно сдѣлать это вліяніе вполне безвреднымъ. Если люди чувствуютъ, что начальники относятся къ нимъ съ любовью, обращаются съ ними строго, но справедливо и благожелательно, не требуютъ отъ нихъ ничего неисполнимаго и во всемъ показываютъ имъ хорошій примѣръ, то никакія нашептыванія враждебныхъ арміи силъ не будутъ имѣть успѣха. Солдатъ съ радостью будетъ тогда нести службу, по окончаніи которой сохранить привязанность къ своей части, въ частной жизни будетъ распространять любовь къ арміи и съ полной готовностью по призыву родины явится къ своимъ знаменамъ, когда въ этомъ будетъ надобность. Тамъ, гдѣ царитъ такой духъ, тамъ дисциплина и напряженіе всѣхъ силъ на пользу службы стануть вполне естественнымъ явленіемъ.

Этимъ я отнюдь не хочу сказать, что у насъ не существуетъ этой заботливости о благѣ подчиненныхъ, нѣтъ; напротивъ, многіе ротные командиры этимъ только и живутъ. Но нельзя и отрицать, что въ этомъ направленіи многое еще нужно сдѣлать, и оно было бы сдѣлано, если бы всѣ смотрѣли на это какъ на главную задачу всякаго начальника, по кото-

рой можно судить о его качествахъ и пригодности къ роли начальника, и строго карали тѣхъ, которые грѣшатъ противъ этихъ обязанностей. Такая часть войскъ, которая воодушевлена любовью къ своему дѣлу, которая питаетъ привязанность и довѣріе къ своему начальнику,—пусть даже иной разъ въ этой части какой-нибудь мирный маневръ будетъ и не вполне удаченъ,—все же много лучше, чѣмъ другая часть, которая обучается своимъ начальникомъ по разъ принятой рутинѣ, гдѣ все вниманіе обращено на внѣшній смотровой блескъ, но въ которой нѣтъ нравственнаго духа, нѣтъ взаимнаго довѣрія.

Воспитаніе нравственнаго духа войскъ одна изъ высшихъ задачъ каждаго начальника и, по меньшей мѣрѣ, имѣетъ такое же значеніе, какъ и строевое обученіе. Но тогда нужно, какъ говоритъ полк. Новицкій, „любить родину больше, чѣмъ свою карьеру“, только въ такомъ случаѣ можно вполне отдаться такой задачѣ. Наградой за это будетъ собственная спокойная совѣсть. Высшее начальство судить о части только по внѣшнему виду, внутреннія качества для него скрыты; они проявятся только въ часъ испытанія. Въ этомъ кроется большой недостатокъ мирныхъ испытаній, которыя, однако, вытекаютъ изъ положенія вещей и не могутъ быть измѣнены. Тотъ начальникъ, который *главную* задачу свою видитъ въ томъ, чтобы воспитать въ своей части добрый духъ, любовь къ службѣ, привязанность и довѣріе къ начальникамъ, долженъ довольствоваться сознаніемъ, что онъ работаетъ на благо арміи и родины и что такая задача достойна того, чтобы отдаться ей всей душой.

Но еще болѣе важнымъ факторомъ, повліявшимъ на исходъ Русско-Японской войны, является личный составъ командныхъ начальниковъ. Недостатокъ смѣлости въ рѣшеніяхъ и боязнь отвѣтственности съ одной стороны и смѣлый рискъ съ другой имѣли такое рѣшающее значеніе на ходъ военныхъ событій, что рядомъ съ этими причинами не стоитъ упоминать о всѣхъ остальныхъ. Изъ этого вытекаетъ дальнѣйшій урокъ, что воспитаніе начальниковъ въ духѣ самостоятельной дѣятельности, готовой ко всякой отвѣтственности, является главнѣйшей

цѣлью каждой арміи, отъ достиженія которой зависить все ея благо.

Могутъ, пожалуй, сказать, что въ этомъ нѣтъ для насъ ничего новаго, что инициатива нашихъ начальниковъ въ высшей степени содѣйствовала нашимъ успѣхамъ въ войну 1870—1871 гг. и поэтому служила образцомъ также и для другихъ армій. Это правда, но развѣ обстоятельства теперь такія же, какъ въ 1870 году? Можемъ ли мы рассчитывать, что въ будущую войну армія и народъ проявятъ такое же воодушевленіе, какъ въ то время? Не измѣнилось ли многое съ того времени? Ни на какую армію, ни на народъ сорокъ лѣтъ мира не могутъ остаться безъ вліянія. Многое измѣнилось также теперь въ нашемъ экономическомъ положеніи. Стремленіе къ роскоши и привольной жизни, а также матеріальныя блага увлекаютъ теперь многихъ въ значительной мѣрѣ, и армія, къ сожалѣнію, также не осталась въ сторонѣ отъ этого увлеченія. Много говорится о возвращеніи къ старинной „прусской простотѣ“, но ничего для этого не дѣлается. Эти обстоятельства не могутъ содѣйствовать тому, чтобы закалить твердость воли и воспитать стойкіе характеры. При этомъ численность боевыхъ армій выросла теперь въ милліоны, и это требуетъ также соотвѣтственнаго роста полководцевъ. Нравственный духъ нашего корпуса офицеровъ въ общемъ, конечно, превосходный; это не должно, однако, насъ удерживать отъ указаній нѣкоторыхъ недостатковъ и угрожающихъ опасностей. Упомянутое сейчасъ обстоятельство настойчиво требуетъ обратить вниманіе на воспитаніе въ офицерѣ характера настойчиваго, сдѣлать изъ офицера личность съ сильной, настойчивой волей.

Мы знаемъ уже, что ген. Куропаткинъ и его помощники въ мирное время слыли блестящими генералами, что не задолго передъ войной русскій главнокомандующій, въ качествѣ начальника одной стороны на Императорскихъ маневрахъ, проявилъ себя блестяще настолько, что даже за границей прослылъ выдающимся генераломъ. Но когда пробилъ часъ серьезнаго испытанія, когда потребовалось принимать важныя рѣшенія, отъ которыхъ зависѣло благополучіе арміи и отечества,

тогда ген. Куропаткинъ и его помощники оказались обнаженными отъ своего мищурнаго блеска, и обнаружилось, что у нихъ ничего не было изъ того, что подлинный полководецъ долженъ таить въ сердцѣ.

Одинъ изъ важнѣйшихъ параграфовъ нашего устава говорить: „Во всѣхъ положеніяхъ, не исключая и чрезвычайныхъ, офицеръ долженъ цѣликомъ отдать себя дѣлу, не опасаясь послѣдствій. Начальники обязаны пробуждать и поддерживать такое стремленіе у своихъ подчиненныхъ“. Но какимъ образомъ слѣдуетъ пробуждать эту готовность къ отвѣтственности и самопожертвованію, — какъ научить служить дѣлу всей душой, т. е. создать у подчиненныхъ тѣ свойства, которыя совершенно отсутствовали у русскихъ начальниковъ, влѣдствіе чего они и вели свои войска отъ пораженія къ пораженію? Уставы наши не указываютъ соотвѣтствующихъ путей для достиженія этихъ цѣлей. Однако и имѣющіяся въ разныхъ мѣстахъ указанія по этому вопросу не всегда соблюдаются. По правдѣ сказать, мы должны признать, что сердцемъ мы мало склонны идти навстрѣчу этой главной военной добродѣтели.

Подобно тому, какъ нравственный духъ войскъ, такъ и рѣшительность и готовность къ отвѣтственности со стороны начальниковъ могутъ произрастать только на почвѣ любви къ службѣ. Какъ говорится въ уставѣ полевой службы всѣ начальники должны обратить вниманіе на то, чтобы поддерживать у подчиненныхъ любовь къ дѣлу. Это наилучшій залогъ для успѣшности работы. Любовь къ службѣ — это прекрасное понятіе, обнимающее въ себѣ все, что представляется идеальнымъ настоящему воину. И все же, какъ часто грѣшатъ противъ этой добродѣтели! Какъ часто мы встрѣчаемъ начальниковъ, которые иногда, при наилучшихъ побужденіяхъ быть полезными руководителями, все же настолько ограничиваютъ своихъ помощниковъ въ выборѣ средствъ въ дѣлѣ обученія войскъ, — пытаясь указать имъ каждый шагъ, критиковать каждое приказаніе, — что способны только задушить и убить всякую любовь къ дѣлу. Старый Драгомировъ выразился, однажды, очень правильно: „Батальонный командиръ не можетъ одновременно быть въ лицѣ четырехъ ротныхъ командировъ, точно

также и командиръ полка не можетъ одновременно замѣнить собою трехъ батальонныхъ командировъ“. Тѣ начальники, которые изъ служебнаго рвенія вмѣшиваются въ дѣло своихъ подчиненныхъ, не знаютъ, какой вредъ они приносятъ этимъ дѣлу, забывая, что поддержаніе любви къ службѣ представляетъ собою гораздо болѣе серьезную и важную цѣль, достиженію которой можетъ только вредить постоянное вмѣшательство начальника въ видахъ исправленія воображаемыхъ ошибокъ подчиненныхъ. А тамъ, гдѣ любовь къ службѣ придушена, тамъ не можетъ развиваться самостоятельность дѣйствій и готовность къ отвѣтственности.

Другіе начальники видятъ себя обязанными громить подчиненныхъ съ высоты своего величія, не считая даже необходимымъ интересоваться мотивами дѣйствій своихъ подчиненныхъ. Но какъ же офицеру отдать себя цѣликомъ службѣ „во всѣхъ положеніяхъ, не исключая и чрезвычайныхъ, безъ всякой боязни послѣдствій“, если и при обыденномъ положеніи т. е. во время мирныхъ упражненій или смотровъ, онъ обязательно долженъ помнить, что въ случаѣ неглижированія взглядами высшаго начальника онъ можетъ быть нравственно уничтоженъ и ему даже не дадутъ возможности оправдаться. Никто не станетъ отрицать, что есть начальники, которыхъ подчиненные встрѣчаютъ не съ довѣріемъ, а только съ боязнью. Подобные начальники пренебрегаютъ своей важнѣйшей обязанностью, заключающейся въ томъ, что они должны пробуждать и требовать отъ своихъ подчиненныхъ самоотверженнаго служенія дѣлу.

Полк. Мартыновъ при описаніи сраженія подъ Вафангоу, говоритъ объ одномъ генералѣ: „Онъ былъ храбръ въ бою, но очень боялся начальства“. Эта боязнь помѣшала ему принять рѣшеніе, связанное съ отвѣтственностью, и обстоятельство это послужило главной причиной пораженія подъ Вафангоу. О генералѣ Засуличѣ мы слышали, что онъ боялся „получить разность“, какъ бы онъ ни исполнилъ свою задачу, и онъ до такой степени боялся этого разноса, что, вообще, не могъ принять никакого рѣшенія и предпочелъ покинуть поле сраженія на Ялу.

А тамъ, гдѣ у высшихъ начальниковъ мы не видимъ доброжелательнаго, снисходительнаго отношенія къ подчиненнымъ, тамъ нѣтъ мѣста для развитія инициативы и воспитанія самостоятельности характера и готовности къ отвѣтственности. Эти послѣднія качества не столько зависятъ отъ условій стратегическихъ или тактическихъ, сколько отъ силы характера. Вспоминаю изъ пребыванія въ военной академіи, что при всякомъ тактическомъ положеніи, которое задавалось находившимся тамъ въ прикомандированіи турецкимъ офицерамъ у нихъ всегда наготовѣ былъ одинъ отвѣтъ: „Я атакую“. Понятіе объ инициативѣ было слѣдовательно принято и въ турецкой арміи, но когда наступилъ часъ осуществить это понятіе на полѣ сраженія, оказалось, что не хватаетъ фундамента, заключающагося въ чувствѣ патріотизма, въ силѣ характера и готовности къ отвѣтственности.

Инициатива, эта высшая добродѣтель полководца, можетъ проявиться на войнѣ только въ томъ случаѣ, если она надлежащимъ образомъ воспитана въ мирное время. Она будетъ развиваться и проявлять себя лишь тамъ, гдѣ низшимъ начальникамъ предоставлена самостоятельность дѣйствій въ определенныхъ предѣлахъ, гдѣ эти начальники признаются отвѣтственными за воспитаніе и обученіе вѣранныхъ имъ войскъ, гдѣ выборъ средствъ для достиженія цѣли возможно менѣе ограниченъ и гдѣ начальникъ сознаетъ, что въ немъ признаютъ личность, а не вѣчно двигающееся колесо машины. Инициатива будетъ процвѣтать лишь тамъ, гдѣ высшіе начальники будутъ признавать своей главной задачей пробуждать и поддерживать у своихъ подчиненныхъ любовь къ дѣлу, гдѣ взаимное отношеніе будетъ регулироваться доброжелательствомъ съ одной стороны и довѣріемъ съ другой. Только на такой почвѣ могутъ нарождаться начальники, готовые взять всегда что-нибудь на свою отвѣтственность, которые безъ всякихъ опасеній за послѣдствія готовы принять рѣшенія, въ результатъ которыхъ можетъ быть или побѣда или гибель. Вотъ такіе именно люди и нужны намъ въ будущую войну, если мы желаемъ выйти изъ этой войны съ честью.

Такимъ образомъ, уроки Русско-Японской войны не даютъ

намъ въ сущности ничего новаго, они только подкрѣпляютъ старыя истины, которыя легко забываются въ мирное время. Эти уроки напоминаютъ намъ, что важнѣйшимъ требованіемъ является рѣшительность дѣйствій, а не форма строя. Армія, пользующаяся довѣріемъ націи, работающая съ любовью къ дѣлу, офицеры которой воспитаны такъ, что во всѣхъ случаяхъ готовы безъ опасеній за послѣдствія принять на себя отвѣтственность и цѣликомъ отдать себя дѣлу,—такая армія и на войнѣ найдетъ въ себѣ достаточное число людей съ твердымъ характеромъ, которымъ не задумываясь можно будетъ довѣрить честь арміи и родины. Только то государство можетъ съ надеждой смотрѣть въ будущее, гдѣ совместно бьется сердце народа и сердце арміи, гдѣ нравственный духъ въ часъ испытанія можетъ увлечь за собою нерѣшительныхъ, гдѣ вожди проникнуты одной вѣчной истиной, что начало и конецъ военнаго дѣла заключаются въ одной слѣдующей истинѣ:

Для веденія войны требуется энергія, рѣшимость и твердая воля.

